

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ
И. Н. ПОЧЕКАЕВА

ВЛАСТИТЕЛЬНИЦЫ ЕВРАЗИИ

ИСТОРИЯ И МИФЫ
О ПРАВИТЕЛЬНИЦАХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ
ГОСУДАРСТВ XIII-XIX ВВ.

ЕВРАЗИЯ

Р. Ю. ПОЧЕКАЕВ, И. Н. ПОЧЕКАЕВА

ВЛАСТИТЕЛЬНИЦЫ ЕВРАЗИИ

ИСТОРИЯ И МИФЫ О ПРАВИТЕЛЬНИЦАХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВ XIII–XIX ВВ.

Санкт-Петербург
2012

ББК 63.3(0)43
УДК 94(47).031
П 65

Почекаев Р. Ю. и Почекаева И. Н.

Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. — СПб., ЕВРАЗИЯ, 2012. — 384 с.

ISBN 978-5-91852-056-7

Ханши и регентши, жены и дочери правителей играли важную роль в политической жизни многих государств, в которых правили потомки Чингис-хана, — Монгольской империи, Золотой Орде, Казанском и Крымском ханствах, государствах Ирана и Средней Азии — на протяжении многих столетий. Наиболее ярким из этих правительниц посвящена настоящая книга. В двадцати пяти очерках представлены биографии правительниц тюркских и монгольских государств XIII–XIX вв.: от Борте, супруги Чингис-хана, и его невесток Туракины и Сорхактани до правительниц последних «степных империй» — калмыцкой ханши Джан, казахской ханши Айганым, поэтессы Надиры, стоявшей во главе Кокандского ханства. Авторы предпринимают попытку анализа причин и последствий прихода женщин к вершинам власти в тюрко-монгольских государствах, прослеживают судьбы женщин, которые осмелились вступить в борьбу за власть в «мужском» мире. Особое внимание уделяется правовому статусу представительниц правящих семейств тюрко-монгольских (чингизидских) государств, их личному статусу и материальному положению.

Биографические очерки, написанные с привлечением широкого круга источников и исследований, но достаточно простым языком, могут быть интересны как для специалистов по истории Евразии, так и для любителей истории.

© Почекаев Р. Ю., Почекаева И. Н., текст, 2012

© Лосев П. П., дизайн обложки, 2012

ISBN 978-5-91852-056-7 © Оформление, ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ
ЖЕНАМ И ДЕТЯМ НАШИМ

Посвящаем эту книгу
нашим мамам —
Валентине Сергеевне Почекаевой
и Ниониле Семеновне Матвеевой

ПРЕДИСЛОВИЕ. ЖЕНСКИЙ ЛИК ВЛАСТИ

Образ женщин во власти во все времена привлекал внимание историков. Монархини и регентши, временщицы и фаворитки неоднократно становились героинями биографических исследований. Особенно хорошо известны примеры европейских правительниц, которые могли наравне с мужчинами защищать свои интересы и бороться за власть, нередко одерживая убедительные победы. В истории известны имена британской правительницы Боудики, успешно противостоявшей римскому вторжению в I в. н. э., франкских королей Фредегонды и Брунгильды, стоявших у власти почти всю вторую половину VI столетия, византийских императриц Феодоры (супруги Юстиниана Великого) и Ирины, знаменитой английской «королевы-девственницы» Елизаветы I Тюдор, российских императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины II и многих других, не говоря о том, что и сегодня троны ряда европейских государств (Великобритания, Дания, Нидерланды) также занимают женщины.

Не меньший интерес привлекают и властительницы Востока — вероятно, в первую очередь потому, что в обществе сложился стереотип о восточной женщине как существе бесправном и полностью находящемся во власти мужчины. Соответственно, приход к власти женщины в странах Востока представлялся явлением экстраординарным, и уже поэтому такие правительницы заслуживали внимания. Сведения о некоторых из них являются полуполюгендарными — например, о египетских женщинах-фараонах Нитокрис и Хатшепсут или ассирийской царице-регентше Шаммурамат (Семирамиде). Другие правительницы, несмотря на то что и о них складывались многочисленные легенды и исторические мифы, были вполне реальны. Среди них — египетская правительница Клеопатра, подчинившая своей власти Цезаря и Марка Антония;

царица Пальмиры (в Малой Азии) Зенобия, несколько лет успешно боровшаяся с Римом в 270-е гг. н. э. и даже сама претендовавшая на императорский титул; китайская императрица У Цзэтянь, властвовавшая над империей Тан едва ли не полстолетия в VIII в. н. э.; Разийя-хатун в Делийском султанате и Шаджаррат ад-Дурр в Египте, носившие титулы султанов в первой половине — середине XIII в., султанши Роксолана (супруга Сулеймана I Великолепного) и Баффо (супруга его внука Мурада III), во многом определявшие политику Османской империи в XVI в.; еще одна китайская императрица — страшная Цыси, находившаяся у власти в империи Цин с 1874 по 1908 гг., чье правление во многом способствовало падению в Китае императорской власти, последовавшему в 1911 г. Можно привести немало и других примеров.¹

Несмотря на столь многочисленные примеры, приход к власти женщин в государствах Древнего Востока, мусульманского мира или Дальнего Востока представляется скорее исключением, вызванным чрезвычайными обстоятельствами (кризис власти, пресечение династии и т. д.). Совершенно иная ситуация складывалась в тюрко-монгольских государствах — империи Чингис-хана и многочисленных государствах, возникших после ее распада (последние из государств, возглавлявшихся потомками Чингис-хана и их правопреемниками, Бухарское и Хивинское ханства, просуществовали до 1920 г.). Права женщин в тюрко-монгольском обществе были неизмеримо шире, чем в современных ему странах Запада и Востока: ханские жены обладали собственным имуществом, распоржались им, а представительницы правящих семейств на законном основании участвовали в курултаях (съездах знати), в принятии важных государственных решений. Нередко супруги ханов становились правительницами в период между смертью их мужа и избранием нового монарха. Жены и дочери правителей обладали собственными крупными владениями, имели собственные войска и оказывали значительное влияние на политические дела, занимались благотворительностью и покровительствовали деятелям искусства.

В настоящей книге представлены очерки о правительницах различных государств Евразии — от степей Монголии до берегов Волги, с конца XII до середины XIX вв. Мы решили сгруппировать очерки по «территориально-хронологическому» принципу, т. е. представить очерки о правительницах того или иного региона в хронологической последовательности. Как можно будет увидеть, роль и значение героинь разных очерков в истории было

различным. Одни из них были эффективными правительницами, другие — отважными воительницами, третьи оставили свой след в искусстве и литературе; одни были соратницами своих мужей, другие сами управляли государствами и т. д. Объединяет всех героинь очерков то, что они имели определенное влияние на политическую жизнь тюрко-монгольских государств.

Первая часть книги посвящена правительницам Монголии — от Монгольской империи XIII в. до Монгольского ханства рубежа XV–XVI вв. Героинями очерков стали Борте — главная супруга и соратница Чингис-хана; Туракина, жена Угедэя (третьего сына Чингис-хана и Борте, ставшего преемником своего отца), возглавившая империю после смерти мужа; Огул-Гаймиш — супруга Гуюка, сына Угедэя и Туракины, как и ее свекровь, вставшая во главе империи после смерти супруга; Сорхактани — жена Тулуя, четвертого сына Чингис-хана, мать трех монгольских ханов и основателя государства ильханов в Иране; Чаби — главная супруга Хубилая, основателя монгольской династии Юань в Китае; наконец, Мандухай — супруга двух монгольских ханов, благодаря которой Монгольское ханство сохранило свое существование в период глубочайшего кризиса.

Во второй части книги содержатся очерки о правительницах Ирана и Средней Азии XIII–XIX вв., среди которых Эргэнэ, первая правительница Чагатайского улуса; Хутулун — «дева-богатырке», чьи подвиги легли в основу многочисленных легенд в Центральной Азии и даже Китае; Сатибек — единственная женщина в государстве ильханов, официально носившая ханский титул; Гаухаршад — супруга Шахруха (младшего сына великого Тамерлана), который только благодаря ей смог собрать империю отца под своей властью; Ханзаде — сестра знаменитого государя-поэта Бабура (основателя империи Великих Моголов) и супруга не менее знаменитого узбекского государя-поэта Мухаммада Шайбани-хана, ставшая «разменной монетой» в отношениях ее брата и будущего мужа; Михр-Султан — невестка Шайбани-хана, которая благодаря своей энергии сумела заставить считаться с собой и своим сыном своих родичей султанов-Шайбанидов и даже иностранных государей; Махлар-айим — правительница, в течение 20 лет фактически стоявшая во главе Кокандского ханства, но впоследствии более известная как поэтесса Надира.

В третью часть книги вошли очерки о правительницах Золотой Орды XIII–XV вв. Их героини: Боракчин — супруга знаменитого Батыя, несколько лет управлявшая государством после смерти

мужа; Джиджек — супруга золотоордынских правителя Берке и первого хана Менгу-Тимура, продолжавшая сохранять влияние даже десятилетия спустя после смерти обоих своих мужей; Яйлак — супруга и сподвижница знаменитого золотоордынского временщика Ногая; Тайдула — жена, мать и бабка ханов, при которых она в течение сорока лет играла важную роль в политике Золотой Орды; Тулунбек — супруга еще одного знаменитого временщика Мамай, который сумел посадить ее на трон с ханским титулом; Джаныке — дочь хана Токтамыша, о которой в Крыму до сих пор сохранились легенды и предания.

Наконец, в четвертой части книги представлены очерки о правительницах постордынских государств XV–XIX вв. Это Нур-Султан, старшая супруга трех ханов — двух казанских и одного крымского, игравшая важную роль в судьбе обоих ханств; Гаухаршад — ханская дочь, ставшая регентшей Казанского ханства; Суюн-бике — супруга трех казанских ханов и регентша при четвертом, своем собственном сыне, ее имя также окружено множеством легенд; Фатима-Султан — последняя правительница маленького Касимовского ханства, удельного государства в составе Московского царства; калмыцкая ханша Джан, боровшаяся за то, чтобы власть в ханстве сохранилась за ее потомками; наконец, Айганым — казахская ханша, обладавшая значительным влиянием в Казахстане эпохи уже русского господства, бабка знаменитого ученого Чокана Валиханова.

Таким образом, в книгу вошло двадцать пять очерков о правительницах самых разных тюрко-монгольских государств Евразии XIII–XIX вв. — как из рода Чингис-хана, так и не относившихся к нему (тимуридская, кокандская, калмыцкая правительницы). Да и многие властительницы государств Чингизидов по происхождению в большинстве сами не принадлежали к роду Чингис-хана: из числа его потомков были только Сатибек, Тулунбек, Джаныке, Михр-Султан и Гаухаршад (казанская), остальные же вошли в ханское семейство, выйдя замуж за правителей-Чингизидов, что, как оказалось, никак не повлияло на их статус и могущество в качестве правительниц.

Многие героини очерков, вошедших в настоящую книгу, уже привлекали внимание исследователей, им уже посвящались отдельные работы (научные исследования и научно-популярные статьи), причем некоторым — даже неоднократно. Так, о роли Туракины и Огул-Гаймиш писал В. В. Ушницкий,² в статьях В. Маглинова дана краткая характеристика деятельности Туракины,

Огул-Гаймиш и Сорхактани,³ Туракине посвящено два исследования И. де Рахевилца,⁴ отдельный очерк об Огул-Гаймиш вошел в книгу К. Уолдгера,⁵ Ф. В. Кливз посвятил исследование Чаби.⁶ Несколько статей — о Туракине, Огул-Гаймиш, Боракчин, Сатибек и Мандухай — вошли в биографический словарь Г. Джексон, посвященный правительницам мира.⁷ Наиболее значительным на сегодняшний день исследованием о монгольских средневековых правительницах из рода Чингис-хана, несомненно, является книга Д. Уэзерфорда, в которой подробно, с привлечением многочисленных источников, рассматривается роль в истории Монгольской империи и позднесредневекового Монгольского ханства целого ряда правительниц — Туракины, Огул-Гаймиш, Сорхактани, Мандухай.⁸

Несколько работ посвящено также и правительницам Средней Азии из рода Чингис-хана. Хутулун стала героиней очерков Т. И. Султанова и Д. Уэзерфорда.⁹ Один из очерков в книге Б. Учок посвящен Сатибек.¹⁰ Отдельная статья о жизни и деятельности Михр-Султан вошла в исследование Р. Г. Мукминовой.¹¹ Наконец, в сборнике стихотворений Надиры представлен в качестве введения также небольшой биографический очерк об этой правительнице.¹²

Из чингизидских правительниц золотоордынского времени, кажется, только Джаныке стала героиней самостоятельного очерка О. Гайворонского¹³ — вероятно, не столько из-за своей политической роли, сколько в связи с тем, что ее имя уже в Средневековье оказалось окружено многочисленными легендами, порой, как мы увидим, не только не имевшими ничего общего с исторической реальностью, но и противоречащими ей.

Личности правительниц постордынских государств привлекали внимание исследователей несравненно чаще. Казанская и крымская ханша Нур-Султан стала героиней очерков М. Н. Бережкова и Г. Абдуллаевой.¹⁴ Жизнь и деятельность Суюн-бике, а также и легенды о ней — отражены в работах Х. Атласи, Б. Учок, Г. Н. Моисеевой, А. В. Белякова и М. В. Моисеева.¹⁵ Касимовской Фатиме-Султан посвятили очерки В. В. Вельяминов-Зернов и Б. Учок.¹⁶ Наконец, калмыцкой ханше Джан посвящены исследование И. В. Торопицына и публицистические статьи Н. В. Ипполитовой и Л. Илишкина.¹⁷

Стоит оговориться, что мы ограничились упоминанием только тех работ, которые были непосредственно посвящены властительницам Евразии, ставшим героинями и наших очерков. Естественно, работ, в которых имеются дополнительные сведения о них,

намного больше, и в дальнейшем мы будем постоянно обращаться к ним. Поэтому в нашу задачу входит не только создать политические портреты тех или иных правительниц, но также проанализировать и систематизировать сведения о них в источниках и ранее написанных исследованиях, выявить общие закономерности в положении правительниц, сравнить статус и судьбы правительниц в разное время и в разных странах. Фактически мы ставим перед собой задачу создать общее представление о роли женщин в политической жизни тюрко-монгольских государств — империи Чингис-хана и ее преемников в эпоху Средневековья, проследить эволюцию статуса представительниц правящих семейств в тюрко-монгольском мире. Для решения этой задачи были привлечены многочисленные источники: летописи и исторические сочинения, свидетельства современников и официальные документы — а также широкий круг исследований, начиная с середины XIX в. и до 2010–2012 гг. При этом мы старались по мере своих возможностей сделать очерки, предлагаемые вниманию читателей, как можно менее «научными», доступными для прочтения и понимания даже тем, кто не является специалистами, а лишь интересуется далеким прошлым, историей Востока и историей развития правового положения женщин в разные времена и в разных странах.

Санкт-Петербург, 2009–2012

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ, ДИНАСТИЯ ЮАНЬ В КИТАЕ, МОНГОЛЬСКОЕ ХАНСТВО (КОНЕЦ XII – НАЧАЛО XVI ВВ.)

ОЧЕРК ПЕРВЫЙ. БОРТЕ — РОДОНАЧАЛЬНИЦА ЧИНГИЗИДОВ (1154/1161 — ПОСЛЕ 1235, МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ)

На протяжении многих лет судьбу Чингис-хана со всеми его взлетами и падениями, успехами и неудачами разделяла его главная жена — Борте-уджин (Борте-хатун).¹⁸ Именно она стала родоначальницей всех правителей тюрко-монгольских государств, которые пошли от четырех ее сыновей — ханов Монголии и Китая, Средней Азии, Золотой Орды и постордынских государств.

I

Борте была дочерью Дай-сэчена, одного из нойонов¹⁹ племени кунграт, и родилась на год раньше своего будущего супруга Чингис-хана. Поскольку рождение последнего датируется в разных источниках то 1155, то 1162 г., соответственно, датой рождения Борте является либо 1154, либо 1161 г. Согласно средневековым монгольским источникам, Чингис-хан и Борте стали мужем и женой именно благодаря мудрости Дай-сэчена («сэчен» по-монгольски и означает «мудрый»), его способности видеть будущее.

Когда Чингис-хану, который тогда звался просто Тэмуджином, исполнилось девять лет, его отец, Есугай-багатур из племени кият-борджигин, решил найти сыну невесту, и они отправились в кочевья племени олхонут, из которого происходила Оэлун — жена Есугая и мать Тэмуджина. Однако по дороге они остановились в стойбище Дай-сэчена, разговорились с ним и рассказали, что ищут Тэмуджину супругу. Дай-сэчен заявил, что ему накануне приснился белый сокол, зажавший в когтях солнце и луну. Сокол (или крик) считался духом-хранителем рода киятов, и приезд Есугая с Тэмуджином кунгратский предводитель расценил как знак того, что этому роду суждено возвыситься. Мудрый отец Борте ничего не имел против того, чтобы возвыситься вместе

с ним, и предложил в жены юному Тэмуджину свою дочь. Когда будущий основатель империи увидел свою нареченную, «запала она ему в душу». Есугай-багатур и Дай-сэчен договорились о женитьбе своих детей, после чего отец Тэмуджина по старинному монгольскому правовому обычаю оставил сына у будущего тестя «в зятях-женихах».²⁰

Такую версию знакомства и обручения Чингис-хана и Борте содержит «Сокровенное сказание» — историческая хроника средневековых монголов, составленная, как принято считать, в 1240 г. (хотя из дошедших до нашего времени самым ранним ее вариантом является китайский перевод XVIII в.). Последующие монгольские исторические сочинения большей частью повторяют сведения «Сокровенного сказания».²¹

Примечательно, что эта версия не вошла в официальную имперскую историографию, создававшуюся при дворе потомков Чингис-хана и Борте. Так, ни Ата-Малик Джувейни, писавший свою историю по поручению монгольского хана Мунке и его брата Хулагу (внуков Чингис-хана и Борте) в середине XIII в., ни Рашид ад-Дин, под руководством которого при дворе ильхана Газана (правнука Хулагу) на рубеже XIII–XIV вв. была составлена первая всемирная история, ничего не упоминают о знамениях, сопровождавших знакомство Чингис-хана и Борте, просто отмечая сам факт их женитьбы и долгой совместной жизни.

Американский монголовед Д. Уэзерфорд утверждает, что Чингис-хан и Борте женились по любви — в отличие от большинства браков их потомков.²² Вряд ли это было так: уже из монгольской средневековой версии их знакомства и обручения видно, что их брак был обговорен отцами юных жениха и невесты, согласием которых родители не очень интересовались. Брак юного представителя рода Кият-Борджигин и девушки из рода кунграт был предопределен тем, что между монгольским ханским родом и племенем кунграт и ранее существовали брачные связи. В «Сокровенном сказании» Дай-сэчен сам говорит об этой давней традиции:

Мы, Унгиратское племя,
С древних времен знамениты
Красою и статностью дев от жены-унгиратки.
Брани не любим, но дев своих милых
К вашим ханам в подруги везем.
В одноколку казачью верблюдов вороной
Запряжен, и рысью пустили его...

К вам на царское место усадим ее.
Браней не ищем мы. Только,
Вырастив славных девиц,
В крытый возок уместим,
С сивым верблюдом в упряжке...
Замуж проводим. К вам на высокое место
Дорогой половиной усадим»²³

Не случайно кунгратский предводитель, приветствуя Есугай-багатура, обратился к нему «сват Есугай».²⁴ Таким образом, можно сделать вывод, что выбор жены будущему Чингис-хану среди кунгратов стал данью традиции, и о браке по любви говорить, в общем-то, не приходится. В официальной придворной историографии потомков Чингис-хана возникновение традиции, в соответствии с которой представители ханского рода женились на кунгратках, почему-то связывается с Чингис-ханом: согласно «Юань ши», китайской династийной истории XIV в., Чингис-хан издал указ о том, что его потомки из поколения в поколение будут жениться на дочерях племени кунграт, а своих дочерей отдавать за юношей-кунгратов.²⁵ Рашид ад-Дин также сообщает, что «большинство их (нойонов племени кунграт — Р. П., И. П.) и их детей брали девушек из рода Чингиз-хана, а в его (род) давали [своих]».²⁶ Несомненно, появление таких сведений связано с тем, что потомки Чингис-хана старались представить своего родоначальника как создателя и государства, и политико-правовых традиций империи.²⁷ Однако, как видно из вышеприведенного фрагмента «Сокровенного сказания», брачные связи между кунгратами и правящим монгольским родом кият-борджигин были установлены задолго до образования империи и создания Чингис-ханом его законов.²⁸

На наш взгляд, вряд ли можно говорить о браке Чингис-хана и Борте по любви, поскольку у Тэмуджина не было даже возможности хорошо узнать свою невесту после обручения. Как уже говорилось, он должен был остаться в семействе Дай-сэчена на несколько лет (именно для того, чтобы получше познакомиться с будущей женой и ее семейством), но обстоятельства сложились так, что ему буквально через несколько дней пришлось отправляться домой. Его отец Есугай, возвращаясь от кунгратов, был отравлен представителями враждебного ему племени татар и скончался сразу по приезде домой, и Тэмуджину, как старшему сыну и наследнику, надлежало срочно вернуться домой, чтобы вступить в управление отцовскими владениями. Мунлик, приближенный Есугая, приехал к Дай-сэчену

и забрал Тэмуджина домой.²⁹ Следующая встреча будущего Чингис-хана и Борте состоялась только через десять лет.

II

В монгольской историографии весьма подробно описываются тяготы и невзгоды, постигшие семейство Есугая-багатура после его смерти: и предательство его нукеров, и посягательства других членов ханского рода на его владения и имущество, и преследование Тэмуджина влиятельными родственниками, стремившимися избавиться от юного, но энергичного потомка монгольских ханов, и убийство Тэмуджином своего сводного брата-соперника Бектэра, и пребывание его в течение нескольких лет в стойбище своего дальнего родственника, тайчиутского вождя Таргутая-Кирилтуха, практически на положении раба. Все эти обстоятельства неоднократно описывались и изучались историками, поэтому мы не будем на них останавливаться.

Для нас важно, что по прошествии примерно десяти лет, т. е. когда Тэмуджину было примерно восемнадцать или девятнадцать лет, он сумел освободиться и даже стал обладателем некоторого имущества (юрты, скота и пр.), предводителем немногочисленных, но преданных ему нукеров и стал подумывать о женитьбе. Естественно, он не забывал о своей нареченной невесте Борте и в один прекрасный день вместе со своим братом Белгутэем отправился в стойбище Дай-сэчена, чтобы напомнить ему давнее обещание, данное кунгратским нойоном Есугай-багатуру.³⁰

Согласно монгольской историографической традиции, Дай-сэчен очень обрадовался приезду своего зятя и немедленно распорядился сыграть свадьбу, богато одарив и свою дочь, и ее мужа.³¹ Однако придворные историки Чингизидов описывают встречу Тэмуджина с будущим тестем иначе: они сообщают, что, когда Чингис-хан «в пору своей молодости» сватал Борте, ее отец «чинил [этому] много затруднений».³² И, кажется, есть основания доверять их сведениям: когда Есугай сватал дочь Дай-сэчена за своего сына, Тэмуджин был сыном и наследником самого могущественного предводителя монголов: Есугай был внуком Хабула, первого монгольского хана, и, по некоторым сведениям, сам являлся весьма вероятным претендентом на ханский трон. Теперь же к кунгратскому вождю явился практически нищий скиталец и беглец и требовал выполнить давнее обещание! К тому же миролюбивый кунгратский вождь (как мы помним, Дай-сэчен и сам признавал,

что кунграты «не любят брани») опасался могущественных врагов Тэмуджина, о чем прямо и заявил своему уже не столь желанному нареченному зятю: «Зная, как ненавидят тебя старшие и младшие тайджиуты, я очень горевал и отчаивался».³³ Словом, нойон, по всей видимости, был полон решимости отменить помолвку Борте и Тэмуджина.

Однако, как сообщают те же придворные историки Чингизидов, Тэмуджин состоял в дружбе с Алчу (Ильчи) — сыном Дай-сэчена и братом Борте, который и настоял на том, чтобы отец выполнил обещание и поженил дочь с сыном Есугая-багатура.³⁴ Чингис-хан умел быть благодарным: он объявил, что прежняя традиция, в соответствии с которой представители монгольского ханского рода брали в жены кунграток, отныне становится законом — что, вероятно, и нашло отражение в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина и китайской династийной истории «Юань ши»). В дальнейшем дочери кунгратских нойонов являлись старшими женами многих Чингизидов. В Монгольской империи, созданной Чингис-ханом, представители рода Дай-сэчена и Алчи-нойона пользовались большим уважением: «Их ранг [мансаб] был таков, что они сиживали выше сыновей [Чингиза] и все были эмирами левого крыла», потому что кунгратских нойонов неоднократно сочетались браками с дочерьми ханов из рода Чингис-хана.³⁵

Дай-сэчен, впрочем, несмотря на то что ему пришлось выполнить обещание и отдать дочь в жены Тэмуджину, не выказал по этому поводу большой радости, не проявил он и надлежащего гостеприимства. Когда Тэмуджин собрался вместе с Борте в свое кочевье, родители молодой жены по обычаю должны были сопровождать дочь, однако Дай-сэчен лишь немного проехал с новобрачными до берегов реки Керулен, после чего, ссылаясь на жару и собственную тучность, вернулся домой. Только его жена Цотон, мать Борте, сопровождала молодую чету до самого их дома.³⁶

Не в пример своему кичливому отцу, Борте оказалась весьма покладистой супругой и в течение всей жизни поддерживала своего супруга, помогая ему по мере своих сил и возможностей. Монгольские исторические сочинения содержат весьма показательный пример, подтверждающий ее преданность Чингис-хану. В состав ее приданого входила роскошная шуба (доха) из черно-бурых лисиц, мех которых очень ценился: эта шуба стала шидкулем — подношением Борте и ее матери в дар матери мужа, Оэлун. Тэмуджин вскоре после женитьбы подумывал прибегнуть к покровительству Тогрула, хана могущественного племени керейтов, являвшегося

в свое время андой (побратимом) Есугая-багатура. А чтобы визит к нему не выглядел приездом «бедного родственника», Тэмуджин решил преподнести ему в подарок эту шубу. Надо сказать, что, согласно монгольским правовым обычаям, женщины обладали собственным имуществом, которым могли полностью распоряжаться,³⁷ и Оэлун вместе с Борте имели полное право отказать Тэмуджину и сохранить шубу в семье. Однако они признали, что такое роскошное одеяние может послужить интересам всего рода, и согласились отдать ее Тэмуджину, который и преподнес роскошный подарок Тогрулу. Согласно монгольским историческим сочинениям, реакция кераитского хана превзошла все ожидания будущего Чингис-хана: в благодарность за столь щедрый дар он не только принял Тэмуджина под свое покровительство, но и оказал ему значительную поддержку в возвращении прежних владений и подданных его отца Есугая-багатура.³⁸

III

Испытания, которые выпали на долю Тэмуджина в молодые годы, отнюдь не закончились после его женитьбы — напротив, теперь и его молодой жене предстояло делить с ним невзгоды. Вскоре после заключения союза с ханом Тогрулом на лагерь Тэмуджина напали давние враги монгольского ханского рода — племя меркитов. Надо сказать, что будущий Чингис-хан во время этого набега повел себя совсем не героически: он приказал своим братьям, матери и сестре, а также нукерам садиться на коней и мчаться в сторону горы Бурхан-Халдун. Борте же коня не досталось, и она отправилась в укрытие на повозке, запряженной быком, в сопровождении одной служанки и, конечно же, вскоре попала в плен к меркитам.³⁹

Л. Н. Гумилев попытался как-то оправдать действия Тэмуджина: дескать, он, думая, что на него напали его родственники-тайчиуты, решил, что они не тронут Борте, поскольку она происходила из нейтрального племени кунгратов. То, что это оказались меркиты, а не тайчиуты, явилось всего лишь досадным непредвиденным обстоятельством.⁴⁰ Подобное объяснение представляется несколько натянутым: во-первых, тогда не было бы нужды скрываться и Оэлун, матери Тэмуджина (поскольку она происходила из олхонутов — еще одного «нейтрального» племени); во-вторых, Борте вместе со служанкой все же пыталась скрыться; в-третьих, монгольские авторы прямо пишут, что для «Борте-уджин коня не хватило».⁴¹

Согласно средневековой монгольской историографии, набег меркитов на лагерь Тэмуджина стал меккой за то, что около двадцати лет назад его отец, Есугай-багатур, нанес обиду одному из меркитских вождей по имени Чиледу: он отнял у него невесту (это и была Оэлун, мать Тэмуджина, трех его братьев и сестры).⁴² Поэтому, узнав, что Борте — жена сына Есугая, они решили, что справедливо будет отдать жену сына Есугая в наложницы брату обиженного им Чиледу — Чильгиру. Думается, что на самом деле это был грабительский набег, вполне обычный среди монгольских племен того времени, а если нападавшие и вспомнили о делах двадцатилетней давности, то наверняка только тогда, когда узнали, кто попал к ним в плен.

Как бы то ни было, Борте недолго находилась в плену: вскоре Тэмуджин при помощи хана Тогрула, анды своего отца, и своего собственного анды Джамухи, предводителя рода джаджират совершил ответный набег на меркитов и освободил жену. Примечательно, что в то время как соратники Тэмуджина убивали меркитов и грабили их лагерь, сам он громко звал Борте, а когда она нашлась, заявил, что «нашел, что искал», и отказался от дальнейшего уничтожения меркитского племени.⁴³

Однако последствия плена давали о себе знать в течение всей последующей жизни Чингис-хана: его супруга вернулась из плена беременной и вскоре родила сына, которому дали многозначительное имя Джучи (по-монгольски — «гость»), после чего стали говорить, что он был сыном не Чингис-хана, а меркитского вождя Чильгира. Впрочем, сам Чингис-хан после рождения сына пресек эти слухи, заявив, что его жена попала в плен уже беременной. Надо полагать, что сроки пребывания Борте в плену, а затем и ее беременности позволяли ему сделать такое утверждение.

Сразу стоит отметить, что вопрос о происхождении Джучи практически не обсуждался самими членами семейства Чингизидов. Только однажды эта тема была затронута в присутствии самого Чингис-хана, о чем ярко повествует «Сокровенное сказание» примерно под 1218–1219 гг. (когда самому Джучи было уже около сорока лет). Перед походом против хорезмшаха Мухаммеда Чингис-хан собрал сыновей, чтобы объявить имя своего наследника и выслушать мнение сыновей, и «не успел Чжочи открыть рта, как его упредил Чаадай: “Ты повелеваешь первому говорить Джочию. Уж не хочешь ли ты этим сказать, что нарекаешь Джочию? Как можем мы повиноваться этому наследнику меркитского плена?” При этих словах Чжочи вскочил и, взяв Чаадаю за ворот,

говорит: “Родитель-государь еще пока не нарек тебя. Что же ты судишь меня? Какими заслугами отличаешься? Разве только одной лишь свирепостью ты превосходишь всех. Даю на отсечение свой большой палец, если только ты победишь меня даже в пустой стрельбе вверх. И не встать мне с места, если только ты повалишь меня, победив в борьбе. Но будет на то воля родителя и государя!” И Чжочи с Чаадаем ухватились за ворота, изготовясь к борьбе. Тут Боорчи берет за руку Чжочия, а Мухали — Чаадаю, и разнимают». ⁴⁴ Вполне возможно, что Чагатай «в состоянии аффекта» и в самом деле мог высказать вслух то, что прочие не осмеливались говорить открыто. Чингис-хан, поначалу, видимо, испытывавший шок от подобного поведения своего второго сына Чагатая, затем в весьма резких выражениях запретил раз и навсегда возвращаться к этой теме.

В отличие от монгольских авторов, персидские и тюркские историки XIV–XVII вв. уделили происхождению Джучи куда большее внимание — вероятно, из-за того что в монгольских государствах Центральной Азии уже в XIV в. сложился культ Чингис-хана, и только принадлежность к его роду по прямой мужской линии давала право на ханский титул. ⁴⁵ Поэтому придворные историографы Чингизидов всячески стремились подчеркнуть отсутствие оснований для подозрений по поводу происхождения Джучи.

Наиболее подробно официальная версия обстоятельств появления Джучи на свет приведена у Рашид ад-Дина: «В первые же годы деяний Чингиз-хана, когда на страницах листов эпохи еще не появилось следов его миродержавия, его жена, упомянутая Бортэ-фуджин, забеременела Джучи-ханом. В такое время род меркит, воспользовавшись удобным случаем, разграбил жилище Чингиз-хана и увел [в полон] его жену, которая была беременна. Хотя это племя до этого враждовало и спорило с Онг-ханом, государем [племени] кераит, но в то время между ними был мир, поэтому они отослали Бортэ-фуджин к Онг-хану. Так как последний с отцом Чингиз-хана были побратимами и Чингиз-хана [Онг-хан] называл сыном, то он почитал и уважал Бортэ-фуджин, содержал ее на положении молодой снохи и оберегал от посторонних взоров. Так как она была очень красивой и способной, то эмиры Онг-хана между собой говорили: „Почему Онг-хан не берет [себе] Бортэ-фуджин?“ Он ответил: „Она на положении молодой жены моего сына и находится у нас в безопасности; неблагородно смотреть на нее с коварными намерениями“. Когда Чингиз-хан об этом обстоятельстве узнал, он послал к Онг-хану с просьбой

вернуть обратно Бортэ-фуджин одного эмира по имени Саба, из числа ваг-уд'ов рода джелаир... Онг-хан, оказав ей внимание и заботу, отправил ее вместе с Саба. В пути неожиданно появился на свет сын, по этой причине его называли Джучи. Так как дорога была опасной и не было возможности остановиться, а соорудить колыбель трудно, Саба замесил немного мягкого теста, завернул в него ребенка и взял его в полу своей [одежды], чтобы его [ничто] не тревожило. Он вез его бережно и доставил к Чингиз-хану». ⁴⁶ Почти дословно повторяют эту историю бухарский историк конца XVI в. Хафиз-и Таныш Бухари и хивинский хан середины XVII в. Абу-л-Гази, сам являвшийся прямым потомком Джучи. Последний, писавший свою историю на основе сведений Рашид ад-Дина, добавил к ним объяснение выбора имени Джучи: «Чингиз-хан, увидев этого своего сына, сказал: „К нам благополучно прибыл новый гость!“ Монголы на своем языке гостя, в первый раз пришедшего, называют словом „джучи“. По такому обстоятельству дано этому сыну имя Джучи». ⁴⁷

Настоящей апологией Джучи является фрагмент «Родословия тюрков», составленного в XV в.: «Чагатай и Угетай постоянно клеветали Чингиз-хану в отношении происхождения Джучи так, как изложена эта великая клевета в историях чагатайских ученых. Однако все авторы справедливых, правильных и достоверных историй стоят на том, что продолжительность времени пленения Бурте-фуджин среди войска меркитов и кераитов, до прибытия в улус Чингизов, не достигает 4 месяцев. Также из большой любви Чингиз-хана к Джучи-хану, изложение которой было бы длинно, видно, что это чистая клевета, ибо, как бы ни был хорош ребенок, от жалости родного отца до (жалости) приемного расстояние будет как от земли до неба. И также ни одному умному (человеку) не покажется разумным, чтобы (кто-нибудь) любил сына другого человека больше, чем своих сыновей, в особенности же в деле царства. А авторы достоверных историй говорят, что по той причине, что жалость и милость Чингиз-хана по отношению к Джучи-хану была на грани гибели (?) и крайность любви переходила за рубеж умеренности (?), то из жадности и зависти Чагатай и Угетай на том упреке построили великую клевету; вследствие вышеизложенного, между Джучи и его братьями, то есть Чагатаем и Угетаем, не было искренности. И это подтверждается тем, что Чингиз-хан любил Джучи-хана больше, чем всех своих детей мужского и женского пола, так что ни у кого не было смелости в присутствии Чингиз-хана произнести имя Джучи-хана

с неодобрением». ⁴⁸ Вопрос происхождения Джучи привлекал внимание и исследователей: одни признают достоверными сообщения о происхождении Джучи от Чингис-хана, ⁴⁹ другие — от Чильгира. ⁵⁰ Ранее нам уже приходилось задаваться вопросом, какие же негативные последствия имели сомнения в происхождении Джучи для него самого и его многочисленного потомства, и было установлено, что никаких. ⁵¹

Что касается Борте, то ни Чингис-хан, ни его сыновья или приближенные, ни даже недоброжелатели ни разу не упрекнули ее насчет сомнения в происхождении ее первенца. Да и в самом деле, как можно было ее упрекнуть в том, что она попала в плен, будучи брошенной своим мужем, без боя бежавшим от врагов? ⁵² Ее плен, пребывание в наложницах у меркитского вождя, возвращение путем ответного набега Тэмуджина и его соратников — все это было вполне типичной ситуацией для того времени, когда женщины (включая и знатных, как видим) очень часто становились жертвами постоянных степных конфликтов и кровной мести представителей различных родов и племен. В связи с этим меркитский плен Борте никоим образом не изменил его отношения к ней, не умалил ее статуса, уважения, которое к ней питали как современники, так и последующие поколения Чингизидов и их подданных.

Интересно отметить, что, по некоторым сведениям, среди приверженцев Чингис-хана стали ходить слухи, будто бы Борте имела любовную связь с Хасаром — следующим по старшинству братом своего мужа. ⁵³ Однако и эти слухи Чингис-хан пресек самым решительным образом, не позволив им распространиться и причинить вред репутации его супруги. Поистине, «жена Цезаря вне подозрений»!

IV

Борте никогда не занимала трон Монгольской империи, не была соправительницей своего супруга: она лишь заботилась о своем супруге, пока он занимался государственными делами и вел свои бесконечные войны. Старшая супруга Чингис-хана вела хозяйство — сначала сама, затем контролируя действия своих многочисленных приближенных и слуг, — воспитывала многочисленных детей (у них с Чингис-ханом было четверо сыновей и пять дочерей ⁵⁴), а затем и еще большее количество внуков и внучек. Однако при случае Борте умела дать совет, позволяющий выйти из затруднительной ситуации, и некоторые такие советы приводили к весьма значительным политическим последствиям.

Как уже упоминалось, освободить Борте из плена помог Тэмуджину не только кераитский хан Тогрул, анда Есугея, но и Джамуха из племени джаджират — анда самого Чингис-хана. После разгрома меркитов побратимы некоторое время кочевали вместе, однако примерно год-полтора спустя (около 1182 г.) отношения между ними начали портиться. И однажды Джамуха, обсуждая планы дальнейших перекочевок, обронил странную фразу: «Ныне, если мы остановимся у горы, то пасущие коней достанут юрты; если подле потока, то пасущие овец и ягнят достанут пищи до горла».⁵⁵ Тэмуджин не понял, что имел в виду побратим, и решил обратиться за разъяснениями к своей матери Оэлун. Однако Борте, нарушив правила приличия, опередила свекровь, бросив в раздражении: «Про Чжамуху-аньду люди говорили, что он любит новое и презирает старое; теперь он наскучил нами. Не скрывается ли в словах его какого-нибудь умысла против нас? Мы не должны останавливаться; пойдем на ночь; лучше подобра-поздорову расстаться с ним».⁵⁶ Как видим, Борте не смогла (да, видимо, и не собиралась) разгадывать смысл фразы, брошенной Джамухой. Однако она весьма чутко уловила напряженность между побратимами и сказала, вероятно, то, что именно хотел услышать ее супруг для принятия решения о дальнейших действиях.

Что последовало затем, хорошо известно: после того как Тэмуджин покинул Джамуху, к нему стянулось большое количество родственников и других нойонов со своими подданными. Они провели курултай — всеобщий съезд, на котором Тэмуджин был избран ханом (пока еще без титула Чингис-хана). С Джамухой у новоизбранного хана вскоре началась скрытая вражда, затем перешедшая в открытую войну. В 1206 г. Джамуха, лишившийся всех своих владений и приверженцев, был захвачен Тэмуджином в плен и казнен, а вскоре сам Тэмуджин на великом курултае получил титул Чингис-хана. Таким образом, слова Борте сыграли роль своеобразного катализатора для возвышения Чингис-хана и падения Джамухи.

Уже после победы над своим побратимом, около 1208 г., Чингис-хану пришлось вступить в новый конфликт — на этот раз с одним из своих соратников, Кокчу, называвшим себя священным именем Тэб-Тэнгри («восходящий на небо»). Это был влиятельный в монгольских кочевьях шаман, пользовавшийся всеобщим уважением и умело подчинявший своему влиянию окружающих, апеллируя к тому, что Вечное Небо избрало его посредником между собой и людьми. Кроме того, он происходил из весьма

влиятельного рода хохотан: его отец Мунлик (тот самый, который некогда привез юного Тэмуджина домой после смерти отца) стал вторым супругом Оэлун, матери самого Чингис-хана, а шесть других сыновей Мунлика во всем помогали своему брату-шаману.

Поначалу Тэб-Тэнгри своими действиями помогал Тэмуджину, сплачивая народ вокруг него, переманивая к хану людей от его противников и т. д.⁵⁷ Однако после того, как вся Монгольская степь стала принадлежать Чингис-хану, шаман начал подумывать, что пора бы ограничить и власть самого хана — в свою пользу. При этом он действовал весьма умело: сначала поссорил Чингис-хана со следующим по старшинству братом Хасаром, заявив, что, согласно воле Неба, братьям суждено править улусом по очереди. Чингис-хан приказал арестовать брата и отпустил его только после вмешательства своей престарелой матери, и то — отобрав у него 2/3 его владений и людей (когда Оэлун узнала об этом, она от огорчения слегла и вскоре скончалась).⁵⁸

Тэб-Тэнгри тем временем продолжил плести интриги, переманивая к себе людей уже от самого Чингис-хана и его братьев, и вскоре у него стало не меньше нукеров, чем у хана. Младший брат Чингис-хана, Тэмугэ-отчигин, чьи люди также бежали к шаману, поехал к нему, требуя вернуть их, однако шаман весьма грубо отказал ханскому брату, а его братья, сыновья Мунлика, еще и оскорбили Тэмугэ, поколотив и заставив встать перед шаманом на колени и повиниться перед ним.⁵⁹ Тэмугэ побежал жаловаться венценосному брату, ворвался в юрту, где тот спал вместе с Борте, и со слезами рассказал о своем позоре. Однако хан, испытывавший все больший страх перед шаманом, не знал, что ему ответить. И тут Борте снова суждено было дать совет, который в значительной степени предопределил дальнейшую судьбу Чингис-хана и созданной им империи. Прикрыв обнаженную грудь одеялом, она села на постели и сказала: «Что это такое? Хуанхотан (хонхотанцы, т. е. Тэб-Тэнгри и его братья. — Р. П., И. П.) перед этим прибили Хасара, а теперь заставили Отчигиня стать на колена. Что это за порядок. Если они еще при жизни твоей губят твоих братьев, величественных, как кедры, то когда ты скончаешься, народ, похожий на взволнованную траву или на стадо птиц, подавно не захочет подчиняться твоим детям, малым и дурным», — после чего тоже заплакала.⁶⁰ Эти слова заставили Чингис-хана решиться поставить шамана на место. На следующий день он прилюдно сделал выговор шаману, Тэмугэ-отчигин выволок Тэб-Тэнгри из ханской юрты, а снаружи телохранители Чингис-хана набросились

на него и переломили ему хребет. Последствия этого деяния Чингис-хана оказались весьма значительны: во-первых, он избавился от весьма опасного соперника в политической сфере; во-вторых, хан, расправившись с шаманом, тем самым бросил вызов Вечному Небу, а оно никак не наказало его. В глазах подданных, таким образом, Чингис-хан стал носителем божественной харизмы, и теперь не имел нужды опираться на шаманов. Благодаря возросшему авторитету хана, его потомки унаследовали отцовскую харизму и в течение долгих веков только они имели право претендовать на ханский титул в большинстве государств Азии.

Если в случае с Джамухой Борте дала мужу совет, который он и надеялся услышать, для того чтобы повести себя соответственно, то в истории с Тэб-Тэнгри она повела себя куда более решительно и внушила хану совершить действия, на которые сам он, возможно, и не решился бы. Супруга Чингис-хана, таким образом, продемонстрировала неплохое знание психологии, вспомнив об интересах своих детей, — а ведь именно для своего потомства Чингис-хан строил свою империю! Соответственно, сделав ставку на страх, что потомки не унаследуют результатов его трудов, Борте и сумела подтолкнуть супруга к необходимым действиям.

Со временем у Чингис-хана появились многочисленные новые жены,⁶¹ с которыми он все чаще и чаще проводил свободное от государственных дел и походов время. Некоторые из них даже в какой-то мере оттесняли Борте на второй план. Так, перед походом на Среднюю Азию в 1219 г. уже не Борте, а другая супруга, татарка Есуй, позволила себе поднять вопрос о том, что Чингис-хан не вечен, а поход опасен, и следует выбрать наследника престола.⁶² В последние годы любимой женой Чингис-хана была меркитка Хулан, которая приобрела статус второй супруги после Борте, и хан даже объявил, что его сын от Хулан-хатун, Кулькан, по статусу будет равен четырем сыновьям от Борте, т. е. выше остальных детей Чингис-хана, его братьев и прочих членов рода кият-борджигин.⁶³

Именно Хулан сопровождала Чингис-хана в его последних походах. Борте же чаще всего оставалась в родных степях, фактически осуществляя управление личными владениями Чингис-хана.⁶⁴ Тем не менее нельзя сказать, что Чингис-хан совершенно охладел к своей главной супруге: он периодически навещал ее, приезжая к ней в ставку. В частности, после возвращения из похода на Хорезм в 1224 г. он расположился на отдых именно у нее, а не у кого-нибудь из младших жен.⁶⁵ Таким образом, несмотря на появление у Чингис-хана все новых жен, одни из которых были

красивы, другие — умны, третьи — родовиты (вплоть до дочерей разных китайских императоров), Борте оставалась старшей супругой хана, пользуясь его привязанностью, уважением и непрекаемым авторитетом.⁶⁶

V

Высокое звание главной супруги было бы для Борте пустым звуком, если бы не влекло соответствующего статуса — места в имперской иерархии, наличия земельных владений и собственных подданных и даже собственных вооруженных сил. В источниках Борте чаще всего фигурирует с титулом «хатун», т. е. ханша или «фуджин» (кит. «царевна»). В правление ее внука Хубилая, основателя империи Юань в Китае, в 1265 г. специальным указом ей были посмертно присвоены императорский титул и храмовое имя Гуань-сян, а позднее, при хане Буянту (правнук Хубилая) в 1309 г. — Гуань-сян-и-шэн, что можно примерно перевести как «императрица, заботившаяся об императоре и наставлявшая его».⁶⁷

По распоряжению Чингис-хана ей был выделен обширный удел на реке Керулен⁶⁸ — в бывших владениях татар, чье племя было разгромлено и едва ли не полностью уничтожено основателем Монгольской империи в отместку за прежнюю вражду с его предками.⁶⁹ Для управления этими землями Борте необходимо было большое количество придворных и просто слуг. Подробных сведений о количестве и составе слуг при ставке Борте не сохранилось — только отдельные упоминания. В частности, источники упоминают о существовании при ней должности «отведывателя ханских блюд»: эту должность занимал некий Илангиз из племени албат; его соплеменник Албакар являлся стольником ханши.⁷⁰ Порой даже слуги Борте делали неплохую карьеру — так, например, некий Бурэ, тангут по происхождению, захваченный Чингис-ханом в плен во время похода на тангутское государство Си Ся, начинал как повар у Борте, но затем возвысился и стал сотником личной охраны Чингис-хана. Высокий пост при орде (ставке) Борте занимал и Юраки (Бурке) из племени дурбан, который впоследствии также возвысился до звания сотника из личной тысячи Чингис-хана.⁷¹

Борте имела в своем распоряжении и собственных телохранителей, выполнявших, впрочем, в большей степени номинальную функцию: вряд ли владения Борте, расположенные в самом сердце Монгольской империи, могли стать объектом нападения. Две

сотни личных телохранителей Чингис-хана под командованием Ил-Тимура из племени сунит и Есун-Тувы из племени татар находились в распоряжении Борте-хатун.⁷²

Чингис-хан скончался в августе 1227 г., и Борте, оставшись в ранге вдовствующей ханши, формально унаследовала после супруга его гвардию. Согласно сообщению китайского дипломата Сюй Тина, побывавшего в Монгольской империи в 1235 г., Борте еще была жива, владела собственным уделом и даже имела в распоряжении войска Чингис-хана — по-видимому, речь идет именно о его корпусе телохранителей.⁷³ Впрочем, надо полагать, что возможность распоряжаться этими силами мало интересовала престарелую ханшу, которой в это время было уже за восемьдесят...

Как уже говорилось, у Чингис-хана и Борте родилось девять детей — четыре сына и пять дочерей. Все сыновья стали родоначальниками ханских династий, и именно их потомки носили ханский титул во многих государствах Евразии в XIII — начале XX вв. Так, потомки Джучи занимали троны Золотой Орды и постордынских государств (Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского, Казахского ханств). Потомки Чагатая правили в государствах Средней Азии; правда, в начале XVI в. западная часть владений Чагатаидов, Мавераннахр, была захвачена Джучидами, основавшими здесь Бухарское и Хивинское ханства. За Чагатаидами остался лишь Восточный Туркестан (Кашгария), где они правили до конца XVII в. Угедэй, третий сын Борте, унаследовал ханский титул от Чингис-хана, а его потомки создали государство на Памире, просуществовавшее до начала XIV в. Потомкам Тулуя достались Монголия (где они сохраняли власть до начала 1920-х гг.) и Китай, также в середине XIII — середине XIV вв. они правили Ираном.

Дочерям Борте предстояло стать гарантами союза Чингис-хана с могущественными родоплеменными вождями Великой степи. Борте, главной целью которой было содействие своему супругу во всех его делах, воспитала детей в такой традиции, поэтому безропотно соглашалась выдавать своих дочерей замуж за тех, кого им предназначал в супруги Чингис-хан.⁷⁴ Мужья ханских дочерей приобретали титул «гургана», т. е. ханского зятя, и занимали весьма высокое место в имперской иерархии, а затем и в иерархии отдельных государств Чингизидов. Старшая дочь, Ходжин-беки, должна была поначалу выйти замуж за внука кераитского хана Тогрула, но впоследствии Чингис-хан обратил оружие против своего прежнего покровителя и уничтожил его государство; поэтому Ходжин-беки была выдана за Буту, сына Накуна, предводителя

племени икирес. Следующая дочь, Чичиган, стала женой Торэлчи, сына Кутука-бэки из племени ойрат. Третья дочь, Алахай-беки, была выдана замуж за государя онгутов («белых татар»),⁷⁵ союз с которыми обеспечил Чингис-хану свободный проход в глубь Китая. Четвертая дочь, Тумалун, во исполнение закона Чингис-хана была выдана замуж за Гургэна,⁷⁶ сына правителя кунгратов. Наконец, пятая дочь, Алталун, была выдана замуж за Джаур-сэчена из племени олхонут, отец которого, Таджу-гурген, был братом Оэлун, матери Чингис-хана.⁷⁷

В последние годы жизни на долю Борте выпало немало печалей. В начале 1220-х гг. произошло охлаждение в отношениях Чингис-хана с его старшим сыном, и Джучи навсегда покинул Монголию, отправившись в свои новые владения в Дешт-и Кипчаке (Половецкой Степи). Весной 1227 г. Джучи скончался при невыясненных обстоятельствах, причем стали распространяться слухи, что он был отравлен по распоряжению Чингис-хана, заподозрившего сына в намерении поднять восстание и отделить свой улус от Монгольской империи.⁷⁸

Единственное, что смогла сделать Борте в таких условиях — это повлиять на выбор преемника Джучи. Улус Джучи возглавил его второй сын Бату, которого, вероятно, и поддержала главная супруга Чингис-хана. Дело в том, что матерью Бату была Укихатун, дочь Алчи-нойона из племени кунграт. А Алчи-нойон был сыном Дай-сэчена, т. е. приходился родным братом самой Борте, и Бату, следовательно, был одновременно и ее внуком, и ее внучатым племянником. Забегая вперед, можно сказать, что выбор Борте оказался весьма удачным: именно Бату оказался впоследствии подлинным основателем Золотой Орды и родоначальником ее первой ханской династии.⁷⁹

Назначение Бату преемником Джучи стало одним из последних решений Чингис-хана: он скончался в августе 1227 г. — через полгода после смерти своего первенца. Сама Борте, как мы уже отметили, надолго пережила своего супруга, скончавшись не ранее 1235 г.

Она осталась в памяти потомков как старшая и практически безупречная супруга основателя Монгольской империи и родоначальница всех Чингизидов, правивших в тюрко-монгольских государствах Евразии в XIII — начале XX вв. В исторических сочинениях, создававшихся при дворах потомков Чингис-хана и Борте, она фигурирует как пример для подражания, с ней сравниваются супруги других ханов и т. д.

Несмотря на все свое влияние и авторитет, Борте никогда не обладала формальной властью в государстве своего супруга, да и не стремилась к этому, а после его смерти была уже слишком стара, чтобы пытаться управлять делами обширной империи. Тем не менее в ее лице был положен прецедент, согласно которому супруги ханов получали большие возможности для участия в государственных делах, и уже Туракина, супруга следующего хана Угедэя, третьего сына Чингис-хана и Борте, позволяла себе не просто влиять на имперскую политику, но и официально возглавляла государство.

ОЧЕРК ВТОРОЙ.

ТУРАКИНА — НЕВЕСТКА ЧИНГИС-ХАНА (УМ. 1246, РЕГЕНТША МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ 1241—1246)

Итак, с самого начала существования Монгольской империи роль представительниц Золотого рода в государственных делах была весьма значительной. Не только героиня предыдущего очерка, Борте, но и мать Чингис-хана, Оэлун, и его другие жены, а также дочери и жены его потомков пользовались большим влиянием, участвовали в ханских советах, народных собраниях — курултаях и пр. Но именно Туракина, которая не принадлежала по крови к «Золотому роду»,⁸⁰ стала первой женщиной, в руках которой официально оказалась вся полнота власти в Монгольской империи после смерти ее мужа Угедэя — преемника Чингис-хана.

I

Вражда между Чингис-ханом и меркитами не завершилась после того, как он разгромил это племя в отместку за похищение им Борте. Война продолжалась еще много десятилетий, пока не завершилась почти поголовным истреблением этого племени в 1216 г. Однако до этого времени борьба велась с переменным успехом, и время от времени, казалось, враги готовы были прийти к мирному соглашению.

Так, один из меркитских нойонов по имени Тайр-Усун, участвовавший в свое время в похищении Борте, около 1204 г. решил подчиниться Чингис-хану и в залог своих мирных намерений отдал ему в жены свою дочь Хулан — она вскоре стала любимой женой основателя Монгольской империи и получила статус второй супруги после самой Борте. Однако вскоре Тайр-Усун вновь выступил против Чингис-хана, но потерпел поражение и был убит, почти все его подданные перебиты, а все имущество досталось хану. Одна из молодых жен Тайр-Усуна по имени Туракина (Дорегене) попала

в плен к монголам, ее привезли к Угедэю, третьему сыну Чингис-хана, «и он познал ее».⁸¹ Рашид ад-Дин весьма выразительно излагает обстоятельства, при которых Угедэй «познал» свою будущую супругу: «Передают, что, когда захватили братьев — Хачиуна, ... (имя пропущено — Р. П., И. П.) и Чилауна (имеются в виду меркитские предводители — Р. П., И. П.), — жен всех троих привели после набега и содержали одинаково. Угедей-каан сказал Чагатаю: "Пойдем возьмем их силой". Чагатай [это] не одобрил. Угедей надменно пошел, повалил и насильно взял Туракин-хатун. Чингиз-хан [это] одобрил (а двух остальных жен отдал другим людям)».⁸²

Год рождения Туракины неизвестен, она родилась, по видимому, на рубеже 1180–1190-х гг.: ее старший сын от Угедэя, Гуюк, родился в 1205 г., а до этого она уже успела, как видим, побывать замужем за меркитским нойоном Тайр-Усуном.

Впрочем, источники содержат противоречивые сведения о происхождении Туракины. В «Сокровенном сказании» она названа дочерью Худу, старшего сына меркитского вождя Тохто-беки — давнего противника Чингис-хана, несколько десятилетий противостоявшего ему и в конце концов погибшего в борьбе с ним.⁸³ Персидский историк начала XIV в. Рашид ад-Дин также утверждает, что Туракина была меркиткой.⁸⁴ Неизвестный автор генеалогического сочинения XV в. «Муизз ал-ансаб» сообщает, что Туракина происходила из рода ухат племени меркит.⁸⁵ Современные авторы вслед за средневековыми также называют Туракину меркиткой.⁸⁶

Однако в китайской династийной истории «Юань ши», составленной, как уже отмечалось, в 1369 г., Туракина фигурирует под именем-прозвищем Наймаджин, т. е. представительница племени найман.⁸⁷ И есть основания полагать, что эти сведения достоверны. Если Туракина была супругой Тайр-Усуна, то она вряд ли происходила из племени меркитов, поскольку монгольские родоплеменные вожди имели обыкновение жениться на представительницах других племен. Такой обычай, во-первых, снимал проблему появления неполноценного потомства от кровнородственных браков внутри одного племени.⁸⁸ Во-вторых, благодаря таким бракам устанавливались мирные и союзные отношения между разными племенами Великой Степи.⁸⁹ С другой стороны, нельзя не учитывать и «альтернативное» сообщение Рашид ад-Дина: «По другому рассказу, она из этого (меркитского — Р. П., И. П.) рода, но не была женой Дайр-Усуна».⁹⁰

Как бы то ни было, Туракина стала женой Угедэя — третьего сына Чингис-хана, причем женой далеко не первой и не главной, поскольку была взята как пленница, да еще и была изнасилована

ханским сыном (при попустительстве и даже поощрении самого Чингис-хана), принудительно став одной из его наложниц. Казалось, Туракине, появившейся при ханском дворе при таких обстоятельствах, никак не суждено было занять значительное место в имперской иерархии, тем более что, согласно Рашид ад-Дину, она «была не слишком красива».⁹¹

II

Какое же место среди жен Угедэя (и, следовательно, в семействе Чингизидов вообще) занимала Туракина? И по этому вопросу в источниках нет единодушия. Согласно Рашид ад-Дину и «Муизз ал-ансаб», она была второй по старшинству женой.⁹² Джувейни, младший современник Туракины, сообщает, что по статусу она была младше, чем Мука (Мукай)-хатун, которую и Рашид ад-Дин, и автор «Муизз ал-ансаб» называют третьей женой.⁹³ В «Юань ши» Туракина вообще именуется «Шестой императрицей».⁹⁴ Вполне возможно, что различные источники отражают разные этапы в жизни Туракины: попав на ложе Угедэя в качестве пленницы-наложницы, именно она стала матерью его четырех или пяти сыновей — причем старших.⁹⁵ Вероятно, в связи с этим ее статус постепенно повышался — от наложницы до младшей супруги, а затем и до одной из главных.⁹⁶

По отзывам средневековых историков — даже тех, которые негативно отзываются о Туракине, — она была «весьма проницательной и способной женщиной».⁹⁷ Поэтому неудивительно, что со временем ее положение существенно упрочилось, и в последние годы жизни и правления своего супруга Угедэя она принимала участие в государственных делах. Некоторые исследователи даже склонны утверждать, что именно она фактически осуществляла управление в то время, как ее муж предавался опьянению — а, как известно, Угедэй в последние годы все больше и больше страдал алкоголизмом.⁹⁸

Не проявляя явной склонности к той или иной религии, Туракина тем не менее покровительствовала даосам, непосредственно взаимодействуя с высшими даосскими иерархами. Известно, что еще в 1234 г. она, следуя прежней практике китайских императриц, делала щедрые пожертвования на создание свода канонических даосских текстов.⁹⁹

Свидетельством значительной роли Туракины в политических делах в конце правления Угедэя является сохранившийся до

нашего времени официальный документ — указ «Великой хатун» (или по-китайски «Да Хуань-хоу», т. е. «Великая императрица») от 10 апреля 1240 г., адресованный чиновникам округа Пиньян-фу. Этот акт был высечен на стеле на двух языках — китайском и монгольском. От монгольского текста осталось только три строки, в которых содержалась угроза наказания за неподчинение указу, а также датировка его «годом Крысы». ¹⁰⁰ Китайский текст более содержателен: он представляет собой указания чиновнику Ту Фэну всячески обеспечивать подготовку вышеупомянутого даосского канонического свода «Дао-цзан-цзин». При этом, что интересно, в случае невозможности исполнения поручения самим чиновником те же обязанности возлагаются на его жену. ¹⁰¹ Таким образом, можно сделать вывод, что Туракина не только сама исполняла властные полномочия, но и старалась привлекать к этому других женщин!

Вместе с тем нельзя сказать, что ханша своей волей подменяла волю своего супруга. Во-первых, в указе содержится ссылка на волю хана. ¹⁰² Во-вторых, в монгольской версии документа он называется «угэ», т. е. «слово»: именно такие акты имели право издавать и ханши, и правители областей, тогда как ханы издавали ярлыки — указы высшей юридической силы. ¹⁰³ Таким образом, Туракина имела определенные полномочия, которые ей делегировал ее венценосный супруг, и, издавая свои указы, реализовала эти полномочия.

Рост политического влияния Туракины привел к тому, что у нее появились при дворе недоброжелатели из числа могущественных сановников — тех, кто строил Монгольскую империю вместе с Чингис-ханом и продолжил свою карьеру при дворе Угедэя. Этим сановникам не нравилось вмешательство в дела правления женщины, которая, по их мнению, ничего в этих делах не понимала. Среди них были давние соратники Чингис-хана — хорезмийцы Махмуд Ялавач, ставший при Угедэе правителем Северного Китая, и его сын Масуд-бек, назначенный даругой (управителем) большей части Мавераннахра, уйгур Чинкай, также занимавший при Угедэе один из важнейших постов. К противникам Туракины со временем стал склоняться и Елюй Чу-цай — бывший сановник империи Цзинь, ставший в начале XIII в. одним из личных советников Чингис-хана, а при Угедэе занявший самый высокий в Монгольской империи пост «чжун-шу-лина» (канцлера). Отношения Туракины с ним испортились из-за того, что каждый из них по-своему понимал исполнение воли хана. В «Юань

ши» причина их конфликта описана следующим образом: весной 1241 г. Угедэй сильно заболел, и Елюй Чу-цай (который был по совместительству также ханским астрологом) посоветовал ему объявить амнистию заключенным по всей империи; Туракина сама хотела издать соответствующий указ, однако канцлер заявил, что без санкции Угедэя такой указ издать нельзя, и заставил ханшу дожидаться, пока ее супруг придет в сознание и одобрит издание соответствующего указа.¹⁰⁴ Туракина, видимо, так и не смогла простить Елюю Чу-цаю этого унижения и посягательства на свою власть и, как мы увидим ниже, впоследствии нашла возможность отомстить ему.

7 декабря 1241 г. хан Угедэй скончался. Исследователи не без оснований считают, что причиной его смерти стал хронический алкоголизм, от которого у него под конец жизни стали опухать ноги и т. д.¹⁰⁵ Однако такая «прозаическая» версия смерти властителя Монгольской империи, наследника Чингис-хана, никак не могла устроить членов его семьи и приближенных. В результате появились слухи о его отравлении, и именно Туракина оказалась достаточно умна и расторопна, чтобы первой обратить эти слухи себе на пользу.

III

Смерть Угедэя должна была существенно изменить расстановку политических сил в ханском семействе, при дворе и в империи в целом. И надо сказать, Туракина, несмотря на то что она активно еще при жизни супруга участвовала в государственных делах и подписывалась титулом «Великая хатун», не была главной и единственной супругой Угедэя, которая (подобно Борте после смерти Чингис-хана) унаследовала бы его владения и армию. Согласно Джувейни, формально власть в Монгольской империи в качестве регентши получила Мука-хатун, которая в источниках именуется третьей женой Угедэя, однако она перешла к Угедэю после смерти Чингис-хана и поэтому имела очень высокий статус среди его жен.¹⁰⁶ Вероятно, поэтому именно ей стали подчиняться ханские войска, обеспечив положение регентши. Однако Мука-хатун пришлось разделить власть с Туракиной, поскольку у нее детей не было, а Туракина являлась матерью пяти сыновей-наследников Угедэя.¹⁰⁷

Более энергичная Туракина, уже привыкшая к власти при жизни Угедэя, меньше всего желала делиться ею с другой его

супругой. Поэтому неудивительно, что очень скоро Мука-хатун «последовала за Кааном», т. е. Угедэем,¹⁰⁸ а Туракина теперь уже и официально стала регентшей Монгольской империи до созыва курултая, на котором предстояло избрать преемника покойному хану. Однако в течение целых пяти лет новая правительница умудрялась оттягивать созыв курултая и благодаря этому сохранять власть в своих руках.

Средневековые авторы единодушно считают Туракину неспособной к делам правления и обвиняют в развале государства,¹⁰⁹ но ни один из них не дает ответа на вопрос, почему она сумела так долго продержаться у власти, да еще и расправиться практически со всеми своими политическими противниками. Надо полагать, вдова Угедэя удачно пользовалась разладом в ханском семействе и умело лавировала между влиятельными придворными кланами, периодически «выводя из игры» то одного, то другого из наиболее опасных государственных деятелей. Кроме того, в течение всего правления Туракины ее противникам не удалось выставить ни одного серьезного политического лидера, который был бы равен регентше по влиянию и количеству сторонников. Таковым мог бы стать Чагатай, второй сын Чингис-хана, сумевший пережить всех своих братьев, но и он скончался в мае 1242 г., в результате чего никто не имел законного права посягать на регентские полномочия Туракины. Кроме того, поначалу, чтобы закрепиться в качестве регентши, она привлекла на свою сторону имперское чиновничество и военную верхушку, раздав множество подарков и пообещав, что все сановники, получившие свои должности при Угедэе, сохраняют их и при ней.¹¹⁰

Впрочем, справедливости ради, следует отдать Туракине должное: именно благодаря ее активным действиям потомкам Чингис-хана удалось сохранить трон в своем семействе, не позволив боковым ветвям рода кият-борджигин оттеснить их от власти.

Со смертью Чагатая не просто сошло с политической сцены второе поколение Чингизидов: сыновья основателя Монгольской империи являлись такими же его соратниками, как и многие военачальники или штатские сановники. Теперь во главе империи оказались внуки Чингис-хана, лишь некоторые из которых успели хотя бы как-то проявить себя в правление Угедэя. Соответственно, их авторитет среди ветеранов, помнивших еще степные битвы Тэмуджина — Чингис-хана, был не так велик, и нойоны могли позволить себе роскошь поддерживать одних из многочисленных Чингизидов против других. Некоторые поддерживали

Бату — наследника Джучи, правителя Золотой Орды, ставшего после смерти Чагатая номинальным главой рода Чингизидов. Другие отдавали предпочтение Гуюку как старшему сыну недавно скончавшегося хана Угедэя. Третьи считали необходимым следовать предсмертной воле Угедэя, который завещал избрать своим преемником собственного внука Ширэмуна — сына царевича Кучу, скончавшегося ранее отца.¹¹¹ Кроме того, уже в правление Угедэя началось соперничество за влияние на хана между военной верхушкой и чиновной аристократией, которое ранее сдерживалось Чингис-ханом, а после смерти Угедэя неудержимо выплеснулось наружу.¹¹²

Этой неразберихой решил воспользоваться Тэмүгэ-отчигин, последний оставшийся в живых брат Чингис-хана, и в том же 1242 г. (вероятно, после смерти Чагатая) вознамерился силой захватить трон. Как именно Тэмүгэ-отчигин намеревался обеспечить законность своего воцарения, неизвестно, поскольку, как сообщают источники, просто собрал своих многочисленных нукеров и двинулся к ханской ставке, в которой пребывала Туракина. Регентша не растерялась, а отправила к Тэмүгэ-отчигину гонца с посланием: «Я-де твоя невестка и на тебя уповаю; что означает это выступление с войском, с запасом провизии и снаряжения? Все войско и улус встревожены». А сразу вслед за гонцом на встречу брату Чингис-хана выступили войска регентши под командованием Мелик-огула, сына Угедэя, вместе с которым отправился Отай, сын Тэмүгэ, находившийся до этого в ханской ставке. Следует отметить политическое чутье Туракины, побудившее ее поручить операцию по «умиротворению» Тэмүгэ-отчигина не одному из собственных сыновей, а Мелик-огулу — сыну Угедэя от наложницы Эркинэ.¹¹³ Тем самым регентша демонстрировала всем окружающим, что все семейство Угедэя является единым кланом, блюдущим свои интересы, в том числе и защиту права Угедэидов на престол — согласно «Сокровенному сказанию», по воле Чингис-хана именно потомки Угедэя должны были занимать ханский трон, тогда как другие ветви Чингизидов имели право возглавлять лишь выделенные им улусы.¹¹⁴ А то, что регентша отправила к Тэмүгэ его собственного сына Отая, показывало, что она осознает свою силу и не собирается использовать Отая как заложника, чтобы диктовать свою волю взбунтовавшемуся родственнику.

Чутье не подвело ханшу: Тэмүгэ, всю жизнь только выполнявший приказания сначала старшего брата, а затем — и племянников,

не отличался решительностью и поэтому почел за лучшее отказаться от своего намерения захватить власть. При этом он постарался сохранить лицо, представив свое выступление как некое недоразумение, а поспешный отход связал с тем, что кто-то из его окружения умер, и необходимо соблюсти траурные церемонии. Выразив на прощание сожаление о случившемся, он отправился во свояси. Джувеини завершает свой рассказ о выступлении Тэмугэ-отчигина весьма ехидной фразой: «В это время распространились слухи о прибытии Гуюка и его войск, с которыми он расположился на берегу Эмilia, в связи с чем его [Тэмугэ] сожаление стало еще больше». ¹¹⁵

Таким образом, большой заслугой Туракины является, безусловно, то, что она сумела сохранить единство Монгольской державы, не допустила узурпации трона представителем боковой власти Золотого рода и гражданской войны, которая, вероятно, последовала бы после его воцарения. Однако на этом и заканчиваются положительные последствия ее правления в Монгольской империи. Все последующие шаги регентши лишь показали ее неопытность в делах управления государством, мнительность и злопамятность, а также зависимость от тех, кому она по той или иной причине доверяла.

Не забыв тех, кто в годы правления Угедэя противостоял ее влиянию, оспаривал ее решения и действия, Туракина решила свести с ними счеты. При этом она поначалу усыпила их бдительность, подтвердив полномочия всех чиновников, которых назначил Угедэй. ¹¹⁶ А когда они почувствовали себя в безопасности, ханша стала наносить своим прежним недоброжелателям один удар за другим. Первыми пострадали ханский секретарь уйгур Чинкай и хорезмийцы Махмуд Ялавач и его сын Масуд-бек. Ханша отдала приказ об их аресте, но сановникам удалось спастись. Масуд-бек, не дожидаясь приезда стражников Туракины, бежал к Бату, правителю Улуса Джучи (Золотой Орды), ¹¹⁷ с которым Туракина не намеревалась ссориться по причинам, о которых мы скажем ниже. Чинкай же и Махмуд Ялавач нашли убежище не у кого-нибудь, а у Годана — сына самой Туракины, управлявшего Тибетом. ¹¹⁸ Надо сказать, что этот сын не слишком ладил с матерью: по некоторым сведениям, Чингис-хан предназначал его в наследники Угедэю, и затягивание матерью созыва курултая царевич расценивал как посягательство на его право принять ханский титул. ¹¹⁹ Поэтому, когда Туракина потребовала от сына выдать ей Чинкай и Махмуда Ялавача, тот ответил ей словами монгольской поговорки:

«Птичка, ищущая убежища от когтей сокола, в траве находит спасение; они прибегли ко мне, выдать их было бы противно чести и великодушию».¹²⁰

В некоторых случаях Туракина отдавала приказ о расправе не только со своими личными врагами, но и врагами своих союзников. Именно так в 1242 г. погиб наместник Хорасана, эмир Коркуз, дерзнувший вступить в конфликт с семейством Чагатая, большинство членов которого поддерживало Туракину. Этот сановник, уйгур по происхождению, поначалу был одним из писцов у Джучи, старшего сына Чингис-хана, потом оказался в штате чиновников при монгольском наместнике Хорасана, неоднократно отправлявшем его с поручениями к Угедэю. Хан имел возможность оценить «живой и проницательный ум» Коркуза (так отозвался о способностях уйгура один из его коллег-чиновников) и после смерти очередного наместника Хорасана в 1239 г. назначил на освободившийся пост, на котором эмир «проявил наибольшую справедливость и правосудие».¹²¹ Находясь у себя в Хорасане, Коркуз не успел осознать, что после смерти хана настроения при дворе изменились, и поплатился за это. Пребывая в уверенности относительно своего положения, он позволил себе довольно грубо поспорить (по денежному вопросу) с одним из эмиров Чагатайского улуса, а когда тот пригрозил, что «доложит» об этой ссоре, язвительно спросил: «Кому ты обо мне доложишь?» Коркуз имел в виду, что мало кто в империи достаточно могуществен, чтобы заставить его переменить решение. Однако, на беду, незадолго до этого умер Чагатай, и, когда его вдове были переданы слова Коркуза, она восприняла их как оскорбление памяти покойного супруга и пожаловалась Туракине. Регентша, недолго думая, повелела казнить наместника Хорасана — тем более что намеревалась сделать правителем этой области собственным ставленником. По сведениям Джувейни, Коркуз был арестован и передан потомкам Чагатая. По сведениям же Рашид ад-Дина, чей «Сборник летописей» появился более полувека спустя после описываемых событий, Коркуз не подчинился ярлыку регентши,¹²² а бежал в крепость Тус и три дня сражался с посланными за ним войсками, после чего был схвачен и казнен: эмиру набивали рот землей и камнями, пока он не задохнулся.¹²³ Что же касается бегства других сановников, Туракина не слишком переживала по этому поводу, поскольку получила возможность заменить их своими ставленниками.

Окончательной же победой над приближенными Чингис-хана и Угедэя стала расправа с Елюем Чу-цаем. Канцлер, очень много

сделавший для укрепления власти Угедэя, упорядочивший систему налогообложения в империи, до самой смерти хана обладал властью, не сильно уступавшей власти самого преемника Чингис-хана. Туракина, став регентшей, быстро положила конец его могуществу. Поначалу, опасаясь влияния Елюя Чу-цая, Туракина предприняла попытку купить его лояльность: ее приближенный Абд ар-Рахман предложил канцлеру взятку в размере 500 тысяч лян серебра, однако тот отказался. Тогда регентша день за днем стала урезать его полномочия, передавая то одни, то другие функции в руки своих ставленников. Когда же она отдала сбор налогов в Китае на откуп вышеупомянутому Абд ар-Рахману, Елюй Чу-цай понял, что с его политикой, обеспечивавшей более-менее мирное сосуществование кочевых и оседлых народов в империи, покончено. 2 июня 1243 г. (по другим сведениям, в июне 1244 г.) он скончался, будучи оплакиваем монголами, а впоследствии удостоившись почитания в официальной имперской и позднесредневековой монгольской историографии.¹²⁴

Кто же пришел на смену уничтоженным или бежавшим соратникам Чингис-хана и Угедэя? Л. Н. Гумилев характеризует новых сановников, появившихся при регентше, как «придворную камарилью»,¹²⁵ и с этим нельзя не согласиться, поскольку власть в империи, и в самом деле, перешла в руки тех, кто пользовался личной благосклонностью Туракины еще в правление Угедэя — без учета их реальных заслуг перед государством, знаний и способностей.

Фактически вторым лицом в государстве стала наперсница Туракины Фатима — таджичка или персиянка, попавшая в плен к монголам после захвата ими города Мешхеда в Хорасане. Пережив после плена многочисленные приключения в монгольских владениях и оказавшись наконец в столице империи Каракоруме, одно время Фатима зарабатывала на жизнь сводничеством.¹²⁶ Остается только догадываться, каким образом она умудрилась попасть ко двору Туракины и завоевать доверие ханши, получив право беспрепятственно попадать в ее ставку. Джувеини намекает, что бывшая пленница знала многие секреты высших сановников и даже самой Туракины — возможно, об их «порочащих связях», поскольку, будучи сводницей, могла оказывать им услуги интимного характера.¹²⁷ Как бы то ни было, уже в последние годы правления Угедэя Фатима стала стремительно возвышаться при его супруге, а после того как Туракина стала регентшей, влияние бывшей сводницы стало поистине безграничным.¹²⁸ Имперские историки (Джувеини и Рашид ад-Дин) утверждают, что именно

по ее наговорам были казнены и смещены со своих постов многие соратники Чингис-хана и Угедэя, а вместо них поставлены «люди невежественные». ¹²⁹

Одним из таких ставленников Фатимы, сделавшим стремительную карьеру при Туракине, стал вышеупомянутый хорезмийский купец Абд ар-Рахман. Что связывало его с Фатимой, источники не сообщают, однако известно, что купец успел обратить на себя внимание еще Угедэя, ¹³⁰ а в регентство его супруги стал одним из самых высокопоставленных сановников-«министров», сосредоточив в своих руках контроль над финансами и изданием законов. Абд ар-Рахману был отдан на откуп сбор налогов с монгольских владений в Китае, который он вскоре фактически разграбил, пользуясь безоговорочным доверием Туракины и поддержкой Фатимы. ¹³¹ Сохранились сведения, что Туракина, не слишком хорошо разбираясь в государственных делах, практиковала выдачу своим сановникам (и, в первую очередь, Абд ар-Рахману) чистых бланков, на которых уже заранее была поставлена «ал-тамга» — большая государственная печать, которой было принято скреплять наиболее важные государственные распоряжения, чтобы сановники заполняли их по собственному усмотрению. ¹³² Сама же ханша предавалась всяческому разврату (правда, об этом сообщают монгольские летописцы более позднего времени). ¹³³

Успешно расправившись с врагами из числа сановников и заменив их своими ставленниками, Туракина обратилась против представительниц семейства Чингис-хана. И если мотивом ее репрессий против сановников было сведение личных счетов, то в борьбе с женщинами из рода Чингизидов она преследовала цель наложить руку на обширные владения, которые были подарены им еще Чингис-ханом. Собственно, начало этой практике положил еще Угедэй, который считал, вероятно, что его братья, сестры и их потомки получили слишком обширные владения от Чингис-хана. Уже вскоре после своего воцарения он вместе с Чагатаем наложил руку на часть территории Улуса Джучи — правда, впоследствии позволив его владельцу Бату компенсировать их за счет завоевания земель на Западе. ¹³⁴ Затем хан под каким-то предлогом прибрал к рукам владения своей сестры Чичиган. ¹³⁵ Туракина продолжила практику мужа и вскоре инициировала ряд судилищ против некоторых женщин из рода Чингис-хана, обладавших значительными владениями. Так, по ее приказанию была приговорена к смерти Алталун, младшая и любимая дочь Чингис-хана. В нарушение всех законов ее судил не семейный совет Чингизидов, как полагалось в отношении

ханской дочери, а чиновники Туракины, причем по явно надуманному обвинению в колдовстве против Угедэя и его семейства (надо сказать, это судебное решение потом дорого обошлось потомкам Угедэя, о чем речь пойдет в следующем очерке).¹³⁶

Нельзя сказать, что Туракина совершенно не участвовала в государственных делах, хотя и не имела способности к ним. Четко блюдя свой статус регентши, она формально осуществляла внешнеполитическую деятельность и контролировала правление государей, признававших вассалитет от Монгольской империи. Примерно в 1246 г. Туракина также санкционировала вступление на трон уйгурского правителя Салынды (или Салун-Тегина), сменившего своего умершего брата Кишмаина.¹³⁷ Чуть позже, уже после воцарения своего сына Гуюка, она продолжала принимать при своем дворе иностранных послов и вассальных государей. В частности, Туракине приписывается убийство Ярослава II — великого князя владимирского (отца Александра Невского), который явился к ней на прием и якобы был отравлен на пиру.¹³⁸

Кроме того, согласно «Юань ши», она продолжила военные действия против южно-китайской империи Сун. В 1243 г. она подтвердила полномочия полководца Чжан Жоу, ведшего боевые действия против китайцев, назначив его «инспектором» войск в уезде Цисянь, а в 1245 г. направила против Сун 30-тысячный корпус военачальника Чагана, что вскоре заставило китайцев просить о перемирии.¹³⁹

IV

Как уже отмечалось, Туракина сумела обрести могущество и расправиться со своими врагами, в первую очередь благодаря тому что в семействе Чингис-хана к этому времени не было единства. Выделились противоборствующие клики, каждая из которых стояла за своего кандидата на ханский трон, каковых набиралось достаточно много, ни один из них не устраивал Туракину, хотя два претендента были ее прямыми потомками. В частности, Годан, второй сын Угедэя и Туракины, которого якобы сам Чингис-хан рекомендовал сделать ханом после смерти Угедэя, уже давно рассорился с матерью и не позволил бы ей сохранить влияние в империи. Ширэмун, внук Угедэя и Туракины,¹⁴⁰ также не представлялся правительнице подходящим кандидатом: мать малолетнего царевича сама могла бы в случае избрания сына претендовать на регентство и вряд ли согласилась бы оставить его в руках бабушки

юного хана. Не следовало также забывать и о претензиях на трон Тэмугэ-отчигина, что грозило прямым потомкам Чингис-хана утратой родовой монополии на трон.¹⁴¹

Все эти соображения заставляли Туракину откладывать созыв курултая под разными предлогами. Большим подспорьем в этом намерении ей стала позиция Бату — владельца Золотой Орды: он выдвигал разные причины, чтобы не приезжать в Монголию, поскольку опасался, что на курултае будет избран ханом один из его противников, а без участия золотоордынских царевичей курултай не мог считаться законным и состоявшимся. Соответственно, позиции Туракины и Бату взаимно устраивали их, и они не вмешивались в дела друг друга.¹⁴²

Однако с годами, по мере роста непопулярности правления Туракины и ее сановников, становилось очевидным, что созыв курултая далее откладывать невозможно. И тогда регентша решила пойти на компромисс: она согласилась на выборы хана, однако своим авторитетом «продавила» наиболее подходящую, как ей казалось, кандидатуру — своего старшего сына Гуюка. В отличие от Годана и Ширэмуна, первенец представлялся ей более покладистым и зависимым от ее воли. Кроме того, первородство Гуюка выглядело весьма существенным фактором в пользу его избрания. Дело в том, что сторонники разных претендентов на трон не могли договориться, выдвигая различные основания в пользу своих ставленников (завещание Чингис-хана, завещание Угедэя, старшинство в роду кият-борджигин и пр.), и Туракина воспользовалась тем же доводом, заявив, что никто не может иметь больше прав на трон, чем старший сын предыдущего монарха. Чингизиды, сами уже осознававшие пагубность своих разногласий и стремившиеся избавиться от правления регентши любой ценой, согласились на ее предложение. Даже Бату отправил своих братьев на курултай, приказав им поддержать волю большинства, и в 1246 г. Гуюк был избран ханом и торжественно возведен на трон Монгольской империи.¹⁴³ Регентство Туракины официально завершилось.

Поначалу, казалось, очень мало что изменилось: даже после избрания Гуюк продолжал пребывать в своих владениях на реке Эмиль, а его мать продолжала осуществлять функции правительницы, издавая распоряжения, принимая сановников, иностранных дипломатов и вассальных государей.¹⁴⁴ Первые проявления напряженности между регентшей и новоизбранным ханом, однако, проявились очень скоро: Гуюк стал требовать от матери, чтобы та удалила от себя Фатиму, на что Туракина, конечно, не

соглашалась. Тогда был разыгран целый спектакль для привлечения к ответственности Фатимы. Из тибетских владений Годана, брата Гуюка, стали доходить вести об ухудшении его здоровья, а затем — и о кончине. Срочно был найден свидетель — какой-то самаркандец по имени Шира, «пьяница и негодяй», показавший, что именно Фатима своим колдовством отправила Годана на тот свет — что было очень серьезным обвинением.¹⁴⁵ Туракина уже не могла, не нарушая закона, отказывать в выдаче фаворитки, которая была арестована ханскими стражниками.

А примерно два-три месяца спустя после воцарения Гуюка Туракина неожиданно скончалась,¹⁴⁶ после чего стали распускаться слухи, что она была отравлена по приказанию сына.¹⁴⁷ Это не выглядит столь уж невозможным: уже разменявший пятый десяток, новоизбранный монарх устал от опеки матери, желая править самостоятельно. Вполне вероятно, что он никаких официальных распоряжений об устранении матери не давал, но его приверженцы могли «правильно понять» желания своего повелителя...

Смерть регентши означала неминуемое падение ее фаворитов, однако и расправе с ними Гуюк постарался придать законный характер, проведя формальное судилище. В частности, Фатима, арестованная ранее, была брошена в темницу, где ее держали обнаженной в цепях, не давая еды и питья, а во время вскоре состоявшегося суда подвергли страшным публичным пыткам, длившимся четверо суток. После того как Фатима была вынуждена признаться во всем, в чем была обвинена, ей отрубили руки и ноги, «зашили верхние и нижние отверстия ее [тела] и, завернув в кошму, бросили в воду».¹⁴⁸ Ее гибель повлекла расправы и над всеми теми чиновниками, которые были назначены Туракиной по настоянию своей фаворитки.

Сведения о судьбе Абд ар-Рахмана в разных источниках противоречивы. По одним сведениям, сразу после смерти Туракины он был казнен Гуюком, который вновь вернул в Северный Китай в качестве наместника Махмуда Ялавача.¹⁴⁹ По другим — хорезмиец всего лишь был понижен в должности, став помощником управляющего провинции, но сохранил жизнь и упоминается еще при Хубилае, т. е. в 1260-е гг.¹⁵⁰

Прежние сановники Угедэя были возвращены Гуюком на свои должности: уйгур Чинкай стал канцлером (вместо скончавшегося Елюя Чу-цая), Махмуд Ялавач вновь возглавил управление монгольскими владениями в Китае, а его сын Масуд-бек — Мавераннахра. С последствиями правления Туракины было фактически покончено.¹⁵¹

V

Правление Туракины удостоилось самых негативных оценок со стороны как современников (включая ее собственного сына Гуюка), так и историков, но, несмотря на это, не было «вычеркнуто» из истории, предано забвению. Более того, она (подобно Есугаюбагатуру, Чингис-хану и Борте, Угедэю и другим предшественникам Хубилая, основателя династии Юань) удостоилась посмертного императорского титула и храмового имени. В официальной династийной истории «Юань ши» Туракина фигурирует с титулами Чжао-цзы («прославленная и великодушная»), а также как Лю-хуаньхоу и Тайцзун-хоу (т. е. супруга императора Тай-цзуна — Угедэя). Правда, ее единственной заслугой в «Юань ши» названо проведение курултая, на котором Гуюк был избран ханом.¹⁵²

Никаких других добрых отзывов о правлении Туракины историки не оставили. Согласно Рашид ад-Дину, она «в семье Чингис-хана... посеяла смуту, так как не вняла последней воле Чингис-хана и не слушала слов родичей».¹⁵³ Даже века спустя правление регентши по-прежнему критиковалось придворными историками монгольских ханов, являвшихся потомками Тулуя, которые вскоре после смерти Туракины отстранили от власти семейство Угедэя. Например, Раши-Пунцуг, автор сочинения «Болор эрихэ» («Хрустальные четки», 1775 г.), заявляет, что «Лю-хуанхоу Наймачин, забыв о поведении, [достойном] женщины, презрев высшее небо, хладнокровно присвоила себе правление государством, основанным Тайцзу [Чингис-хан. — Р.П., И.П.] и Тайцзун-ханом [Угедэй. — Р.П., И.П.], обманула мудрецов, которые служили [прежде], приблизила дурного хойсовского Нундурхума [Абд ар-Рахмана? — Р.П., И.П.], нарушила единство и согласие... Когда правила баба Наймачин, а управлял хойсовский Нундурхум, государство погрузилось в смуты...»¹⁵⁴

В итоге, как это часто бывало в истории с потерпевшими поражение, Туракина была представлена в источниках, составлявшихся при дворах победителей, как олицетворение всех недостатков и пороков, ее правление было объявлено незаконным и в какой-то даже мере стало основанием для последовавшего вскоре отстранения потомков Угедэя от власти.¹⁵⁵ А ориентирующиеся на эти источники исследователи также дают крайне уничижительные характеристики Туракине, представляя ее как женщину «ограниченную, жадную и жестокую», «глупую и невежественную», «некрасивую, властолюбивую и мстительную».¹⁵⁶ Некоторые попытки

«реабилитации» Туракины предпринимаются в современной историографии,¹⁵⁷ однако уж слишком единодушны источники в своем отрицательном отношении к этой правительнице, поэтому такие «апологии» Туракины представляются несколько натянутыми.

Как бы то ни было, Туракине удалось сохранить (хотя и на короткое время) трон за семейством Угедэя. Впоследствии ее потомки (от пятого сына, Кашина) вплоть до начала XIV в. не без успеха боролись за ханский трон с потомками Тулуя, младшего сына Чингис-хана и Борте, а также до середины XIV в. владели обширными территориями на Памире и даже на какое-то время подчинили себе правителей Чагатайского улуса.¹⁵⁸

В завершение следует сказать, что, сосредоточившись на борьбе с женщинами из рода Чингис-хана, Туракина каким-то образом упустила из виду необходимость присматривать за его потомками мужского пола (возможно, не осмеливаясь открыто действовать против них) и в результате «проглядела» значительное усиление потомков Тулуя во главе с его вдовой Сорхактани и старшим сыном Мунке. А между тем, именно в правление вдовы Угедэя они стали приобретать влияние, обусловившее их приход к власти в ближайшее время в ущерб дому Угедэя, интересы которого в меру своего понимания и возможностей пыталась защитить Туракина. Возвышение тулуидов имело место в правление Огул-Гаймиш — невестки Туракины, которая, подобно свекрови, стала во главе Монгольской империи после смерти своего супруга — хана Гуюка.

ОЧЕРК ТРЕТИЙ.
ОГУЛ-ГАЙМИШ — ПРАВИТЕЛЬНИЦА
ПРОТИВ СВОЕЙ ВОЛИ
(УМ. 1252, РЕГЕНТША МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ
1248–1251)

Сравнение личностей и деяний Туракины и ее невестки Огул-Гаймиш неизбежно: обе — меркитки, обе были супругами ханов из семейства Угедэя и обе же стали преемницами своих супругов в качестве регентш. Да и в историографии правление обеих оценивается крайне негативно. При всех этих сходствах между двумя регентствами есть одно весьма существенное различие: Туракина целенаправленно шла к власти, которую смогла удержать в руках в течение довольно продолжительного времени, тогда как Огул-Гаймиш статус регентши был фактически навязан в результате тщательно спланированной интриги, которая привела и к ее падению, и к лишению потомства Угедэя права на трон монгольской империи.

I

В отличие от Туракины, по поводу этнической принадлежности которой в историографии нет единого мнения, меркитское происхождение Огул-Гаймиш не вызывает сомнений.¹⁵⁹ При каких обстоятельствах она стала супругой Гуюка, неизвестно. Вполне возможно, что Туракина (если она все-таки была меркиткой) решила женить старшего сына на какой-то своей младшей родственнице.¹⁶⁰ В этом браке родилось двое сыновей — Ходжа-огул и Наку, являвшиеся, соответственно, первым и третьим сыновьями Гуюка (второй сын, Хуку, родился от одной из многочисленных наложниц хана).¹⁶¹

Вполне возможно, что Огул-Гаймиш стала старшей женой после того, как родила своему мужу первенца, а затем и еще одного сына. Известно, что вместе со своим мужем она была возведена на трон и коронована, — это свидетельствует о высоком статусе ханши.¹⁶² Тем не менее нет сведений, что Огул-Гаймиш, подобно Туракине,

еще при жизни мужа играла заметную роль в имперской политике, влияя на принятие им государственных решений. Более того, ее положение старшей супруги даже могло оказаться поколебленным: Угедэй, стремясь упрочить положение своего семейства и увеличить его владения, решил после смерти своего младшего брата Тулуя женить Гуюка на его вдове Сорхактани. Однако последняя, отговорившись обязанностью воспитывать свое многочисленное потомство и заботиться о нем, отклонила сомнительную честь стать женой ханского сына-пьяницы, да и он сам не особенно настаивал.¹⁶³ Тем не менее Огул-Гаймиш, по-видимому, чисто по-женски продолжала видеть в Сорхактани конкурентку и относиться к ней враждебно, что в дальнейшем привело к крайне неприятным последствиям для самой ханши и всего рода Угедэя.¹⁶⁴

Несмотря на то что Огул-Гаймиш в результате отказа Сорхактани сохранила положение старшей жены Гуюка (или Далай-хана, как он себя именовал в официальных документах), вряд ли можно сказать, что ее жизнь была счастливой в браке с ханом. Как и его отец, Гуюк был женолюбив и склонен к чрезмерному потреблению алкоголя. Но если Угедэй при этом оставался относительно добродушным человеком, то Гуюк, напротив, отличался мрачным характером и жестокостью. Даже его отец, по-видимому, не испытывал никаких иллюзий относительно личных качеств и способностей сына. Согласно «Сокровенному сказанию», Угедэй обвинял Гуюка в том, что во время похода на Запад он проявлял излишнюю свирепость, «драл у солдат кожу с лица», не выказывал уважения к вышестоящим Чингизидам (в частности — к Бату, главному предводителю западного похода), а сам при этом «даже и козлиного копытца не добыл».¹⁶⁵ Средневековые историки сообщают, что собственные приближенные Гуюка боялись являться и обращаться к нему, если он сам не вызывал и не спрашивал их, никто не мог быть уверен в своем завтрашнем дне.¹⁶⁶

Как известно, отношения между Гуюком и Бату были весьма натянутыми, а со временем превратились и в откровенно враждебные. Тем не менее на курултае, где Гуюк был избран ханом Монгольской империи, братья Бату (по его приказанию) поддержали кандидатуру первенца Угедэя и Туракины. В связи с этим первое время после воцарения Гуюк, казалось, сделал некоторые шаги на пути к примирению с Бату.¹⁶⁷ Однако вскоре отношения между ними вновь обострились, и в 1248 г. Гуюк выступил во главе многочисленных войск в поход на запад, намереваясь начать войну с правителем Золотой Орды. Однако у Самарканда он скончался

при довольно таинственных обстоятельствах. Поговаривали, что его отравили сторонники Бату.¹⁶⁸ Однако, как видно из вышеприведенной характеристики, своими личными качествами и поступками Гуюк восстановил против себя очень многих, так что желающих избавиться от него хватало и без золотоордынского правителя.

Монгольская империя вновь осталась без правителя. И снова возник вопрос о том, кто возглавит государство, будет управлять им до созыва очередного курултая и, наконец, созовет этот самый курултай.

II

Когда аналогичная ситуация сложилась после смерти Угедэя, его вдова Туракина проявила незаурядные решительность и смекалку, что позволило ей захватить власть и удерживать ее около пяти лет. Совершенно не так повела себя ее невестка Огул-Гаймиш.

С самого начала, сразу после смерти Гуюка, его вдова проявила нерешительность, поскольку не привыкла принимать какие-либо серьезные решения. Она даже не могла решить, куда ей следует доставить тело покойного хана — в столицу или же в собственный улус Гуюка на реке Эмил, и обратилась с этим вопросом к ханским сановникам, которые посоветовали ей второй вариант. Когда же тело хана было доставлено в его родовые владения, Огул-Гаймиш получила послания от Бату и Сорхактани, которые после смерти Гуюка стали самыми влиятельными лицами в Монгольской империи. Давняя соперница прислала ханской вдове полагавшиеся в таких случаях слова соболезнования и утешения, а также подарки — богатые одежды и бохтаг (особый головной убор, который носили монгольские знатные женщины).¹⁶⁹ Бату же не ограничился протокольными изъявлениями сочувствия: он предложил Огул-Гаймиш, чтобы именно она стала выполнять обязанности правительницы при содействии прежних сановников своего супруга. «Дела государства пусть правит на прежних основаниях по советам Чинкая и вельмож Огул-Каймиш, — писал Бату в своем послании к родителям, находившимся в Монголии, — и пусть не пренебрегает ими, так как мне невозможно тронуться с места по причине старости, немощи и болезни ног; вы, младшие родственники, все находитесь там и приступайте к тому, что нужно».¹⁷⁰ Таким образом, Огул-Гаймиш фактически против своей воли стала регентшей, формально получив всю полноту власти в крупнейшей империи того времени. Впрочем, вряд ли она сильно возражала, поскольку после долгих лет

нахождения в тени сначала свекрови Туракины, а затем и собственного мужа Гуюка наконец-то получила возможность достичь вершин власти. Тем более что Туракина уже создала своеобразный прецедент, в соответствии с которым в период междуцарствия именно вдова покойного государя управляет государством, и предложение родственников, таким образом, выглядело вполне логичным.¹⁷¹

Почему же Бату и Сорхактани остановили свой выбор на вдове Гуюка, являвшегося их противником? Для ответа на этот вопрос необходимо дать характеристику самой новой регентше. Историки, основываясь на средневековых сообщениях, характеризуют ее как «женщину слабую и невежественную»,¹⁷² а некоторые даже прямо заявляют, что она страдала «кретинизмом».¹⁷³ Неизбежно приходит в голову мысль, что Бату и Сорхактани, выдвигая Огул-Гаймиш в регентши, намеревались дискредитировать род Угедэя и, номинально признавая верховную власть вдовы Гуюка, фактически действовать за ее спиной в поисках нового, альтернативного кандидата на трон.

Огул-Гаймиш вполне оправдала ожидания своих старших родичей: по словам Рашид ад-Дина, она не занималась никакими делами, кроме сделок с купцами да слушания «бредней и небылиц» шаманов.¹⁷⁴ Постоянно нуждаясь в деньгах, регентша, по некоторым сведениям, в десять раз повысила налог с кочевников, ранее составлявший одну голову скота с сотни.¹⁷⁵

Впрочем, по мнению некоторых авторов, Огул-Гаймиш имела и иные увлечения. Например, писательница и автор научно-популярных исторических произведений Ф. Гримберг, ссылаясь на отчет французского дипломата Андре де Лонжюмо, побывавшего при дворе Огул-Гаймиш, высказывает предположение, что ханша состояла в любовной связи с находившимся при ее дворе русским князем Андреем Ярославичем — сыном Ярослава II (в отравлении которого подозревали Туракину). Якобы молодой князь весьма вольно вел себя в присутствии регентши, как мог себя вести только любовник и фаворит.¹⁷⁶ Не беремся судить о правдоподобности этой версии, поскольку, по другим сведениям, Александр Невский и Андрей посетили еще хана Гуюка, который и утвердил их на великих княжениях во Владимире и Киеве.¹⁷⁷ Кроме того, отчет Андре де Лонжюмо, на который ссылается Ф. Гримберг, известен только в пересказах, так что проверить ее утверждение нет возможности. Тем не менее нельзя исключать вероятность того, что еще сравнительно молодая ханша, овдовев, решила вознаградить себя за те годы, когда муж обделял ее

вниманием и проводил время с младшими женами и многочисленными наложницами.

Как бы то ни было, государственными делами Огул-Гаймиш, в отличие от Туракины, практически не занималась. Весьма ярким примером ее некомпетентности стал визит в Монголию вышеупомянутого Андре де Лонжюмо, который в качестве посланца французского короля Людовика IX с предложением о союзе против мусульман был отправлен к хану Гуюку, но застал во главе империи уже его вдову. Огул-Гаймиш, даже не попытавшись понять цели посольства, приказала передать королю, чтобы он подчинился и каждый год платил такую же дань, какую прислал в этот раз (данью она посчитала подарки, переданные королевским посланцем).¹⁷⁸

В результате Бату, Сорхактани и их сторонники убедились, что Огул-Гаймиш своим поведением достаточно подорвала авторитет семейства Угедэя, и даже действия преданных соратников Угедэя и Гуюка не помогут спасти положение. И заговорщики начали следующий этап своей борьбы за отстранение Угедэидов от власти.

III

В 1249 г. Бату объявил созыв великого курултая и сделал вид, что направляется в Монголию, чтобы собрать Чингизидов в традиционном месте — в долине рек Онон и Керулен. Однако, добравшись до местности Алакамак, отправил своим родственникам новое сообщение, в котором писал, что его лошади отощали, да и он сам-де нездоров, поэтому просит родичей прибыть к нему на совет, который на этот раз состоится в его владениях. Среди прочих Бату направил приглашение сыновьям Огул-Гаймиш, Ходже и Наку, а также их главному советнику — нойону Кадаку, который, как было известно правителю Золотой Орды, интриговал против него (нойон тут же свалился от какой-то болезни и не смог ответить на приглашение Бату).¹⁷⁹ Характерно, что в источниках ничего не сообщается о приглашении на курултай самой регентши — объяснялось ли это показным уважением к ее статусу или же, напротив, показывало, что с вдовой Гуюка уже можно было перестать считаться?

Потомки Угедэя поучаствовали в курултае лишь формально, пробыв во владениях Бату один или два дня, а затем уехали восвояси, оставив за себя одного нойона, которому поручили проголосовать за то решение, какое примет большинство. А большинство проголосовало за то, чтобы выбрать ханом Мунке — сына Тулуя и Сорхактани!¹⁸⁰

Естественно, такое решение не могло не вызвать сопротивление со стороны потомков Угедэя, из которых, согласно завещанию Чингис-хана и клятве представителей знати Гуюку, должны были и впредь избираться ханы. Но Бату и его сообщники повели себя весьма хитро, спровоцировав раскол в семействе Угедэя: якобы из уважения к заслугам Угедэя и Гуюка, а также признавая заслуги и компетентность канцлера Чинкая, они постановили, чтобы до проведения официального курултая в долине Керулена власть сохраняли потомки Гуюка и канцлер. Ходжа и Наку восприняли это решение как санкцию на то, что именно они, а не Огул-Гаймиш, теперь являются регентами Монгольской империи. Царевичи возвели собственные ставки (причем каждый по отдельности), стали издавать указы-ярлыки и отдавать распоряжения — к которым, впрочем, никто не прислушивался, и даже авторитет Чинкая не мог спасти положение.¹⁸¹

По-видимому, царевичи намеревались, подобно Туракине, затягивать на годы проведение курултая, тем самым сохраняя номинальное регентство в своих руках. Однако их не поддержали другие Чингизиды, включая и многих потомков Угедэя и Чагатая,¹⁸² которые изъявили согласие явиться на курултай, понимая, что теперь именно потомки Джучи и Тулуя располагают фактической властью в Монгольской империи. В Монголию прибыли (во главе многочисленных войск) братья Бату — Берке и Туга-Тимур, которые начали подготовку к курултаю.

Опасность утратить права на трон заставила семейство Угедэя сплотиться: Огул-Гаймиш, Ходжа и Наку вместе со своим соратником Есу-Мунке, сыном Чагатая и правителем Чагатайского улуса, решили бойкотировать курултай, созываемый на р. Керулен, и бороться за то, чтобы возвести на трон Ширэмуна, которого еще Угедэй видел своим наследником. Потомки Угедэя полагали, что их отсутствие сделает курултай нелегитимным, и его решения не будут иметь силы. И, в соответствии с монгольским имперским законодательством, были, в общем-то, правы.

Понимал это и Берке, который неоднократно направлял своих посланцев к Угедэидам и Есу-Мунке с требованием явиться на курултай, но в ответ получал только их отказы и уже надоевшие требования соблюдать волю Чингис-хана и Угедэя. В отчаянии он написал Бату, что уже два года пытается провести курултай, но потомки Чагатая и Угедэя ставят ему палки в колеса. И Бату в очередной раз проявил изобретательность: в ответном письме Берке он написал, что нарушителями Ясы Чингис-хана являются

не те, кто хочет провести курултай и избрать хана без участия некоторых царевичей, а как раз те, кто не желает принимать участие в курултае, на который уже собралось большинство Чингизидов! Такое толкование закона переворачивало ситуацию с ног на голову. В результате курултай состоялся, и Мунке был официально избран монгольским ханом.¹⁸³

Понимая, что теперь любое промедление будет использовано против них, Огул-Гаймиш, ее сыновья и Ширэмун также двинулись на курултай, однако опоздали к принятию решения об избрании Мунке и теперь имели шанс попасть только на празднества по случаю его воцарения. Тогда они разработали план по устранению новоизбранного монарха и едва не преуспели, поскольку до сих пор в Монгольской империи не было попыток открытого посягательства на жизнь хана со стороны близких родственников.

Ширэмун и Наку, сделав вид, что направляются к Мунке, чтобы поздравить его с воцарением и изъявить свою верность, с многочисленной свитой двинулись к ставке хана. Оружия при них не было, но они везли его на телегах, прикрыв провиантом и дарами, якобы предназначенными для хана. Однако довольно нелепый случай разрушил их замыслы: ханский сокольник по имени Кешик, разыскивая пропавшего верблюда, случайно оказался в лагере потомков Угедэя и увидел на одной из телег спрятанное оружие. Убедившись, что и в других телегах такой же груз, он немедленно сообщил об увиденном в ханскую ставку, и против заговорщиков были направлены войска. Увидев, что окружены, Ширэмун и Наку со своими нукерами были вынуждены сдаться.¹⁸⁴

Эти непродуманные действия стали законным предлогом для расправы не только с заговорщиками, но и с другими членами родов Чагатай и Угедэя, а также с преданными им нойонами и военачальниками. О роли Огул-Гаймиш в подготовке заговора сведений нет — вполне вероятно, что сыновья, не будучи слишком высокого мнения о матери, даже не поставили ее в известность о своих намерениях. Тем не менее преследованию подверглась и она — наряду со многими другими родичами.

IV

Отличительной особенностью Чингизидов в отношении политических преследований и расправ, в том числе и с ближайшими родственниками, было стремление придать этим действиям законный характер, обосновать их с помощью правовых норм

и процессуальных действий. Когда Мунке удалось пресечь заговор Угедэидов, он получил весьма удобный предлог для проведения масштабного судебного процесса, итог которого, впрочем, не вызывал никаких иллюзий у его участников.

Правда, поначалу казалось, что все случившееся будет признано недоразумением: войска, направленные ханом Мунке против заговорщиков, отобрали у нукеров Ширэмуна и Наку все оружие, велел им расположиться за пределами ханской ставки, тогда как сами царевици были допущены к хану, совершили перед ним полагающийся ритуал (Рашид ад-Дин называет его «тикшимиши») и три дня участвовали в праздничных пиршествах наравне с другими Чингизидами. Однако уже на четвертый день поступило приказание: всем нукерам под угрозой строгого наказания отправиться в свои десятки, сотни и тысячи (во владениях потомков Угедэя), тогда как сами царевици были задержаны и помещены под стражу.

Уже на следующий день хан Мунке лично допросил Ширэмуна и Наку, однако те отрицали любые обвинения в подготовке покушения на него. Тогда был схвачен один из приближенных Ширэмуна, который под пытками «признался», что сам вместе с другими нойонами составил заговор без ведома царевицей, после чего покончил жизнь самоубийством. Его признание послужило законным поводом для ареста целой группы нойонов, преданных роду Угедэя. После суда они были казнены.¹⁸⁵

Узнав, что заговор подавлен, все потомки Чагатая, до сих пор не выразившие покорность хану Мунке, бросились в его ставку, стараясь уверить его в своей лояльности. Однако по прибытии также были преданы ханскому суду, после чего многие из них также были казнены. При этом казни подверглись не только мужчины, но и женщины из рода Чагатаидов.¹⁸⁶

Тогда же был казнен и вышеупомянутый нойон Кадак, которого Мунке-хан и его сторонники обвиняли в том, что именно он восстанавливал Угедэидов против Бату и Мунке и препятствовал проведению курултая для избрания нового хана. Нойон вновь попытался прикинуться больным, однако был положен на повозку и доставлен на суд, хотя, как пишет Рашид ад-Дин, «его виновность была более известна, чем безбожие дьявола». Кадак также был приговорен к смерти и казнен.¹⁸⁷

Казнь Кадака означала, что близится очередь и потомков Угедэя — ведь этот нойон был приближенным Огул-Гаймиш, а затем и ее сыновей. И в самом деле, очень скоро Мунке-хан отправил гонца к вдове Гуюка и ее старшему сыну Ходже-огулу

с требованием явиться к ханскому двору. Но даже в таких обстоятельствах Огул-Гаймиш проявила свою недалекость. Получив грозное послание от хана с требованием явиться ко двору, она не нашла ничего лучше, как ответить его посланцу: «Вы, царевичи, обещали и дали обязательство в том, что царская власть всегда будет принадлежать дому Угедэй-каана и что никто не будет противодействовать его сыновьям, а теперь вы не держите слова». Подобные слова упрека, обращенные к уже избранному хану, разгневали его и дали повод обвинить бывшую регентшу в измене. Мунке издал ярлык, согласно которому предписывалось схватить Огул-Гаймиш, Кадакач-хатун — мать Ширэмуна, а также нойонов Чинкая и Бала, все еще остававшихся при регентше. Официально им было предъявлено обвинение в неявке на курултай и намерении провозгласить собственного хана или ханшу. Всех арестованных осенью 1252 г. доставили в ставку Сорхактани, матери хана Мунке, имевшей, как мы помним, давние счеты с вдовой Гуюка.¹⁸⁸

Когда настал день суда, Мункесар-нойон, назначенный Мунке-ханом великим дзаргучи, т. е. верховным судьей,¹⁸⁹ приказал сорвать с Огул-Гаймиш одежды и волоочь ее на суд, где в таком виде она была подвергнута допросу. Вероятно, бывшая регентша сохраняла некоторое присутствие духа, поскольку в ответ на вопросы сама спросила: «Зачем другие смотрят на тело, которое никто, кроме государя, не должен видеть?»¹⁹⁰ Вопрос этот был не столь риторическим, как может показаться на первый взгляд: фактически ханша обвиняла суд в пристрастности, поскольку к ней, еще не доказав ее вину, сразу применили такие меры, как к обвиненной и приговоренной преступнице. Согласно Джувейни, поскольку к этому времени Наку и Ширэмуна уже признались в заговоре против хана, поэтому их матери были подвергнуты публичным пыткам, в ходе которых также признались, и это послужило основанием для вынесения смертного приговора.¹⁹¹ После этого Огул-Гаймиш казнили — завернули в кошму и бросили в воду.¹⁹² Та же судьба постигла и Катакач-хатун, которую не спасли даже принадлежность к могущественному роду кунграт и родство с Чингизидами (она была внучкой Алчи-нойона, брата Борте, старшей супруги Чингис-хана¹⁹³). Казнен был и канцлер Чинкай, верно служивший Угедэю и Гуюку.¹⁹⁴ Впрочем, по-видимому, доказательства вины бывшей регентши были не слишком убедительны, поэтому впоследствии стали распространяться слухи, что она была казнена по обвинению в колдовстве.¹⁹⁵ Распространению этих слухов способствовал и сам хан Мунке, который в разговоре с Вильгельмом

де Рубруком, посланцем французского короля Людовика IX, посетившим Монголию в 1252 г., т. е. вскоре после описываемых событий, заявил, что она «была злейшая колдунья и что своим колдовством она погубила всю свою родню».¹⁹⁶

Весьма примечательно, что сами организаторы заговора не понесли столь тяжелой кары, как их матери. Ширэмуну (который поначалу отбыл в кратковременную ссылку¹⁹⁷) и Наку было велено сопровождать Хубилая, брата хана Мунке, в его походе на Китай. Ходжа же, старший сын Гуюка и Огул-Гаймиш, вообще был оправдан благодаря показаниям своей супруги — он всего лишь был лишен своих владений, но получил удел на р. Селенга вблизи Каракорума, чтобы всегда находиться под присмотром самого хана Мунке.¹⁹⁸ Впрочем, Ширэмун, по-видимому, продолжал оставаться под подозрением (как наиболее легитимный претендент на трон), поэтому Хубилай во время китайского похода приказал его утопить, поскольку «не возымел к Ширамуну доверия».¹⁹⁹

В результате расправы с Огул-Гаймиш, ее родственниками и сановниками новому хану удалось установить контроль над всей империей. Было казнено около 70 представителей рода Чингизидов, высшей аристократии, гражданских сановников и военачальников.²⁰⁰ Освободившиеся государственные посты заняли ставленники Мунке, произошла смена власти и в некоторых вассальных государствах.²⁰¹

Как и Туракина, Огул-Гаймиш заслужила крайне отрицательные отзывы средневековых историков. Правда, следует учитывать, что большинство из них создавало свои произведения при дворе потомков Тулуя — соперников рода Угедэя, так что не в их интересах было восхвалять свою противницу. Тон этим отзывам задал, вероятно, сам хан Мунке, который, по примеру своей матери, даже год спустя после казни регентши продолжал ненавидеть ее. Даже в своем послании французскому королю Людовику IX, переданном вышеупомянутому Вильгельму де Рубруку, он написал, что это была «негодная женщина, более презренная, чем собака».²⁰²

Тем не менее правление Огул-Гаймиш (если, конечно, можно назвать «правлением» период ее регентства, когда ей практически никто в Монгольской империи не подчинялся), подобно правлению Туракины, не было вычеркнуто из официальной историографии. В династийной истории «Юань ши» Огул-Гаймиш фигурирует также и как китайская императрица под титулами Циньшу хуаньхоу («замечательная и добродетельная»), Люхоу и Дин-цзун-хоу, т. е. «супруга императора Дин-цзуна» (под

таким титулом в китайских источниках упоминается ее супруг Гуяук-хан).²⁰³

Потомки Огул-Гаймиш в течение некоторого времени управляли Улусом Угедэя на Памире и Тарбагатае. Сначала, в середине XIII в., это бы ее внук Чапат, сын Наку (позднее он был отстранен от власти своим двоюродным дядей Хайду, внуком Угедэя), а в начале XIV в. — ее правнук Тюкме, внук Ходжи-огула, после которого Улус Угедэя вошел в состав Чагатайского улуса.

ОЧЕРК ЧЕТВЕРТЫЙ. СОРХАКТАНИ — МАТЬ ЧЕТЫРЕХ ХАНОВ (ОК. 1190–1252, МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ)

Расправа с Огул-Гаймиш, ее родичами и сановниками стала фактически последним успехом Сорхактани, которая, в отличие от вдовы Гуюка, никогда официально не занимала трон и не являлась регентшей. Тем не менее роль Сорхактани в политической жизни Монгольской империи была столь значительной, что она, несомненно, заслуживает отдельного биографического очерка.

I

Сорхактани²⁰⁴ происходила из весьма знатного рода: она приходилась племянницей кераитскому хану Тогрулу, который был сначала покровителем и союзником Чингис-хана, а затем стал его врагом. У Тогрула было несколько братьев, младший из них по имени Кэрайдай (или Кэрэбэтай) в молодости попал в плен к тангутам и, по-видимому, был принят ими на службу, получив титул джагамбу («правитель области»), впоследствии фактически заменивший его собственное имя.²⁰⁵ В то время как его братья неоднократно старались захватить ханский трон, Джагамбу всегда оставался верен хану Тогрулу.²⁰⁶

В 1203 г. между Тогрулом (Ван-ханом) и Чингис-ханом началась новая масштабная война, в которой Чингис-хан был едва ли не полностью разгромлен, однако вскоре сумел собрать силы и, внезапно напав на кераитского хана, не ожидавшего столь быстрого реванша, захватил все кераитские владения. Ван-хан бежал и погиб в землях найманов, а его сын и внук попытались найти убежище в Кашгарии, но были убиты местным правителем.²⁰⁷

Что же касается Джагамбу, то он всегда испытывал дружеские чувства к Чингис-хану (Рашид ад-Дин даже сообщает, что они были побратимами²⁰⁸). Поэтому после разгрома Ван-хана его брат был обласкан победителем и остался правителем собственных владений.²⁰⁹

У Джагамбу было четыре дочери, и Чингис-хан вознамерился породниться с кераитским правителем, чтобы еще прочнее укрепить их связи.²¹⁰ Одну дочь по имени Абиэкэ-беки Чингис-хан взял в жены сам, другую, Биктумиш-фуджин, выдал за своего старшего сына Джучи, третья, Сорхактани, стала первой супругой Тулуя, четвертого сына Чингис-хана и Борте. У Джагамбу была еще одна дочь, которую отец выдал замуж за сына правителя племени онгутов; по слухам, она отличалась красотой, и, когда онгуты покорились Чингис-хану, он захотел взять в жены ее, но не сумел найти.²¹¹ Казалось бы, речь действительно шла об укреплении родственных связей между двумя дружественными правителями — монгольским и кераитским. Однако нельзя забывать, что после смерти Тогрула и его потомков именно дочери Джагамбу становились законными наследницами кераитских владений, чем и объяснялось столь настойчивое стремление Чингис-хана ввести их в свое семейство.²¹²

Таким образом, три дочери Джагамбу вошли в семейство основателя Монгольской империи. Однако далеко не всем им это принесло счастье или хотя бы власть. Абиэкэ-беки недолго была женой Чингис-хана: однажды ему приснился какой-то зловещий сон, который хан истолковал так, что ему нужно избавиться от этой жены. Чингис-хан спросил, кто в эту ночь возглавлял караул у его шатра, — это оказался нойон Кэхтэй из племени урут. Ему-то Чингис-хан и отдал Абиэкэ-беки. Впрочем, надо сказать, что хан повел себя в отношении супруги весьма прилично, честно сказав ей, что не имеет никаких претензий и только из-за страшного сна посчитал, что они должны расстаться. Более того, за Абиэкэ были сохранены все ее владения и подданные, а себе Чингис-хан оставил на память только одного стольника и золотую чашу.²¹³

Биктумыш-фуджин (в другом томе «Сборника летописей» Рашид ад-Дина она названа Никтимиш-фуджин), старшая супруга Джучи, первенца Чингис-хана и Борте, также не приобрела какого-либо заметного влияния: детей у них не было, и она всего лишь номинально носила титул его старшей супруги. Гораздо большим влиянием пользовались другие жены Джучи — Сартак-хатун и Уки-хатун, от которых родились его старшие сыновья — Орду и Бату.²¹⁴ Таким образом, никаких других сведений о Биктумыш-фуджин, кроме того, что она была дочерью Джагамбу и старшей женой Джучи, в источниках не встречается.

Только Сорхактани удалось занять высокое положение и к середине XIII в. стать самой могущественной женщиной в Монгольской империи.

Ее старший сын появился на свет около 1208 г., так что сама она родилась, по-видимому, в начале 1190-х гг. и, соответственно, была ровесницей своему супругу Тулуу, родившемуся в 1193 г., у которого она стала первой (а впоследствии, соответственно — старшей) женой.²¹⁵ У Тулуу всего было десять сыновей, из них четверо родилось от Сорхактани — Мунке (первый), Хубилай (четвертый), Хулагу (пятый) и Арик-Буга (шестой).²¹⁶ Именно эти сыновья впоследствии занимали ханский трон: ханами Монгольской империи стали Мунке и Хубилай, в течение нескольких лет на монгольский трон претендовал и Арик-Буга, а Хулагу стал родоначальником династии ильханов, около ста лет правивших в Иране. И в том, что сыновья Сорхактани стали монархами, была немалая ее заслуга.

II

Тулуй, младший из сыновей Чингис-хана и Борте, согласно монгольскому обычаю, стал хранителем семейного очага. В средневековых монгольских источниках он именовался эцзеном (обычно переводится как «владыка»), Еке-нойоном и Улуг-нойоном («великим князем»),²¹⁷ что свидетельствовало о его особом и весьма высоком статусе. Именно он после смерти Чингис-хана был регентом Монгольской империи в течение 1227–1229 гг. и организовал курултай, на котором его старший брат Угедэй был избран ханом.²¹⁸ В связи с этим в официальной имперской историографии Тулуй фигурировал с ханским титулом, а также получил посмертное императорское храмовое имя Жуй-цзун.²¹⁹

После избрания ханом Угедэя Тулуй командовал войсками в войне против северно-китайской империи Цзинь, однако не слишком хорошо проявил себя, и к 1231 г. Угедэй лично решил возглавить войска. В следующем, 1232, году Тулуй скончался.

В «Сокровенном сказании» его смерть представлена как героический поступок: якобы китайские духи наслали на Угедэя страшную болезнь, у него отнялся язык, и он вообще был близок к смерти. Шаманы заявили, что спасти хана сможет только одно — если за него пожертвует жизнью его родственник, и Тулуй, выпив заговоренную воду, скончался, а Угедэй поправился.²²⁰ Позднесредневековые монгольские историки (писавшие при дворе ханов — потомков Тулуу) еще более приукрасили эту версию: в их интерпретации Тулуй отдал жизнь уже не за брата, а якобы за самого Чингис-хана, причем едва ли не по совету своей жены Сорхактани, которая якобы заявила: «Если случится так, что не станет

хана-владыки, то весь народ овдовеет. Так-то! Если же случится, что не станет Толуя-владыки, то одна только я стану вдовою. Так-то!» За это Чингис-хан, поправившись, возвысил Сорхактани, даровав ей титулы бэхи-дайху («княжна-царица / цесаревна») и сутэй-дайху («обладающая величием императрица»), и выделил владения в южно-монгольских областях Чахаре и Тумэте.²²¹

Однако Джувейни, младший современник Тулуя, вполне определенно пишет о том, что Тулуй умер из-за пьянства: в последние годы жизни он слишком активно «предавался круговороту чаш вина с утра и до самого вечера».²²² Порок это был весьма распространен среди Чингизидов: им страдали и Угедэй, брат Тулуя, и его сыновья Гуюк и Кашин, и собственный сын Тулуя, Мунке, и многие другие потомки Чингис-хана.²²³

Как бы то ни было, Сорхактани как супруга хранителя семейного очага и бывшего регента Монгольской империи уже при жизни мужа заняла высокое место в имперской иерархии. После его смерти она стала обладательницей так называемого «коренного юрта» Монгольской империи — весьма обширных владений в Монголии и Китае, которые Чингис-хан завещал своему младшему сыну и его роду, и, соответственно, многочисленных войск, которые можно было черпать среди населения этих территорий.²²⁴ Кроме того, ей принадлежали также отдельные владения и в других частях империи (по правовой традиции Чингизидов) — в частности, известно, что в Бухаре ей принадлежал отдельный квартал, в котором располагались 3000 воинов.²²⁵ Наравне с другими улусными правителями Монгольской империи она участвовала в управлении государством и развитии имперской инфраструктуры. В частности, когда на курултае 1235 г. было решено развивать систему ямских почт в Монгольской империи, Сорхактани — так же как сам хан Угедэй, Чагатай и Бату, — назначила ответственного от своего улуса за создание и поддержание ямов (почтовых станций).²²⁶

Естественно, еще сравнительно молодая и к тому же богатая вдова выглядела весьма привлекательной невестой для других потомков Чингис-хана. И брачное предложение не заставило себя ждать: уже вскоре после смерти брата хан Угедэй направил Сорхактани послание, в котором весьма настойчиво предлагал ей стать супругой своего старшего сына Гуюка. Однако вдова Тулуя сумела весьма дипломатично отказать самому могущественному монарху в мире. Она написала ему в ответном послании: «Как можно изменить предписание ярлыка! Но у меня помыслы такие:

воспитав этих детей, довести их до поры наступления возмужалости и самостоятельности, постараться, чтобы они были благовоспитанными, не разлучались друг с другом и не отвращались [один от другого], чтобы от их единодушия была какая-нибудь польза». ²²⁷ Сам Гуюк также не проявил в этом вопросе настойчивости, так что свадьба и не состоялась. Отказ Сорхактани имел два важных последствия: во-первых, она сохранила за собой и своими сыновьями владения мужа (что впоследствии позволило ей на равных соперничать за власть с потомками Угедэя); во-вторых, в историографии она удостоилась весьма положительных отзывов. Так, Рашид ад-Дин оценивает ее выше, чем даже Оэлун, мать самого Чингис-хана, поскольку последняя после смерти своего первого супруга (Есугай-багатура, отца Чингис-хана и трех его братьев) повторно вышла замуж за Мунлика, его соратника, а Сорхактани отказалась повторно вступить в брак и посвятила себя заботе о детях. ²²⁸

Хотя внешне Угедэй принял отказ невестки выйти замуж за его сына весьма спокойно и продолжал поддерживать с ней самые благожелательные отношения, фактически хан не оставлял попыток урвать себе хотя бы часть владений Сорхактани. Так, вскоре после ее отказа он издал распоряжение, согласно которому, две тысячи человек племени сулдуз из числа войск рода Тулуя передавались в распоряжение Годана — второго сына Угедэя. Это распоряжение вызвало недовольство среди приближенных Сорхактани, которые заявили ей о нарушении ханом распоряжений Чингис-хана и вознамерились лично сказать об этом Угедэю. Однако вдова Тулуя напомнила своим придворным, что, несмотря на раздел, проведенный Чингис-ханом, новый хан официально является верховным правителем над всеми улусами империи и главным собственником всех земель, соответственно, следует покорно принимать его волю. ²²⁹ Несомненно, такая покладистость Сорхактани объяснялась нежеланием и дальше раздражать Угедэя после отказа выйти замуж за Гуюка. Потеря двух тысяч воинов, несомненно, не была слишком большой ценой за сохранение хороших отношений с властителем Монгольской империи. Более того, Сорхактани приложила все усилия, чтобы ее сыновья сблизились с Годаном — что в дальнейшем имело значительные политические последствия. По-видимому, покладистость невестки обезоружила хана: в источниках мы больше не встречаем сведений о попытках Угедэя урезать ее владения или иных посягательствах на ее имущество или статус.

Сорхактани, в свою очередь, сумела использовать благоприятное отношение к себе со стороны хана, порой даже несколько злоупотребляя его благосклонностью.

В 1236 г. состоялся великий курултай, на котором были подведены итоги борьбы с империей Цзинь и состоялся раздел ее бывших владений между членами ханского рода. Интересно, что составители «Юань ши», перечисляя царевичей и нойонов, получивших владения в Китае, не упоминают среди них ни Сорхактани, ни ее сыновей. Однако, по некоторым сведениям, ей удалось получить от Угедэя во владение часть провинции Хэбэй: Угедэй поначалу возражал, но невестка убедила его, напомнив, что эти земли завоевал именно ее покойный супруг Тулуй.²³⁰ В другой раз она настояла на том, чтобы именно ей при разделе военной добычи был передан весьма ценный пленник — парижский ювелир Вильгельм Бушье, захваченный в плен в Белграде во время похода монголов на Европу (этот Вильгельм впоследствии сделал для Мунке-хана, сына Сорхактани, знаменитое серебряное дерево-фонтан, из которого били четыре вида напитков).

Подобно многим членам рода Чингис-хана, Сорхактани активно вкладывала средства в торговые предприятия. Однажды она потребовала, чтобы Угедэй включил в состав своего посольства несколько купцов-«ортакчи», в товары которых семейство Тулуя вложило свои средства. В составе дипломатической миссии купцы могли пользоваться всеми льготами, положенными имперским чиновникам, и, соответственно, их затраты на путешествие были бы гораздо меньше, а прибыль — больше. Несмотря на неудовольствие великого хана, его невестка сумела настоять на своем.²³¹

Таким образом, благодаря отчасти своему статусу, отчасти — своей покладистости в отношениях с ханом-деверем, Сорхактани сумела сохранить и даже приумножить свои владения и свои богатства в период правления Угедэя. Эти ресурсы ей оченьгодились уже в ближайшем будущем.

III

Туракина, став регентшей после смерти Угедэя, не выказывала Сорхактани враждебности: по-видимому, ее устраивала позиция вдовы Тулуя, предпочитавшей не вмешиваться в деятельность правительницы.²³² Не испытывая никаких преследований со стороны рода Угедэя, Сорхактани мало-помалу увеличивала свое могущество — и могущество своих сыновей, делая щедрые подарки

монгольским вождям и военачальникам и привлекая их на свою сторону.²³³ Уже Иоанн де Плано Карпини, папский посланец, побывавший в Монголии в 1246 г., сообщает, что «Сероктан [Сорхактани — Р. П., И. П.]... пользовалась среди всех татар предпочтительным уважением, за исключением матери императора, а Менгу [Мунке, старший сын Сорхактани — Р. П., И. П.] был могущественнее всех, за исключением Бату».²³⁴ Позднесредневековый монгольский историк Ломи, автор «Истории монгольского рода борджигид» (1732), также отметил, что Мунке именно «во времена Наймалджин-хатун... стал чрезвычайно сильным».²³⁵

В 1246 г. на престол вступил Гуюк, сын Угедэя и Туракины. Поначалу он, подобно отцу, стал выказывать благорасположение Сорхактани (которая вместе со своими сыновьями на курултае поддержала его избрание). В частности, Гуюк публично заявил, что в период междоусобицы, когда многие Чингизиды по своему усмотрению издавали распоряжения и выдавали пайцзы, нередко противоречившие Ясе Чингис-хана и указам Угедэя, Сорхактани и ее сыновья не совершали подобных действий, за что новый хан поставил их в пример остальным родственникам.²³⁶ Именно Сорхактани Гуюк-хан доверил распределение даров между членами ханского рода и представителями знати по случаю своего воцарения.²³⁷

Однако новый хан со своей матерью, вероятно, опасались существенно возросшего влияния семейства Тулуя и старались ограничить его. Вскоре после вступления на трон Гуюк устроил несколько показательных судебных процессов над родственниками, обвиненными в нарушении Ясы Чингис-хана. Вероятно, к ним относится и расправа с Абики-беги, бывшей супругой Чингис-хана.

Уже вскоре после смерти Угедэя стали распускаться слухи, что он был отравлен Абики-беки и ее сыном-баурчи (стольником), когда традиционно (как и каждый год до этого) обедал у них. Это обвинение постарались опровергнуть родичи покойного хана, однако Абики все же, по-видимому, была казнена.²³⁸ Истинная же причина преследований ее со стороны Туракины вполне очевидно вытекает из сообщения Рашид ад-Дина: при разводе Чингис-хан из всего имущества Абики оставил себе одного стольника и золотую чашу, «все же остальное: орду, ев-угланов, домохозяев и слуг, казну, табуны и стада — полностью отдал жене».²³⁹ Более того, ее сын от Кэхтэй-нойона, Долчин-багатур, по итогам курултая 1236 г. получил владения в Китае наравне с самими Чингизидами и наиболее высокопоставленными сановниками.²⁴⁰ Несомненно,

желание присвоить себе владения и имущество Абикэ-беки и ее сына побудило Гуюка и Туракину, вечно нуждавшихся в деньгах, расправиться с бывшей женой Чингис-хана. Трудно не усмотреть в этом также и некое грозное предупреждение самой Сорхактани.

Вдова Тулуя затаила ненависть к хану Гуюку и всему его семейству и на почве этой ненависти сблизилась с еще одним недругом рода Угедэидов — золотоордынским правителем Бату, сыном Джучи. Когда Гуюк стал собирать армию для похода против Бату, на словах намереваясь всего лишь перекочевать в свои более западные владения, именно Сорхактани направила правителю Золотой Орды послание с предупреждением: «Будь готов, так как Гуюк-хан с многочисленным войском идет в те пределы».²⁴¹ Вряд ли у Бату не было других источников сведений о приготовлениях Гуюка, однако письмо Сорхактани имело важное значение: Сорхактани показывала, что вместе с золотоордынским правителем намерена противостоять Гуюку и его родственникам в неминуемой схватке, которую предотвратила лишь неожиданная смерть Гуюка.²⁴²

После смерти Гуюка Сорхактани и Бату объединились против Огул-Гаймиш, вдовы Гуюка, и ее приверженцев — членов семейств Чагатай и Угедэя и верных им нойонов. Уже имея планы по отстранению Угедэидов от трона Монгольской империи, в течение нескольких лет союзники старались дискредитировать регентшу Огул-Гаймиш и ее сыновей, а сами тем временем тайком от других Чингизидов и знати вели переговоры о будущем переделе империи.

После смерти всех сыновей Чингис-хана его внук Бату стал ака — главой рода Чингизидов. И в качестве такового именно ему следовало созвать и провести курултай по выбору нового хана. Однако Бату не слишком доверял своим восточным родичам и поэтому не горел желанием ехать в Монголию, где полагалось проводить курултай. Он решил провести курултай в собственных владениях и призвал своих родственников и имперскую аристократию прибыть к нему, объяснив, что не может прибыть в Монголию по причине преклонного возраста и болезни. Но многие отказались это сделать, вполне обоснованно объясняя свой отказ тем, что по закону курултай должны собираться в долине рек Онона и Керулена.

И тогда Сорхактани посоветовала своему старшему сыну Мунке: «Так как царевицы ослушались старшего брата и к нему не пошли, пойдя ты с братьями и навести его, больного».²⁴³ Мунке последовал рекомендации матери, прибыл к Бату вместе

с некоторыми братьями, оказав ему уважение и договорившись о дальнейших совместных действиях против семейств Чагатая и Угедэя. Совет царевичей и нойонов, созданный Бату, принял решение, что наиболее подходящим кандидатом на престол является именно Мунке, — чего и добивалась Сорхактани.

Примечательно, что в работе курултая 1251 г., на котором было принято решение лишить Угедэидов права на монгольский трон и избрать ханом Мунке, сама Сорхактани активной роли не сыграла. Главными действующими лицами курултая являлись Берке и Туга-Тимур, братья Бату, а также братья самого Мунке. По-видимому, вдова Тулуя (которой, напомним, было к этому времени не менее 60 лет) сочла, что выполнила свое предназначение, и передоверила своим сыновьям дальнейшую борьбу за власть в империи, ограничив свое участие в подготовке курултая тем, что отправила некоторым царевичам приглашения от своего имени.²⁴⁴

Однако вскоре после триумфа своего сына Сорхактани вновь вышла на политическую сцену — для того чтобы окончательно расправиться со своими давними недругами.

IV

В предыдущем очерке мы уже описали обстоятельства, при которых после воцарения Мунке потомки Угедэя и Чагатая составили заговор против новоизбранного хана, который очень скоро (хотя и практически при случайных обстоятельствах) был раскрыт. Заговорщики, а также близкие к ним Чингизиды и были арестованы и привлечены к ханскому суду. Однако, поскольку среди арестованных оказалось несколько женщин из ханского рода, их передали на суд матери хана.²⁴⁵

Сорхактани при поддержке Мункесар-нойона, которого Мунке назначил великим дзаргучи (главным судьей) в данном процессе, рассмотрела дела своей давней соперницы — Огул-Гаймиш (вдовы Гуюка), Кадакач-хатун (матери Ширэмуна, внука Угедэя), а также еще нескольких женщин из рода Чингис-хана. После многодневных пыток они были признаны виновными и казнены через утопление.²⁴⁶ Примечательно, что среди обвинений против Угедэидов не прозвучало убийство Абикэ-беки (поскольку она, будучи выданной замуж за Кэхтэй-нойона, уже не принадлежала к семейству Чингизидов), однако не приходится сомневаться, что Сорхактани не в последнюю очередь стремилась отомстить семейству Угедэя за казнь сестры.

В разгар процесса к Сорхактани обратился Кара-Хулагу, внук Чагатая. После смерти деда он был объявлен его преемником в Чагатайском улусе, но Гуюк после воцарения отнял у него трон и сделал чагатайским правителем Есу-Мунке — сына Чагатая, который был близким другом и собутыльником нового хана. Теперь, когда политическая ситуация изменилась, Есу-Мунке, его супруга Тогаши и некоторые их родственники также были вызваны на суд. Кара-Хулагу, стремясь лично расправиться с родичами-врагами, прибег к помощи Сорхактани, поскольку та приходилась близкой родственницей его супруге Эргэнэ.²⁴⁷ царевич просил предоставить ему право суда над Есу-Мунке и Тогаши. Сорхактани передала просьбу Кара-Хулагу своему сыну Мунке, и тот позволил чагатайскому царевичу расправиться с родичами.²⁴⁸

Суд над женщинами из рода Угедэя и Чагатая и расправа с ними стали последними событиями, в которых Сорхактани принимала активное участие. Вскоре после этого она стала сильно болеть, причем, по некоторым сведениям, будучи христианкой, видела в этой болезни божью кару за проявленную ей жестокость в борьбе за воцарение сына и в расправе с его недругами.²⁴⁹

Сорхактани скончалась в феврале или марте 1252 г.²⁵⁰ Сыновья воздвигли в ее честь мемориальные стелы в Дадугу (монгольское название Пекина) и Чжэньдинфу — столице ее личного удела.²⁵¹ И у них были основания быть ей благодарными: Мунке правил в Монгольской империи в 1251–1259 гг., Арик-Буга признавался значительной частью империи в ханском достоинстве в 1260–1264 гг., пока не был побежден своим старшим братом Хубилаем, правление которого датируется 1260–1294 гг. (с 1271 г. он также стал первым императором монгольской династии Юань в объединенном Китае). Впоследствии, вплоть до упразднения последних ханских титулов в Монголии в 1922 г., большинство ханов Монгольского ханства и монгольских аймаков являлись прямыми потомками Сорхактани (по линии Хубилая).²⁵² Хулагу, младший сын Сорхактани, в 1256 г. основал в Иране династию ильханов, которая пресеклась в 1350-е гг. Несомненно, Рашид ад-Дин не погрешил против истины, когда написал: «Несомненно, что [только] благодаря уму и способностям, которые у нее были, она выдвинула своих сыновей перед их двоюродными братьями и довела их до каанского и царского достоинства».²⁵³

Как ни странно, в «Юань ши» Сорхактани не уделено много внимания: мать Хубилая, основателя династии Юань, удостоилась лишь краткой биографии, в которой упоминается, что она стала

матерью императоров Сянь-цзуна (Мунке) и Ши-цзу (Хубилая), а также что ей в 1265 г. был присвоен посмертный титул императрицы Чжуан-шэн, а в 1309 г. — Сянь-ю Чжуан-шэн («Прославленная, прекрасная, уравновешенная и благочестивая»)²⁵⁴. Зато в позднесредневековых монгольских летописях этот пробел был существенно восполнен: Сорхактани удостоилась самых высоких отзывов и оценок и даже фигурирует в них с титулом «Эши-хатун», т. е. «ханша — корень рода», поскольку дала жизнь целым трем ханам Монгольской империи, — обычно с таким титулом в монгольской историографии фигурирует Алан-Гоа, считающаяся прародительницей ряда монгольских племен и, в частности, рода кият-борджигин.²⁵⁵ В Монголии культ Сорхактани существовал долгие годы — в рамках семейного культа Чингис-хана и его рода.²⁵⁶

В отличие от вышеупомянутых правительниц из дома Чингизидов — Борте, Туракины и Огул-Гаймиш, — не проявлявших особого интереса к религии и не идентифицировавших себя с какой-либо из мировых конфессий, Сорхактани, как и большинство ее родичей-кераитов, придерживалась христианства в его несторианском варианте. Тем не менее она удостоилась весьма почтительных отзывов от своих современников и позднейших историков, исповедовавших самые разные религии — христианство и ислам, иудаизм и буддизм, поскольку оказывала покровительство всем религиям, имевшим распространение в Монгольской империи.²⁵⁷

Весьма характерно, что Сорхактани была похоронена в городе Чжанье (китайская провинция Ганьсу) в храме, который, возможно, изначально являлся несторианским, но затем был переделан в буддийский. По некоторым сведениям, именно в этом городе родился ее сын Хубилай.²⁵⁸ Однако еще в 1335 г. ее портрет был выставлен в несторианской церкви Ганьчжоу (к сожалению, он не дошел до нашего времени, так что сведений о внешности Сорхактани у нас нет).²⁵⁹

В какой-то мере ее религиозную политику продолжила ее сноха — Чаби, супруга Хубилая, вошедшая в историю как большая покровительница буддизма.

ОЧЕРК ПЯТЫЙ. ЧАБИ — ПЕРВАЯ ИМПЕРАТРИЦА ДИНАСТИИ ЮАНЬ (УМ. 1281, ИМПЕРИЯ ЮАНЬ)

Чаби, старшая супруга Хубилая, великого хана Монгольской империи и основателя империи Юань, вместе с мужем пережила его взлеты и падения. Неудивительно, что она удостоилась императорского титула одновременно с самим Хубилаем. Кроме того, супруги действительно были очень близки: Хубилай был сильно привязан к своей жене, нередко руководствовался ее советами при принятии политических решений и впоследствии очень тяжело переживал ее кончину.

I

Чаби (в монгольских источниках фигурирует также под именем Цамбуй) происходила из рода кунграт, который, как мы помним, официально являлся «поставщиком» жен для монгольских ханов и мужей для ханских дочерей еще с дочингисовых времен. Она была дочерью Алчи (Ильчи)-нойона²⁶⁰ из племени кунграт. Алчи-нойон был сыном Дай-сэчена и, соответственно, братом Борте, старшей супруги Чингис-хана. Таким образом, Чаби приходилась своему мужу Хубилаю (внуку Чингис-хана и Борте) двоюродной теткой. Ее родной сестрой (по-видимому, бывшей намного старше) являлась Уки-хатун — мать Бату, двоюродного брата Хубилая, а племянницей — Катагач-хатун, казненная по приказу Сорхакта-ни-беки, матери Хубилая.²⁶¹

Принимая во внимание то, что Чаби принадлежала к более раннему поколению, чем ее муж, а также и то, что она умерла намного раньше его, можно предполагать, что она была на несколько лет старше своего мужа.

Обстоятельства и точная дата женитьбы Хубилая и Чаби неизвестны, однако, поскольку их первый сын родился около 1240 г.,

в 1239 г. они были уже женаты.²⁶² Согласно «Муизз ал-ансаб», «первой по времени» женой Хубилая была Куркайчин (Букчан-Тармиш),²⁶³ поначалу пользовавшаяся большим влиянием, «но со временем потерявшая его»,²⁶⁴ возможно — из-за того что не родила Хубилаю детей. Вполне возможно, что Чаби стала супругой Хубилая по праву левирата — т. е., он женился на ней после смерти ее первого супруга, своего старшего родственника, что вообще было распространенным семейно-правовым обычаем среди монголов. Рождение первого сына (а затем еще троих сыновей и пяти дочерей) позволило Чаби приобрести статус старшей жены.

Впрочем, рассчитывать на какое-то заметное место в семейной иерархии Чингизидов и тем более в Монгольской империи ей не приходилось: ее супруг Хубилай был всего лишь четвертым из десяти сыновей Тулуя — четвертого сына Чингис-хана.²⁶⁵ Ко времени их женитьбы ханом Монгольской империи был Угедэй, и трон официально считался закрепленным за его потомками; наиболее крупные улусы в составе империи отошли потомкам Джучи и Чагатая, старших сыновей Чингис-хана. Хубилай мог рассчитывать лишь на небольшой улус в Монголии и Северном Китае — владениях, завещанных Чингис-ханом Тулуу и его потомству.²⁶⁶

Однако, как уже описано в предыдущих очерках, обстоятельства сложились так, что к 1251 г. потомство Угедэя было лишено права на трон Монгольской империи, и новым монгольским ханом стал Мунке, старший брат Хубилая. Поскольку сам Хубилай был вторым сыном Тулуя от его старшей жены (кроме того, его старшие по возрасту братья, Джурика и Хутукту, скончались в молодости), его статус существенно повысился. А когда Мунке-хан возобновил завоевания, Хубилаю было поручено возглавить боевые действия против китайской империи Южная Сун (1252 г.). В этом походе он проявил себя как талантливый полководец и вместе с тем опытный администратор, поскольку сумел привлечь на службу многих выходцев из Китая, с помощью которых впоследствии создал собственную китайскую империю Юань, а первой императрицей новой династии была провозглашена Чаби.

II

Однако рост известности и влияния Хубилая среди подданных Монгольской империи повлек и неприятности. Его старший брат, хан Мунке, ставший с годами болезненно подозрительным в отношении всех окружающих (включая и ближайших родственников), стал

подозревать Хубилая в намерении создать независимое государство на завоеванных им землях в Южном Китае. Сначала он отстранил брата от командования войсками, заменив другим военачальником (под благовидным, впрочем, предлогом, что Хубилай страдает болезнью ног и должен отдохнуть от походов). Затем хан ввел и более жесткий контроль за управлением собственным уделом Хубилая, который ранее сам же ему и пожаловал.²⁶⁷

Хубилаю удалось оправдаться перед Мунке, убедить его в своей лояльности и вернуть себе командование войсками в Южном Китае. Однако прежнего доверия к нему венценосный брат уже не испытывал. В 1257 г. сам Мунке возглавил основные силы в Китае, а Хубилаю доверил второстепенный по значению фронт, поручив завоевать небольшое южно-китайское государство Нань-чжао-Дали (современная провинция Юньнань в КНР). Более того, хан не позволил Чаби отправиться с мужем или хотя бы остаться в его владениях, а взял ее в поход с собой.²⁶⁸ Выглядело это как оказание милости супруге Хубилая, удостоившейся права сопровождать самого властителя Монгольской империи, однако трудно не увидеть, что на самом деле она стала заложницей, обеспечивавшей лояльность Хубилая венценосному брату. Тем не менее вскоре оказалось, что пребывание Чаби при девере пошло на пользу ее мужу.

В 1259 г. Мунке скончался при осаде небольшого китайского городка-крепости Хэ-чжоу — по одним сведениям, от эпидемии холеры или дизентерии, свирепствовавшей в монгольском лагере, по другим, был убит стрелой из крепостного арбалета или камнем из камня.²⁶⁹ Смерть хана, согласно имперскому правовому обычаю, влекла временное прекращение завоевательных действий на срок траура. Весьма примечательно, что оплакивание хана (опять же — согласно обычаю) совершалось в лагерях трех его жен (Кутай-хатун, Кутуктай-хатун и Киса-хатун), а также Чаби-хатун,²⁷⁰ что, на наш взгляд, свидетельствует о высоком ее положении при дворе. Она немедленно отправила весть о смерти хана своему супругу, который также прервал военные действия и устроил траур по покойному брату.²⁷¹

Когда сведения о смерти хана Мунке дошли до Монголии, Арик-Буга, младший сын Тулуя и Сорхактани, остававшийся там наместником, в соответствии с обычаем, объявил себя временным правителем империи и начал подготовку к созыву курултая, на котором, как надеялся, он будет избран преемником старшего брата. Именно для обеспечения своего избрания Арик-Буга начал стягивать верные войска из разных частей Монголии, а из владений тех

родичей, в поддержке которых не был уверен (включая и Хубилая), начал отзывать воинов в собственное распоряжение.

Чаби-хатун, вернувшаяся к этому времени во владения супруга, получила приказ Арик-Буги, которым предписывалось передать в распоряжение его посланцев монгольских кешиктенов, подчинявшихся Хубилаю. Чаби сразу же отправила к мужу своих нойонов Тайджитая и Яку с посланием, в котором сообщала о распоряжении Арик-Буги и спрашивала, надо ли ему подчиниться, и одновременно попыталась задержать у себя посланцев регента, чтобы Хубилай успел подготовиться к их приезду. В результате, когда требование регента было доставлено Хубилаю, он сумел повести себя так, чтобы и не отказаться выполнять приказ брата-регента, но и не подчиниться.²⁷²

Поняв, что нейтрализовать Хубилая не удастся, Арик-Буга и его сторонники в срочном порядке созвали курултай, на котором официально провозгласили регента ханом. Чтобы обеспечить легитимность курултая, организаторы пригласили на него по несколько представителей всех ветвей Чингизидов. Потомков Тулуя (помимо самого Арик-Буги) представляли Асутай и Урунгташ, сыновья Мунке; из Чагатайского улуса прибыли правительница Эржэнэ-хатун и Алгу, внук Чагатая; от потомков Угедэя были Курмиши и Начин (сыновья Кадана, сына Угедэя), от Джучидов — Карачар, сын Орду, сына Джучи. Кроме того, Арик-Буга распространил слухи, что его избрание поддерживали золотоордынский правитель Берке, сын Джучи, и ильхан Хулагу, сын Тулуя и Сорхактани.²⁷³

Хубилай, имевший основания не признавать решения этого курултая в силу малочисленности участников, в свою очередь созвал собственный курултай в подконтрольных ему землях Северного Китая, где в присутствии нескольких царевичей и нойонов был также провозглашен ханом Монгольской империи. Соответственно, в глазах Арик-Буги и его приверженцев решение этого курултая также являлось незаконным — и из-за малочисленности участников, и из-за проведения не в Монголии.

В результате началась гражданская война между родными братьями Хубилаем и Арик-Бугой — претендентами на ханский трон. Она закончилась в 1264 г. поражением и пленением Арик-Буги, которому Хубилай сохранил жизнь по настоянию Берке и Хулагу. Младший сын Тулуя и Сорхактани-беки, четыре года (1260–1264) считавшийся легитимным монархом в глазах значительной части населения Монгольской империи, умер при невыясненных обстоятельствах в 1266 г.²⁷⁴

Во время борьбы с Арик-Бугой Хубилай всячески старался укрепить свои позиции и придать более легитимный характер своему воцарению и правлению. С этой целью он совершил, в частности, и коронацию Чаби-хатун: между 1260 и 1263 гг. (в династийной истории «Юань ши» этот период именуется эрой правления Чжунтун) она была удостоена титула ханши, что стало очередным шагом на пути к титулу императрицы.²⁷⁵

В 1271 г. Хубилай был официально объявлен правителем объединенного под его властью Китая, родоначальником очередной китайской династии Юань («Начало»). В 1273 г. Чаби был присвоен титул «Императрицы Чжен-и-чжан Шэн-шун Тянь-чжуй Вэнь-гуанинь».²⁷⁶

III

Присвоение Чаби императорского титула было отнюдь не простой формальностью. Она, и в самом деле, в течение ряда лет являлась близкой советницей своего супруга, оказывала существенное влияние на дела государства и не останавливалась перед тем, чтобы критиковать мнение влиятельных царедворцев.²⁷⁷ Династийная история «Юань ши» содержит несколько ярких эпизодов о Чаби-хатун, ее роли при дворе Хубилая и некоторых личных качествах.

Например, однажды несколько высокопоставленных военачальников из окружения Хубилая предложили хану создать вокруг его столицы Даду (Пекина) несколько пастбищ для табунов. Хубилай, и сам будучи кочевником, дал согласие, и оставалось только отметить на карте те места, где земледельческие территории планировалось преобразовать в пастбища. Однако когда об этом узнала Чаби, она опередила военачальников и оказалась у мужа раньше, заявив: «Если бы столица была только что создана, то было бы возможно использовать землю для конских пастбищ, но сейчас, когда земли уже разделены между армией и населением, что же, придется их согнать насильно?» При этом она не постеснялась прилюдно распечь Лю Бинчжуна, одного из самых влиятельных советников Хубилая, упрекнув его в том, что он, один из самых мудрых сановников, не предостерег императора от такого неразумного шага. Хан, выслушав жену, ничего не ответил ей в присутствии придворных, но вскоре отменил решение о создании пастбищ.²⁷⁸

В некоторых случаях Чаби покровительствовала способным чиновникам и способствовала их возвышению, если считала, что они будут полезны Хубилаю. Так, например, еще до ее брака с основателем династии Юань в ее свите состоял некий Ахмад

Бенакети (т. е. уроженец города Бенакета, неподалеку от Ташкента), попавший в плен к монголам и доставшийся семейству Чаби при разделе добычи. После свадьбы она рекомендовала Ахмада своему мужу, на службе у которого тот стал заниматься финансовыми вопросами. К 1260 г., формально занимая какую-то должность в ханском секретариате, Ахмад сосредоточил в своих руках такие направления, как поставки продовольствия, транспорт и пр., при этом отчитываясь лично перед самим Хубилаем.²⁷⁹ В 1270-е гг. Ахмад получил высокий титул пин-чжана и почетное прозвище Су-пин-чжан (Рашид ад-Дин переводит его как «Бдительный незир») и фактически являлся первым министром Хубилая.²⁸⁰

Марко Поло, венецианец, в течение долгого времени состоявший на службе у Хубилая и, возможно, лично знавший Ахмада, сообщает о нем немало нелицеприятного. Так, по его словам, Ахмад, пользуясь расположением и полным доверием хана, нередко расправлялся с личными недругами, обвиняя их в преступлениях против хана. Он был большим бабником и всегда добивался любой женщины, которая ему нравилась, — невзирая на то, была ли она знатная или простолюдника, замужем или нет. Кроме того, своих многочисленных сыновей он также назначал на высокие должности, очень скоро став самым могущественным сановником империи Юань.

Несомненно, Хубилаю жаловались на Ахмада, но хан не реагировал на эти жалобы — вероятно, не только из-за того, что Ахмад был ему полезен, но и потому, что сановнику покровительствовала Чаби. Этот вывод следует из того, что именно вскоре после смерти Чаби-хатун, в 1282 г., против Ахмада был составлен заговор, в результате которого он погиб (примечательно, что среди участников заговора был даже Чжэнь-цзин — сын Хубилая и Чаби, наследник трона).²⁸¹

Чаби не ограничивалась вмешательством в политические дела: она питала интерес к наукам и искусству — естественно, в той мере, в какой это было на пользу ее супругу. Известно, что с подачи Чаби китайские ученые выступили перед Хубилаем с докладом об одном из выдающихся китайских императоров древности — Ли Шимине (император Тай-цзун династии Тан, прав. 627–649). Внимание Чаби привлекло то, что танский император в свое время сумел выстроить эффективные взаимоотношения между своими многочисленными оседлыми и кочевыми подданными, являясь одновременно и императором китайцев, и каганом тюрков. Итогом доклада стала разработка новой историографической концепции о проведении параллелей между выдающимся императором VII в. и Хубилаем, что всячески приветствовалось и поощрялось Чаби-хатун.²⁸²

Супруга Хубилая также старалась привечать известных деятелей искусства, если считала, что их произведения будут способствовать возвеличению хана и основанной им династии. Ярким примером служит участие Чаби в судьбе непальского художника Анигэ, приглашенного ко двору Хубилая и представленного хану, который поручил ему несколько крупных проектов. Анигэ начал с создания ряда скульптур, затем спроектировал буддийский храм и несколько павильонов в императорском парке. Чаби постаралась создать художнику максимально комфортные условия для жизни и творчества и даже организовала его женитьбу на знатной китаянке, состоявшей в родстве с прежней китайской династией Сун.²⁸³

Чаби вошла в историю не только как авторитетная советница своего супруга по вопросам государственной политики, но и как олицетворение великодушия и заботливости. Несколько эпизодов, вошедших в официальную китайскую имперскую историографию, ярко подчеркивают эти ее качества.

Когда в 1276 г. империя Южная Сун была окончательно завоевана, а ее последний малолетний император сдался войскам Хубилая и прибыл в Пекин, чтобы официально выразить покорность новому «сыну Неба», в столице империи Юань проходили многодневные торжества, и монгольская знать веселилась. Только Чаби не давала себе труда скрыть грусть и озабоченность. Когда Хубилай спросил ее о причине ее грусти в пору всеобщего веселья, она ответила ему: «Я слышала, что с древнейших времен не было государств, просуществовавших тысячу лет. Я была бы счастлива, если бы мои потомки не попали в такое положение». Она также отказалась взять себе что-либо из сокровищ императоров Сун, доставшихся монголам в качестве трофеев: «подданные империи Сун хранили это для своих потомков, но их потомки не смогли сохранить это и передали нам. Как я могу быть такой жестокосердной и взять что-то себе?»²⁸⁴

Вероятно, руководствуясь теми же соображениями, она решила оказать покровительство двум вдовствующим императрицам династии Сун, прибывшим в Пекин вместе с последним императором, — Се, бабке императора, и Цюань, его матери. Хубилай выделил им место в своем дворце, но не отнесся к ним с достаточным почтением, поскольку видел в них исключительно государынь побежденной им империи. Двое слуг императриц повесились, не в силах перенести унижений, которым подвергались их госпожи. Разгневанный Хубилай повелел отрубить самоубийцам головы

и выставить их в спальне императрицы Цюань. Чаби тут же вступилась за нее, попросив Хубилая отпустить бывшую императрицу в ее родные земли в Южном Китае. Однако хан отказал, весьма резонно заявив, что вокруг нее могут собраться сторонники свергнутой династии Сун и попытаться восстановить упраздненную империю. Однако он разрешил Чаби взять низложенных императриц под свое покровительство, что она и сделала. Императрица Се умерла в 1282 г., а императрица Цюань ушла в буддийский монастырь, где скончалась в 1296 г.²⁸⁵

Некоторые сведения из «Юань ши» позволяют сделать вывод о бережливости Чаби, порой доходившей до откровенной скупости, — что позволяет предполагать в известной мере анекдотический характер подобных сообщений. Однажды она потребовала, чтобы ей дали для одежды два отреза шелка, предназначавшегося для нужд управления делами императорского дворца. Хубилай, узнав об этом, сделал ей выговор: «Эти предметы необходимы армии и государству. Они не являются частной собственностью. Как вы можете брать их?» Уязвленная Чаби с тех пор всячески старалась не допустить, чтобы что-либо пропадало зря. Так, она приказала своим придворным дамам собирать использованные тети́вы от луков и распускать их на нитки для новых тканей — они выходили более прочными, чем шелк и сатин. Также она приказывала собирать обычно неиспользуемую кожу с передних ног овец, из которой для нее делали коврики.²⁸⁶

Чаби также вошла в историю как законодательница придворной моды. Она неоднократно видела, как Хубилай, стреляя из лука, щурится от солнца, и придумала приделать к его головному убору козырек, предохраняющий от солнечных лучей. Хан был в восторге и тут же приказал ввести такие шапки для всех монгольских лучников. Она также разработала особое одеяние, удобное для сражения и верховой езды: оно состояло из двух кусков ткани (передний был вдвое короче заднего), у него не было рукавов, а только лямки, соединявшие переднюю и заднюю часть. Впоследствии эта одежда, называвшаяся «биция» (bijia), также получила широкое распространение.²⁸⁷

IV

В монгольской позднесредневековой историографии сведения о Чаби-хатун тесно связаны с распространением в Монгольской империи и империи Юань тибетского буддизма.

Согласно этим источникам, Чаби изначально демонстрировала расположение к буддийским священнослужителям и, в частности, к Пагба-ламе, который впоследствии стал фактическим правителем Тибета. Причем первоначально, согласно преданию, хан намеревался включить Тибет в состав своих владений и наравне с другими регионами обложить налогами и повинностями — в частности, требовать поставки воинов для армии и вооружения для них. Пагба-лама, будучи не в силах переубедить хана, намеревался уже вернуться восвояси, однако ему на помощь пришла ханша Чаби, которая охарактеризовала тибетского священнослужителя как олицетворение мудрости и посоветовала мужу найти с ним общий язык. Пагба-лама (вероятно, не без под подсказок Чаби) поведал о том, что император Тай-цзун династии Тан (Ли Шиминь) заключил союз с тибетским правителем Сронцзангамбо, и Хубилай, в свою очередь, вознамерился последовать примеру своего кумира. Так было положено начало концепции «двух законов» или «двух правлений»: хан являлся светским главой империи и повелителем Тибета, тогда как тибетский первоиерарх стал «властителем душ» буддийского населения империи.²⁸⁸

Впрочем, Пагба-лама не сразу добился высшего положения в Тибете: в течение некоторого времени он соперничал с другим святителем — Карма-бакши, который появился при монгольском дворе еще в правление Мунке-хана. Стремясь затмить мудрость Пагба-ламы, Карма-бакши сумел продемонстрировать Хубилаю некие чудеса, в результате чего хан счел его более достойным места тибетского первосвященника. Однако Чаби, всячески поддерживавшая Пагба-ламу, от которого она приняла посвящение в буддизм (и в благодарность преподнесла ему крупную жемчужину — свою семейную реликвию), вступилась за него и вместе с рядом сановников стала внушать хану, что знания ламы неизмеримо выше, чем у Карма-бакши. Поскольку хан всегда прислушивался к мнению жены, к 1262 г. он возвысил Пагба-ламу, а Карма-бакши отправился обратно в Тибет.²⁸⁹

Исследователи, оставляя в стороне разного рода мистические и магические аспекты истории обращения монголов в буддизм, тем не менее согласны с тем, что Чаби и в самом деле оказывала покровительство буддийским храмам и духовенству. В частности, именно она устроила знакомство Хубилая с его первым буддийским советником — тибетским монахом Хайюнем.²⁹⁰ Чжэнь-цзинь, второй сын Хубилая и Чаби, считавшийся официальным наследником трона, под влиянием матери также отошел от даосизма,

которым увлекался в молодости, и стал покровительствовать буддизму.²⁹¹

Стоит отметить, однако, что монгольские хронисты (большинство из которых сами являлись ламами — представителями буддийского духовенства) в значительной степени преувеличивали роль Хубилая и Чаби в распространении буддизма. В частности, известно, что и Хубилай, и Чаби покровительствовали не только буддистам, но и христианам, иудеям, мусульманам, присутствовали на их богослужениях и пр. — об этом сообщает уже Марко Поло, современник и сановник самого Хубилая.²⁹² Несомненно, приписывание Чаби (наравне с Хубилаем) заслуг в распространении буддизма нужно было их потомкам — последующим монгольским ханам, чтобы приобрести больший вес в буддийском сообществе Центральной Азии в XVI–XVII вв., когда буддийская вера стала одним из главных факторов легитимации власти и ее покровители существенно возвышались над остальными претендентами на трон. Неслучайно Чаби уже в эпоху Юань стала считаться реинкарнацией Гуанинь, почитаемой китайскими буддистами.²⁹³

V

Уже на склоне жизни Чаби испытала сильное потрясение: ее четвертый сын Нумуган попал в многолетний плен к врагам империи Хубилая. В 1271 г. он был назначен ханским наместником в Монголии, где в течение ряда лет возглавлял военные действия против Хайду — внука Угедэя, который отказался подчиняться Хубилаю и провозгласил себя ханом Монгольской империи. В 1277 г. против Нумугана устроили заговор его собственные подчиненные — царевичи-Чингизиды, которые выдали его Хайду, отправившему пленника к своему союзнику, золотоордынскому хану Менгу-Тимуру.²⁹⁴ Несомненно, известия о пленении сына и его высылке далеко на запад существенно подорвали здоровье уже немолодой ханши, которая и без того много сил отдавала государственным делам и заботе о своем муже и многочисленном семействе.

Скорее всего, уже во второй половине 1270-х гг. Чаби отошла от государственных дел и вскоре умерла. При этом сведения насчет даты ее смерти различаются даже в рамках одного и того же источника: например, в «Юань ши» указываются две даты — «второй месяц четырнадцатого года эры Чжюань» (1277 г.) и «второй месяц восемнадцатого года эры Чжюань» (1281 г.). Исследователи полагают, что вторая дата более достоверна.²⁹⁵ Любопытно, что даже перед

смертью Чаби старалась сделать что-то полезное для своего супруга. Исследователи считают, что именно она порекомендовала Хубилаю после ее смерти жениться на ее племяннице Намби (Намбуи)-хатун — дочери ее брата Начин-гургэна из племени кунграт.²⁹⁶

Смерть Чаби глубоко опечалила Хубилая. Он надолго забросил государственные дела, стараясь заглушить боль утраты пьянством (что вообще было характерно для семейства Чингизидов) и обжорством.²⁹⁷ Со временем к хану вернулась способность вновь заниматься делами государства, но, судя по многим его решениям, он уже не всегда мог вести себя адекватно. Именно ко времени после смерти Чаби относятся, в частности, совершенно авантюрные проекты — попытки завоевания Японии (1281 г.) и Явы (1292 г.). По мнению исследователей, если бы Чаби была жива, вряд ли Хубилай стал бы затевать подобные проекты.²⁹⁸

Хубилай и его преемники позаботились о том, чтобы сохранить память о Чаби в истории. В храме, возведенном в честь самого Хубилая, было установлено также ее святилище и совершались церемонии в память о ней. Последующие ханы — императоры Юань (являвшиеся в большинстве своем потомками Чжэнь-цзиня, второго сына Хубилая и Чаби) также сохраняли ее культ в своем семействе.

В официальной юаньской историографии она фигурирует под титулом императрицы Чжао-чжу Шун-шэн («Прославленная, мудрая, повинующаяся и праведная»), который был пожалован ей ее внуком Тэмуром (Олджайту-хан, император Чэн-цзун династии Юань, прав. 1295–1307) после его вступления на трон.²⁹⁹ В специальной книге пожалований о ней было написано: «...императрица оказывала сильную духовную поддержку. Ее благочестивое отношение позволяло снискать помощь небес. Она осуществляла руководство двором и обеспечивала мораль, угодную небу. Прежде она служила императору, когда он был еще только князем, и они вместе прошли через многие испытания. Она увидела грядущую опасность и предупредила Ши-цзу, чтобы он вернул войска с реки Хубэй, и она своими мудрыми советами помогла Ши-цзу воссесть на трон в Шанду, поскольку она обладала даром предвидения, то могла принимать быстрые решения, самолично вершив правосудие. Она также направляла свой ум для подачи советов придворным, как помочь императору. Она помогла моему священному предку стать могущественным императором. Она подготовила моего отца [имеется в виду Чжэнь-цзин, отец Тэмуре, — Р. П., И. П.] к несению обязанностей перед страной».³⁰⁰

Рашид ад-Дин проводит параллели между Чаби и Борте — старшей супругой Чингис-хана (которая, как мы помним, приходилась к тому же теткой супруге Хубилая): как и Борте, она являлась соратницей своего супруга и родила ему четверых сыновей и пять дочерей. Старший из ее сыновей, Доржи, был болезненным и умер в молодости, оставив одного сына.³⁰¹ Второй, Чжэнь-цзин (или Чинким, считается, что это китайское написание имени Чингис), был назначен наследником отца, проявил немалые таланты в управлении, склонность к культуре и искусству, однако скончался в 1285 г., так и не унаследовав трона; в дальнейшем на монгольском троне пребывали преимущественно его потомки. Третий сын, Миклукан (Мангалай), был назначен в 1271 г. правителем области Тангут, но скончался в 1280 г. Наконец, четвертым был вышеупомянутый Нумуган — наместник Монголии, преданный своими соратниками и после продолжительного пребывания в плену возвратившийся к отцу.³⁰² Что же касается дочерей Хубилая и Чаби, то сохранилась информация только о двух из них: одна, Мяоянь, стала буддийской монахиней, причем память о ней в монастыре сохранялась еще в первой половине XX в.; другая дочь, Ху-ду-лу Цзе-ли-ми-ши, была выдана замуж за корейского правителя, вассала Хубилая, с целью укрепить его связи с империей Юань.³⁰³

Также персидский историк отмечает, что Чаби (Чабун-хатун) «была очень красива и одарена прелестями».³⁰⁴ Его сведения можно проверить: Чаби стала единственной супругой Хубилая, чей портрет кисти не то китайских, не то монгольских или тюркских художников сохранился до нашего времени среди портретов императриц династии Юань. На портрете предстает женщина средних лет с круглым лицом, небольшим носом, широко расставленными слегка раскосыми глазами и тонко выщипанными бровями. Вполне возможно, что портрет является стилизованным и не отражает реальный образ Чаби-хатун. Однако, на наш взгляд, она выглядит более привлекательной, чем другие императрицы Юань, чьи портреты также дошли до нашего времени.³⁰⁵

В последующем, в период династии Юань и ранний пост-юаньский период истории Монголии (XIV — первая половина XV вв.) ханши или иные представительницы ханского рода продолжали играть значительную роль в политических делах, но она проявлялась не столь ярко, как в XIII в. Но во второй половине XV в. на политическую сцену вышла еще одна ханша — Мандухай, чья роль в истории Монгольского ханства вновь заставила вспомнить о временах Борте, Сорхактани и Чаби.

ОЧЕРК ШЕСТОЙ.
МАНДУХАЙ — ВОССТАНОВИТЕЛЬНИЦА
МОНГОЛЬСКОГО ХАНСТВА
(1448–1509, РЕГЕНТША
МОНГОЛЬСКОГО ХАНСТВА
1470–1479)

В 1368 г. империя Юань пала в результате народно-освободительной войны в Китае, и к власти пришла национальная династия Мин (1368–1644). В течение двадцати лет монгольские ханы пытались вернуть власть над Китаем, номинально считаясь императорами Северной Юань (1368–1388), однако вскоре внутренние смуты заставили их отказаться от этих попыток.

Утрата потомками Хубилая власти над Китаем и статуса великих ханов — императоров привела к значительному снижению их авторитета и, соответственно, к ликвидации их монополии на верховную власть в Монголии. С конца XIV до середины XV в. на монгольский трон предъявляли претензии представители других ветвей Чингизидов — потомки Арик-Буги, брата Хубилая, а также Угедзиды, чьи предки были отстранены от наследования трона еще в середине XIII в.³⁰⁶ Более того, среди претендентов на верховную власть оказались и вообще не Чингизиды — потомки братьев Чингис-хана и даже правители племени ойрат, имевшие лишь отдаленное родство с Золотым родом по женской линии.

Именно в этих условиях пришлось действовать Мандухай, чья деятельность по восстановлению единства Монголии оказалась весьма удачной и была высоко оценена потомками, в памяти которых она осталась как «мудрая ханша». Впоследствии монгольские историографы всячески приукрасили и мифологизировали образ Мандухай, поэтому при изучении ее биографии не всегда возможно понять, что из сохранившихся сведений о ней соответствует фактам, а что представляет собой эпические «добраивания».

I

Несомненно, снижению авторитета потомков Хубилая во многом способствовали их внутренние конфликты, в результате братья порой губили друг друга. Согласно позднесредневековой монгольской историографии, в конце XIV в. хан Элбэг (прав. 1392–1399) приказал убить собственного брата Харгуцуга-хунтайджи,³⁰⁷ возжелав его жену. Устранить брата хану помог ойратский предводитель Хуухай-Тайу, которому вдова Харгуцуга вскоре нашла способ отомстить: она пожаловалась хану, что ойратский вождь пытался ее изнасиловать, и разгневанный хан убил своего пособника. Когда Элбэг узнал, что его ввели в заблуждение, он, как бы признавая свою вину, сделал сыновей Хуухая-Тайу его наследниками — правителями ойратов, а за одного из них, Батулу-чинсана,³⁰⁸ даже выдал замуж свою дочь Самур. Однако сыновья Хуухая так и не простили Элбэгу расправу с отцом и вскоре убили хана.³⁰⁹

Усилившиеся за счет родства с ханским родом ойратские предводители активно вмешались в борьбу за ханский трон и в течение почти сорока лет возводили на престол собственных ставленников, которых нередко сами же и свергали. В 1438 г. Тогон, сын Батулы и Самур, приходившийся, таким образом, внуком хану Элбэгу, убил очередного хана — Адая (потомка Угедэя), а вскоре и сам предъявил права на трон. Согласно преданию, он при этом совершил святотатственное деяние — отправился в святилище («восемь белых юрт») Чингис-хана и заявил, что не уступает по знатности основателю Монгольской империи, поскольку сам относится к ханскому роду по линии матери. При этих словах задрожало острие стрелы в колчане Чингис-хана, висевшем в святилище, а когда Тогон вышел наружу, то сразу упал без сознания: когда его осмотрели, то увидели в спине рану от стрелы, от которой ойратский предводитель вскоре скончался. Впрочем, исследователи вполне справедливо считают этот сюжет мифологическим, а гибель Тогона связывают с соперничеством между самими ойратскими предводителями (монгольские историки подробно говорят о его конфликтах с другими вождями ойратов) либо с противостоянием империи Мин, агенты которой могли умертвить слишком активного и амбициозного вождя.³¹⁰

Прошло около пятнадцати лет после гибели Тогона, и в 1453 г. его сын Эсен-тайши, внук царевны Самур, все же провозгласил себя ханом, свергнув очередного хана — Дайсунга (потомка Хубилая) и умертвив его брата Агбарджин-джинонга. Правда, и он правил недолго и в 1455 г. разделил судьбу своего отца, когда

возбудил против себя собственных соплеменников, отказав им в присвоении почетных титулов, на которые те претендовали.³¹¹ Тогон и Эсен считались родоначальниками семейства Чорос, впоследствии ставшего во главе Джунгарского ханства (1634–1758), которое исследователи нередко именуют «последней степной империей». Надо полагать, не последнюю роль в их возвышении сыграло то, что они являлись потомками монгольских ханов из рода Хубилая — хотя и по женской линии.

По мнению некоторых авторов, к числу потомков царевны Самур относилась и сама Мандухай, которая около 1464 г. стала супругой хана Мандугула (потомка Хубилая, прав. 1463–1467³¹²). Происхождение делало его легитимным претендентом на монгольский трон, но будущий супруг Мандухай сумел воцариться лишь при поддержке тех же ойратов: царевичу оказал поддержку ойратский предводитель Бэгрэсэн-тайши,³¹³ который приходился ему тестем: его дочь Джунхэн являлась старшей женой Мандугула. Стоит заметить, впрочем, что в монгольских позднесредневековых хрониках из двух жен хана Мандугула первой названа Мандухай, а второй — Джунхэн.³¹⁴ Однако монгольские летописцы писали, уже зная о роли Мандухай в истории Монгольского ханства, и поэтому вполне могли поставить ее на первое место.³¹⁵ К тому же, стремясь возвысить Мандухай, летописцы приводят весьма интимные подробности из личной жизни хана Мандугула: «Говорят, что с большеносой Йунгэн-хаган [т. е. Мандугул-хан. — Р. П., И. П.] испытывал онемение и не мог соединиться с ней».³¹⁶

Мандухай была дочерью нойона Тэмур-чинсана из рода чорос, т. е. приходилась родственницей ойратским претендентам на монгольский престол — Тогону и Эсену. Именно Эсен в свое время присвоил Тэмуру титул чинсана, что, впрочем, не помешало отцу Мандухай вскоре выступить против своего покровителя, присоединившись к его врагам. В летописях Тэмур назван правителем онгутов в области Тумэт.³¹⁷ По данным монгольских летописей, Мандухай родилась в 1448 или 1450 г.³¹⁸ Соответственно, она стала ханской женой в возрасте 14 или 16 лет.

В течение всего правления Мандугула о деятельности Мандухай нет никаких сведений. Во-первых, она была слишком молода, во-вторых — уступала по значению Джунхэн, старшей жене хана. Кроме того, вскоре после женитьбы на Мандухай хан Мандугул, не имевший потомков и опасавшийся, что в случае его смерти трон вновь может перейти к побочным линиям потомков Чингис-хана или даже не Чингизидам, вызвал к себе своего внучатого

племянника Баян-Мунке (он был внуком Акбарджин-джинонга, старшего брата Мандугула) и в 1467 г. сделал его своим наследником-соправителем, дав ему титул Болху-джинонга; последний вскоре занял первенствующее положение при ханском дворе, оттеснив не только Мандухай, но и Джунхэн.³¹⁹

Таким образом, казалось, что нашей героине и суждено остаться супругой, выданной за хана исключительно в династических целях. Однако вскоре ситуация изменилась коренным образом.

II

Вполне возможно, что не без участия первой жены Мандугула недруги Болху-джинонга стали нашептывать хану, что его соправитель вознамерился отобрать у него жену, а затем и трон (примечательно, что те же люди самому Болху-джинонгу внушали, что хан намерен с ним расправиться). В результате Болху-джинонгу пришлось бежать и скрываться от хана и его тестя Бэгэрсэн-тайши.³²⁰ В том же 1467 г. хан Мандугул скончался, не оставив потомства. Болху-джинонг, бежавший из владений Мандугула, попытался найти убежище в дальних кочевьях, но около 1469 г. был убит представителями племени йоншийэбу, которые даже не знали, кто это: их прельстили красивая лошадь и богатое одеяние проезжего, и они умертвили его за отказ отдать им свое имущество.³²¹

В результате к 1470 г. сложилась такая ситуация, что не осталось ни одного потомка Хубилай-хана, который мог бы занять трон. Не предъявляли претензий на власть и другие потомки Чингис-хана, устрешенные судьбой своих предшественников. Монгольскому ханству вновь грозила опасность распада и попадания под власть ойратов. Кроме того, большую опасность представляли также империя Мин на юге и мусульманские правители Туркестана на северо-западе, которые, в свою очередь, намеревались подчинить себе отдельные монгольские племена и роды.

В этих условиях именно Мандухай проявила решительность и сумела стать во главе распадающегося государства — вероятно, не только в силу своих личных качеств, но и потому, что никто другой не решался возглавить ханство в столь критической ситуации. По некоторым сведениям, после смерти Мандугула к его вдове было отправлено посольство из империи Мин с письмом, в котором ей предлагалось признать власть императора над собой

и своими владениями, взамен же гарантировалось спокойное и безбедное существование.³²² Однако Мандухай отказалась и тем самым сделала свой выбор в пользу борьбы за власть.

Однако просто так стать во главе государства второй жене покойного хана вряд ли удалось бы. Поэтому она предусмотрительно начала поиски хотя бы кого-то из потомков Чингис-хана, чтобы сохранить власть, выйдя замуж за него. Несомненно, положение Мандухай как ханши, да еще и владельницы собственного улуса (ведь, как мы помним, представительницы правящего семейства Монгольского ханства имели в полном распоряжении земельные владения, имущество и людей) заставило бы нового хана считаться с ней — тем более что она намеревалась помочь ему занять трон. И ее поиски увенчались успехом: был найден не просто Чингизид, но и прямой потомок хана Хубилая, представители рода которого традиционно считались наиболее легитимными претендентами на ханский престол! Триумф ханши несколько омрачало одно обстоятельство — ее потенциальному мужу было в это время всего пять или шесть лет.

Ребенка, которому предстояло стать ханом, звали Бату-Мунке, и он являлся законным сыном недавно погибшего Болхуджинонга. Бату-Мунке родился около 1466 г., а когда ему было около года, на лагерь его отца напал Исма-л-тайши из племени уйгур, владевший областью Хами на территории Кашгарии (совр. Синцзян-Уйгурский автономный район КНР), и захватил в плен супругу джинонга Шихир вместе с маленьким Бату-Мунке. Шихир он взял в жены, а сына отдал на воспитание некоему Бахаю, не слишком-то хорошо заботившемуся о маленьком царевиче: мальчик страдал несварением желудка, а затем у него появились еще и нарывы на коже.

Узнав об этом, Мандухай-хатун направила своих приверженцев к Бахаю, предложив отдать ей Бату-Мунке, но Бахай отказался. Тогда трое посланцев ханши выкрали ребенка, и один из них отдал его своей жене, чтобы та вылечила мальчика.³²³ После этого Бату-Мунке был привезен к Мандухай, которая отныне стала действовать формально от его имени.

Прежде чем короновать маленького Чингизида, ханша решила совершить военный поход против врагов ханства от имени Бату-Мунке: в случае победы царевича стали бы признавать более достойным ханского трона. Самого мальчика ханша взяла с собой, а чтобы обеспечить его безопасность, приказала посадить в специальный ящик, который везли на телеге. С тех пор будущего хана шутили прозвали Ухэгтэ-хаган, т. е. «хан в ящике».³²⁴

Свой первый поход в 1470 г. Мандухай-хатун совершила против ойратов. На первый взгляд, выбор противника представляется довольно странным — ведь и сама она происходила из ойратского правящего рода! Однако надо иметь в виду, что в это время ойраты еще не составляли единого народа, между разными ойратскими родами существовали сложные и запутанные отношения, нередко доходившие и до родовой кровной вражды. По-видимому, против одного из враждебных ей ойратских родов и выступила Мандухай. Поводом для нападения она объявила прежние злодеяния ойратов против ханского рода.

Враги оказали ханше упорное сопротивление, и ей самой лично пришлось принять участие в битве. Летописи донесли до нас интересный эпизод, связанный с этим сражением: в пылу боя с Мандухай слетел ее головной убор и повис на завязках сзади; один из ее сторонников (кстати, тоже ойрат — по-видимому, соплеменник ханши) заметил это и, не теряя времени, нахлобучил на нее собственную шапку. Д. Уэзерфорд считает, что таким образом этот ойрат избавил ханшу от опасности получить удар мечом или стрелу в голову, поскольку потеря головного убора во время битвы означала весьма большую вероятность ранения, а то и гибели.³²⁵ Однако, полагаем, дело было не только в этом: без головного убора воины могли не узнать своего предводителя и, решив, что он погиб, пуститься в бегство. Надо полагать, что столь быстрые действия соратника ханши не позволили воинам прийти в замешательство. В итоге Мандухай удалось одержать первую и потому очень важную победу: она не просто ликвидировала ойратскую угрозу, но и присоединила владения мятежного племени к своим. Ойратские вожди, попавшие в плен, были казнены, а их подданные вновь признали власть монгольского ханского рода. Кроме того, в ее руки попала богатая добыча, которую она щедро раздала своим приверженцам.

Весьма характерно, что свою победу над ойратами Мандухай закрепила специальным ярлыком-указом, которым предписывала ойратам определенные правила поведения. Вот его текст: «Отныне не смейте называть свои юрты дворцами. Не смейте делать кисточку на шапке шириной более чем в два пальца. Не смейте сидеть, скрестив ноги. Садитесь, преклонив одно колено. Айрак называйте “цэгэ”, мясо откусывайте зубами, когда едите, а не отрезайте ножом». Однако когда ойраты попросили, чтобы им позволили отрезать мясо ножом, она разрешила.³²⁶ Таким образом, ханша, издав свой ярлык, сначала проявила властность, а затем, смягчив

его положения, продемонстрировала великодушие и способность учитывать пожелания своих подданных.

Столь значительный успех правительницы привлек к ней интерес со стороны влиятельных степных предводителей. И сразу же после удачного завершения похода против ойратов к ней посватался знатный монгольский предводитель Унэ-Болад,³²⁷ потомок Хасара (брата Чингис-хана), предводитель племени хорчин.

Мандухай и Унэ-Болад давно знали друг друга: он был военачальником на службе у ее мужа, хана Мандугула, а после его смерти действовал самостоятельно и неплохо проявил себя в период междоусобия в борьбе с внутренними и внешними врагами. Согласно некоторым летописным сведениям, нойон и ранее оказывал ханше знаки внимания, причем молва даже упорно называла Мандухай и Унэ-Болада любовниками — не исключено, что эти слухи имели под собой основания: не будем забывать, что ханша была молодой женщиной, сначала обделенной вниманием мужа (взявшего ее в жены исключительно по политическим соображениям), а затем и совсем лишившейся его.³²⁸ Возможно, учитывая давнюю связь, Унэ-Болад не сомневался, что его предложение будет принято. А брак с ханшей означал, что он сможет фактически управлять Монгольским ханством, а возможно — и официально принять ханский титул.

Мандухай попала в сложное положение и, будучи не в состоянии самостоятельно принять решение, обратилась к своим сановникам. Первый из сановников, Сатай, всячески поддержал идею брака ханши с Унэ-Боладом. Однако ее собственный старший брат Джига и сановник Мэнду-орлук из племени горлос, напротив, категорически отсоветовали Мандухай выходить замуж за потомка Хасара. Они указали, что брак с ним, во-первых, приведет к очередной смуте в ханстве, а во-вторых, выйдя замуж за не Чингизида, она и сама утратит статус хатун (ханши) и, соответственно, право на власть над монголами. Мандухай согласилась с ними, а Сатаю за его вредный совет вылила на голову целую чашку горячего чая.³²⁹

Но, приняв столь важное решение, ханша также не намеревалась портить отношения с влиятельным Унэ-Боладом. Поэтому она решила апеллировать к высшим силам. Вместе с Бату-Мунке она отправилась в Ордос, к «восемь белым юртам» — святилищу Чингис-хана, и совершила вместе с хранителями юрт поклонение прародительнице монголов Алан-гоа (Эши-хатун). В своей молитве Мандухай, как «невестка», высказала свои опасения и проблемы,

подтвердила нежелание выходить замуж за Унэ-Болада и просила прародительницу благословить ее брак с потомком Чингис-хана, подарив ей семерых сыновей и дочь.³³⁰ После этого она имела все основания утверждать, что духи предков против ее брака с Унэ-Боладом.

Нойон, несмотря на свои чувства к ханше и даже на желание стать во главе Монгольского ханства, не посмел спорить с божественной волей «Великого бурхана» и отказался от намерения взять ее в жены. Тем не менее ханша, по всей видимости, постаралась оставить ему некоторую надежду на то, что в случае смерти ее будущего мужа Бату-Мунке именно Унэ-Болад сможет стать следующим претендентом на трон и ее руку. Это обеспечило ей лояльность потомка Хасара.³³¹ Позднейшие монгольские историки весьма высоко оценили решение Мандухай-хатун. Например, Рашипунцуг писал, что, «если бы матушка Сайн-Мандухай была сладострастной и испытывала вождение, она бы, наверное, пошла к желавшему и звавшему ее молодому Ноёнболоду», но она предпочла интересы государства, и «то, что сделала Мандухай-Сайн-хатун, я считаю достойным всяческой похвалы».³³²

В том же 1470 г. Мандухай-хатун провела курултай, на котором в соответствии с правовыми традициями Чингизидов провозгласила семилетнего Бату-Мунке ханом Монгольского ханства с титулом Даян-хана, т. е. Да Юань-хагана — императора Великой Юань, тем самым демонстрируя претензии монголов на прежнее имперское владычество, в том числе и над враждебным Китаем.³³³ Сама ханша формально вышла за него замуж. Согласно монгольским летописям, ей в это время было 33 года. Несмотря на столь значительную разницу в возрасте, со временем Даян-хан и Мандухай реально стали супругами, и в их браке с 1482 по 1490 г. родилось семеро сыновей и дочь — причем шестеро сыновей родились двойнями (как, собственно, ханша и просила в своей молитве Эши-хатун). Такую плодовитость этого брачного союза средневековые монгольские авторы связывают именно с благословением прародительницы монгольского народа Эши-хатун.³³⁴

III

После воцарения Даян-хана Мандухай сохранила контроль над всеми государственными делами, поскольку хан был еще мал, а передавать правление каким-то временщикам ханша, уже успевшая вкусить власти, не собиралась. Вместе с тем она отнюдь

не обольщалась относительно собственных возможностей и не считала, что сможет сама контролировать все политические вопросы, а потому приблизила к себе влиятельных сановников Батора-Чингчина и Сэцэна-Шигуши, которые помогали ей в управлении.³³⁵

Ханша заняла весьма взвешенную позицию в отношении Китая. Она отказалась от подчинения Китаю, но не собиралась и нападать на его границы: ее интересовали мирные отношения и в особенности торговля с китайцами. Вместе с тем она начала переговоры с южно-монгольскими князьями, ранее признавшими власть империи Мин, стараясь вернуть их в подданство монгольского хана и вместе с ними начать борьбу против мусульманских князей Туркестана.³³⁶

Действия Мандухай обеспокоили правительство империи Мин и заставили его действовать в отношении монголов более активно. Если раньше китайцы ограничивались тем, что с помощью подарков и титулов переманивали на свою сторону отдельных князей, то теперь они стали проводить более враждебную политику по отношению к монголам. Прежде всего, они начали реставрировать и достраивать Великую стену.³³⁷ А в 1473 г. войска Мин вторглись на территорию Монголии, захватили множество добычи и пленных. Мандухай и Даян-хану пришлось бежать на север, их ставка в Ордосе была разгромлена. Главная ставка хана и ханши была перенесена на Керулен, в Халху (северную Монголию). Впрочем, даже эту неудачу Мандухай сумела обратить себе на пользу: перекочевка в Халху была представлена как запланированное намерение укрепить северные границы ханства. Поэтому сразу после того, как был разбит лагерь на Керулуне, был создан курултай, на котором было решено начать боевые действия против Исмала-тайши, который враждовал еще с отцом Даян-хана.³³⁸

В 1474 г. Даян-хан совершил первый поход как предводитель войска. На реке Тургэн состоялась битва с племенем монголджинов. Поначалу сражение складывалось не в пользу хана, враги потеснили его войска, а сам юный монарх, не сумев удержаться на коне, свалился в грязь, причем даже не смог встать, поскольку острый кончик его шлема воткнулся в землю. Его соратникам с большим трудом удалось его поднять, после чего ход сражения оказался переломлен, и монголы победили. Монголджины были союзниками Исмала-тайши, поэтому после их разгрома настал и его черед. На этот раз ни Мандухай, ни Даян лично не участвовали в битве: Исмал-тайши был разгромлен и убит их полководцами.³³⁹

После долгой разлуки Даян-хан наконец встретился со своей матерью, некогда похищенной Исмалом-тайши и насильно взятой им в жены. Однако Шихир, как ни странно, весьма горестно отреагировала на известие о смерти мужа и не захотела ехать к своему сыну. Военачальникам Даян-хана даже пришлось упрекнуть ее в том, что она забыла своего первого мужа Болху-джинонга, и едва ли не силой забрать с собой к хану вместе с ее двумя сыновьями от второго брака — Бободаем и Бурхаем.³⁴⁰

Ханские матери традиционно пользовались большим влиянием при дворе своих сыновей. И у Мандухай могли возникнуть опасения, что Шихир может хотя бы отчасти уменьшить ее влияние на Даян-хана. Однако этого не случилось: между матерью и сыном не было никакой близости, слишком долго они находились в разлуке. Поэтому источники сообщают лишь о факте встречи Даян-хана с матерью и о том, что «после Шихир-дайху скончалась около Сэрэмэгэра на [реке] Шара-мурэн».³⁴¹

В том же 1474 г. Даян-хан совершил очередной поход — на этот раз против Бэгэрсэн-тайши, который, как мы помним, был отцом Джунхэн, старшей жены Мандугул-хана. Тайши был разгромлен, попытался спастись бегством, но его настигли и убили воины Даян-хана.³⁴² Таким образом, Мандухай поставила последнюю точку в соперничестве со старшей супругой своего первого мужа.

В 1481 г. номинальный брак Мандухай и Даян-хана наконец-то стал фактическим: они стали жить как супруги.³⁴³ С этого времени в среднем каждые два года она рожала своему мужу детей. Первая двойня (Тору-Болад и Улус-Болад) родилась в 1482 г., затем родилась дочь, потом еще две двойни и последний, седьмой сын — около 1494 г.³⁴⁴

Рождение многочисленных детей и возраст (а ханше, если верить официальной дате ее рождения, было уже за сорок) поначалу не повлияли на активность ханши. Мандухай продолжала участвовать и в государственных, и даже в военных делах. В 1488 г. от имени Мандухай-хатун и Даян-хана в империю Мин было направлено послание, в котором хан впервые именовал себя императором династии Великая Юань.³⁴⁵

Как и раньше, Мандухай сама участвовала в походах против врагов Монгольского ханства. Например, в 1490 г., когда она была беременна своей третьей двойней и находилась на девятом месяце беременности, она не только приняла участие в сражении, но еще и упала с коня, который поскользнулся. Ее соратники немедленно прикрыли ее и, вновь посадив на коня,

вывели из боя. А в положенный срок она благополучно родила двоих сыновей.³⁴⁶

Однако падение с лошади, не причинившее существенного вреда здоровью ханши, тем не менее было воспринято как недоброе знамение. Считается, что с этого времени ей стало меньше везти, и запланированное ею объединение степи под властью рода Чингис-хана так и осталось незавершенным. Эта деятельность впоследствии была продолжена самим Даян-ханом и его потомками.³⁴⁷

IV

Итак, после 1490 г. Мандухай прекратила активно участвовать в политической деятельности: на первые роли в государственных делах выходили сначала сам Даян-хан, ее супруг, затем его многочисленные сыновья (в том числе и рожденные Мандухай).³⁴⁸ Дата ее смерти точно неизвестна, однако американский монголовед Д. Уэзерфорд (не ссылаясь, впрочем, на источники) датирует ее смерть 1509 г.³⁴⁹ Сам Даян-хан, по одним сведениям, умер в 1517 г. в возрасте 44 лет, по другим — дожил до 1543 г.³⁵⁰

Многие правители (в том числе и главные ханы) Монгольского ханства, сохранявшего независимость до середины XVII в., являлись прямыми потомками сыновей Даян-хана и Мандухай-хатун. Их старший сын Тору-Болад умер в молодости, оставив после себя сына Боди-Алага, ставшего впоследствии старшим ханом («хаган-ахай») Монгольского ханства; его потомки сохраняли этот титул до подчинения Монголии маньчжурам в 1634 г. Второй сын, Улус-Болад, был назначен правителем недавно завоеванной области Тумэт, где в 1508 г. был убит местной знатью. Даян-хан совершил карательный поход против тумэтов и посадил там своего следующего по старшинству сына от Мандухай — Барс-Болада, потомки которого до начала XVII в. правили в Тумэте и Ордосе. К числу потомков Мандухай-хатун относились также могущественный тумэтский правитель Алтан-хан (сын Барс-Болада) и его внучатый племянник Хутуктай-Сэчен-хунтайджи, первыми провозгласившие буддизм официальной государственной религией в Монголии (около 1577 г.). Правнук Алтан-хана стал Далай-ламой IV — единственным главой буддийской церкви монгольского происхождения.

Примечательно, что и правители Халхи, происходившие от Гэрсэндзэ (Джалаир-хунтайджи), тринадцатого сына Даян-хана, родившегося от Гуши-хатун (второй или четвертой жены), сохраняли пиетет к Мандухай, несмотря на то что не были ее прямыми

потомками. В исторических сочинениях, создававшихся при их дворе, ханша также представлена как образец всех добродетелей и беззаветного служения роду Чингизидов и Монгольскому ханству. В частности, историк XVIII в. Рашипунцуг писал, что она «принесла большую пользу державе и народу».³⁵¹ В историографии и народной памяти она осталась с прозвищами Сайн-хатун, т. е. «добрая (по другой версии — «прекрасная») ханша» и Мандухай-Сэчен-хатун, т. е. «мудрая ханша Мандухай». Д. Уэзерфорд, путешествуя по Монголии в поисках материалов об этой правительнице, услышал от местных жителей о предании, согласно которому в Мандухай возродился дух самого Чингис-хана, что и позволило ей объединить практически всю Монголию и успешно противостоять внешним врагам.³⁵²

В позднем Средневековье в Монголии появилось стихотворно-поэтическое «Сказание о Мандухай Цэцэн-хатун» («Мандухай цэцэн хатны домог»), в котором причудливым образом объединились исторические и эпические элементы.³⁵³ Примечательно, что отдельные элементы этого «Сказания» вошли и в монгольские исторические сочинения, — именно поэтому в биографии Мандухай-хатун сочетаются факты и вымысел.

Образ Мандухай был настолько популярен в историографии и народной памяти, что в Монголии даже в период народной республики (1924–1990) были созданы художественные произведения, посвященные ей. В 1943 г. Ц. Цэдэнжав и Б. Баст создали пьесу «Мудрая ханша Мандухай». А в 1988 г. режиссер Б. Балжинням снял по сценарию Ш. Нацагдоржа фильм с тем же названием (в русском переводе — «Мудрая княгиня Мандухай»), который получил почетный диплом XIII Московского международного кинофестиваля. Примечательно, что в этом фильме — в соответствии с реалиями советского времени — Мандухай представлена не только как предводительница борьбы за возрождение Монгольского ханства, но и как «опора монгольского народа в стремлении улучшить свою человеческую судьбу». А современный монгольский публицист Баабар, автор «Истории Монголии», даже сравнил Мандухай с Жанной д'Арк!³⁵⁴

В Улан-Баторе имеется улица Мандухай-хатун.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИРАН И СРЕДНЯЯ АЗИЯ (XIII–XVI ВВ.)

ОЧЕРК СЕДЬМОЙ.
ЭРГЭНЭ — ПРАВИТЕЛЬНИЦА,
СОХРАНИВШАЯ УЛУС ЧАГАТАЯ
(УМ. ОК. 1266, РЕГЕНТША ЧАГАТАЙСКОГО УЛУСА
1251–1260)

После того как Чингис-хан в 1224 г. разделил свою империю между сыновьями, в Средней Азии возникло особое образование — Чагатайский улус, названный так по имени его первого владельца Чагатая, второго сына Чингис-хана и Борте. Улус включал в себя Мавераннахр и Семиречье (впоследствии — Туркестан, а сегодня — Синцзян-Уйгурский автономный район КНР). Вскоре после смерти Чагатая его потомки приняли участие в междоусобице Чингизидов, причем на стороне Угедэидов, потерпевших в конечном счете поражение. И только благодаря Эргэнэ³⁵⁵ Чагатайский улус не исчез с политической карты, не был окончательно разделен между победителями — потомками Джучи и Тулуя.

I

Около 1208 г. вождь монгольского племени ойратов Кутукабеки добровольно подчинился Чингис-хану, который приблизил его к себе, а за его сына Торэлчи выдал замуж свою дочь Чичиган. У Торэлчи, получившего с этого времени почетный титул гургэна (ханского зятя), родилось трое сыновей и четыре дочери. Поскольку основатель Монгольской империи и его преемник Угедэй старались более прочно привязать к себе многочисленное могущественное ойратское племя, то эти дочери были выданы замуж за внуков и правнуков Чингис-хана: Ильчикмыш-хатун — за Арик-Бугу (будущего претендента на монгольский престол), Кубак-хатун — за Хулагу (основателя государства ильханов), Эргэнэ-хатун — за Мутугана, старшего сына Чагатая, а еще одна дочь, имя которой до нас не дошло, — за Тугана, сына Бату (она стала матерью золотоордынского хана Менгу-Тимура). Из четырех дочерей Торэлчи две — Ильчикмыш и Эргэнэ — родились от Чичиган,

приходясь, таким образом, внуками Чингис-хану и, соответственно, двоюродными сестрами своим супругам.³⁵⁶ Вообще-то, браки между столь близкими родственниками в семействе Чингизидов не практиковались, но династические соображения заставили Чингис-хана и его потомков заключить их. Персидский историк начала XIV в. Вассаф с восторгом описывает красоту Эргэнэ и ее сестер: «Ни один художник не мог бы создать такие совершенные формы красоты, привлекательности, грации и достоинства».³⁵⁷

Брак Эргэнэ с Мутуганом, как бы то ни было, не был продолжительным: в 1221 г. сын Чагатая погиб при осаде города Бамиан, входившего в состав государства Хорезм, с которым в это время вел войну Чингис-хан. Мутуган оставил после себя четырех сыновей, и Эргэнэ, по распространенному среди монголов закону левирата, стала женой младшего из своих пасынков, которого звали Кара-Хулагу. В этом браке родился сын Мубарак-шах.³⁵⁸

У Чагатая было восемь сыновей, однако он больше всех любил столь рано погибшего Мутугана и перенес эту любовь на его сыновей — своих внуков. По-видимому, самым любимым из внуков был именно Кара-Хулагу, поскольку именно его Чагатай завещал сделать правителем своего улуса после своей смерти. Известно также, что Чагатай весьма благосклонно относился и к Эргэнэ, которую ласково именовал «бэри», т. е. невесткой (в источниках она и в дальнейшем фигурирует с этим титулом³⁵⁹).

Итак, после смерти Чагатая в 1242 г.³⁶⁰ его внук Кара-Хулагу стал правителем Чагатайского улуса. В отличие от своего деда, который не слишком благосклонно относился к своим мусульманским подданным, Кара-Хулагу вместе с Эргэнэ оказывал им покровительство; ведущее положение при его дворе занял везир Хабаш-Амид, таджик по происхождению, сыновья и ставленники которого были назначены на основные государственные должности в улусе.

Однако правление Кара-Хулагу оказалось недолгим. В 1246 г. на трон Монгольской империи вступил Гуюк, сын Угедэя. Как мы помним, сам Угедэй завещал избрать ханом своего внука Ширэмуна, однако на курултае был избран его старший сын. Основывая свое право на трон именно на старшинстве, Гуюк решил распространить этот принцип и на улусы, а потому сместил Кара-Хулагу с трона, передав его Есу-Мунке — старшему из сыновей Чагатая, остававшихся к тому времени в живых, к тому же являвшемуся близким другом и собутыльником самого хана.³⁶¹ Впрочем, с правовой точки зрения, Гуюк, будучи ханом, имел полное право самостоятельно назначать улусных правителей, так что осудить

его можно было не столько за смещение прежнего правителя, сколько за неудачный выбор нового.

Есу-Мунке, ненавидевший Хабаш-Амида, не только сместил его, но и хотел казнить, однако новый везир Баха ад-Дин (один из ставленников Хабаш-Амида) сумел уговорить правителя сохранить ему жизнь. На этом, впрочем, участие Есу-Мунке в политической жизни своего улуса и закончилось: он все время предавался попойкам, а государством фактически управляла его супруга Тогаши-хатун.³⁶² Вероятно, именно она подвергла преследованиям Кара-Хулагу и его супругу, сделав невозможным их пребывание в собственных владениях, так что не приходится удивляться, что они затаили ненависть к ней.

Возможность отомстить Есу-Мунке и Тогаши появилась у них в 1251 г., когда на курултае новым ханом Монгольской империи был избран Мунке. Кара-Хулагу одним из первых поддержал его кандидатуру и поэтому оказался в фаворе у нового монарха. Как мы помним, потомки Чагатая и Угедэя составили заговор против Мунке, который использовал его как повод для репрессий против них, причем преследованиям подверглись не только сами заговорщики, но и другие члены этих семейств, не имевшие к заговору прямого отношения. Поскольку Эргэнэ по женской линии была в близком родстве с Сорхактани-беки, матерью хана Мунке, Кара-Хулагу обратился к Сорхактани с жалобой на Есу-Мунке и Тогаши, которые также были вызваны на суд.³⁶³ Ненависть Кара-Хулагу и Эргэнэ была утолена в полной мере — судьи приговорили Тогаши к смерти, и она была умерщвлена зверским образом: Кара-Хулагу приказал перебить ей все кости (по сообщению Рашид ад-Дина — забить ее ногами насмерть), причем в присутствии ее супруга Есу-Мунке.³⁶⁴

Сам Есу-Мунке был отправлен на суд к Бату — правителю Золотой Орды и главе рода Чингизидов, который пощадил его и велел вернуться в свои владения. Недовольный таким милосердием, Кара-Хулагу вновь обратился к Мунке-хану с жалобой на дядю. Мунке выдал внуку Чагатая ярлык, которым назначал его на должность правителя Чагатайского улуса и позволял расправиться с Есу-Мунке. Торжествующий Кара-Хулагу во главе верных ему войск двинулся во вновь обретенные владения, однако скончался по пути, где-то на Алтае, причем о причинах его смерти источники ничего не сообщают. Мунке сохранил благорасположение к семейству умершего правителя (напомним, что Эргэнэ приходилась ему двоюродной сестрой) и, узнав о смерти Кара-Хулагу, объявил

правителем Чагатайского улуса его сына Мубарак-шаха, а поскольку он был еще мал, то хан повелел его матери Эргэнэ быть при нем регентшей-правительницей.³⁶⁵

II

В результате победы потомков Джучи и Тулуя над семействами Чагатая и Угедэя последние лишились значительной части своих территорий. Владения Угедэидов практически полностью были захвачены Мунке и его родичами и присоединены к «коренному юрту», т. е. Монголии и Северному Китаю, которые достались Тулуидам по завещанию Чингис-хана. Значительная же часть владений Чагатаидов оказалась захвачена золотоордынским правителем Бату, который установил контроль над рядом областей Мавераннахра.³⁶⁶ Таким образом, Эргэнэ пришла к власти в существенно урезанном улусе по сравнению с владениями, которыми некогда управлял ее супруг. Однако она сумела повести себя так, чтобы не допустить потери и этих территорий.

Самым первым деянием Эргэнэ стало исполнение воли Мунке и желания ее покойного супруга: она приказала схватить и казнить Есу-Мунке.³⁶⁷ Вернувшийся вместе с ней везир Хабаш-Амид, забыв, что обязан жизнью Баха ад-Дину, жестоко расправился с ним: его завернули в войлок и забили насмерть.³⁶⁸

Поскольку наиболее энергичные потомки Чагатая, поддержавшие своих союзников Угедэидов, были уничтожены в 1251–1252 гг. в результате репрессий, последовавших за раскрытием заговора против Мунке, дальнейшее правление Эргэнэ в Чагатайском улусе было сравнительно спокойным. Более того, все уцелевшие Чагатаиды признали ее власть, подкрепленную ярлыком хана Мунке, кроме того, она была вдовой прежнего законного правителя, матерью будущего, а в придачу — и внучкой Чингис-хана.

Эргэнэ продолжила политику Кара-Хулагу по покровительству мусульманам. Во-первых, она вернула пост везира Хабаш-Амиду, который вместе со своим сыном Насир ад-Дином стал руководить административной и финансовой сферами в Чагатайском улусе. Примерно тогда же она назначила «начальником дивана», т. е. главой гражданской исполнительной власти в оседлых областях, Масуд-бека б. Махмуда Ялавача (вместе с отцом поступившего на службу еще к Чингис-хану), который стал также правителем-наибом областей Бухары и Самарканда.³⁶⁹ Более того, хотя сама Эргэнэ была буддисткой, ее сын Мубарак-шах не просто носил

мусульманское имя и стал первым потомком Чагатая, официально принявшим ислам.³⁷⁰ В результате в правление Эргэнэ было достигнуто взаимопонимание между монгольским и мусульманским населением Чагатайского улуса; при этом явное покровительство исламу, его распространению и изучению позволило некоторым средневековым хронистам даже саму Эргэнэ считать мусульманкой.³⁷¹

Деятельность Хабаш-Амида и Масуд-бека способствовала восстановлению хозяйства оседлых районов Мавераннахра, до сих пор все еще не оправившихся от монгольских нашествий 1210–1220-х гг., упорядочению налоговой системы, обеспечению своевременного поступления доходов в казну правительницы и самого хана Мунке.³⁷² В течение всего правления этого хана Эргэнэ демонстрировала ему полную лояльность и поддержку всех его решений и проектов. В частности, когда Мунке повелел своему младшему брату Хулагу отправиться на войну против Багдадского халифата и последний со своим войском проходил через владения Эргэнэ, она оперативно собрала войска своего улуса для похода и торжественно принимала его в своей главной ставке Алмалык. Причем принимала настолько гостеприимно, что ханский брат задержался у нее почти на весь 1254 г.! А в 1255 г. не менее торжественный прием Хулагу и его войскам в окрестностях Самарканда оказал сановник Эргэнэ — местный правитель Масуд-бек.³⁷³

Авторитет Эргэнэ был настолько велик, что возглавляемый ей улус, по-видимому, стали даже называть ее именем — подобно тому как назывались Улус Джучи (именовавшийся также в разное время Улус Бату, Улус Берке и т. д.), Улус Чагатая и пр. Такой вывод позволяет сделать сообщение посланца французского короля Вильгельма де Рубрука, совершившего в 1253–1254 гг. путешествие в Монгольскую империю: он упоминает о «земле... Органум», перенося имя правительницы на само государство.³⁷⁴

III

В 1259 г. хан Мунке скончался во время похода против южно-китайской империи Сун. Как мы помним, его смерть вызвала смуту в Монгольской империи, поскольку на освободившийся трон стали претендовать сразу двое его братьев — Хубилай, также командовавший войсками в Китае, и Арик-Буга, остававшийся в Монголии в качестве наместника. Практически одновременно в 1260 г. братья провели курултай, на которых оба были торжественно

возведены в ханы. Эргэнэ сразу и без колебаний поддержала Арик-Бугу, который был, как уже отмечалось, не только ее двоюродным братом, но еще и женат на ее родной сестре Ильчикмыш-беки. Вместе с Асутаем и Урунгташем (сыновьями покойного хана Мунке), Алгуем (внуком Чагатая), несколькими другими Чингизидами и потомками братьев Чингис-хана, а также влиятельными нойонами она приняла участие в церемонии его интронизации.³⁷⁵ Эргэнэ сыграла настолько активную роль в этом курултае, что, по мнению некоторых исследователей, она могла стать даже инициатором возведения Арик-Буги в ханы.³⁷⁶

Естественно, подобная позиция Эргэнэ вызвала негативную реакцию со стороны второго претендента на трон — Хубилая. Он назначил находившегося при нем потомка Чагатая — Абишку, сына Бури (племянника Кара-Хулагу), новым правителем Чагатайского улуса и отправил в его новые владения с приказанием арестовать Эргэнэ. Однако по пути Абишка был перехвачен войсками Арик-Буги, который бросил его в тюрьму и приговорил к смерти.³⁷⁷

Как ни странно, но и сам Арик-Буга проявил неблагодарность по отношению к Эргэнэ, не приняв во внимание ни ее поддержку в своем воцарении, ни двойное родство с ней. В том же 1260 или начале 1261 г. он назначил новым правителем Чагатайского улуса Алгуя, сына Байдара — внука Чагатая и, соответственно, двоюродного брата Кара-Хулагу. О причинах такого шага Арик-Буги можно только догадываться, но, возможно, он опасался слишком уж высокого авторитета Эргэнэ в своих владениях и подозревал, что она со временем может отказаться подчиняться ему.

Алгуй прибыл в Чагатайский улус и развернул активную деятельность, совершенно игнорируя Эргэнэ и ее интересы. Как раз в это время умер везир Хабаш-Амид, давний соратник правительницы, а другой влиятельный мусульманский сановник Масуд-бек, очевидно, был смещен новым правителем. Эргэнэ вместе с Масуд-беком отправилась ко двору Арик-Буги жаловаться на действия нового правителя, а также, возможно, в тайне надеясь, что при личной встрече удастся уговорить хана вернуть ей власть в улусе.³⁷⁸

Однако Эргэнэ прибыла не в самый удачный момент: в 1262 г. Хубилай нанес Арик-Буге ряд поражений. А когда последний отправил своих людей в Чагатайский улус, чтобы они собрали там новые войска и припасы, Алгуй схватил ханских посланцев, отобрал у них все собранное, а их самих казнил. После этого правитель Чагатайского улуса открыто отказался признавать Арик-Бугу ханом и принял сторону Хубилая, одновременно попытавшись

восстановить контроль над теми областями Мавераннахра, которые после 1251 г. отошли к Золотой Орде.³⁷⁹

Арик-Буге ничего не оставалось, как обратить оружие против бывшего союзника и вассала. В 1262 г. между ними началась война. Однако и тут Арик-Буге поначалу не слишком везло: в 1262 г. Алгуй нанес поражение его войскам у оз. Сайрам (неподалеку от Кульджи, современный Синцзян-Уйгурский автономный район КНР). Однако он не знал, что разгромил лишь авангард Арик-Буги, который со своими основными силами обрушился на Алгуя, разбил его и заставил бежать. Хан занял всю долину р. Или, захватил Алмалык — столицу Чагатайского улуса и обосновался на этой территории.³⁸⁰ Согласно источникам, летом 1263 г. Эргэнэ держала свою ставку на р. Ат-Баши (в совр. Киргизии, неподалеку от границы с КНР) — по-видимому, Арик-Буга намеревался вновь вернуть ей власть над Чагатайским улусом и пока предоставил во владение часть отвоеванных им у Алгуя территорий.³⁸¹

Однако успех Арик-Буги оказался кратковременным, поскольку не вернул поддержки населения Чагатайского улуса, а в 1263 г. его войска стали страдать от голода и разбегаться. Воспользовавшись этим, Алгуй вновь выступил против него одновременно с Хубилаем, и Арик-Буга оказался в окружении. В конце 1263 — начале 1264 гг. он решил сдаться своему старшему брату, а находившихся при нем Эргэнэ и Масуд-бека отправил к Алгую — по мнению некоторых исследователей, чтобы заручиться его поддержкой перед судом брата-победителя.³⁸² Чагатайский правитель имел возможность убедиться, что значительная часть населения улуса все еще хранит верность вдове Кара-Хулагу, и решил жениться на ней, чтобы укрепить свою власть. Эргэнэ согласилась на замужество при условии, что после Алгуя власть в улусе перейдет к ее сыну Мубарак-шаху.³⁸³

IV

Брак Эргэнэ и Алгуя если и не был счастливым в полном смысле этого слова, то по крайней мере был основан на взаимном уважении супругов, что не могло не сказаться и на развитии Чагатайского улуса. Сам факт женитьбы Алгуя на легитимной правительнице (вдове предыдущего и матери будущего правителей) существенно усилил положение Алгуя в улусе, и он лишь номинально признавал власть монгольского хана Хубилая.³⁸⁴

В угоду Эргэнэ Алгуй вернул посты некоторым ее сановникам, в частности вновь назначил Масуд-бека наместником

Мавераннахра. Масуд-бек, стараясь угодить правителю, развил бурную деятельность в налоговой сфере, увеличив сборы и повинности с населения «культурных областей» Чагатайского улуса, едва не разоряя их. Однако его поступления позволили Алгую создать и содержать многочисленную и боеспособную армию, с помощью которой он вступил в противостояние с Золотой Ордой и усиливающимся в Монголии царевичем Хайду, потомком Угедэя, а также начал подумывать о присоединении к своим владениям иранской области Хорасан.³⁸⁵ Правление Алгуя в целом оценивается средневековыми историками положительно. Правда, при этом они делают оговорку, что «он вершил правление благодаря прекрасным качествам Оргине-хатун». Алгуй умер в 1265 или в начале 1266 г.³⁸⁶

Что же касается смерти Эргэнэ, то относительно ее в источниках имеются две версии. Согласно одной из них, которую предлагает придворный историк персидских ильханов Вассаф-Хазрет, Эргэнэ умерла от родов еще при жизни Алгуя, в 1264 г. Он был очень огорчен ее смертью и собирался в знак траура истребить всех мусульман в Самарканде и Бухаре: по его мнению, покровительство им Эргэнэ принесло ей несчастье. С большим трудом Масуд-беку удалось отговорить его от этого намерения. Мубарак-шах же, сын Эргэнэ, вступил на престол после Алгуя по его завещанию.³⁸⁷

Гораздо более правдоподобной выглядит версия, предлагаемая Рашид ад-Дином — старшим современником Вассафа (для которого он был, кстати, поначалу покровителем и наставником, а затем соперником³⁸⁸). Историк сообщает, что Эргэнэ пережила Алгуя и после его смерти, в марте или апреле 1266 г., созвала курултай, на котором «с согласия эмиров и везиров» (т. е. представителей монгольской знати и мусульманских сановников, которые, впрочем, находились в полном ее подчинении) возвела на престол своего сына Мубарак-шаха.³⁸⁹ Исследователи вполне справедливо обращают внимание на то, что этот курултай прошел не на р. Или, где обычно собиралась знать Чагатайского улуса, а на р. Ангрен, т. е. ближе к мусульманским оседлым областям. Тем самым Мубарак-шах демонстрировал, что намерен в большей степени учитывать интересы местного населения, чем его предшественники.³⁹⁰

Монгольскому хану Хубилаю очень не понравилось проведение курултая и выбор правителя без согласования с ним. Очень кстати при дворе хана оказался еще один Чагатаид — Борак, сын

Есун-Туву, брата Кара-Хулагу, и, следовательно, двоюродный брат Мубарак-шаха. Борак сумел расположить Хубилая в свою пользу, заявив, что будет покорным улусным владетелем и никогда не выйдет из воли хана. В результате Хубилай выдал ярлык о назначении его правителем Мавераннахра. Однако, чтобы не вызвать враждебной реакции чагатайской знати, среди которой Эргэнэ была очень популярна, постановил, что Борак будет править совместно с Мубарак-шахом.³⁹¹

Однако когда Борак прибыл в улус, то увидел, что местные нойоны и в самом деле признают своими законными правителями Эргэнэ и Мубарак-шаха и не намерены подчиняться правителю, назначенному со стороны — пусть даже и номинальным сюзереном Чагатайского улуса. Тогда Борак повел себя весьма хитро: он явился к правителям и, скрыв ярлык Хубилая, объяснил свой приезд тем, что захотел вернуться на родину и находиться при дворе своих родственников, на что ему и было дано разрешение.³⁹²

Борак вместе с двумя братьями отправился в родовой удел своего отца, в Чаганиан, и обосновался там. Примерно полгода спустя, в сентябре 1266 г., он сумел привлечь на свою сторону многих нойонов и сановников, а также значительную часть войск. С этими силами он выступил против Мубарак-шаха, разгромил его и взял в плен. После этого он захватил государственную казну и въехал в город Узгенд, где был провозглашен чагатайским правителем. Почти все последующие правители Чагатайского улуса были прямыми потомками Борака. Что же касается Мубарак-шаха, то победитель сохранил ему жизнь, однако сделал своим главным ловчим, т. е. распорядителем на охоте.³⁹³

Полагаем, что Борак мог решиться на такие активные действия лишь после смерти Эргэнэ, видимо, последовавшей в августе-сентябре 1266 г. Поскольку весь улус признавал ее в качестве законной правительницы, вряд ли претендент сумел бы в течение такого короткого времени привлечь на свою сторону столь значительные силы, что без особого труда отнял власть у Мубарак-шаха. Сын же Эргэнэ уже не обладал ее авторитетом и поэтому оказался более легкой мишенью для Борака.³⁹⁴ Неслучайно среднеазиатские историки более позднего времени вообще ничего не говорят о его самостоятельном правлении, хотя упоминают правление Эргэнэ-хатун в период его малолетства.³⁹⁵

Правление Эргэнэ (как единоличное, так и совместное с Алгуем) представлено в чингизидской историографии как «золотой век» в истории Чагатайского улуса. После ее смерти между

Чагатаидами произошел раскол, и начались междоусобицы. По словам Муин ад-Дина Натанзи, члены семейства Чагатая перестали общаться между собой, а многие из них даже покинули родовые владения и отправились на службу к правителям Ирана, Золотой Орды и империи Юань в Китае.³⁹⁶ Более того, после смерти Борака в 1271 г. чагатайские нойоны признали своим правителем даже не Чагатаида, а потомка Угедэя — Хайду. О нем и его дочери пойдет речь в следующем очерке.

ОЧЕРК ВОСЬМОЙ.

ХУТУЛУН — ЦАРЕВНА-ВОИТЕЛЬНИЦА³⁹⁷

(ОК. 1260—1306, ГОСУДАРСТВО ХАЙДУ)

Хутулун, в отличие от героинь всех предыдущих очерков, пришла к власти не путем брака с ханом или правителем из рода Чингизидов, а будучи чингизидской царевной. Не являясь ханшей или регентшей официально, она в силу своих личных качеств пользовалась большим влиянием и активно участвовала в государственных делах и военных походах. Ее деяния послужили сюжетом для многочисленных преданий и легенд, имевших хождение по Великой степи.

I

После того как монгольский хан Мунке и его союзник, золотоордынский правитель Бату, расправились со своими противниками из родов Чагатай и Угедэя, многочисленный род Угедэя оказался в упадке. Многие его представители были либо казнены, либо лишены владений и высланы, а сам улус Угедэя практически прекратил существование. Лишь некоторым Угедэидам, которых победители сочли «безвредными», посчастливилось сохранить за собой небольшие семейные уделы или даже приобрести милость и покровительство хана Мунке. Хайду, отец Хутулун, поначалу попал в число этих счастливых.

Он родился около 1230 г. в семье Кашина, одного из младших сыновей Угедэя. Его отец умер в молодости от алкоголизма, по той же причине, как мы помним, скончался и сам Угедэй. Что же касается Хайду, то он вообще не брал в рот спиртного, что и позволило ему прожить гораздо больше других Чингизидов (около 70 лет) и добиться значительных успехов.³⁹⁸

В семейной иерархии Угедэидов Хайду занимал совсем невысокое положение, по-видимому, именно это послужило причиной

его неучастия в заговоре против Мунке в 1251 г.: его старшие родственники просто-напросто не сочли нужным поделиться с ним своими замыслами. В результате после расправы с Угедэидами Мунке приблизил к себе Хайду и даже доверил ему управление недавно завоеванной китайской провинцией Хэнань. До нашего времени дошла стела 1257 г, стоявшая около монастыря даосов этой провинции, с текстом грамоты, в которой Хайду жалует привилегии представителям этой конфессии, освобождая их от налогов и повинностей.³⁹⁹ Однако вскоре Хайду по какой-то причине (предположительно — за участие в очередном заговоре против Мунке) был лишен своего титула и владений и выслан на поселение в область Тарбагатай.⁴⁰⁰

Во время войны Арик-Буги с Хубилаем он стал на сторону Арик-Буги и поддерживал его до тех пор, пока тот не сдался своему брату. Хубилай неоднократно требовал, чтобы Хайду также явился к нему и изъявил покорность, однако тот все время находил предлоги не подчиняться приказу хана, а приблизительно с 1266 г. начал открытую войну с ним, желая вернуть трон роду Угедэя — в своем лице, разумеется! Он сумел привлечь на свою сторону многочисленных потомков Чингис-хана и монгольских нойонов тем, что отстаивал кочевой образ жизни (в отличие от «окитаившегося» Хубилая) и обещал широкую автономию своим приверженцам в их владениях. Благодаря этой «политической программе», он уже к середине 1260-х гг. стал обладателем весьма крупных владений на территории современных Монголии и Киргизии, а в 1269 г. на курултае в долине р. Талас был провозглашен главой конфедерации Чингизидов, не желавших признавать зависимость от Хубилая, — фактически альтернативным ему ханом. Именно с этого времени следует отсчитывать историю независимых государств — Золотой Орды и Чагатайского улуса. В течение почти 45 лет Хайду с переменным успехом боролся против Хубилая и его преемника Тэмюра, сойдя с политической сцены лишь в 1301 г.⁴⁰¹

Хутулун (это — монгольское имя, она известна также под тюркским именем Ай-Ярук, что означает «Блеск луны» или «Лунный свет»⁴⁰²) родилась около 1260 г. от Деренчин, старшей жены Хайду. По мнению исследователей, она вообще могла быть старшей из всех его детей — а всего у него было 24 сына и несколько дочерей.⁴⁰³

Согласно источникам, Хутулун отличалась привлекательной внешностью, но при этом — крупным телосложением

и богатырской силой. Марко Поло, являвшийся ее современником, посвятил Хутулун (которую он называет «Ангиарм», что является, по-видимому, искаженным вариантом ее тюркского имени Ай-Ярук⁴⁰⁴) отдельную главу в своей «Книге о разнообразии мира». Правда, поскольку сам он лично с Хутулун не встречался, а писал о ней по рассказам очевидцев, да еще и годы спустя, трудно сказать, что из написанного им соответствует истине.

Венецианец сообщает, что она была сильна и опытна в воинском искусстве: ловко скакала на коне, стреляла из лука и даже боролась, причем не находилось никого, кто мог бы победить ее в единоборстве. Рассказывали, что она пообещала отдать победившему ее свою руку и сердце, а если соперник проиграет, с него полагалось получить сто лошадей. В результате она стала обладательницей табуна в 10 000 коней. В 1280 г. (эту дату также указывает Марко Поло) к ней посватался сын некоего могущественного монарха, и Хайду, довольный оказанной ему честью, приказал дочери поддаться царевичу в единоборстве. Однако она не согласилась на это, и в назначенный день победила юношу, причем он отдал в качестве проигрыша не сто, а тысячу коней.⁴⁰⁵

Надо сказать, что этот рассказ венецианца слишком подозрительно напоминает эпические и фольклорные сюжеты о девах-богатырках, весьма широко распространенные в Центральной Азии и вообще в кочевом мире. Так, например, девы-воительницы действуют в качестве второстепенных персонажей в таких произведениях, как монголо-бурятский эпос «Абай Гэсэр», бурятская эпическая поэма «Аламжи Мерген», общетюркские эпические циклы «Книга моего деда Коркуда» и «Гёр-оглы». А в таких, например, эпических произведениях, как бурятская поэма «Алтын-Тууди» или каракалпакский эпос «Сорок девушек», они являются и основными героинями. Феномену женщины-воительницы в тюрко-монгольском эпосе посвящены и специальные исследования.⁴⁰⁶

А вот сообщение Марко Поло о том, что Хутулун возглавляла войска своего отца, лично участвовала в сражениях и нередко захватывала важных пленников,⁴⁰⁷ подтверждается и независимым от него источником — персидским историком Рашид ад-Дином, который также являлся современником Хайду и Хутулун. Он упоминает о том, что «повадки у нее были, как у юношей» и что она «вела себя на мужской лад», неоднократно ходила в походы с отцом, у которого пользовалась большим уважением.⁴⁰⁸ Несомненно, во многом это уважение объяснялось тем, что она являлась сторонницей кочевого образа жизни и степных традиций — всего

того, за что боролся Хайду, и от чего в то время с легкостью стали отказываться многие другие Чингизиды, воспринявшие традиции покоренных ими оседлых народов Китая, Средней Азии и Ирана.⁴⁰⁹

Таким образом, в сообщении Марко Поло, по всей видимости, смешались подлинные сведения и некие фольклорно-эпические «кочующие сюжеты», которые имели широкое распространение в Великой Степи. Да и сама Хутулун своими деяниями и своим образом жизни, видимо, давала повод для подобных слухов о себе. Впрочем, следует согласиться с американским монголоведом Д. Уэзерфордом, который отмечает, что Хутулун вела не совсем обычный для монгольской женщины образ жизни, однако и не такой уж уникальный в истории «степных империй» и даже среди представительниц рода Чингис-хана.⁴¹⁰ В самом деле, мы уже писали о монгольской ханше Мандухай, которая также лично предводительствовала войсками. В XIX в. в казахской степи прославилась султанша Бопай, внучка знаменитого хана Аблая, которая вместе со своим братом Кенесары боролась против российской имперской администрации в 1840-е гг. Это наиболее известные примеры, но, несомненно, их можно привести гораздо больше.

Однако подвиги Хутулун послужили основой не только для степных преданий, но и для весьма неприятных для нее слухов. В частности, поводом для сплетен стало ее упорное нежелание выходить замуж, а оставаться помощницей и соратницей своего отца. Рашид ад-Дин, впрочем, упоминает, что рассматривался вариант ее замужества с персидским ильханом Газаном: он был правнучатым племянником и союзником великого хана Хубилая, и этот брак мог способствовать примирению Хайду с Тулуидами. Сама Хутулун якобы писала Газану: «Я стану твоей женой, за другого замуж не пойду».⁴¹¹ Однако оказалось, что это было лишь декларативное намерение, и никаких реальных шагов для замужества она не предпринимала.⁴¹² С этого времени все упорнее стали распространяться слухи, что Хайду относится к Хутулун не просто как к дочери — иначе говоря, состоит с ней в кровосмесительной связи.⁴¹³ Чтобы пресечь эти сплетни, Хайду поспешил выдать дочь замуж. Супругом ханской дочери стал Абтакул из рода курлас, который являлся при Хайду «эмиром баурчи» (т. е., видимо, распорядителем ханского стола) и был «человек проворный, высокого роста, красивый».⁴¹⁴

По мнению одних исследователей, Хутулун была выдана замуж насильно — по воле отца, рассерженного ее упорным нежеланием заводить семью.⁴¹⁵ Другие же склоняются к более романтической версии,

что брак был заключен по любви. Якобы Абтакул прибыл ко двору Хайду с намерением убить его, но был схвачен и приговорен к казни; его мать заступилась за него, прося хана казнить ее вместо сына, но Абтакул отказался от этой жертвы. Тогда Хайду, тронутый его благородством, дал ему шанс искупить свое преступление и отправил на войну, где тот проявил себя отважным воином и, получив ранение, вернулся в ханскую ставку, в которой встретился с Хутулун, и она сразу полюбила его.⁴¹⁶ Как бы то ни было, но брак был заключен, новобрачные удалились во владения Хутулун между реками Или и Чу, и у них родилось двое сыновей.⁴¹⁷ Казалось, теперь у Хутулун должна была начаться совсем другая жизнь — более приличествующая монгольской женщине, тем более из ханского рода. Однако этого не случилось.

II

Женитьба не заставила Хутулун отказаться от привычного образа жизни: она по-прежнему принимала активное участие и в военных предприятиях своего отца, и в государственных делах, много внимания уделяла охране границ своих владений от внешних врагов. Существенные изменения в ее жизни произошли в начале XIV в.

В феврале 1301 г. Хайду выступил в поход против великого хана Тэмюра, внука Хубилая, намереваясь захватить Каракорум — прежнюю столицу Монголии. Сведения источников о результате похода противоречивы: по одним сведениям, Хайду победил, по другим — потерпел поражение и был ранен при отступлении. Как бы то ни было, в феврале 1301 г., находясь уже в весьма пожилом возрасте, он скончался, завещав своим детям слушаться указаний своего союзника Дувы — хана Чагатайского улуса.⁴¹⁸

Хутулун находилась при отце и стала, таким образом, одним из исполнителей его воли. Однако она решила исполнить ее по-своему. Как уже упоминалось, у Хайду было 24 сына, несколько из которых предъявили права на улус Хайду. Старшим сыном Хайду был Чапар, но в момент смерти отца он отсутствовал в его владениях, что позволило Хутулун начать борьбу за власть.

Некоторые исследователи склонны преувеличивать роль и значение царевны в политической жизни государства Хайду. Так, высказывались мнения, что она сама намеревалась захватить трон и даже что отец перед смертью намеревался назначить ее своей

преемницей.⁴¹⁹ Однако источники не сообщают о ее столь далеких устремлениях.

На самом деле она выступала за то, чтобы новым ханом был провозглашен ее родной брат (от той же матери) по имени Урус, при котором она рассчитывала сохранить свое положение военачальника и ханского советника. Против Чапара выступил еще один потомок Угедэя — Тюкме, внук (или правнук) монгольского хана Гуюка, однако он не поддерживал Хутулун, поскольку надеялся, что сумеет сам занять трон. В результате около двух лет в государстве, созданном Хайду, не было правителя.

Однако в 1303 г. разногласия в лагере противников Чапара, а главное — поддержка его влиятельным Дувой позволили ему стать преемником отца. Хутулун весьма активно противодействовала избранию Чапара и открыто выступала против него на курултае. Тогда Чапар и Дува, потеряв терпение, накричали на нее: «Тебе нужно иметь дело с ножницами и иглой, что ты понимаешь в делах государства и улуса?» Ответить Хутулун было нечего, и ей пришлось присоединиться к мнению большинства и признать ханом Чапара.⁴²⁰

Но при этом ни она, ни ее родной брат Урус не подчинились новому правителю окончательно. Чапар, не доверявший Урусу, отправил его во главе войск на опасную границу с империей Юань. Однако, оказавшись во главе довольно крупных сил, Урус отказался признавать власть брата и вел себя во вверенных ему областях практически независимо. Что же касается Хутулун, то она удалилась в свои владения, добившись, чтобы именно там был похоронен Хайду. Именно она стала охранять «заповедное место погребения отца», демонстрируя при этом подчеркнуто скромный образ жизни.⁴²¹ На самом же деле она не прекращала настраивать Уруса против брата-хана и подыскивать себе сторонников.⁴²²

Разногласия среди многочисленных детей Хайду, а также и претензии на власть в его государстве других потомков Угедэя вскоре позволили Дуве подумать об упразднении государства Хайду (следует отметить, что значительную часть его территории составляли именно земли Чагатайского улуса, в 1260–1270-е гг. отторгнутые Хайду у предшественников Дувы). В течение 1305–1306 гг. отдельные чагатайские царевичи совершали набеги на владения Чапара и его родичей, а Дува приносил формальные извинения за несогласованные с ним действия представителей своего семейства. Убедившись, что Угедэиды не в состоянии эффективно защитить свои владения, в 1306 г. Дува сам перешел в наступление

и очень скоро захватил весь улус Хайду, а также пленил Чапара и большинство членов его рода. К пленникам он отнесся довольно гуманно, выделив им небольшие владения в своем улусе.⁴²³

Судьба Хутулун оказалась более трагична. Согласно персидскому историку начала XIV в. Шамс ад-Дину Кашани, сторонники Дувы в том же 1306 г. захватили ставку Хайду, т. е. место, где он был похоронен, а Хутулун была при этом убита. Высказывалось мнение, что она оказала сопротивление и погибла в сражении.⁴²⁴ По-видимому, Дува не хотел оставлять в живых столь энергичную и властную царевну, которая казалась ему более опасной, чем ее многочисленные братья.

Хутулун погибла, но очень скоро возродилась в преданиях и легендах. После ее смерти многочисленные рассказы о царевне-богатырке не были забыты, а стали обрастать новыми подробностями, все менее и менее достоверными. При этом нередко забывалось имя царевны, ее подлинные деяния и даже географический охват ее деятельности. Д. Узерфорд, посвятивший Хутулун самостоятельный очерк, а также целую главу в своей книге о представителях рода Чингис-хана, весьма подробно проследил, как трансформировался образ Хутулун в народной памяти, а затем оказался запечатлен и в искусстве, включая весьма известные произведения.⁴²⁵

Так, уже арабский путешественник Ибн Баттута, побывавший в 1320–1340-е гг. в ряде государств Чингизидов (от Золотой Орды до империи Юань), упоминает уже фактически фольклорный сюжет о слишком своенравной царевне, никак не желавшей выходить замуж и отвергавшей всех женихов. В XV в. при дворе императоров Мин появилась новелла, основанная на сходном сюжете.

М. Пети де ла Круа, французский востоковед, опубликовавший в 1710 г. одну из первых в Европе биографий Чингис-хана, в дополнение к ней издал сборник восточных преданий и анекдотов, среди которых присутствовал и сюжет о восточной царевне, придирчиво выбиравшей жениха. Однако для изысканного европейца, да еще и духовного лица (исследователь был священником), мысль о том, что девушка борется с потенциальными женихами, вероятно, представлялась слишком дикой, и он заменил борьбу загадками, которые она предлагала женихам. Имя Хутулун к этому времени уже забылось, и Пети де ла Круа использовал имя Турандот, которое примерно можно перевести как «дочь тюркского правителя». В 1762 г. знаменитый итальянский драматург К. Гоцци создал волшебную пьесу «Турандот» (она считается едва ли

не лучшим его произведением), которая с успехом шла на сцене, и послужила основой еще для ряда драматических произведений. По сюжету принцесса, не желающая выходить замуж, загадывает потенциальным женихам три загадки, и неотгадавшие лишаются головы; только принцу Калафу удастся не просто разгадать их, но и пробудить в принцессе любовь.

На основе этого сюжета Ф. Шиллер создал пьесу «Турандот, принцесса Китайская», которая, благодаря поддержке И.-В. Гете, в 1802 г. была поставлена в Веймарском театре. В 1917 г. итальянский композитор Ф. Бузони написал оперу «Турандот». Наконец, в 1924 г. еще один знаменитый итальянец Д. Пуччини создал оперу с тем же названием, либретто для которой было написано Д. Адами и Р. Симони — опять же на основе пьесы К. Гоцци.⁴²⁶ Благодаря этому произведению деяния Хутулун (хотя и в сильно искаженном виде) стали известны всем любителям театра.

Итак, Хутулун, несмотря на то что происходила из ханского рода, добилась влияния и уважения благодаря собственным заслугам. Однако такие возможности имели женщины в государствах, где в большей мере применялись степные правовые обычаи и законодательство Чингис-хана. В мусульманском же мире представительницы правящих династий, даже вступая на трон, чаще всего оставались лишь марионетками в руках мужчин. Попытку исправить эту ситуацию предприняла героиня нашего следующего очерка — Сатибек-хатун.

ОЧЕРК ДЕВЯТЫЙ.

САТИБЕК — ЖЕНЩИНА НА ТРОНЕ ИЛЬХАНОВ (1307 — ПОСЛЕ 1344, ИЛЬХАН ИРАНА 1338–1339)

Сатибек стала, по-видимому, первой представительницей рода Чингис-хана, официально носившей ханский титул. С одной стороны, примечательно, что этот прецедент имел место в такой мусульманской стране, как Иран. С другой стороны, не менее показательно, что влияние мусульманских канонов, равно как и падение авторитета потомков Чингис-хана в Иране, привело к тому, что законная ханша обладала куда меньшей властью, чем многие регентши и фактические правительницы чингизидских государств, сами даже не принадлежавшие по происхождению к роду Чингис-хана.

I

Государство ильханов возникло в 1256–1258 гг. в результате завоевания Багдадского халифата и ряда других государств и областей Ирана монгольским царевичем Хулагу — сыном Тулуя (четвертого сына Чингис-хана) и младшим братом хана Мунке. В 1253 г. на монгольском курултае было решено, что Хулагу отправится покорять эти земли, которые останутся за ним в качестве «пятого улуса» Монгольской империи — наряду с Улусом Джучи — Золотой Ордой, Чагатайским улусом, владениями Угедэидов и собственно «Коренным юртом», т. е. Монголией и Китаем. При этом сам Хулагу приобрел титул ильхана (т. е. не самостоятельного хана, а правителя «иля» или улуса, подчиненного монгольскому хану), и этот титул носили его потомки, до конца оставаясь лояльными монгольским ханам — императорам Юань, своим старшим родственникам. Так в истории Ирана началась эпоха монгольского правления, а само их государство в историографии принято именовать государством ильханов (или ильханатом) или государством Хулагуидов.

Расцвет этого государства приходится на конец XIII — начало XIV вв., когда во главе него стояли ильханы Аргун (прав. 1284–1291) и в особенности его сын Газан (прав. 1295–1304). При Газане иранские Чингизиды, ранее приверженные к буддизму и лояльно относившиеся к христианству, принимают ислам и прибавляют к своему ильханскому титулу также мусульманский титул султанов. Именно при Газане проводятся серьезные реформы, превратившие ильханат из подобия «степной империи» в типичное исламское оседлое государство, хотя и со значительным кочевым элементом. Ведущую роль в преобразованиях сыграл везир ильхана Рашид ад-Дин — автор-составитель того самого «Сборника летописей», который послужил одним из самых важных источников при написании настоящей книги.

В 1304 г. Газан (носивший мусульманское имя Махмуд) умирает, и уже при его брате Олджайту-хане (мусульманское имя Худабандэ, прав. 1304–1316) в Иране проявляются первые признаки грядущих междоусобиц. Тем не менее и он, и его сын Абу Саид Бахадур-хан (прав. 1316–1335) еще продолжали сохранять контроль над единым государством, весьма жестоко расправляясь с теми своими подданными, которые пытались претендовать на независимость или хотя бы автономию. Именно в правление ильхана Абу Саида на политическую сцену выходит Сатибек-хатун.

Сатибек была дочерью Олджайту-хана. У этого хана было двенадцать жен, от которых родилось всего семеро сыновей и четыре дочери. Однако большинство детей умерло в детстве, отца пережили только сын Абу Саид и две дочери — Дуланди и Сатибек. Все трое родились от разных матерей: Абу Саид — от Хаджи-хатун, Дуланди — от Бучган-хатун, а Сатибек — от Ултурмиш-хатун.⁴²⁷ Старшую, Дуланди, еще отец выдал замуж за могущественного эмира Чопана. После смерти Олджайту-хана его наследником стал 12-летний Абу Саид, родившийся в 1304 г. Что же касается Сатибек, которая родилась в 1307 г.,⁴²⁸ то в ближайшие годы после смерти отца она не имела политического значения по причине малолетства. Однако в 1320 или 1321 г., когда умерла ее старшая сестра Дуланди, Сатибек, которой исполнилось 13 или 14 лет, была выдана замуж за ее овдовевшего супруга — эмира Чопана из рода сулдуз.⁴²⁹

«Молодому супругу» к тому времени было, вероятно, уже около 50 лет: еще в конце 1280-х гг. он командовал иранскими войсками и уже тогда неплохо проявил себя в качестве военачальника.⁴³⁰ В правление Олджайту-хана, около 1311 г., он стал амир ал-умара («эмиром эмиров») — верховным главнокомандующим войсками

государства ильханов и, безусловно, самым могущественным родоплеменным предводителем в державе Хулагуидов.⁴³¹ Естественно, ханы старались расположить его к себе и привязать родственными узами — именно поэтому сразу же после смерти одной его жены, ханской дочери, ему была отдана в жены ее младшая сестра.

Неизвестно, какие отношения были между супругами, скорее всего, Чопан не испытывал к жене каких-то романтических чувств и рассматривал ее только как инструмент для укрепления связей с ханским семейством и, соответственно, упрочения собственного положения. Тем не менее, несмотря на значительную разницу в возрасте, Сатибек вскоре родила своему супругу сына — эмира Суюргана, который впоследствии играл заметную роль в государстве ильханов.⁴³² Однако семейная жизнь Сатибек была не слишком продолжительной: в 1328 г. ее муж и многие члены его рода были казнены Абу Саидом.

В отличие от своего довольно покладистого отца, царственный брат нашей героини был человеком весьма властным и жестоким. Кроме того, являясь единственным наследником Олджайту-хана, он, по-видимому, был сильно избалован в детстве и, даже достигнув совершеннолетия, весьма нетерпимо относился к тем, кто не исполнял немедленно все его прихоти.⁴³³ А эмир Чопан и его потомки не просто ограничивали власть и желания Абу Саида, но и делали это демонстративно. Так, например, везир ильхана по имени Адиль являлся таковым только по званию, а фактически везират принадлежал Димишк-ходже, одному из сыновей Чопана, который ввел при дворе Абу Саида режим строгой экономии: когда его упрекали, что у ильхана стол, недостойный государя, Димишк-ходжа высокомерно отвечал, что тому достаточно ежедневно двух куриц. В 1326 г. могущество Чопана достигло апогея: его власть как фактического правителя государства была признана даже императором Юань (как мы помним, ильханы до конца существования своего государства признавали императоров — великих ханов своими сюзеренами), издавшим специальный ярлык, в котором статус Чопана как эмира эмиров Ирана было предписано признавать во всех улусах Чингизидов. В непосредственном владении Чопана оказались Ширван, Азербайджан, Муган и Арран, составлявшие весьма значительную часть государства ильханов.⁴³⁴

Ослепленный властью, эмир как-то не заметил, что ильхан постепенно вышел из подросткового возраста и обрел определенное влияние в делах своего государства, сумев привлечь на свою сторону значительное число сановников и военачальников, которые

уважали Абу Саида, с молодости лично участвовавшего в сражениях и проявившего как качества полководца, так и отвагу воина. Противостояние ильхана с Чопаном стало неизбежным, а поводом, как это нередко бывает, послужила страсть к женщине.

У Чопана была дочь Багдад-хатун, отличавшаяся редкой красотой, которую он выдал замуж за Шайха Хасана, представителя влиятельного монгольского племени джелаир. Два-три года спустя, в 1326 г., ее случайно увидел Абу Саид и сразу же влюбился в нее. Согласно чингизидским правовым обычаям, если хану нравилась какая-то женщина, то ее муж, желая сделать повелителю приятное, давал ей развод. Однако, поскольку она была еще и дочерью амир ал-умара, Абу Саид именно ему адресовал свое пожелание взять в жены Багдад-хатун. Подобная выходка ильхана несколько смутила Чопана, и он ответил отказом, причем в гораздо более грубой форме, чем это позволяло ему даже его положение.

Поведение амир ал-умара послужило прекрасным основанием, для того чтобы сместить его с занимаемой должности. Не ожидавший такого решения ильхана, Чопан растерялся, и, прежде чем он предпринял какие-либо шаги, Абу Саид приказал казнить его сыновей — Димишк-ходжу и Махмуда. Только тут Чопан стал собирать войска, чтобы оказать сопротивление ильхану. Однако когда он выступил против Абу Саида, оказалось, что того поддерживает гораздо большее число людей. Эмир попытался пойти на хитрость: заявив, что дал клятву не поднимать меча против дома Хулагу-хана, он направил к ильхану одного из своих эмиров для переговоров. Однако посланец предпочел остаться у Абу Саида. Узнав об этом, большинство других приближенных Чопана вместе со своими войсками перешли на сторону законного правителя.

Чопан бежал в Хорасан, с правителем которого они в детстве были весьма дружны. Стараясь спасти своих многочисленных детей, он отправил их под защиту разных могущественных правителей: Тимурташ был отправлен к египетскому султану ал-Малику ан-Насиру, Хасан и Талыш — к золотоордынскому хану Узбеку. Однако эти правители стали на сторону Абу Саида, столь решительным образом вернувшего себе власть, и казнили эмиров, прибегших к их покровительству, а их головы отправили ильхану. Сам Чопан вместе с еще одним своим сыном, Джилав-ханом (сыном Дуланди и, следовательно, племянником Абу Саида), были казнены «другом детства» — хорасанским правителем Гияс ад-Дином из династии Куртов.⁴³⁵

Так, в 1328 г., после приблизительно восьми лет брака, Сатибек овдовела, оставшись с малолетним сыном на руках. О ее

судьбе в последующие несколько лет неизвестно, однако, по всей видимости, она была доставлена ко двору брата, при котором и находилась до его смерти.

II

Абу Саид, расправившись с Чопаном и его семейством, все-таки взял в жены красавицу Багдад-хатун, бесцеремонно разведя ее с законным супругом Шайхом Хасаном Джалаири. Однако вскоре стали распускаться слухи, что новая супруга ильхана продолжает любить своего первого мужа и состоит с ним в переписке, замышляя заговор с целью убийства Абу Саида. Ильхан повелел схватить Шайха Хасана, однако за него заступилась мать эмира, которая приходилась ильхану родной теткой, и правитель сохранил ему жизнь, лишь приказав убираться с глаз долой.⁴³⁶ Сама Багдад-хатун осталась безнаказанной, поскольку ильхан, похоже, действительно очень ее любил. Но столь мягкое, нетипичное для жестокого Абу Саида отношение к ней вскоре привело к роковым последствиям: осенью 1335 г. ильхан был отравлен Багдад-хатун, так и не простившей ему убийство отца и братьев.⁴³⁷ Поскольку Абу Саид не оставил потомства, в государстве Хулагуидов началась борьба за власть между различными членами правящего рода, которых поддерживали влиятельные иранские кланы.

Примечательно, что первый претендент на трон, которого выдвинули именно приближенные покойного Абу Саида,⁴³⁸ не принадлежал к дому Хулагуидов: это был Арпа-хан, правнук Арик-Буги, брата Хулагу (того самого, что боролся за власть над Монгольской империей с еще одним своим братом Хубилаем). Обосновывая свой выбор, сановники даже сфабриковали завещание Абу Саида, которым тот якобы признавал потомка Арик-Буги наиболее достойным ханского трона и предписывал избрать его.⁴³⁹ Однако, чтобы придать еще более легитимный характер его воцарению, сановники выдали за него замуж Сатибек — так, Арпа стал ханом не только на основании своего происхождения от Чингис-хана, но и посредством брака с сестрой последнего ильхана-Хулагуида.⁴⁴⁰

Вероятно, по настоянию Сатибек, желавшей отомстить за смерть своего брата Абу Саида, одним из первых деяний нового ильхана стала расправа с Багдад-хатун: ее обвинили в отравлении супруга, а также в переписке с золотоордынским ханом Узбеком, которого она якобы призывала завоевать Иран; она была утоплена в собственной бане.⁴⁴¹

Однако далеко не все согласились с избранием Арпа-хана. Всего четыре месяца спустя Али-падшах, предводитель могущественного племени ойрат и родной дядя (по матери) Абу Саида, возвел в ханы некоего Мусу, который, в отличие от Арпа-хана, являлся прямым потомком Хулагу.⁴⁴² Вместе со своим ставленником Али-падшах выступил против Арпа-хана, приближенные которого, узнав о воцарении хана из рода Хулагу, изменили своему повелителю и перешли на сторону Мусы-хана. Гияс-ад-Дин и Арпахан были казнены в мае 1336 г.⁴⁴³ Второй брак Сатибек, таким образом, продолжался всего около полугода.

Однако и триумф Мусы-хана и Али-падшаха был недолгим. Уже летом 1336 г. Шайх Хасан Джалаири (тот самый, у которого Абу Саид отнял жену Багдад-хатун) выдвинул собственного претендента на трон — Мухаммада, еще одного потомка Хулагу, вместе с которым двинулся против Мусы-хана и его покровителя. Во время битвы Шайх Хасану донесли, что Али-падшах не участвует в сражении, а руководит своими войсками с холма. Во главе 2 000 воинов Шайх Хасан напал на ойратского предводителя и уничтожил его. Узнав о гибели своего покровителя, Муса-хан обратился в бегство. Еще в течение года он оказывал сопротивление ильхану Мухаммаду и Шайх Хасану, но в конце концов был схвачен и казнен ими в июле 1337 г. После победы Шайх Хасан женился на Дильшад-хатун, вдове Абу Саида, таким образом расквитавшись с ним за то, что тот в свое время отнял у него Багдад-хатун.⁴⁴⁴

Все это время Сатибек находилась в Арране, являвшемся владением рода ее первого супруга Чопана, и именно вокруг нее объединились его потомки. Весной 1337 г. Шайх Хасан прибыл к ней и заключил договор о мире и разграничении владений, признав за сестрой Абу Саида право на Арран, Ирак и Азербайджан, а сам обосновался в Тебризе.⁴⁴⁵ Причиной для столь миролюбивых действий Шайх Хасана послужило вторжение в его владения нового претендента на трон — Тугай-Тимура, который также провозгласил себя ильханом. Тугай-Тимур не был не только потомком Хулагу, но и вообще не относился к роду Чингизидов: он происходил из рода Хасара (брата Чингис-хана). Тугай-Тимур управлял Мазандераном, однако многие сановники ильханов, напуганные постоянными междоусобицами, бежали к нему и стали подстрекать его к участию в борьбе за трон. Очень скоро он установил контроль над Хорасаном, а затем стал претендовать на власть и во всем государстве ильханов. Некоторое время иранским правителям

удавалось сдерживать его натиск, однако их борьба между собой не позволяла окончательно разгромить потомка Хасара

Воспользовавшись затруднительным положением Шайх Хасана, против него выступил еще один влиятельный эмир — его тезка Шайх Хасан б. Тимурташ, внук эмира Чопана (с этого времени, чтобы избежать путаницы, Шайха Хасана Джалаири стали именовать Бузургом, т. е. «большим», а внука Чопана — Кучаком, «малым»). Узнав о том, что «малый» Хасан вступил в борьбу за власть, ряд потомков Чопана, ранее примкнувших к Шайх Хасану Бузургу, перешли на сторону своего родственника. Летом 1338 г. между двумя Хасанами состоялась битва, в которой «большой» Хасан потерпел поражение и бежал в Султанию, столицу ильханов, а многие из его воинов и эмиров были убиты — во главе с ильханом Мухаммадом.⁴⁴⁶

В результате в Иране не осталось ни одного претендента на трон, и 16 потомков Чопана, прибыв в Тебриз к Шайх Хасану Кучаку, потребовали, чтобы он возвел на трон хана из дома Хулагу. Однако его сторонники, эмиры племени хазара, заявили, что потомков Хулагу мужского пола не осталось, но есть Сатибек — дочь и сестра последних законных ильханов Ирана. Она и была возведена на трон в 739 г. х. (1338 г.) при поддержке Шайха Хасана Кучака, внука своего первого супруга. С этого времени ее имя произносилось в хутбе (пятничной молитве), а также началась чеканка монеты с ее именем и титулом: «Правосудная султанша Сатибек-хан, да сделает Аллах вечным ее царствование». Во главе многочисленных войск ханша и Шайх Хасан Кучак двинулись против «большого» Хасана и без боя вытеснили его из Азербайджана.⁴⁴⁷

В том же году Шайх Хасан Бузург лично прибыл к Сатибек, признал ее в качестве законной правительницы. Между двумя Хасанами на зимний период было заключено перемирие, по условиям которого за Сатибек и потомками Чопана сохранялись Ирак и Азербайджан, а Шайх Хасан Бузург оставлял за собой Султанию и большинство иранских областей. Весной предполагалось провести совместный курултай, на котором стороны должны были окончательно произвести передел владений в государстве ильханов.⁴⁴⁸

III

Однако оба соперничающих эмира продолжали не доверять друг другу и втайне начали подготовку к дальнейшей борьбе. При этом оба понимали, что поддержка Сатибек может стать

решающей, поскольку именно она являлась законной обладательницей трона и титула ильханов. В 1339 г. Шайх Хасан Кучак вступил в переговоры с Тугай-Тимуром, во время которых они вспомнили о старой дружбе еще между их предками — эмиром Чопаном и Судаем, отцом Тугай-Тимура. Вместе они намеревались весной выступить против Шайха Хасана Бузурга. Однако тот, узнав об их намерениях, в свою очередь начал переписку с властителем Мазандерана и Хорасана. «Большой» Хасан пообещал Тугай-Тимуру, что в случае победы отправит к нему Сатибек и свою собственную жену Дильшад-хатун, женитьба на которых сделает претензии Тугай-Тимура на трон более законными и привлечет к нему дополнительных сторонников. Потомок Хасара с готовностью согласился: повышение легитимности своего правления путем женитьбы на Сатибек-хатун более привлекло его, чем прежняя дружба между его родом и родом Чопана.⁴⁴⁹

Самое интересное, что Сатибек вполне разделяла намерения Шайха Хасана Бузурга и с готовностью согласилась сотрудничать с Тугай-Тимуром, хотя это и означало, что она не будет править самостоятельно, а как минимум разделит власть с новым супругом. Надо полагать, что Шайх Хасан Кучак совершенно не позволял ей вмешиваться в дела управления, и ханша надеялась, что ситуация изменится, если она перейдет на сторону его противников. Эти намерения стали известны «малому» Хасану, который сначала путем сфальсифицированных посланий сумел вызвать недоверие между Шайх Хасаном Бузургом и Тугай-Тимуром, а когда последний вернулся в Хорасан, обратился и против самого своего тезки. Когда два Хасана сопровождали Сатибек в очередную перекочевку, Шайх Хасан Кучак внезапно напал на лагерь ханши и разграбил его.⁴⁵⁰ Шайх Хасан Бузург, не рискуя вступить с ним в сражение, бежал в Султангию, где отыскал еще одного уцелевшего потомка Хулагу — Изз ад-Дина Шах-Джахан-Тимура (внука ильхана Гайхату, прав. 1291–1295 гг.), которого возвел на трон под именем Джахан-Тимур-хана.⁴⁵¹

В таких условиях Сатибек перестала устраивать Шайх Хасана Кучака в качестве ханши, поскольку женщина, даже являвшаяся прямым потомком прежних ильханов, уступала по значению потомственному Чингизиду по мужской линии, каковым являлся Джахан-Тимур. Поэтому Шайх Хасан принял решение низложить свою ставленницу. Однако за время своего правления Сатибек успела назначить на несколько ключевых постов своих сторонников, а сама, узнав о намерении эмира, задумала расправиться с ним.

Поэтому внуку Чопана сначала пришлось устранить нескольких из них, включая наиба Суюргана Джанди.⁴⁵² Лишив Сатибек влиятельных сторонников, «малый» Хасан сверг ее с трона, на который возвел некоего Сулеймана,⁴⁵³ которого объявил потомком Хулагу и, таким образом, противопоставил ставленнику Хасана Бузурга не менее законного монарха. Впрочем, чтобы обеспечить его легитимность, «малый» Хасан прибег к приему, использовавшемуся и прежде: насильно выдал Сатибек замуж за Сулеймана.⁴⁵⁴ Вполне возможно, что ханша согласилась на этот брак, чтобы избежать казни за попытку покушения на Шайх Хасана Кучака. Таким образом, ее правление длилось всего лишь около девяти месяцев в течение 1338–1339 гг.⁴⁵⁵

О дальнейшей судьбе Сатибек сведений не сохранилось. Известно, что в 740 г. х. (1338/1339 г.) вместе с Шайхом Хасаном Кучаком она отправилась в Уджан (неподалеку от Тебриза) собирать войска против Шайх Хасана Бузурга. Илхан Сулейман назначил ее сына Суюргана вместе с его сводным братом Яги-Басти б. Чопаном правителем Ирака, но вскоре «малый» Хасан, заподозрив сына Сатибек в сепаратизме, бросил его в тюрьму. Однако в 1344 г. сам Шайх Хасан Кучак был умерщвлен собственной женой, которая имела любовника и боялась, как бы муж об этом не узнал. После смерти эмира Суюрган бежал из тюрьмы и вновь вступил в борьбу за власть над Ираком. Однако Малик Ашраф, брат Хасана Кучака, принявший власть после его смерти, сверг илхана Сулеймана, заменив своим ставленником Ануширваном (предположительно — потомком Угедэя), и сумел разгромить Суюргана, который бежал, а вскоре был убит сторонниками Шайх Хасана Бузурга.⁴⁵⁶

Потомки эмира Чопана сошли с политической сцены в 1357 г., когда золотоордынский хан Джанибек завоевал Азербайджан и расправился с Маликом Ашрафом. Зато род Шайха Хасана Бузурга существенно возвысился. В том же 1339 или 1340 г. «большой» Хасан сверг и умертвил своего илхана Джахан-Тимура «по причине неспособности» и сам вступил на трон, положив начало династии Джалаиридов, правившей в Иране до 1432 г.⁴⁵⁷ Как ни странно, но в какой-то степени Сатибек повлияла на отдельные аспекты истории этой династии. Во-первых, ее монеты (как и монеты других последних илханов) послужили образцами для монет самих Джалаиридов.⁴⁵⁸ Во-вторых, правление Сатибек стало своеобразным прецедентом, и в 1411 г. одна из представительниц этой династии, Танду, также стала ханшей. Однако она правила

уже в период упадка династии Джалаиридов и, чтобы сохранить хотя бы часть наследия предков под своей властью, была вынуждена признать зависимость от Шахруха-мирзы — сына Амира Тимура, правившего Хорасаном. А этот правитель достиг влияния и могущества во многом благодаря собственной жене — Гаухаршад.

ОЧЕРК ДЕСЯТЫЙ.

ГАУХАРШАД — НЕВЕСТКА ТАМЕРЛАНА (1379–1457, ГОСУДАРСТВО ТИМУРИДОВ)

В истории раннесредневековой Европы большой известностью пользовалась королева Брунгильда, правившая значительной частью франкского королевства вместе с мужем, а затем при своих сыновьях, внуках и даже правнуках. Она была казнена своими противниками по обвинению в убийстве десяти королей, включая ее же собственных потомков. «Среднеазиатской Брунгильдой» стала Гаухаршад — супруга Шахруха, младшего сына знаменитого Амира Тимура (Тамерлана), сначала много сделавшая для процветания своего рода, а затем и приведшая его к гибели.

I

Имя Гаухаршад в переводе с персидского означает «смеющийся жемчуг» или просто «радостная, счастливая».⁴⁵⁹ Однако остроумные современники припоминали и другое значение слова «гаухар» — «блеск меча»,⁴⁶⁰ что гораздо больше соответствовало характеру и деяниям героини настоящего очерка, которая родилась в 1379 г. в весьма почтенном семействе. Некогда ее предок Кишлик, бывший простым пастухом у одного из родственников Чингис-хана, случайно узнал, что его хозяин сговорился с несколькими другими нойонами схватить хана и выдать его врагам. Вместе с другим пастухом Бадаем он предупредил Чингис-хана, и тому удалось избежать ловушки. В благодарность хан сделал Бадаю и Кишлику тарханами.⁴⁶¹ Тархан и девять поколений его потомков не должны были платить налоги и нести повинности, имели право забирать себе всю добычу на войне и на охоте, кроме того, им могли быть прощены девять проступков, за которые другие несли ответственность.⁴⁶²

Таким образом, изначально тарханы не были представителями знати (как считает ряд исследователей), а, оставаясь простолюдинами,

просто были освобождены от некоторых обязанностей, которые возлагались на простой люд. Однако со временем потомки Кишлика, апеллируя к тому, что их предка отличил сам Чингис-хан, сумели войти в число наиболее влиятельных нойонов в Чагатайском улусе. И уже отец Гаухаршад, Гияс ад-Дин-тархан, был одним из наиболее высокопоставленных сановников и полководцев знаменитого среднеазиатского завоевателями Амира Тимура (Тамерлана). В начале 1390-х гг. тархан выдал трех своих дочерей за потомков Тимура: Гаухаршад стала супругой Шахруха, младшего (четвертого) сына Амира Тимура, а две другие дочери были выданы замуж за Пир-Мухаммада и Рустама — сыновей Омар-Шейха, второго сына Амира Тимура.⁴⁶³ Однако из всех дочерей (да и вообще из всех детей) Гияс ад-Дина именно Гаухаршад удалось добиться наивысшего успеха и достичь вершин власти.

Несомненно, Гаухаршад удалось добиться власти и влияния во многом благодаря характеру ее супруга — Шахруха-мирзы. Он родился в 1377 г. (т. е., был всего на два года старше своей супруги) и, подобно другим сыновьям Амира Тимура, еще в юном возрасте блестяще проявил себя в военной деятельности. Так, согласно сообщениям тимуридских придворных историков, в 1393 г., когда ему было всего 16 лет, он принял участие в походе отца против Шах-Мансура, правителя Фарса (область в Иране) из династии Музаффаридов, и в решающем сражении сумел прорваться к самому Шах-Мансуру, которого одолел в единоборстве, после чего принес его голову Амиру Тимуру.⁴⁶⁴ Однако уже с молодости Шахрух стал проявлять интерес к наукам и искусствам, в особенности к богословию, окружил себя учеными улемами, шейхами и дервишами и практически утратил интерес к государственным и военным делам.

Амир Тимур, не слишком одобрявший увлечения своего младшего сына, тем не менее сделал его правителем не слишком в то время значительной провинции в составе своей империи — Хорасана со столицей в Герате, где Шахрух утвердился в 1397 г. и правил до самой своей смерти в 1447 г., т. е. в течение 50 лет. Не испытывая иллюзий в отношении сына, Амир Тимур постарался окружить его своими доверенными лицами, среди которых были, в том числе, и несколько родственников Гаухаршад, включая двух ее родных братьев — Али-тархана и Хасан-Суфи-тархана, которые сопровождали Шахруха в походах, а затем заняли первенствующее положение при его дворе в Герате.⁴⁶⁵

Неудивительно, что и сама Гаухаршад, благодаря не только могущественным родственникам, но и собственным качествам,

вскоре стала весьма влиятельной особой при дворе своего супруга. Она, несмотря на то что была всего лишь второй женой Шахруха, совершенно оттеснила от него старшую супругу Мулкат-ага, которая, хотя и была ханской крови (ее отцом был Хызр-Ходжа-хан, правитель Моголистана — восточной части Чагатайского улуса), не пользовалась ни личной симпатией Шахруха, ни влиянием при дворе.⁴⁶⁶

Гаухаршад взяла на себя все заботы как по ведению дворцового хозяйства, так и по управлению государством, предоставив своему супругу спокойно заниматься своими богословскими спорами и чтением священных книг. Именно она устраивала приемы и проводила пиры (которые были прекрасной возможностью публично отличить кого-то или, напротив, продемонстрировать свою немилость),⁴⁶⁷ а также нередко выдвигала или смещала чиновников, которые отвечали за управление Хорасаном, сбор налогов и пр.

Амир Тимур не слишком приветствовал столь активное поведение своей невестки, участвовавшей не только в государственном управлении Хорасаном, но и в интригах при его собственном дворе. Тем не менее он по достоинству оценил ее активность и энергию и как-то высказал шутливое замечание — не Гаухаршад ли следует сделать наследницей всех его владений.⁴⁶⁸ Шутка властителя Мавераннахра оказалась пророческой: вскоре после смерти Тимура Гаухаршад вместе с Шахрухом стали властителями всей тимуридской империи.

II

Амир Тимур скончался в феврале 1405 г., и между его многочисленными потомками немедленно разгорелась борьба за власть. Поначалу соперниками в ней являлись преимущественно внуки Тамерлана, поскольку двое его сыновей, переживших отца, были почти недееспособны: Мираншах, третий сын, периодически был подвержен приступам безумия (он в молодости упал с лошади, ударившись головой, и с этого времени периодически впадал в бешенство, не отдавая отчета своим поступкам), а четвертый, Шахрух, как уже отмечалось, более заботился о своих ученых изысканиях, чем о власти над обширной империей.

Однако Гаухаршад вовсе не собиралась упускать возможность заполучить всю империю Амира Тимура в свои руки, тем более что ее супруг, после того как Мираншах в 1408 г. погиб в бою с туркменами, остался самым старшим из потомков Тимура.⁴⁶⁹

Подталкиваемый своей супругой и опираясь на военачальников — ее братьев и других родственников, в течение 1409–1416 гг. Шахрух сумел победить своих многочисленных племянников и лишил их всех владений в тимуридской империи, посадив в различных областях либо своих сыновей (их у него было пятеро), либо наместников. Фактически его держава была разделена на два крупных владения — Хорасан с центром в Герате, где царствовал сам Шахрух, и Мавераннахр с центром в Самарканде (столице Тимура), где с 1409 г. утвердился старший сын Шахруха и Гаухаршад по имени Мухаммад Тарагай, более известный как Улугбек-мирза, знаменитый ученый своего времени.

И средневековые историки, и современные исследователи сходятся на том, что именно Гаухаршад сыграла решающую роль в том, что Шахрух все же вступил в борьбу за власть и установил контроль над всеми тимуридскими владениями.⁴⁷⁰ Поэтому неудивительно, что она продолжала оставаться реальной правительницей Хорасана и номинально — всей империи Тимуридов. Супруга Шахруха назначала и смещала сановников, контролировала деятельность основных ведомств и по-прежнему организовывала все церемонии при дворе своего супруга.⁴⁷¹

Стоит отметить, что те сановники Шахруха, которые были назначены к нему еще Амиром Тимуром, включая и родственников Гаухаршад, сошли с политической сцены уже в 1410–1420-е гг., а их дети, в большинстве своем бывшие ко времени смерти родителей в молодом возрасте, не сумели унаследовать статус родителей. Поэтому на смену прежним сановникам и военачальникам пришли новые, назначавшиеся уже самим Шахрухом. Однако столь радикальная смена управленческого аппарата никоим образом не повлияла на положение Гаухаршад: она установила контроль и над новыми сановниками в той же мере, как и над прежними.⁴⁷²

Шахрух по мере возможностей старался ограничить вмешательство супруги во все государственные дела и найти ей противовес. Несмотря на то что практически все свободное время он уделял богословским занятиям, Шахрух был достаточно проницательным человеком и понимал, что таким противовесом может стать только не менее влиятельный человек, чем сама Гаухаршад. Поэтому его выбор пал на его третьего сына — Байсункура, который был любимцем как отца, так и матери (он родился в 1397 г. и был вторым сыном Гаухаршад после Улугбека), поэтому у его супруги не было причин противодействовать новому наследнику Шахруха. Уже с 1410 г. Шахрух стал постепенно привлекать сына к делам

управления, даже оставляя наместником в Герате на время своих отъездов. А в 820 г. х. (1417/1418 г.) Байсункур стал эмиром дивана, т. е. главой правительства, отвечавшим за сбор налогов, назначение чиновников, канцелярию правителя и пр., и неплохо проявил себя на этом посту.⁴⁷³

Впрочем, несмотря на свою любовь к Байсункуру, Гаухаршад вовсе не собиралась упускать из рук контроль над Хорасаном и продолжала активно вмешиваться в различные сферы государственной деятельности. При этом, выказывая свое могущество, она порой демонстративно принимала решения, идущие вразрез с волей как Байсункура, так и самого Шахруха. Например, когда Байсункур узнал, что везир Фахр ад-Дин, пользуясь своим положением, набрал в долг 200 туманов золота, которые не намеревался отдавать, он приказал заковать его в цепи и выдать кредиторам. Опальный везир апеллировал к Гаухаршад, которая настояла на том, чтобы с него сняли цепи и предоставили возможность постепенно погасить долг.⁴⁷⁴ В другой раз от Гаухаршад пострадал Фасих Ахмад б. Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи — автор исторического сочинения «Муджмал-и Фасихи» («Фасихов свод»), в котором содержится немало сведений о ней самой.⁴⁷⁵ Он служил сначала при ее брате Али-тархане, затем перешел на службу непосредственно к Шахруху и состоял в налоговом ведомстве; в 1440 г. по какой-то причине (не исключено, что из-за злоупотребления должностным положением) он вызвал гнев Гаухаршад и попал в заключение. Пару лет спустя, в 1442 г., ему удалось освободиться и даже добиться аудиенции у Шахруха, но после этого никаких сведений о Фасихе мы не имеем. Исследователи не без оснований полагают, что он мог быть казнен по приказу Гаухаршад, «через голову» которой попытался найти справедливость у ее супруга.⁴⁷⁶

Байсункур, приказы и распоряжения которого все чаще и чаще вызывали противоречившие им указания его матери, постепенно отстранялся от государственных дел и все больше уделял внимания искусству и литературе, всемерно покровительствуя авторам, переписчикам и иллюстраторам книг, и собрал у себя блестящую библиотеку. Кроме того, он, подобно многим талантливым людям, не имеющим возможности реализовать свой талант, постоянно искал утешения в вине и в 1433 г. умер от запоя, оставив, впрочем, по себе память как талантливый администратор и щедрый покровитель искусства, сам не чуждый ему.⁴⁷⁷

Гаухаршад не ограничивалась исключительно делами правления: подобно многим другим женщинам из семейства Тимуридов,

она старалась проявить себя и в других областях. И такая возможность у нее появилась, благодаря стремлению Тимуридов прослыть щедрыми и просвещенными государями, покровителями наук и искусств.

В истории искусства эпоха правления Амира Тимура и его потомков известна как «среднеазиатский (или «тимуридский») Ренессанс». Уже сам Тамерлан начал оказывать покровительство деятелям науки и искусства, вел масштабное строительство. Тимуриды продолжили политику основателя династии, причем наиболее ярко проявили себя в этой сфере именно Шахрух, сделавший Герат культурным центром мусульманского мира, и Улугбек, лично внесший немалый вклад в развитие наук и искусств. Но и Гаухаршад, сама не имевшая прямого отношения к миру науки и искусства, захотела прослыть щедрой и просвещенной государыней. Поэтому она стала оказывать покровительство многим ученым, богословам, художникам и поэтам.⁴⁷⁸ В 1442 г., демонстрируя свой интерес к наукам, она даже прибыла в Самарканд, к своему старшему сыну Улугбеку, которого не любила и опасалась, — чтобы больше узнать о его обсерватории и астрономических изысканиях.⁴⁷⁹

Наиболее значительным ее вкладом в развитие тимуридской культуры являются архитектурные комплексы в Мешхеде и Герате. В «священном» Мешхеде на ее средства в течение 1405–1418 гг. были выстроены соборная мечеть (при которой она учредила особый вакф) и ряд других религиозных сооружений, а также разбит сад.⁴⁸⁰ В Герате в течение 1417–1438 гг. под ее непосредственным контролем осуществлялось строительство мечети, медресе, а также целого комплекса религиозных сооружений (таких, как мечети типов джамии и мусалля) в городских предместьях.⁴⁸¹ В гератском медресе Гаухаршад, в специальном мавзолее, похоронено большинство царевичей из рода Шахруха, а также родственники Гаухаршад.⁴⁸² Известен также возведенный ею мавзолей в Кухсане.⁴⁸³

III

Одним из титулов, которым обладала Гаухаршад (как, впрочем, и ряд других женщин из рода Тимуридов), был «высокая колыбель».⁴⁸⁴ Этот титул, надо сказать, принадлежал ей вполне заслуженно, поскольку в браке с Шахрухом у нее родились три дочери и трое сыновей — Мухаммад Тарагай по прозвищу Улугбек (1394 г.), Байсункур (1397 г.) и Мухаммад-Джуки (1402 г.), от которых, в свою очередь, появилось более десятка внуков

и несколько правнуков.⁴⁸⁵ Сосредоточив в своих руках управление всем Хорасаном, Гаухаршад, естественно, не собиралась упускать из рук контроль над собственными потомками — сыновьями и внуками, которые сами со временем становились правителями тех или иных областей, фактически находившихся под ее властью.

Со старшим сыном, Улугбеком, у Гаухаршад сложились весьма напряженные отношения. Уже с раннего детства он практически не общался с матерью, будучи еще в младенческом возрасте по распоряжению Амира Тимура отдан на воспитание его супруге Сарай-Мульк-ханум (которая не была родной бабушкой Улугбека). А после того как Шахрух захватил Самарканд, 15-летний царевич был отправлен туда в качестве правителя и оставался таковым до самой смерти в 1449 г., т. е. 40 лет. За это время Гаухаршад лишь дважды посетила своего старшего сына в его владениях — в 1420⁴⁸⁶ и 1442 гг.⁴⁸⁷

Облеченный властью практически самостоятельного правителя, Улугбек рано стал проявлять независимость и порой шел наперекор воле матери. Например, когда она подвергла преследованиям влиятельного шейха Касим-и Анвара, которого изгнала его из Герата (обвинив в покушении на Шахруха), Улугбек не только предоставил шейху убежище у себя в Самарканде, но и признал его своим духовным наставником.⁴⁸⁸

Неудивительно, что Гаухаршад со временем стала все больше опасаться своего старшего сына, который был слишком самостоятельным и неподверженным ее влиянию — в отличие от ее младших сыновей и даже других сыновей Шахруха, рожденных от наложниц. Ее нелюбовь к Улугбеку дошла до того, что она поддерживала в интригах против своего родного сына его единокровного брата Ибрахим-Султана — сына Шахруха от наложницы.

Она неоднократно намекала Шахруху, что Улугбек слишком самостоятелен и его желательно заменить на троне Самарканда другим, более покладистым, правителем. В 1427 г. у нее появился шанс реализовать этот замысел: Улугбек вместе со своим братом Мухаммадом-Джуки потерпел поражение от золотоордынского хана Борака (который был, кстати, его же ставленником). Гаухаршад предложила Шахруху лично отправиться в Самарканд, чтобы получить у сына объяснения по поводу столь тяжелого и позорного разгрома, причем в сопровождении Байсункура. Улугбек резонно заподозрил, что родители решили заменить его младшим братом, и, когда Шахрух еще только подъезжал к Самарканду, направил к нему посланца с требованием отправить Байсункура обратно

в Герат. Так, благодаря своей предусмотрительности, Улугбек сумел сохранить за собой самаркандское владение, предупредив намерение матери.⁴⁸⁹ Трения Гаухаршад с Улугбеком, как мы увидим далее, продолжались до конца его жизни, что повлекло роковые последствия для всего потомства Шахруха.

Об отношении Гаухаршад к Байсункуру мы уже писали выше: он являлся любимцем отца и матери, и они оба были согласны видеть его своим наследником, однако он скончался намного раньше отца, в 1433 г., и поэтому вновь остро встал вопрос о возможном преемнике правителя тимуридской державы.

Сам Шахрух решил завещать Хорасан своему третьему сыну от Гаухаршад — Мухаммаду-Джуки, которого он назначил правителем Балха. Однако Гаухаршад совершенно не разделяла намерения супруга: она не позволила младшему сыну занять должность «эмира дивана», освободившуюся после смерти Байсункура, и старательно не допускала его усиления. Весьма показательное событие описал сановник Гаухаршад — Абд ар-Раззак Самарканди: в 1444 г. 67-летний Шахрух опасно заболел и находился при смерти, Мухаммад-Джуки поспешил в Герат, однако узнал, что по приказу Гаухаршад главнокомандующий Фируз-шах (находившийся в родстве с правительницей) и высшие сановники уже присягнули Алла ад-Доуле — старшему сыну Байсункура и любимцу Гаухаршад. Шахрух, однако, выздоровел и, разгневавшись, сместил Фируз-шаха.⁴⁹⁰

Однако в 1445 г. Мухаммад-Джуки умер, и в живых оставался только один сын Шахруха — старший, Улугбек (из девяти сыновей Шахруха только ему оказалось суждено пережить отца). Поэтому Гаухаршад решила поискать наследника своему супругу среди внуков. Ей тем проще это было сделать, что Шахрух ввел правило, по которому первенец каждого из его сыновей должен был воспитываться при гератском дворе. Формально это объяснялось тем, что Шахрух тем самым готовил юных царевичей к государственным делам.⁴⁹¹ Однако, полагаем, что фактически Шахрух, и в особенности Гаухаршад, таким образом обеспечивали себе лояльность собственных сыновей, поскольку, имея в заложниках их старших детей, могли не опасаться, что те захотят восстать и выйти из-под власти Шахруха.

Наше предположение подтверждается тем, с какой скрупулезностью гератские правители старались исполнять это правило. Так, когда жена Улугбека ожидала первенца, Гаухаршад повелела перед родами доставить невестку в Герат. Только когда родилась девочка,

правительница согласилась отправить ее в Самарканд — и то после настоятельных требований Улугбека. В 1442 г., как мы помним, Гаухаршад прибыла в Самарканд под предлогом знакомства с обсерваторией Улугбека. Однако подлинной причиной приезда стало намерение вернуть в Герат Абд ал-Латифа, старшего сына Улугбека, который годом раньше рассорился с бабушкой и уехал к отцу.⁴⁹²

Причиной ссоры Абд ал-Латифа с Гаухаршад стало то, что она слишком явно выказывала перед своими многочисленными внуками предпочтение сыновьям преждевременно скончавшегося Байсункура — в особенности старшему, Алла ад-Доуле, родившемуся в 1417 г. и с детства находившемуся под влиянием бабушки. Именно этого внука она прочила в наследники Шахруху, оказывая Алла ад-Доуле всяческое покровительство (и потому заставила присягнуть сановников во время болезни Шахруха в 1444 г.). Остальные внуки, возмущенные ее пренебрежительным отношением, в 1441 г. пожаловались на бабушку Шахруху, и он упрекнул Гаухаршад за такое поведение. Однако положение ее после этого ничуть не изменилось, а Абд ал-Латифу, зачинщику жалобы, пришлось уехать.⁴⁹³

В связи с этим вполне справедливым представляется мнение исследователей, что отношение Гаухаршад к своим детям и внукам, демонстративное предпочтение одних другим вызвало столь откровенную ненависть между ними.⁴⁹⁴ Пока был жив Шахрух, он своим авторитетом сдерживал потомков, но сразу после его смерти между ними началась ожесточенная борьба, в которой Гаухаршад играла самую активную роль.

IV

В 1446 г. против Шахруха восстал один из внуков — Султан-Мухаммад б. Байсункур, владетель Фарса. Несмотря на возраст и болезненное состояние, властитель Хорасана сам выступил против мятежника и без труда разгромил его. Султан-Мухаммад бежал, а многих приближенных взбунтовавшегося царевича Шахрух приказал казнить как подстрекателей. Однако на обратном пути 12 или 13 марта 1447 г. Шахрух умер в своей зимней ставке. Гаухаршад, находившаяся при войске вместе с мужем и несколькими внуками, немедленно начала разрабатывать план по сохранению власти в своих руках. Для этого правителем должен был стать Алла ад-Доула (старший брат мятежного Султан-Мухаммада), которого она, впрочем, не решалась возвести на трон, поскольку

опасалась самаркандского правителя Улугбека и его сына Абд ал-Латифа, находившегося при ней, но фактически представлявшего интересы отца в Герате.

Поэтому Гаухаршад разработала весьма хитрую комбинацию, позволяющую протянуть время и подготовить воцарение ее любимца. Прежде всего она предложила Абд ал-Латифу возглавить хорасанское войско и направить своему отцу Улугбеку послание о смерти Шахруха и своем назначении. Абд ал-Латиф решил, что статус верховного главнокомандующего является первой ступенькой на пути к гератскому трону, и, ликуя, немедленно отправил гонца в Самарканд. Однако вскоре сыну Улугбека пришлось подавлять мятеж собственных подчиненных: два царевича-Тимурида, Абу-л-Касим Бабур (еще один сын Байсункура)⁴⁹⁵ и Халил-Султан б. Мухаммад-Джахангир (внук Шахруха по дочери) бежали со своими войсками, разграбив армейский обоз; остальных желающих покинуть войско Абд ал-Латифу удалось утихомирить, казнив несколько зачинщиков.⁴⁹⁶

Однако, воспользовавшись тем, что Абд ал-Латиф перебрался в главную войсковую ставку и сосредоточился на подавлении бунта, Гаухаршад тайно отправила гонца к Алла ад-Доуле, приказав ему готовиться к восшествию на престол. Когда сыну Улугбека стало известно о ее действиях, он, не колеблясь, посадил под арест и свою бабушку, и ее родичей-тарханов, находившихся при войске. В итоге он оказал этим весьма дурную услугу и себе, и своему отцу.

Алла ад-Доула, до последнего момента не решавшийся следовать указаниям Гаухаршад и провозгласить себя правителем Хорасана, узнав о дурном обращении с бабушкой, захватил трон. Он привлек на свою сторону гератские войска, раздав им практически всю казну Шахруха, и во главе их выступил навстречу Абд ал-Латифу, который 29 апреля 1447 г. потерпел поражение от двоюродного брата и попал в плен. Освобожденная Гаухаршад вместе с Алла ад-Доулой привезли его в Герат и заточили в городской крепости Ихтияр ад-Дин. Торжественно похоронив Шахруха (в медресе Гаухаршад, рядом с Байсункуром), Алла ад-Доула выступил против Улугбека, который с самаркандскими войсками двигался на соединение с сыном.

Узнав, что Абд ал-Латиф в плену, Улугбек был вынужден пойти на мировую с племянником. Его посланец объявил, что правитель Самарканда считает Алла ад-Доулу своим сыном и ничего не замышляет против него. Поскольку против нового гератского правителя в это время выступил его родной брат Абу-л-Касим Бабур,

и воевать на два фронта Алла ад-Доула не мог. Поэтому он согласился на раздел владений с Улугбеком и немедленно отправил к нему Абд ал-Латифа, которого отец назначил правителем Балха.⁴⁹⁷

Однако зимой 1447/48 г. Абд ал-Латиф (возможно, по согласованию с отцом) начал боевые действия против Алла ад-Доулы, весной и сам Улугбек привел из Самарканда 90-тысячное войско, которое полностью разгромило силы Алла ад-Доулы. Гератский правитель бежал к своему брату Абу-л-Касиму Бабуру. Улугбек, без боя захватив Герат, двинулся за ним, и вскоре оба брата были вынуждены бежать. Однако с полпути Улугбек вернулся (что историки считают его роковой ошибкой), и сыновья Байсункура возвратились в Мазандеран, где правил Абу-л-Касим Бабур.⁴⁹⁸

Гаухаршад при приближении Улугбека к Герату также покинула город вместе со своими придворными. Видимо, разочаровавшись в способностях своего любимца и не испытывая напрасных надежд, что ему удастся вернуть трон, она отправилась не в Мазандеран, где нашел убежище Алла ад-Доула, а в Фарс, к его брату Султан-Мухаммаду. Тот встретил бабушку весьма гостеприимно, вероятно, считая, что она теперь поможет ему стать правителем Герата. Интересно отметить, что он даже сумел использовать дипломатические таланты Гаухаршад, отправив ее вести переговоры с туркменским правителем Джахан-шахом Ак-Коюнлу, с которым в это время воевал.⁴⁹⁹

В 1449 г. Улугбек был свергнут в результате государственного переворота, устроенного ортодоксальным духовенством, а на трон вступил его сын Абд ал-Латиф, который одобрил смертный приговор, вынесенный шариатским судом ему отцу. Для того чтобы занять трон в Самарканде, Абд ал-Латиф покинул Хорасан, и этим решили воспользоваться Гаухаршад, Султан-Мухаммад и примкнувший к ним Алла ад-Доула. В том же 1449 г. они двинулись на Герат, против них выступил еще один их брат, Абу-л-Касим Бабур, но потерпел поражение, и Султан-Мухаммад, в свою очередь, вступил на гератский трон. Алла ад-Доула был отправлен им наместником в Кабул: новый правитель не без оснований подозревал, что Гаухаршад может попытаться вновь возвести на трон своего любимца.

В 1450 г. Алла ад-Доула вновь выступил против Абу-л-Касима Бабура, благоразумно захватив с собой Гаухаршад, но случилось именно то, чего он опасался: Алла ад-Доула, воспользовавшись его отсутствием, занял Герат. Кроме того, Султан-Мухаммаду стало известно, что бабушка со своими родичами-тарханами намерена

схватить его и выдать брату. Царевичу не оставалось ничего другого, как бежать в свои прежние владения. Но и Алла ад-Доула недолго наслаждался возвращенным тронem: вскоре у Герата оказался Абу-л-Касим Бабур, без боя захвативший город и бросивший брата в тюрьму.⁵⁰⁰

Султан-Мухаммад в 1451 г. предпринял попытку вернуть Герат, но Абу-л-Касим Бабур выступил ему навстречу, разгромил и взял в плен. Он спросил пленника, зачем тот напал на него. Султан-Мухаммад отвечал: «О брат! В делах царствования без этого не обходится». В ответ на это старший брат доказал, что и он кое-что смыслит в «делах царствования»: «благодаря стараниям подлецов», он казнил родного брата, которого похоронили в том же медресе Гаухаршад, что и его отца и деда. Трудно сказать, какую роль в этих событиях сыграла сама Гаухаршад и сыграла ли вообще. Однако известно, что Абу-л-Касим Бабур после расправы с Султан-Мухаммадом решил обезопасить себя и от возможных покушений со стороны Алла ад-Доулы: этого брата он приказал ослепить.⁵⁰¹ Вполне возможно, что именно Гаухаршад сумела убедить внука оставить в живых ее любимца, ограничившись лишением его зрения: согласно тюрко-монгольским правовым обычаям, увечные царевичи не могли претендовать на трон. Однако год спустя, в 1452 г., выяснилось, что палачи схлестурили (возможно, опять же не без участия Гаухаршад): когда Абу-л-Касим Бабур отправился в Фарс, ему сообщили, что Алла ад-Доула «не совсем ослеп» и теперь, освободившись из заточения, вновь пытается захватить власть в Герате. Абу-л-Касим Бабур вернулся в Герат, а Алла ад-Доула бежал к Джахан-шаху, правителю Ак-Коюнлу, давнему врагу Тимуридов.⁵⁰²

В течение последующих лет Абу-л-Касим Бабур управлял значительной частью тимуридской державы, имея столицу в Герате. Гаухаршад находилась там же, но, напуганная его решительной расправой с братьями, по-видимому, не предпринимала никаких попыток интриговать против этого внука. Однако в 1457 г. Абу-л-Касим Бабур скончался, прожив всего 36 лет. На трон вступил его сын Шах-Махмуд, которому было всего одиннадцать или двенадцать лет, и Гаухаршад вновь начала борьбу за власть — на этот раз манипулируя уже своими правнуками!

Вскоре в Герат пришли известия, что Ибрахим, сын Алла ад-Доулы, движется к городу. Реальным правителем города при малолетнем Шах-Махмуде являлся эмир Шир-Хаджи, который поначалу решил использовать Гаухаршад как посредника между

двумя ее правнуками, но вскоре заподозрил, что это она вступила в переписку с Ибрахимом, сыном своего любимого внука, и намеревается помочь ему захватить Герат. Эмир бросил Гаухаршад, а заодно и Шах-Махмуда, в темницу, а сам приготовился к осаде. Однако оказалось, что у Ибрахима войск гораздо больше, чем ожидалось, и Шир-Хаджи бежал, как и Шах-Махмуд, которого спасли из тюрьмы соратники его отца.⁵⁰³

Казалось, престарелая правительница могла торжествовать: сын ее любимого внука без боя стал правителем Герата. Однако не все готовы были с этим согласиться. Шах-Махмуд со своими сторонниками закрепился в Мешхеде и, собрав войска, двинулся на отвоевание столицы своего отца. Ибрахим выступил ему навстречу, и между двоюродными братьями началось сражение — настолько ожесточенное, что в Герат трижды приходили сообщения о том, что победил то один, то другой брат. В конце концов Ибрахим все же одержал победу, но его войска настолько поределели, что он не смог противостоять еще одному претенденту на хорасанский трон — Абу Саиду, который даже не являлся потомком Шахруха (он был внуком его старшего брата Мираншаха). Абу Саид без боя вошел в Герат, а Ибрахим бежал. Однако, в отличие от соперничавших между собой потомков Шахруха, новый правитель не испытывал никаких сантиментов по отношению к Гаухаршад и 31 июля 1457 г. приказал казнить бывшую правительницу по подозрению в переписке с тем же правнуком Ибрахимом.⁵⁰⁴

Потомки властной старухи ненадолго пережили ее, причем в Средней Азии говорили, что виной тому было проклятье, довлевшее над этим семейством. Дело в том, что Шахрух во время подавления мятежа своего внука Султан-Мухаммада казнил среди виновников восстания нескольких сейидов — потомков пророка Мухаммада. Никто не ожидал, что Шахрух, о набожности и благочестии которого ходили легенды, решится на то, на что не пошли бы ни его отец, властный и жестокий Амир Тимур, ни сын, «вольнотумец» Улугбек, поскольку жизнь потомков пророка считалась неприкосновенной. А совершил он это святотатство по настоянию своей жены Гаухаршад. Казнь сейидов, как стало считать местное население, повлекла проклятие, в результате которого большинство потомков Шахруха погибло в течение 12 лет после его собственной смерти, т. е. в течение 1447–1459 гг.⁵⁰⁵

Ибрахиму в том же 1457 г. удалось вернуть город (Абу Саид покинул его всего через сорок дней после взятия и двинулся на Балх), и первым делом устроил тризну по Гаухаршад. Весьма

характерно, что, когда несколько позже, в 1458 г., в Герат вернулся его отец Алла ад-Доула, то сразу же посетил могилу бабушки.⁵⁰⁶ Несомненно, она, как матриарх рода, и после смерти продолжала пользоваться уважением своих потомков — в особенности ветви, происходившей от ее любимого сына Байсункура. Но уже в том же 1458 г. потомки Шахруха покинули Герат, который захватил их давний противник, туркменский правитель Шах Джахан Ак-Коюнлу.⁵⁰⁷ Годом позже Абу Саид заключил с ним союз и убедил его оставить Хорасан, где вновь был признан правителем. В этом же 1459 г. Ибрахим погиб во время бегства после очередного поражения от Абу Саида. И в том же богатом событиями году при невыясненных обстоятельствах сошел с политической сцены Шах-Махмуд — двоюродный брат и соперник Ибрахима.⁵⁰⁸

Лишь двое потомков Шахруха умерли позднее, но тоже насильственной смертью.

Мухаммад-Джуки б. Абд ал-Латиф, внук Улугбека, в 1460 г. с помощью узбекских племен выступил против нового самаркандского правителя Абу Саида и в короткое время захватил почти весь Мавераннахр, кроме Самарканда и Бухары. Но вскоре Абу Саид перешел в наступление и в 1462 г. вынудил Мухаммада-Джуки сдать. Он был заточен в тюрьму и в 1464 г. умер.⁵⁰⁹

Ядгар-Мухаммад, сын Султан-Мухаммада б. Байсункура, находился сначала при Джахан-шахе, а затем, когда недруг его рода Абу Саид заключил союз с его покровителем, бежал к другому туркменскому правителю — Узун-Хасану А-Коюнлу. Узун-Хасан в 1469 г. разгромил Абу Саида и взял его в плен. Пленник был передан Ядгар-Мухаммаду, который умертвил его в отместку за казнь Гаухаршад. В 1471 г. Ядгар-Мухаммад захватил Герат у нового правителя — Хусайна Байкары (правнука Омар-Шейха, второго сына Амира Тимура) и правил в нем 40 дней, после чего Хусайн Байкара совершил внезапное нападение, схватил и убил Ядгар-Мухаммада.⁵¹⁰ Так, род Шахруха пресекся на его правнуках, и получается, что Гаухаршад, из-за которой возникла рознь среди членов семейства, во многом поспособствовала этому пресечению.

На наследие Амира Тимура с рубежа 1460–1470-х гг. претендовали лишь две ветви его потомков: Хусайн Байкара (правнук Омар-Шейха, второго сына Амира Тимура), который совместно со своими четырнадцатью сыновьями управлял Хорасаном, и Абу Саид (внук Мираншаха, третьего сына Амира Тимура), потомки которого правили в Мавераннахре. Внучкой Абу Саида была Ханзаде — героиня нашего следующего очерка.

ОЧЕРК ОДИННАДЦАТЫЙ.
ХАНЗАДЕ — СЕСТРА БАБУРА И СУПРУГА
ЕГО ЗЛЕЙШЕГО ВРАГА
(1478–1545, БУХАРСКОЕ ХАНСТВО)

Судьба героини настоящего очерка, пожалуй, отличается от всех остальных, кому посвящена настоящая книга. Другие либо обладали влиянием, будучи ханскими дочерьми или сестрами, либо же приобретали власть путем брака с правителями. Ханзаде дважды вступала в брак (в том числе и с весьма могущественным среднеазиатским монархом), но ни один из них не принес ей ни власти, ни счастья. И только вернувшись ко двору своих родственников, где, казалось, должна была тихо и скромно жить, пользуясь их милостью, она сумела приобрести значительное влияние. Таким образом, жизнь Ханзаде в качестве представительницы правящего рода началась тогда, когда она, по логике, должна была завершиться.

I

Имя Ханзаде означает «ханская дочь» или просто «высокородная», что вполне соответствовало действительности: ее родители были весьма высокого рода. По отцовской линии она принадлежала к роду Амира Тимура: ее отец, мирза Омар-Шейх, был четвертым из многочисленных сыновей Абу Саида — потомка Мираншаха, третьего сына Тамерлана. Мать Ханзаде, Кутлуг-Нигар-ханум, была еще более знатного рода, поскольку принадлежала к потомкам Чингис-хана: ее отцом был Юнус-хан, правитель Моголистана — восточной части Чагатайского улуса. Родным братом Ханзаде по отцу и матери был знаменитый Захир ад-Дин Мухаммад Бабур — правитель и авантюрист, выдающийся ученый и поэт своего времени, последний правитель Мавераннахра из династии Тимуридов и первый тимуридский правитель Индии, основавший империю Великих Моголов. Ханзаде-бегим, старшая из детей Омар-Шейха, появилась на свет в 1478 г.⁵¹¹

Тимуриды старались дать хорошее воспитание всем своим детям — как мужского, так и женского пола. Неудивительно, что среди Тимуридов было немало поэтов и ученых, причем наряду с царевичами (Шахрух, Улугбек, Хусайн Байкара, Бабур) были известны и царевны (например, Гульбадан, дочь Бабура и племянница Ханзаде, или Зебунисса, дочь Великого Могола Шах-Джахана, праправнука Бабура). Однако Ханзаде, несмотря на то что была старшей дочерью своего отца, по-видимому, не получила серьезного образования: кашгарский историк мирза Мухаммад-Хайдар Дуглат, ее двоюродный брат по матери, сообщает, что однажды она отправила послание знаменитому Ходже Нурану, и оно было написано настолько «неумело», что сам Мухаммад-Хайдар «заново написал его, как было положено».⁵¹²

Впрочем, подобное пренебрежение воспитанием старшей дочери было простительно для Омар-Шейха: унаследовав после гибели своего отца Абу Саида Фергану, в течение долгих лет (1469–1494) он должен был постоянно отстаивать свои владения от посягательств различных соседних правителей — включая собственного тестя Юнус-хана и даже родных братьев.⁵¹³ В 1494 г. Омар-Шейх скончался, причем совершенно неприемлемым для мусульманина образом: в нетрезвом состоянии полез на свою любимую голубятню, свалился оттуда и сломал себе шею. Его преемником стал одиннадцатилетний Бабур, который унаследовал от своего отца не только Фергану, но и склонность к авантюрам. Уже в 1496 г., в возрасте тринадцати лет, он принял участие в борьбе за Самарканд, в 1497 г. сумел захватить город, но удержать не смог, а когда бежал оттуда, оказалось, что собственные подданные в Фергане успели возмутиться против него и возвести на трон его же младшего брата! Бабуру пришлось искать убежища у своих восточных родственников в Кашгарии, и Ханзаде, по-видимому, разделяла с братом скитания, которые столь часто выпадали на долю этого Тимурида.

Практически ничего не известно о личной жизни Ханзаде до 1501 г., под которым в источниках встречается первое упоминание о ее замужестве. Однако к этому времени ей исполнилось уже двадцать три года, и сомнительно, что до этого она не успела побывать замужем. Поэтому можно согласиться с предположением А. Беверидж, что Ханзаде могла до 1501 г. уже состоять в первом браке.⁵¹⁴ Впрочем, это лишь предположение, доводы в пользу которого мы изложим ниже. В любом случае, даже если она была замужем, то супруг, по всей видимости, являлся соратником Бабура и сопровождал его во всех походах и последующих скитаниях.

Коренным образом судьба Ханзаде изменилась в 1500–1501 гг., когда Бабур совершил уже третий свой поход на Самарканд и вторично захватил столицу Мавераннахра. На этот раз он отнял столицу не у кого-то из своих родичей-Тимуридов, как поступал прежде, а у правителя, который сам захватил этот город лишь несколькими месяцами ранее. Этим правителем был Мухаммад Шайбани-хан — потомок Чингис-хана из ветви золотоордынских ханов. В течение долгих лет он претендовал на господство в Синей Орде (восточной части Золотой Орды), но встретил слишком сильное сопротивление со стороны своих родственников-Джучидов. Поэтому хан обратил взор на Мавераннахр, который завоевать оказалось гораздо легче: потомки Амира Тимура ослабили государство постоянными междоусобицами, в ходе которых двоюродные и даже родные братья воевали друг с другом, свержали друг друга с трона, при этом ослепляя и даже умерщвляя соперников. Вторгнувшись в Мавераннахр в начале 1500 г. Шайбани-хан в считанные месяцы сумел завоевать многие его области, включая Бухару, Самарканд и пр.

Однако Шайбани-хан, оставаясь кочевником (несмотря на то что в молодости получил образование в Бухаре, хорошо знал и ценил среднеазиатскую оседлую культуру) и поэтому не обосновался в Самарканде, а лишь оставил там небольшой гарнизон. Этим и решил воспользоваться Бабур, который в том же 1500 г., имея всего 70 или 80 всадников, появился у стен столицы — притом что в городе располагалось несколько сотен воинов Шайбани-хана, а основные силы узбеков в количестве четырех или пяти тысяч человек располагались в окрестностях Самарканда.

Несмотря на то что нападение Бабура было авантюрой чистой воды, оно увенчалось полным успехом: население Самарканда открыло ему ворота и помогло перебить узбекский⁵¹⁵ гарнизон. Шайбани-хан с парой сотен воинов тут же попытался вернуть столицу, но неудачно, да еще и сам чуть не попал в плен. Ему пришлось отступить для сбора основных сил, а Бабур тем временем торжественно вступил на самаркандский трон, объявив себя падишахом. Его семья, включая мать, жен и Ханзаде, вскоре прибыла в столицу.⁵¹⁶

Взятие Бабуром Самарканда стало для него важным событием не только в военном, но и в политическом отношении. Узнав о том, что он нанес поражение грозному Шайбани-хану, многие города Мавераннахра стали выгонять узбекские гарнизоны и признавать власть Бабура, чей род к этому времени уже 130 лет

правил в Мавераннахре (с 1370 г., когда Амир Тимур захватил Самарканд). Впрочем, большинство этих городов узбекский правитель вскоре вновь вернул под свой контроль, устроив при этом в них жестокую резню. Затем Шайбани-хан двинулся к столице, и Бабур, вероятно, все еще пребывая в состоянии эйфории после захвата Самарканда, решился выступить навстречу узбекам и в апреле 1501 г. встретил их в столичном предместье. Позднее шайбанидские историки с целью воспеть победу своего хана напишут, что Бабур выставил против Шайбани-хана не менее 40 000 человек, по словам же самого Бабура, у него не было и тысячи воинов.⁵¹⁷ Естественно, он понес тяжелое поражение, да и сам едва успел спастись за воротами Самарканда.

Три дня спустя после битвы Шайбани-хан подошел к городу и начал осаду. В течение нескольких дней самаркандцы устраивали вылазки, даже не давая узбекам приблизиться к городу. Однако со временем активность жителей уменьшалась, а натиск узбеков, напротив, становился все сильнее. Вскоре в столице начался голод: горожане были вынуждены есть собачье и ослиное мясо (которое по канонам шариата считалось «нечистым»), затем перешли на кожу для раскатывания теста, а коней кормили древесными стружками, размоченными в воде. Жители стали совершать безумные поступки: одни пытались покинуть город, прыгая с городских стен, другие начали грабить продовольственные склады, уничтожая последние запасы. Наконец, после пяти месяцев осады, хан пришел к выводу, что положение Бабура достаточно безнадежно. Не желая губить своих воинов в ненужном штурме, он начал переговоры с мирзой, и они заключили, по выражению Бабура, «нечто вроде мира».⁵¹⁸ Согласно условиям договора с ханом, Бабур должен был покинуть Самарканд, а его сестра Ханзаде — стать женой Шайбани-хана.

Почему женитьба на сестре Бабура была столь важна хану? Дело в том, что хотя сам Шайбани-хан и являлся прямым потомком Чингис-хана по мужской линии и, следовательно, имел законные права на трон в любом из владений Чингизидов (не только в Золотой Орде, из правителей которой он происходил, но и в Средней Азии), однако он желал укрепить свои права на трон Мавераннахра еще и за счет брачных связей с представительницами рода местных правителей Тимуридов. Ханзаде была дочерью правителя Ферганы, завоевание которой также было в планах Шайбани-хана. Несомненно, брак с ней мог облегчить это завоевание и способствовать переходу на сторону узбеков представителей местной знати и населения.

Интересно отметить, что сам Бабур всячески отрицал, что Ханзаде стала женой Шайбани-хана по условиям мирного договора: в своих мемуарах он просто отметил, что «во время безвластия Ханзаде биким досталась Мухаммед Шейбани хану».⁵¹⁹ Что же, Бабура можно понять: этот Тимурид в течение долгих лет боролся с Шайбани-ханом (причем всегда безуспешно), всячески стараясь очернить его, называя чужаком и варваром, обвиняя в отсутствии образованности; в большинстве своих упоминаний о хане он даже не называет его по имени, ограничиваясь презрительной кличкой Узбек. Естественно, Бабуру не хотелось показывать, что он пошел на соглашение с ненавистным противником, поэтому тот факт, что любимая сестра стала женой «чужака и врага», описан им столь «нейтрально». Однако другие историки того времени, в том числе и весьма близкие Бабуру люди, не делают тайны из того, что он просто-напросто отдал сестру в руки Шайбани-хану. Так, Мухаммад Хайдар Дуглат, двоюродный брат Батура по матери, называет вещи своими именами: «В конце концов, дело дошло до осады города. Когда терпение Бабур Падишаха лопнуло, он отдал в жены Шахибек хану свою сестру Ханзада бегим..., заключил мир, и ушел, а Самарканд укрепился за Шахибек ханом»; в другом месте он пишет: «Падишах [Бабур. — Р. П., И. П.] отдал ее Шахибек хану при осаде Самарканда как выкуп за свою жизнь и уехал из Самарканда».⁵²⁰ Гульбадан, родная дочь Бабура (кстати, очень любившая свою тетку Ханзаде), приводит слова Шайбани-хана: «Если ты отдашь мне в жены свою сестру Ханзаде-бегим, между нами будет мир и союз».⁵²¹

Как бы то ни было, Бабур согласился с этим требованием, но, вполне обоснованно не доверяя Узбеку, однажды ночью бежал из города вместе с матерью и несколькими приближенными. Поскольку Ханзаде не было с ним, вероятно, еще перед бегством он, выполняя условия договора с Шайбани-ханом, отправил ее к будущему мужу. Так Ханзаде впервые покинула родную семью, при этом став женой человека, совершенно ей чуждого, намного старше нее (Шайбани-хан, родившийся в 1451 г., был на 27 лет старше своей супруги) и к тому же являвшегося самым опасным врагом ее семейства.

II

Чтобы брак Шайбани-хана и Ханзаде-бегим приобрел законную силу, им обоим понадобилось пройти процедуру развода, предусмотренную мусульманским правом. Если согласиться с предположением, что Ханзаде к этому времени уже была замужем, то

вполне объяснимой представляется необходимость развода с ее первым мужем, чтобы вступить во второй брак, — в котором так нуждался ее брат, чтобы получить свободный выход из Самарканда, осажденного узбекским правителем. Но почему же должен был развестись сам Шайбани-хан, коль скоро шариат позволяет иметь не менее четырех законных жен, а то и более — при условии, что муж может их всех достойно содержать?

Дело в том, что после первого взятия Самарканда (до того как его захватил Бабур) он женился на Михр-Нигар-ханум — вдове местного правителя Султан-Ахмад-мирзы, старшего брата Омар-Шейха. Михр-Нигар-ханум была старшей дочерью могулистанского Юнус-хана и, следовательно, приходилась родной теткой по матери самой Ханзаде. Брак одновременно с теткой и племянницей законы шариата не позволяли, поэтому хану приходилось сделать выбор, который был, в общем-то, очевиден: никаких политических выгод для Шайбани-хана этот брак не влек, а кроме того, дочь Юнус-хана была уже не первой молодости.⁵²² Неудивительно, что хан воспользовался благовидным предлогом, чтобы развестись с ней. Некоторое время Михр-Нигар-ханум еще оставалась при ханском дворе в Самарканде, а в 1506 г. к Шайбани-хану прибыла престарелая Шах-бегим, вдова Юнус-хана (но не мать Михр-Нигар-ханум), и хан позволил своей бывшей жене вместе с мачехой выехать в Хорасан, а оттуда — в Кабул, к Бабуру.⁵²³

В 1502 г. у Шайбани-хана и Ханзаде родился сын, названный Хуррам-шахом (имя Хуррам означает «светлый, радостный»).⁵²⁴ У Шайбани-хана было много жен, но от них родилось всего трое или четверо сыновей, поэтому неудивительно, что Хуррам-шах-султан был окружен вниманием, заботой и любовью, а панегиристы, которых при дворе Шайбани-хана было собрано немало, старались оставить о нем самые хвалебные отзывы. В частности, Фазлаллах б. Рузбихан Исфাহани, сановник Шайбани-хана, ведший дневник о его завоеваниях, оставил о царевиче следующую запись: «Его величество славный царевич, царственная жемчужина, венец величия и славы, львенок, творящий хаканские деяния, Хуррам-шах-султан, который ныне — повелитель знаменитого престола Балха и подвластных ему областей. Он всегда был славной жемчужиной трона наместничества и удостоился счастья неотлучного служения его величеству наместнику всемиростивого». ⁵²⁵ Действительно, в 1506 г. Шайбани-хан захватил Балх, владельцем которого назначил своего 4-летнего сына. Естественно, ребенок был всего лишь номинальным правителем, от имени которого

распожжался доверенный сановник Шайбани-хана — Камбар-мирза кукельташ.⁵²⁶

Несмотря на рождение сына, брак Шайбани-хана и Ханзаде не был счастливым. Она не могла простить супругу и то, что досталась ему как военный трофей, и постоянное преследование ее брата Бабура. Со своей стороны, хан подозревал ее в том, что она состоит в переписке с братом, которому сообщает о действиях хана, — неслучайно Бабуру неоднократно удавалось ускользать от ханских войск. Со временем, как пишет Мухаммад Хайдар Дуглат, двоюродный брат Ханзаде, Шайбани-хан «стал бояться бегим, как бы она по совету своего брата не покусилась на его жизнь». Вряд ли хан в самом деле полагал, что подобная опасность может грозить ему от одной из жен — по всей видимости, он просто перестал считать брак с ней полезным в политическом отношении. В 1504 г. он захватил Фергану, правителем которой назначил своего двоюродного брата Джанибек-султана, женив его на представительнице местной знати.⁵²⁷ В течение 1504–1507 гг. в руках Шайбани-хана оказалась вся держава Тимуридов — и Фергана, и Мавераннахр, и Хорасан, что послужило основой для будущего Бухарского ханства Шайбанидов. Соответственно, ему в этих условиях не нужен был брак с ферганской царевной, в котором они тяготились друг другом.

Поэтому, вероятно, после 1504 г. (точная дата неизвестна) Шайбани-хан развелся с Ханзаде и выдал ее замуж за своего приближенного — Сейида Хади. Новый супруг сестры Бабура принадлежал к сейидам, т. е. потомкам пророка Мухаммада, которые в Средней Азии наравне с Чингизидами считались «белой костью». Таким образом, хотя Ханзаде и утратила статус ханши, ее новый супруг также принадлежал к числу высшей знати, и брак с ним не выглядел унижительным. Впрочем, о ее семейной жизни в этот период сведений нет, известно только, что брак этот оказался бездетным.

Как правило, сейиды являлись духовными лицами и действовали в религиозной сфере, однако Сейид Хади постоянно сопровождал Шайбани-хана в его походах и нередко брал с собой супругу (возможно, хан сам требовал этого, чтобы Ханзаде всегда была под контролем и не могла вести переписку с Бабуром). В 1510 г. Сейид Хади и Ханзаде сопровождали хана во время поездки в город Мерв, который он собрался укрепить и оборонять от нападения персидского шаха Исмаила Сефевии. В походе хана сопровождал и его юный сын Хуррам-шах. 30 ноября 1510 г. войска

Шайбани-хана были разгромлены персами у селения Махмудабад неподалеку от Мерва, причем в этом сражении погибли оба мужа Ханзаде — и прежний, Шайбани-хан, и новый, Сейид Хади.⁵²⁸

Сама Ханзаде с Хуррам-шахом во время сражения была, вероятно, в самом Мерве или в ханском лагере, где она и была взята в плен персидскими войсками. Узнав, что среди пленников находится сестра Бабура, шах Исмаил вскоре отправил ее вместе с сыном с почетным эскортом и богатыми дарами к брату, надеясь, что это послужит предлогом для заключения союза против узбекских султанов — родственников Шайбани-хана, правивших в Мавераннахре.⁵²⁹

В 1511 г., после десятилетней разлуки, в городе Кундуз состоялась встреча брата и сестры, запечатленная на одной из миниатюр, которыми были проиллюстрированы впоследствии мемуары Бабура.⁵³⁰ Сам Бабур писал, что, когда он вместе с одним из своих приближенных появился перед Ханзаде, она не узнала его и лишь через некоторое время освоилась с братом и другими родными.⁵³¹

III

Итак, после долгого перерыва Ханзаде воссоединилась со своей семьей. Однако случилось это не в лучшее время для Бабура, который вновь начал борьбу за возвращение наследия Тимуридов. В 1512 г. при поддержке персидских войск Бабур сумел овладеть практически всем Мавераннахром, однако годом позже собравшиеся с силами узбекские султаны вновь, и на этот раз окончательно, вытеснили его из владений предков. Вновь начались годы скитаний, пока Бабур не обосновался в Кабуле (откуда изгнал одного из своих двоюродных братьев).

Ханзаде находилась при брате, как и Хуррам-шах. Про юного царевича, сына Мухаммада Шайбани-хана, Бабур пишет, что «это был приятный юноша..., но через год-два после смерти своего отца он тоже отправился к милости Аллаха».⁵³² О причинах смерти малолетнего сына Шайбани-хана остается только догадываться. Других детей у Ханзаде уже не было, хотя вскоре она вступила в новый брак.

Под 1517 г. персидский историк Хондемир сообщает, что у нее появился новый муж — Махди-ходжа. Это был соратник Бабура, причем довольно влиятельный, занимавший одно из первых мест при его дворе. Брак с уже весьма зрелой женщиной (ей было уже 39 лет), дважды побывавшей замужем, к тому же не имевшей

собственных владений и богатого приданого, вряд ли был привлекательным для такого сановника. Поэтому считаем возможным согласиться с мнением А. Беверидж, что именно Махди-ходжа мог быть первым мужем, с которым Ханзаде насильственно развели для замужества с Шайбани-ханом. Теперь бывшие супруги воссоединились и решили вновь заключить брачный союз. Не исключено, что Хондемир ошибся в дате их свадьбы, которая могла состояться уже вскоре после возвращения Ханзаде к брату.⁵³³ Впрочем, версия о том, что ходжа являлся первым супругом Ханзаде, является всего лишь предположением.

Как жили супруги и сколько длился их брак, сведений нет. Однако Мухаммад Хайдар Дуглат в своем сочинении «Тарих-и Рашиди» пишет о двоюродной сестре в настоящем времени: «Ханзада бегим, которая сейчас сохраняет целомудрие и непорочность».⁵³⁴ Поскольку часть сочинения Мирзы Хайдара, в которой содержится это сообщение, была написана между 1541 и 1543 гг.,⁵³⁵ скорее всего, к этому времени третьего супруга Ханзаде уже не было в живых.

В браке с Махди-ходжой детей у Ханзаде не было, поэтому она очень привязалась к младшей сестре своего супруга, Султанам-бегим, которую с двухлетнего возраста воспитывала как собственную дочь. Когда та вошла в брачный возраст, Ханзаде убедила своего племянника Хумаюна (старшего сына и преемника Бабур) выдать Султанам замуж за его младшего брата мирзу Хиндала. В 1535 г. именно она организовала эту свадьбу, для которой отдала все свои сбережения.⁵³⁶

Вообще, после возвращения Ханзаде Бабур и его семейство встретили ее с почетом и в дальнейшем окружили большой заботой и уважением — как самую старшую в семействе, тогда как многолетнее отсутствие и брак с врагом дома Тимуридов были просто-напросто забыты. В 1527 г., вскоре после того как Бабур завоевал Делийский султанат в Индии (1526), он перевез семейство в свою новую столицу Агру, где получила резиденцию и Ханзаде-бегим.⁵³⁷

Бабур поручал Ханзаде организацию торжественных выездов и путешествий своего гарема, советовался с ней относительно браков своих детей и прислушивался к ее мнению. Она присутствовала при кончине, а затем и на похоронах своего брата, после чего аналогичное положение заняла при его преемнике Хумаюне — своем племяннике. Он также интересовался мнением Ханзаде относительно браков своих детей, а позднее именно Ханзаде

было поручено воспитание малолетнего царевича Акбара — сына и наследника Хумаюна.⁵³⁸

Впрочем, большинство обязанностей, которые возлагались на Ханзаде, представляли собой почетные, но не слишком обременительные поручения, с которыми и могла справиться пожилая женщина, не слишком опытная в государственных делах. Она стала своего рода старейшиной в своем семействе, к ней относились с уважением, но к участию в политике не допускали (да и она, впрочем, скорее всего, не стремилась активно участвовать в политических событиях). Однако под конец жизни ей было поручено действительно важное дело.

В 1540 г., после десяти лет пребывания на троне Великих Моголов, Хумаюн, сын Бабура и племянник Ханзаде, был свергнут с трона пуштунским вождем Шер-ханом и вынужден бежать. Хумаюн пытался найти поддержку у некоторых индийских князей, но неудачно, поэтому ему пришлось бежать в область Синд.⁵³⁹ С помощью союзных ему индийских вождей он попытался восстановить контроль над владениями собственных братьев, которые после смерти Бабура стали править в Кабуле, Пенджабе и Кандагаре. В 1541 г. следующий по старшинству брат Хумаюна, Камран-мирза, воспользовавшись свержением старшего брата, решил подчинить себе также и Кандагар, где в это время правил их младший брат, Хиндал-мирза. Хумаюн обратился к Ханзаде с просьбой поехать в Кандагар и способствовать примирению братьев.

В это время Камран осадил Кандагар и потребовал, чтобы Хиндал признал его власть и стал читать хутбу на его имя. Однако младший брат, ранее не слишком подчинявшийся Хумаюну, на этот раз решил, что ему выгоднее признавать власть старшего брата, лишившегося власти и находившегося в изгнании, а не близкого и весьма энергичного правителя Кабула. Поэтому он ответил, что, согласно завещанию отца, именно Хумаюн является верховным правителем, и поэтому хутбу следует читать только на его имя. Как раз в это время Ханзаде прибыла в Кандагар, и Хиндал со своей матерью посоветовали Камрану обратиться к ней, обязавшись подчиниться любому ее решению. Ханзаде фактически повторила слова своего младшего племянника: «Так как его величество [Бакур. — Р. П., И. П.] оставил трон падишаху Хумаюну, и вы оба до сих пор читали хутбу на его имя, то следует и впредь признавать его своим повелителем и оставаться в повиновении у него». Камран, однако, не прекратил ни осады Кандагара, ни переговоров. В конце концов, не без

участия Ханзаде, братья пришли к следующему соглашению: так как Хумаюн находится в изгнании, хутба будет читаться на имя Камрана, а когда старший брат вернется, хутба вновь будет читаться на его имя.⁵⁴⁰

Ханзаде осталась у Камран-мирзы. Во-первых, ее возраст (а ей было уже шестьдесят три года) не позволял ей следовать за Хумаюном, постоянно переезжавшим с места на место. Во-вторых, в 1545 г. двухлетний сын Хумаюна, Акбар, которого отец оставил на попечение еще одного младшего брата, Аскари-мирзы, был передан им Камрану, который и поручил его воспитание Ханзаде.

В это время Хумаюну удалось обрести пристанище в Иране, при дворе шаха Тахмаспа I, сына Исмаила Сефевии. Шах предоставил свергнутому правителю войска, во главе которых тот двинулся отвоевывать области, отпавшие из-под его власти. Когда он приближался к Кандагару, перепуганный Камран обратился к Ханзаде, умоляя ее поехать к Хумаюну и помирить его с братом. Ханзаде отправилась к Кандагару, однако Хумаюн уже взял город. Он с почетом встретил тетку и предоставил ей апартаменты в кандагарской крепости. Камран-мирза бежал от брата, Хумаюн же двинулся за ним в погоню, а с ним поехала и Ханзаде — надо полагать, для того чтобы не допустить братоубийства.⁵⁴¹

Поездка существенно подорвала здоровье 67-летней Ханзаде. Вскоре после начала поездки, в местечке Кубалчак, она слегла, в течение трех дней ее мучила лихорадка, а на четвертый она скончалась, искренне оплакиваемая своими родственниками. Хумаюн, торопившийся настичь своего брата, приказал похоронить ее тут же, но позднее тело сестры Бабура было перевезено в Кабул, где она была похоронена вместе с братом Бабуром и со своим третьим мужем Махди-ходжой.⁵⁴²

Ханзаде привлекла наше внимание не как выдающаяся государственная деятельница, а в большей мере как пример типичных представительниц правящего дома на Востоке, которые чаще всего являлись орудием политической борьбы своих братьев, мужей и т. д. Даже влияние, которым она впоследствии пользовалась при дворе своего брата и племянника — сначала в Афганистане (Кабуле), а затем в Индии (Агре), — объясняется не личными дарованиями или энергичной деятельностью Ханзаде, а исключительно положением самой старшей в роду. Таким образом, ее нельзя назвать с полным правом «властительницей Евразии»: будучи женой могущественного среднеазиатского правителя Шайбани-хана, она так и не стала влиятельной участницей политических

событий. Гораздо большим влиянием при ее супруге пользовалась Михр-Султан-ханум, которая сама не была ни женой, ни сестрой, ни дочерью Шайбани-хана.

ОЧЕРК ДВЕНАДЦАТЫЙ.
МИХР-СУЛТАН — КАЗАХСКАЯ ЦАРЕВНА,
СТАВШАЯ УЗБЕКСКОЙ ХАНШЕЙ
(УМ. МЕЖДУ 1529 И 1553,
БУХАРСКОЕ ХАНСТВО)

Властительницы тюрко-монгольских государств в большинстве своем становились ханшами или регентшами либо фактически обладали властью, будучи представительницами местных правящих династий либо женами верховных правителей. Героиня настоящего очерка не была ни той, ни другой. Однако она в течение ряда лет пользовалась значительным влиянием в Бухарском ханстве, заставляя считаться с собой правящий дом Шайбанидов, и даже получила признание на международной арене. При этом она также сумела проявить сметку и практицизм, более характерный не для восточной средневековой царевны, а для современной бизнес-леди.

I

В предыдущем очерке мы уже говорили о муже Ханзаде, Мухаммаде Шайбани-хане — потомке золотоордынских ханов, основавшем в Средней Азии Бухарское ханство (просуществовало с 1500 по 1920 г.). Однако прежде чем захватить владения Тимуридов и создать на их территории собственное государство, он в течение нескольких десятилетий боролся за власть в степях Восточного Дешт-и Кипчака (в русских источниках — «Половецкая степь»), где правили его предки и где он сам намеревался провозгласить себя ханом.

В течение сорока лет (1428–1468) ханом Синей Орды⁵⁴³ был Абу-л-Хайр-хан, дед Мухаммада Шайбани. После его смерти в государстве началась смута, вскоре приведшая к его распаду. В течение двух-трех лет на троне оставались родственники Абу-л-Хайра — потомки Шибана, пятого сына Джучи, однако около 1471 г. хан Шайх-Хайдар (сын Абу-л-Хайра и дядя Мухаммада Шайбани) был убит, и на осколках Синей Орды разгорелась борьба за власть. Мухаммад Шайбани, будучи внуком и законным

наследником Абу-л-Хайра (он был старшим сыном старшего сына Абу-л-Хайра, умершего раньше отца), неоднократно предпринимал попытки восстановить Синюю Орду. Однако слишком многие силы противодействовали ему в родной степи и наконец вынудили пойти искать счастья в Чагатайском улусе.

Одним из наиболее могущественных и последовательных противников установления власти Шайбани-хана был казахский хан Бурундук (прав. ок. 1470–1511). Предшественники Бурундука — его отец Гирей со своим троюродным братом-соправителем Джанибеком — сначала были царевичами на службе у Абу-л-Хайра, но в 1450-е гг. отделились от него и откочевали на восток. Гирей и Джанибек вместе с несколькими другими степными лидерами приняли участие в коалиции, от рук которой пал Шайх-Хайдар-хан, и, воспользовавшись смутой в Синей Орде, создали собственное Казахское ханство. Несмотря на то что это ханство появилось лишь на рубеже 1460–1470-х гг., уже в скором времени его правители стали весьма влиятельной силой — некоторые исследователи даже считают их «гегемонами» Восточного Дешт-и Кипчака.⁵⁴⁴

В 1470–1490-е гг. Шайбани-хан раз за разом возвращался в бывшую Синюю Орду, устанавливая контроль то над одной, то над другой ее областью. Чаще всего он стремился завладеть так называемыми «присырдарьинскими городами» — Сыгнаком, Сабраном, Саураном, Сайрамом и др., которые стояли на пересечении торговых путей и фактически являлись зоной активных экономических и политических контактов между степями Улуса Джучи и оседлыми территориями Чагатайского улуса. Однако и многочисленные противники Шайбани-хана всякий раз наносили ему поражение и вытесняли из родовых владений; зачастую он оставался с горсткой воинов и вынужден был бежать либо в голодные степи Мангышлака, либо под покровительство могущественных иностранных правителей — в первую очередь, Тимуридов. Бурундук-хан, имевший в своем распоряжении десятки тысяч конных воинов, чаще всего возглавлял стан врагов семейства Шайбани-хана, и именно его многочисленные войска чаще всего вступали в схватку с Шибанидами за города на Сырдарье.

Одну из наиболее значительных попыток вновь вернуть престол предков в Восточном Деште Шайбани-хан предпринял в 1494–1495 гг. Он заручился поддержкой своего могущественного родственника, — Султан-Махмуд-хана, чагатайского правителя Моголистана,⁵⁴⁵ и двинулся на завоевание присырдарьинских городов. Ему удалось захватить город Яссы (современный

Туркестан в Казахстане), который принадлежал Мухаммаду-Мазиду-тархану,⁵⁴⁶ номинально считавшемуся подданным самаркандских Тимуридов. Сам тархан попал в плен, но, поскольку он являлся еще и тестем самого Шайбани-хана, тот сохранил ему жизнь и вскоре передал своему союзнику — моголистанскому Султан-Махмуд-хану.⁵⁴⁷

Однако очень скоро правитель Моголистана, опасаясь чрезмерного усиления Шайбани-хана, решил обратить оружие против него, для чего вступил в союз со своими давними противниками — казахскими султанами во главе с Бурундук-ханом. В течение некоторого времени казахи и могулы с переменным успехом боролись против Шайбани-хана, который, теряя позиции в одной из занятых им областей, в то же время наносил поражение своим врагам в другой.

В результате обе стороны понесли сильные потери и, видя, что ни одна из них не одерживает окончательной победы, решили начать мирные переговоры. Согласно условиям договора, Яссы и еще несколько городов переходили под контроль казахского хана, однако Мухаммад Шайбани сохранял под своей властью ряд других присырдарьинских территорий. Кроме того, чтобы сделать мир более прочным, представители правящих родов Синей Орды и Казахского ханства решили еще и породниться: Бурундук-хан выдал двух дочерей замуж за брата и сына Шайбани-хана. Первая, имя которой в источниках не сохранилось, вышла замуж за Махмуд-султана — младшего брата Мухаммада Шайбани; вторая же стала женой Мухаммад-Тимур-султана б. Шайбани-хана — это и была Михр-Султан-ханум.⁵⁴⁸

Почему же сам Шайбани-хан не женился на дочери Бурундук-хана? Ведь он неоднократно брал в жены представительниц различных правящих династий, чтобы укрепить свое положение и приобрести дополнительные права на те или иные владения. Даже если дочь казахского хана была слишком молода, это вряд ли могло послужить препятствием для женитьбы хана на ней: как мы помним, с Ханзаде, сестрой Бабура, у него была разница в 27 лет, но брак все же состоялся. Думается, что Михр-Султан выдали замуж за ханского сына в силу ее происхождения: дочь могущественного Бурундук-хана не должна была становиться одной из младших жен Шайбани-хана, поэтому она стала первой, старшей женой Мухаммад-Тимур-султана, которого отец предназначал себе в наследники.

Итак, брак сына Шайбани-хана с Михр-Султан-ханум носил чисто политический характер. Менее чем через год хан разорвал

мир с казахами и неожиданным ударом вновь захватил присырдарьинские города, уступленные им по условиям договора 1495 г. В результате брак Мухаммад-Тимур-султана с дочерью хана Бурундука оказался лишеным смысла, однако это не послужило поводом для их развода. В последующие годы сын Шайбани-хана взял в жены еще по меньшей мере четырех жен, причем одну из них, если верить источникам, по любви: это была Даулат-Султан-ханум, дочь моголистанского Юнус-хана.⁵⁴⁹ Тем не менее Мухр-Султан не утратила статуса его старшей жены, и, согласно сведениям «Таварих-и гузида-йи нусрат-наме»,⁵⁵⁰ Мухаммад-Тимур один раз ночевал у Даулат-Султан, другой раз — у Мухр-Султан.⁵⁵¹

Мухр-Султан, благодаря своему происхождению, а еще более, вероятно, в силу личных качеств, пользовалась большим уважением и своего свекра — Шайбани-хана. И это уважение проявлялось не только в личных взаимоотношениях, но и в материальных.

II

В течение 1500–1507 гг. практически все владения Тимуридов были захвачены Мухаммадом Шайбани-ханом, создавшим на их территории государство, известное в историографии под названием Бухарского ханства.⁵⁵² Захваченные области были поделены между ханскими родственниками: его дядя Суюнч-Ходжа-султан и Кучкунджи-султан получили, соответственно, Ташкент и Туркестан, двоюродный брат Джанибек — Фергану, племянник Убайдаллах — Бухару и т. д. Однако сам Шайбани-хан постарался сосредоточить в своих руках наиболее значительные владения. Некоторые из них он отдал своим сыновьям: Мухаммад-Тимур-султан получил в управление Самарканд, малолетнему Хуррам-шах-султану (сыну Ханзаде) был пожалован Балх, а еще один юный царевич, Пулад-султан, внук Шайбани-хана (сын Мухаммад-Тимур-султана), стал правителем Хорезма — естественно, за юных Чингизидов фактически управляли доверенные лица из числа ханских приближенных.⁵⁵³

Однако хан не ограничился тем, что сумел обеспечить за собой и своими потомками формальное владычество над обширными и стратегически важными областями. В течение долгих лет вынужденный вести жизнь скитальца («казака») и отказывать себе во всем, он теперь получил возможность существенно повысить свое благосостояние и обеспечить источник доходов для себя лично и своего потомства. За весьма короткое время Шайбани-хан стал

собственником многочисленных земельных угодий — селений, пастбищ и земельных участков, коммерческих предприятий и жилых домов, мастерских, мельниц (включая мельницы для изготовления бумажной массы и мастерские по производству бумаги), бань и пр.⁵⁵⁴

Мухаммад-Тимур-султан и его супруга Михр-Султан следовали примеру своего отца и свекра. В течение десятилетия после вторжения в Мавераннахр они приобрели в собственность восемь селений в окрестностях Самарканда, Кеша и Несефа, в Самарканде — 27 лавок, четыре жилых дома и один тимча (небольшой крытый базар, внутри которого размещались несколько лавок). В предместьях Самарканда им принадлежали несколько садов и ряд земельных участков, две мастерские по изготовлению знаменитой самаркандской «султанской» (или «шелковой») бумаги, в области Кеш — две мельницы, два луга и множество земельных участков.⁵⁵⁵

Большинство этого имущества было приобретено ханом и его семейством путем прямых конфискаций владений Тимуридов и их сановников, которые оказали сопротивление узбекам при завоевании Мавераннахра. Однако многие прежние владельцы признали новую власть, и поэтому захват их владений был бы противозаконным. Так, Михр-Султан, пытаясь соединить свои разрозненные участки в единый земельный массив, предприняла ряд попыток захвата находившихся между ними чужих владений, опираясь на *шувъат* — мусульманский правовой принцип, заключавшийся в преимущественном праве на покупку земельных владений соседа. Однако впоследствии бывшим владельцам удалось доказать незаконность этих захватов, и их владения были им возвращены по решению суда.⁵⁵⁶ Нередко хан для приобретения тех или иных земель, собственники которых были известны, но покинули свои владения из страха перед завоевателями, объявлял эти земли пустошами. Чтобы они не оказались запущенными и утратившими свое сельскохозяйственное предназначение, сановники хана принимали решение отдать их во владение тому, кто сможет о них заботиться, — а кто мог проявить заботы больше, чем сам хан? В результате создавался прецедент, согласно которому имущество бежавших землевладельцев переходило под управление (а фактически и в собственность) хана-победителя, который свободно распоряжался им, передавал родственникам и т. д.⁵⁵⁷

Михр-Султан, в то время как ее свекор и супруг вели завоевания и занимались преумножением семейного состояния, осуществляла иную деятельность, более приличествующую представительнице ханского рода. Под ее руководством велась постройка

и отделка ряда зданий и сооружений в рамках масштабного строительства, инициированного Шайбани-ханом. Наиболее известными результатами этой ее деятельности стали два самаркандских медресе — Олия или Джанубия (официальное название — «Медресе олия-и хония», т. е. «высокое ханское медресе») и Шимолия («северное»). Проекты были настолько амбициозными, что хан не успел их завершить, и они достраивались после его смерти Мухаммад-Тимур-султаном, а затем — и Мухр-Султан. Современники, побывавшие в разных городах и видевшие множество прекрасных зданий, тем не менее восхищались этими мечетями как истинными произведениями искусства, их просторными помещениями и богатой отделкой.⁵⁵⁸ Мухр-Султан также уделяла большое внимание собиранию книг для библиотек медресе, а также выстроила в медресе Шимолия суфу, т. е. усыпальницу, в которой впоследствии были похоронены Шайбани-хан, Мухаммад-Тимур-султан и ряд других влиятельных Шайбанидов, а затем и она сама. Неслучайно современники говорили об этих самаркандских медресе как о медресе Шайбани-хана, но построенных его невесткой.⁵⁵⁹

Между тем накопление богатств Шайбани-ханом и его семейством вовсе не было самоцелью: понимая, что жизнь завоевателя является непредсказуемой, они старались обеспечить свое потомство имуществом, которое в изменившихся обстоятельствах позволило бы им как минимум вести безбедную жизнь, а в лучшем случае — и сохранить определенное политическое влияние в государстве Шайбанидов. Подобная предусмотрительность хана оказалась весьма оправданной: вскоре ему довелось столкнуться с еще одним могущественным среднеазиатским завоевателем — персидским шахом Исмаилом Сефевидом, в битве с которым 30 ноября 1510 г. Шайбани-хан погиб.

С его смертью политическое влияние и значение его сына Мухаммад-Тимура должно было неизбежно снизиться, поскольку власть перешла в руки старших родственников хана. Но многочисленные земельные владения и иное имущество остались за ханским семейством и могли послужить материальной базой для возвращения утраченных позиций.

III

Неожиданная гибель Шайбани-хана произвела шокирующее воздействие на его родственников, которые, несмотря на многочисленные трения с ханом, все же никогда не отказывались

признавать его своим лидером и правителем — даже те, кто был выше его в семейной иерархии (например, его дяди — Суюнч-Ходжа-султан и Кучкунджи-султан). Как всегда в таких случаях, с его смертью должна была неминуемо начаться борьба за власть и передел владений.

В этих условиях Мухаммад-Тимур-султан, который, казалось, первым делом должен был бы принять все меры, чтобы отомстить персидскому шаху за убийство своего отца и надругательство над его телом,⁵⁶⁰ напротив, отправил Исмаилу Сефевии послание, в котором просил мира и соглашался признавать себя его вассалом — в обмен на сохранение за ним Самарканда. Это решение на некоторое время позволило ему сохранить власть над своими владениями, однако вызвало осуждение со стороны старших родственников и привело к расколу между Шайбанидами.⁵⁶¹

В 1512 г. Бабур, потомок Амира Тимура, заручившись поддержкой Исмаила Сефевии, изгнал Шайбанидов из Мавераннахра, в результате чего Шайбаниды в течение 1511–1512 гг. лишились практически всех своих завоеваний в Средней Азии. Однако Шайбаниды вскоре сумели собраться с силами и с помощью своих родственников (и недругов) казахских султанов вытеснили Бабура, а к 1513 г. вновь отвоевали весь Мавераннахр. Новым ханом государства Шайбанидов был провозглашен Суюнч-Ходжа-султан, дядя Мухаммада Шайбани-хана, однако вскоре он передал трон своему старшему брату — Кучкунджи-хану.

Мухаммад-Тимур-султан вновь возвратил Самарканд в 1512 г., куда к нему в конце того же года прибыл тесть — казахский хан Бурундук, отец Михр-Султан-ханум, низложенный собственными подданными. Он оставался при дочери до самой смерти, которая наступила, по-видимому, в 1520-е гг.⁵⁶²

Однако вскоре Мухаммад-Тимур-султан и Михр-Султан-ханум лишились своего главного владения — Самарканда: старшие родственники посчитали, что столица Мавераннахра должна быть закреплена за более авторитетным членом рода, и вскоре область была отдана Суюнч-Ходжа-хану. Во владении сына Шайбани-хана остались только Кеш, Карши и еще несколько менее значительных областей.⁵⁶³

Мухаммад-Тимур-султан, которого отец еще при жизни, по некоторым сведениям, провозгласил своим соправителем с титулом младшего хана,⁵⁶⁴ счел подобное отношение к нему несправедливым. Уже в 1512 г., когда Шайбаниды перешли в наступление против Бабура и персов, сын Шайбани-хана возглавил один из передовых отрядов узбеков и вторгся в Хорасан. Ему удалось захватить Герат,

где он немедленно провозгласил себя ханом, приказал читать хутбу и чеканить монету со своим именем. Однако царствование Мухаммад-Тимур-хана длилось всего лишь 40 дней: узнав о приближении к городу войск шаха Исмаила, он вернулся за р. Амударью, захватив с собой столько гератцев, сколько смог увести.⁵⁶⁵ Два года спустя, 20 мухаррама 920 г. х. (17 марта 1514 г.), в разгар подготовки к очередному походу против Бабура, султан внезапно скончался в Хутталяне.⁵⁶⁶ Есть все основания полагать, что он был отравлен по приказанию Суйунч-Ходжа-хана или других родичей, которые опасались возвышения энергичного царевича — достойного сына своего отца.

После смерти Мухаммад-Тимур-султана над его семейством вновь нависла опасность потерять свои владения и прочее имущество. И тут-то Мухр-Султан-ханум сумела проявить свою практическую сметку, чтобы сохранить свои немалые владения, а тем самым — и политическое влияние своего семейства!

Вскоре после смерти мужа все немалые владения своего рода (а она, как старшая из жен покойного владельца, имела пожизненное право распоряжения ими) Мухр-Султан преобразовала в вакф, т. е. отписала на благотворительные цели — в данном случае на поддержание и развитие построенных ею самаркандских медресе Олия и Шимолия. Все восемь селений, более 200 участков земли, около полусотни лавок, мастерских, мельницы, бани и пр. отныне считались собственностью данных религиозных комплексов, и доходы с них должны были идти исключительно на содержание медресе, содержание их преподавателей и студентов.

Однако такой статус имущества вовсе не означал, что Мухр-Султан полностью отказалась от права распоряжаться им. Напротив, условия вакфа оказались для нее крайне выгодными. Во-первых, она сама стала мутавали — распорядительницей вакфа и получила право пожизненного распоряжения всем вакуфным имуществом, включая возможность его продажи.⁵⁶⁷ Во-вторых, она поставила условие, что она имеет право изменять условия вакфа, а все распорядительные действия других лиц (включая даже, например, приказ кого-либо из работников о срубке засохшего дерева на территории комплекса!) должны были обязательно согласовываться с ней. В-третьих, она распорядилась, что ей и ее прямым потомкам, которые после ее смерти должны были стать мутавали, следовало 20% ежегодного дохода с вакуфного имущества. В случае же пресечения ее рода другие мутавали, к которым перейдет вакф, будут получать 5% доходов, — а общая сумма ежегодных

доходов исчислялась приблизительно в 83 500 медных динаров и 6 200 манов зерна.⁵⁶⁸

Таким образом, Михр-Султан-ханум сумел полностью обезопасить свои немалые владения от посягательств со стороны родичей своего мужа: имущество, переданное в вакф, считалось изъятым из оборота, его нельзя было продать, обменять, заложить, но оно не могло быть и конфисковано. Фактически же невестка Шайбани-хана до конца жизни оставалась собственницей этого имущества. Чтобы не вызвать негативной реакции со стороны родственников-Шайбанидов и мусульманского духовенства столь широкими полномочиями по распоряжению вакфом, Михр-Султан благоразумно указала в своей грамоте (вакф-наме), что подобные прерогативы сохраняются только за ней как за учредительницей вакфа, тогда как ее преемники сохраняют за собой лишь право получения с него доходов.

В остальных же условиях вакф-наме полностью соответствовало грамотам такого рода: подробно перечислялось отданное в вакф имущество, расписывалось, сколько зерна и динаров следовало отдавать на содержание различным работникам, а также студентам медресе. Интересно отметить, что Михр-Султан выделила значительные средства на содержание неимущих студентов (включая приобретение продуктов питания и даже мыла), а также прописала суровые правила поведения обучавшихся в медресе: им категорически запрещалось распитие спиртных напитков, и студенты, трижды нарушившие это правило, изгонялись из медресе. При этом (опять же во избежание недовольства духовенства) особо оговаривалось, что преемники Михр-Султан не имеют права изменять суммы пособий работникам и студентам медресе. Пять тысяч динаров ежегодно отчислялось на вознесение молитв за покойных Шайбани-хана, Мухаммад-Тимур-султана и еще нескольких султанов-Шайбанидов, похороненных в суфе медресе Шимолия.⁵⁶⁹

Таким образом, благодаря предусмотрительности Михр-Султан, она и ее семейство относились к числу самых состоятельных членов рода Шайбанидов, и с ними приходилось считаться другим сородичам — ханам и султанам. Несмотря на то что ей удалось сохранить только две небольшие области с центрами в Шахрисабзе и Карши, Михр-Султан играла значительную роль как во внутренней политике Бухарского ханства, так и на международной арене.

Мухаммад-Тимур оставил после себя двух сыновей — Пулад-султана и Абд ал-Шаха. По сообщениям источников, сыном Михр-Султан являлся только второй из них, Абд ал-Шах, тем не менее

Бабур называет Пулад-султана сыном Михр-Султан-ханум: по всей видимости, она считалась его «матерью» просто потому, что являлась старшей супругой его отца — такой обычай был весьма распространен в тюрко-монгольских государствах. Абд ал-Шах, равно как и его сын, Мухаммад-Амин-султан, внук Михр-Султан-ханум, известны в источниках только по имени: никаких сведений об их деятельности нет.⁵⁷⁰

Зато о деятельности Пулад-султана совместно с Михр-Султан-ханум некоторые сведения в источниках присутствуют. Так, известно, что Михр-Султан и ее пасынок установили и поддерживали контакты с Бабуром: вначале как правителем Кабула, а затем — и как с падишахом Индии. Под 1519 г. сам Бабур упоминает, что послал диван своих стихов в подарок Пулад-султану,⁵⁷¹ который и сам был не чужд поэзии (вероятно, унаследовав эту склонность от своего деда Шайбани-хана).⁵⁷² Такой дружеский жест Бабура по отношению к внуку своего злейшего врага Шайбани-хана выглядит довольно странным, однако, по-видимому, и он, и его адресаты — Михр-Султан-ханум и Пулад-султан — во главу угла ставили укрепление политических и экономических связей между своими регионами, а уж затем вспоминали о давних обидах.

Это подтверждается и другим сообщением Бабура — о приеме, данном им в 935 г. х. (1528/1529 г.) послам нескольких дружественных государств. И если посла Кучкунджи-хана — верховного правителя Бухарского ханства — Бабур выделяет, вручая ему более дорогие подарки, то послов Михр-Султан и Пулад-султана он одаряет наравне с послами Абу Саид-султана — сына (и впоследствии преемника) Кучкунджи-хана.⁵⁷³ Таким образом, Михр-Султан и ее семейство и в Бухарском ханстве, и на международной арене воспринимались как одни из наиболее влиятельных членов рода Шайбанидов.

Ни о каких самостоятельных действиях Пулад-султана нам неизвестно: либо он вместе со своей мачехой направляет посольство к Бабуру, либо вместе со всеми шайбанидскими султанами в том же году участвует в походе на Иран.⁵⁷⁴ Среднеазиатские авторы XVI–XVII вв. писали лишь о том, что он отличался красотой, скромностью и талантом,⁵⁷⁵ при этом ничего не упоминали о его талантах правителя или полководца. По-видимому, это был слабый царевич, не внушавший опасений своим более властным родственникам, которые не устранили его, как его отца. И свои владения он сумел сохранить только благодаря поддержке своей мачехи Михр-Султан, не менее его заинтересованной в обладании

ими. Столь ревностная забота о своем семействе способствовала тому, что Михр-Султан получила (как и Гаухаршад, невестка Амир Тимура) прозвище Махди Улия, т. е. «Высокая колыбель», которое, по всей видимости, присваивалось наиболее влиятельным представительницам правящего рода, активно действовавшим при нескольких поколениях своих потомков.

Итак, в 1528 или 1529 г. Михр-Султан была еще жива и весьма активно занималась политической деятельностью. В дошедшем до нас документе — договоре купли-продажи земли, датированном 1558 г., она упоминается как «покойная Михрибан-ханум», что позволяет исследователям датировать ее смерть достаточно широким промежутком времени между 1528–1529 и 1558 гг.⁵⁷⁶ Но, по всей видимости, она умерла несколькими годами раньше 1558 г. В источниках сообщается, что Шайбанид Барак-хан б. Суюнч-Ходжа-хан в 1552 или 1553 г. совершил поход на Шахрисябз, а под конец своего правления (он скончался в 1556 г.) отнял у потомков Пулад-султана Шахрисябз и Карши.⁵⁷⁷ Известно, что у Пулад-султана был только один сын — Кок-Бури-султан⁵⁷⁸ — вероятно, именно он и лишился этих владений. Вероятно, Михр-Султан-ханум скончалась уже ко времени похода Барак-хана на Шахрисябз, иначе она своим авторитетом наверняка смогла бы предотвратить эти враждебные действия — как ей удавалось это делать ранее.

Таким образом, Михр-Султан-ханум, не будучи правительницей всего государства Шайбанидов, тем не менее оказывала значительное влияние на его политику и обеспечивала безопасность владений своего семейства. Ее уход с политической сцены совпал с кризисом в Бухарском ханстве 1550-х гг., когда оно распалось на ряд фактически независимых уделов. Только в 1560–1580-е гг. один из Шайбанидов, Абдаллах II, сумел вновь восстановить единство ханства, однако после его смерти в 1598 г. вновь начались смуты, завершившиеся падением династии Шайбанидов.

Их сменила династия Джанидов, или Аштарханидов, также происходившая из бывшей Золотой Орды, но уже не от Шибана, а от Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи. В период их правления (1601–1785) ханство распалось на несколько полусамостоятельных бекств, лишь номинально подчинявшихся хану, сидевшему в Бухаре. Одно из таких бекств, расположенное на территории Ферганы, в начале XVIII в. превратилось в самостоятельное государство с центром в Коканде, а в начале XIX в. его правители и сами приняли титул ханов. Об одной из представительниц правящей династии Кокандского ханства повествует наш следующий очерк.

ОЧЕРК ТРИНАДЦАТЫЙ. МАХЛАР-АЙИМ — ПОЭТЕССА НА ХАНСКОМ ТРОНЕ (1792—1842, КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО)

Выше мы уже неоднократно упоминали о том, что среди представительниц правящих семейств тюрко-монгольских государств было немало талантливых женщин — авторов поэтических и даже исторических произведений. Однако чаще всего это были дочери ханов и правителей, сами не занимавшиеся политической деятельностью, не управлявшие государством. Героиня настоящего очерка была исключением: она хорошо известна как талантливая поэтесса своей эпохи, но при этом она в течение длительного времени фактически управляла Кокандским ханством.

I

Своеобразным историческим парадоксом стало то, что Махлар-айим, которая в течение довольно долгого времени являлась одной из могущественных правительниц в Средней Азии, сегодня в гораздо большей степени известна под своим литературным псевдонимом Надира — и то ценителям восточной классической поэзии, а не историкам и интересующимся политической историей Средней Азии. Советские специалисты по литературе, представлявшие ее творчество читателям, постарались исключить из биографической информации о Надире любые сведения, проливающие свет на ее происхождение.

Ярким примером такой биографии является небольшой очерк, помещенный в сборнике стихотворений Надиры, изданном в 1979 г. в Ташкенте. Поэтесса представлена просто как уроженка Андижана, которая получила в юности хорошее образование, овладела несколькими языками и проявила склонность к литературе. В очерке говорится о ее творчестве, покровительстве искусствам и строительству. Больше всего внимания уделяется тому, что она

в своих произведениях обращала внимание на положение женщин, старалась защитить их права. Что же касается ее семейной жизни, то упоминается, что, когда ей было тридцать лет, «умер спутник ее жизни Умархан», а в 1842 г. в период смут она была казнена бухарским эмиром Насруллой вместе с сыновьями Мухаммад-Али и Султан-Махмудом.⁵⁷⁹ Еще один автор в статье, посвященной женщинам-поэтессам Востока, также говорит о Надире как о «поэтессе из Андижана», которая «вращалась в придворных кругах Коканда».⁵⁸⁰ И при этом нет ни слова о том, что Надира, она же Махлар-айим, принадлежала к правящему роду Кокандского ханства, а «спутник ее жизни» Омар-хан и оба сына, Мухаммад-Али и Султан-Махмуд, были ханами! Лишь довольно узкому кругу историков известно, что знаменитая поэтесса, действительно внесшая значительный вклад в развитие восточной классической поэзии, была известна далеко не только как литературная деятельница, но и как фактическая правительница Кокандского ханства.

Чтобы понять, как и почему «поэтесса из Андижана» стала ханшей Кокандского ханства, следует сказать несколько слов об этом государстве. Оно возникло на территории Ферганы, где до этого времени располагались владения нескольких фактически независимых удельных правителей — биев. Один из них, Шахрух, в начале XVIII в. объявил себя самостоятельным государем. Он происходил из узбекского племени минг, но, чтобы обосновать захват власти и независимость своего правления, стал выводить свою родословную от Бабура из рода Тимуридов — основателя империи Великих Моголов: якобы малолетний сын Бабура в годы его скитаний был оставлен на воспитание в Фергане, где затем обрел владения и стал правителем. Естественно, генеалогия была фиктивной, но другие ферганские удельные владетели согласились признать ее, поскольку кокандский бий являлся всего лишь старшим среди равных и во многом зависел от них.⁵⁸¹

Спустя около столетия, приблизительно в 1806 или 1807 г., далекий потомок Шахруха присвоил себе ханский титул и вошел в историю как Алим-хан. Он не ограничился лишь формальным повышением своего статуса, а приступил к радикальным преобразованиям в стране: постарался урезать власть других родоплеменных биев, стал укреплять армию за счет наемников и пр. Все это очень не нравилось старой ферганской знати, которая в 1810 г. организовала заговор, в результате которого хан погиб. На трон был возведен его младший брат Омар-хан, которого аристократия считала более покладистым.⁵⁸² Это был муж Махлар-айим.

Надо сказать, что, как зачастую бывает в истории, правящая династия Минг (так называлось племя, из которого происходили кокандские ханы) не была единым и дружным семейством. Известно, что еще Ашуркули, отец Шахруха, основателя независимого Кокандского государства, погиб в борьбе с родным братом — Фазыл-аталыком. И хотя трон остался за потомками погибшего правителя, потомство Фазыл-аталыка, обосновавшееся в Андижане, неоднократно претендовало на Коканд. Чтобы обеспечить мир между двумя ветвями правящего рода, их представители нередко сочетались браком. Так, например, матерью Алим-хана и Омар-хана была Минг-айим, дочь Имамкули-бия (правнука Фазыл-аталыка).

Махлар-айим (в источниках фигурирует также под именем Тадж ан-Ниса), родившаяся в 1792 г., была дочерью андижанского правителя Рахманкули-бия,⁵⁸³ являвшегося братом Минг-айим, и, следовательно, приходилась двоюродной сестрой своему супругу Омар-хану, свадьба с которым состоялась, вероятно, около 1804 или 1806 г.⁵⁸⁴ Супруг Махлар-айим, родившийся в 1785 г., был всего на семь лет старше ее, и она стала его первой и, соответственно, старшей женой (известно, что у него были еще как минимум две жены). В браке у них родились двое сыновей — Мухаммад-Али (чаще именуемый Мадали) и Султан-Махмуд, которым впоследствии было суждено занимать трон Коканда.⁵⁸⁵

Омар-хан, возведенный на трон противниками реформ его брата, в какой-то мере продолжил его политику и основную часть своего правления (1810–1822) провел в завоеваниях, существенно расширив границы доставшегося ему государства. Однако это не мешало ему заниматься творчеством: он писал неплохие стихи под тахаллусом (псевдонимом) Амири, и, по-видимому, именно он пристрастил к стихотворчеству и свою супругу, которая, как оказалось, превзошла своего супруга и учителя: стихи Омар-хана далеко не пользовались той популярностью, которую приобрели творения его супруги.

Махлар-айим писала стихи на узбекском языке (под тахаллусами Надира и Камила), а также и на персо-таджикском (используя тахаллус Макнуна). Она сама заявляла, что следует традиции классических поэтов средневековой Средней Азии — Хафиза и Алишера Навои, в ее творчестве прослеживается и влияние поэтов-суфиев (к которым, впрочем, отчасти принадлежал и упомянутый Алишер Навои). Вместе с тем, в своих стихотворениях Надира воспевала не только любовь к богу, но и любовь как вполне человеческое чувство. В самом деле, она много внимания

уделяла положению женщины в обществе, отстаивала ее право на справедливое отношение, на выбор своей судьбы и пр., нарушая, в общем-то, многие условности, существовавшие в мусульманском мире по отношению к женщине.⁵⁸⁶

Махлар-айим не только сама занималась творчеством, но и оказывала покровительство деятелям искусства и литературы — особенно другим поэтессам. Известно, в частности, что ее близкой подругой была еще одна знаменитая представительница восточной классической поэзии — Увайси: в дальнейшем их имена очень часто упоминались вместе.⁵⁸⁷ Впрочем, есть основания полагать, что Махлар-айим держала у себя своеобразный «поэтический кружок» не только потому, что сама испытывала интерес к литературной деятельности, но и с политической целью. Практика покровительства поэтам, содержание их при дворе были характерны для Тимуридов, и правители Коканда, претендуя на родство с этой династией, также широко покровительствовали наукам и искусствам при своем дворе.⁵⁸⁸

Омар-хан, несмотря на все свои замечательные качества и активную завоевательную деятельность, весьма часто предавался пороку, строго запрещаемому шариатом, — пьянству. В результате он сильно подорвал свое здоровье и в 1822 г., проболев 17 дней, скончался, дожив всего лишь до 37 лет.⁵⁸⁹ Для его старшей жены, которой в то время было тридцать лет, беззаботная жизнь поэтессы и покровительницы искусств закончилась — наступила жизнь правительницы ханства.

II

Омар-хан умер утром, а уже днем новым ханом Коканда единогласно был провозглашен его старший сын Мадали, которому в год смерти отца исполнилось пятнадцать или семнадцать лет.⁵⁹⁰ Несмотря на то что он был уже в том возрасте, когда правитель в состоянии сам принимать решения, матери, Махлар-айим, на протяжении всего его двадцатилетнего правления (1822–1842) приходилось активно участвовать в государственной деятельности.

Мадали, будучи старшим сыном и потенциальным наследником своего отца, с детства был окружен повышенным вниманием (в том числе и женским), вырос очень капризным и избалованным. Он не терпел прекословия, если желал что-то получить, он всегда это получал, а тем, кто осмеливался возражать ему, грозила немилость царевича. Став ханом, Мадали не сильно изменился:

буквально через неделю после своего воцарения он начал постепенно избавляться от сановников своего отца, которые пытались привлечь хана к государственным делам и убедить отказаться от прежнего разгульного образа жизни.

Махлар-айим, ставшая фактически регентшей при своем старшем сыне, прилагала немало усилий, чтобы сохранить работоспособный государственный аппарат и не позволить Мадали-хану жертвовать политическими интересами в пользу своих личных страстей и амбиций. В некоторых случаях она выводила хана и ханство прямо-таки из критических ситуаций. Так, около 1829 г. до Мадали-хана стали доходить слухи, что его родной младший брат Султан-Махмуд-султан организует заговор против него с целью свергнуть с трона и воцариться самому. Сгоряча хан отдал приказ зарезать своего брата (что уже неоднократно проделывал с самыми влиятельными сановниками, включая и своих кровных родственников). Махлар-айим с большим трудом удалось уговорить его сохранить жизнь брату и ограничиться лишь его высылкой в Шахрисябз (сама она позднее написала по этому поводу грустные стихи о разлуке матери с сыном).⁵⁹¹ Таким образом, она сумела по крайней мере отсрочить на несколько лет глубокий политический кризис в ханстве.

Время от времени, впрочем (вероятно, под влиянием своей матери и сановников), хан уделял внимание и государственным делам и даже возглавлял походы против внешних врагов, пышно именуя их «священными войнами». Например, в 1826 г. Мадали-хан выступил в поход в Кашгарию, которая находилась под властью китайской империи Цин: представитель местного правящего рода Джангир-ходжа поднял восстание против китайцев и обратился в Коканд за помощью, и хан отозвался на его призывы. Поход оказался неудачным, но для нас интересно другое: Махлар-айим столь трогательно прощалась с сыном, отправляя его в опасный поход, что ее подруга Увайси даже написала по этому поводу произведение (оставшееся, правда, незавершенным) под названием «Вакиат-и Мухаммад-Али-хан». Талантливая поэтесса сумела весьма тонко отразить чувства матери, расстающейся с сыном перед опасным походом, и ее произведение нередко рассматривается даже как свидетельство современника о событиях в Коканде того времени, хотя его историческая составляющая весьма скудна.⁵⁹²

Чтобы поддержать престиж ханского рода, Махлар-айим активно занималась строительной деятельностью. В частности, известны два медресе, построенные ей в 1820–1830-е гг., — Айим

в торговых рядах Коканда и Чалпак (или Ханим) у большого кладбища, рядом с могилой Омар-хана. Вероятно, не без ее участия уделял внимание строительству медресе и мечетей и ее венценосный сын.⁵⁹³ Источники сообщают, что Махлар-айим, «желая, чтобы ее имя упоминалось долго», способствовала развитию и распространению ислама в ханстве. Она продолжала оказывать покровительство наукам и искусствам, щедро жертвовала средства и учреждала вакфы на богоугодные дела — чтобы хотя бы отчасти восстановить отношения с духовенством, которые серьезно испортил ее сын Мадали.⁵⁹⁴

В 1831 г. хан совершил весьма необдуманный поступок, женившись на Хан-Падша-айим — второй жене своего отца, отличавшейся редкой красотой. Такой брак, вполне обычный, как мы помним, по тюрко-монгольским правовым обычаям, сурово осуждался шариатом, в соответствии с которым женитьба на вдове своего отца — все равно что женитьба на собственной матери.⁵⁹⁵ В течение нескольких лет хан, игнорируя общественное мнение, жил в браке с Хан-Падшах-айим, а между тем страсти вокруг них все нагнетались. Дошло до открытых волнений на улицах города, которые властям с трудом удавалось пресекать. Духовенство также открыто обвиняло хана в греховной жизни, нарушении предписаний шариата и грозило небесной карой за его деяния. И она не заставила себя ждать.

В 1841 г. Султан-Махмуд, брат Мадали-хана, затаивший гнев на старшего брата, обратился к давнему сопернику Кокандского ханства — бухарскому эмиру Насрулле с призывом наказать Мадали-хана за его несправедливый образ жизни. Эмира не нужно было уговаривать: он во главе многочисленного войска двинулся на Коканд. Однако Мадали-хан с матерью на этот раз сумели спасти себя и свое государство. Они отправили к эмиру послов с богатыми подарками и просьбой заключить мир. Среди послов был шейх-ул-ислам — глава кокандского духовенства, и, возможно, именно ему удалось уговорить эмира отвести войска. Условия мирного договора, однако, оказались довольно тяжелыми: кокандский хан уступал Бухаре ряд своих городов, включая Ташкент и Ходжент, а сам признавал себя вассалом бухарского эмира.⁵⁹⁶

Торжествующий Насрулла вернулся в Бухару, а правителем Ходжента в пику Мадали-хану назначил его же младшего брата Султан-Махмуда, который, как надеялся эмир, будет ревностно служить его интересам в силу ненависти к брату-хану. Однако он просчитался: Махлар-айим убедила Мадали-хана помириться

с братом, а сама съездила в Ходжент, где с той же просьбой обратилась и к младшему сыну. В итоге Султан-Махмуд вернулся в Коканд, примирился с Мадали, который тут же отправил его правителем в Ташкент, чтобы не допустить передачи этого города в руки бухарского эмира. В то же время сам хан объявил себя свободным от клятвы стать вассалом Насруллы.⁵⁹⁷

Однако поражение от Бухары существенно подорвало авторитет ханской власти. Вновь на улицах Коканда начались волнения. Мадали-хан, испугавшись мятежа в собственной столице, наконец решил отправить свою супругу Хан-Падша-айим в дом ее отца, в Маргелан. Однако, когда народ успокоился, хан вознамерился вернуть ее. Как только кокандцы об этом узнали, народ вновь вышел на улицы, а некоторые сановники, как донесли хану, вступили в переписку с бухарским эмиром, чтобы вновь призвать его в Фергану. Насрулла с еще большей готовностью, чем в первый раз, выступил в поход. Мадали-хан выслал против него своих эмиров, но они потерпели поражение. Тогда Мадали и его мать вновь решили договориться с эмиром о мире и выслали ему навстречу посольство, которое возглавили султан Мухаммад-Амин (Мадамин) б. Мадали, шейх-ул-ислам Коканда и еще ряд сановников. Однако Насрулла отказался вести переговоры, а самих послов задержал и вновь двинулся на Коканд.⁵⁹⁸

В отчаянии Мадали-хан отправил своему брату Султан-Махмуду в Ташкент послание, в котором призывал его в Коканд, обещая передать власть (по некоторым сведениям, на это решение его натолкнули новые слухи о заговоре в пользу его младшего брата). Царевич покинул свою область и направился в Коканд, однако еще раньше к городу подступили бухарские войска. В это время в город, сумев миновать бухарские заставы, прибыл Султан-Махмуд, который начал организовывать оборону и даже возводить баррикады на улицах. Однако его действия запоздали: в то время как бухарские войска пошли на приступ, население Коканда, вместо того чтобы отражать натиск врага, начало грабить собственный город.

В апреле 1842 г. Коканд был взят бухарским эмиром. Мадали-хан и его брат бежали из города, бросив на произвол судьбы и свою мать Махлар-айим, и ханский гарем — все женщины ханского семейства попали в плен к эмиру. Мадали бежал в Маргелан, надеясь найти убежище у своей супруги Хан-Падша-айим, из-за которой у него возникло столько проблем, но та отказалась принять его, заявив, что он более ей не муж. Тогда он остановился у местного аристократа Махмуд-ходжи, которому в свое

время оказал немало благодеяний. «В благодарность» тот выдал его воинам бухарского эмира. Примерно в то же время был захвачен и Султан-Махмуд, пробывший, таким образом, ханом всего несколько дней. Насрулла приказал доставить к себе обоих царственных пленников. Его не зря прозвали Мясником: 16 мая по его приказу оба сына Махлар-айим были зарезаны на глазах у эмира в том самом помещении кокандского дворца, где сам Мадали еще недавно давал утренние приемы.⁵⁹⁹

А вскоре настал черед и их матери. Махлар-айим была доставлена к жестокому завоевателю, но, вместо того чтобы просить о пощаде, обвинила его в убийстве законных ханов, кровь которых он, будучи низкородным, не имел права проливать. Естественно, после таких слов ей не на что было надеяться. Насрулла обратился к запуганному им духовенству, представители которого обвинили Махлар-айим в распутном образе жизни, что послужило официальным поводом для вынесения ей смертного приговора. Она была казнена через два или три дня после смерти ее сыновей — вместе со своим внуком Мадамин-султаном и еще несколькими женщинами из гарема.⁶⁰⁰

Хаким-хан, один из современников Махлар-айим, в своем историческом сочинении отозвался о ней сурово, повторив обвинение в распутном образе жизни и одобрив ее казнь. Однако у него были причины ненавидеть все ханское семейство: его мать была сестрой Омар-хана, и, следовательно, он приходился двоюродным братом Мадали-хану, который сначала возвысил его и пожаловал немалые владения, но затем конфисковал все имущество и выслал из Коканда. Большинство же кокандских историков оставили о Надири весьма положительные отзывы. Они восхваляли ее за строительство медресе, учреждение ряда вакфов, покровительство наукам и искусствам, резюмируя, что она «творила благое».⁶⁰¹

Таким образом, Махлар-айим — Надира вошла в историю и как поэтесса, и как мудрая политическая деятельница, много сделавшая для своего государства. Тем не менее она не смогла полностью исправить все просчеты и ошибки своего сына Мадали-хана, за двадцатилетнее правление которого Кокандское ханство, достигшее ко времени смерти Омар-хана своего наивысшего расцвета, было поставлено на грань исчезновения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗОЛОТАЯ ОРДА (XIII-XV ВВ.)

ОЧЕРК ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ. БОРАКЧИН — СУПРУГА БАТЫЯ (УМ. ОК. 1258, РЕГЕНТША ЗОЛОТОЙ ОРДЫ 1256-1257)

По странному совпадению, в середине XIII в. практически одновременно в Монгольской империи и ряде ее улусов к власти пришли женщины-регентши. В самой империи это были Туракина и Огул-Гаймиш, в Чагатайском улусе — Эргэнэ. Не стала исключением и Золотая Орда, где некоторое время регентство официально принадлежало Боракчин — супруге знаменитого Батыя.

I

О происхождении Боракчин,⁶⁰² старшей супруги Бату (Батыя), фактического основателя Золотой Орды, почти ничего не известно за исключением того, что она происходила из племени алчи-татар.⁶⁰³ Однако уже этот факт вызывает некоторое удивление: известно, что могущественное и многочисленное племя татар относилось к числу давних противников монголов, которыми правил род Чингис-хана; согласно «Сокровенному сказанию», победив их, основатель Монгольской империи в отместку за прежние обиды приказал уничтожить всех татар, кроме детей, рост которых был ниже тележной оси.⁶⁰⁴ Правда, после того как двое из уцелевших детей выросли и стали нойонами при Чингис-хане, он по просьбе одной из своих жен (также татарки) созвал уцелевших татар и передал их этим нойонам.⁶⁰⁵

Поэтому нет ничего удивительного в происхождении Боракчин — гораздо более удивительно, что она стала старшей женой Бату, наследника Джучи, первого сына Чингис-хана, поскольку влиятельные Чингизиды старались сочетаться браком с представительницами племени кунграт.⁶⁰⁶ Причины и обстоятельства женитьбы Бату на Боракчин неизвестны, надо полагать, этот брак был связан с распределением монгольских племен между

сыновьями Чингис-хана и их потомками, в результате чего алчи-татары могли отойти к Джучи и его сыновьям (возможно — именно к Бату).

Об этом свидетельствует тот факт, что Боракчин была не единственной представительницей татар в Улусе Джучи. Известно, что одним из «старших эмиров» Бату, т. е. нойоном-военачальником, был Ит-Кара из алчи-татар — по всей видимости, близкий родственник Боракчин. Впоследствии при хане Менгу-Тимуре, внуке Бату, также «старшим эмиром» был их сородич Бек-Тимур. Супруга хана Туда-Менгу (брата и преемника Менгу-Тимура) также принадлежала к роду алчи-татар.⁶⁰⁷ В других государствах Чингизидов XIII в. также известны отдельные представители племени татар, однако, по-видимому, именно в Золотой Орде они (а именно — алчи-татары) сформировали что-то вроде особого клана, который пользовался влиянием при первых золотоордынских правителях.⁶⁰⁸

Статус старшей жены, а впоследствии (очевидно, в 1230-е гг.) и рождение старших сыновей Бату — Сартака и Тудана, существенно укрепили положение Боракчин, сделали ее влиятельной участницей политических событий. У Бату было множество жен и наложниц,⁶⁰⁹ но именно Боракчин, как старшая среди них, обладала наибольшим влиянием и пользовалась особым почетом.

При жизни Бату его супруга, по-видимому, не занималась политическими делами сколь активно, как после его смерти, но все же принимала участие в наиболее значительных мероприятиях — в официальных приемах и пр. Посланцы европейских государей, Иоанн де Плано Карпини и Вильгельм де Рубрук, побывавшие у Бату в 1240–1250-е гг., отмечают, что во время приемов вместе с ним на троне восседала его старшая жена.⁶¹⁰

Можно было бы предположить, что она лишь формально принимала участие в этих мероприятиях, не играя никакой самостоятельной роли, однако сообщение Ипатьевской летописи свидетельствует об обратном. Зимой 1245/1246 г. ко двору Бату по его требованию прибыл князь Даниил Романович Галицкий.⁶¹¹ После встречи с самим правителем Золотой Орды, предложившим князю выпить так называемого «черного кумыса» (напитка, который потребляла только аристократия Монгольской империи),⁶¹² Даниил заявил, что намерен «поклониться великой княгини Баракъчинови», на что ему было дано позволение. Весьма любопытно, что во время приема у супруги хана (или после него) Бату прислал ему ковш вина, сопроводив этот дар комментарием, что, мол, непри-
выкшему пить кумыс позволено пить вино.⁶¹³ Надо полагать, что

князь произвел на ханшу положительное впечатление, что обусловило и успешное завершение его поездки: как известно, Даниил Галицкий, номинально признав себя вассалом Бату, получил от него подтверждение прав на свои владения, что позволило ему существенно улучшить свой статус и в отношениях с западными соседями.⁶¹⁴

Таким образом, Боракчин сумела проявить себя еще при жизни мужа, принимая участие в политической деятельности и, в частности, в приемах иностранных государей и вассалов Золотой Орды. Вышеприведенное сообщение Ипатьевской летописи позволяет предположить, что она давала мужу советы по некоторым политическим вопросам, и он прислушивался к ее мнению. Однако гораздо более влиятельной она стала после смерти своего супруга.

II

Бату умер на рубеже 1255–1256 гг., и, согласно распоряжению монгольского хана Мунке, его преемником был назначен Сартак — старший сын Бату и Боракчин. Однако новый правитель, находившийся в момент смерти отца при ханском дворе в далеком Каракоруме, даже не успел прибыть в свои владения. Еще при жизни отца он вступил в конфликт со своим дядей Берке, сыном Джучи. Согласно индийскому персоязычному автору Джужджани, этот конфликт возник на религиозной почве: якобы в ответ на приглашение дяди прибыть в гости Сартак откровенно заявил: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское (для меня) несчастье». Получив его ответ, повествует Джужджани, Берке, оскорбленный племянником, обратился к Аллаху с мольбой покарать нечестивого Сартака, и тот умер спустя четыре дня.⁶¹⁵ Не следует с большим доверием относиться к сведениям Джужджани, который стремился представить Берке благочестивым мусульманином, неспособным на какие-либо злодеяния.⁶¹⁶ Более правдоподобную версию развития событий предлагает армянский автор Киракос Гандзакеци, менее расположенный к Берке: он прямо говорит, что Сартак был отравлен своим дядей Беркечаром, действовавшим по приказу своего единокровного старшего брата Берке.⁶¹⁷

Как бы то ни было, Сартак скончался, так и не успев реально стать во главе Улуса Джучи. Однако устранение сына Бату не помогло Берке занять трон правителя: по воле монгольского хана Мунке наследником Сартака был назначен его малолетний сын

Улагчи, при котором регентшей стала его бабка Боракин.⁶¹⁸ Вполне справедливым представляется мнение Е. П. Мыськова о том, что она в полной степени являлась продолжательницей политики своего мужа и сына Сартака по укреплению связей с Каракорумом и сохранению целостности Монгольской империи.⁶¹⁹

Известно, что при Улагчи, в частности, были произведены новые утверждения русских князей, которые и в 1256, и в 1257 г. побывали при дворе юного правителя.⁶²⁰ Несомненно, фактически князья были приняты и подтверждение прав на владение своими уделами получили от Боракин. Однако не прошло и года после вступления Улагчи на престол, как он тоже скончался.⁶²¹ Источники ничего не сообщают об обстоятельствах смерти малолетнего правителя Золотой Орды, однако есть все основания полагать, что он разделит судьбу своего отца — был отравлен Берке.

Но и после смерти внука Боракин не собиралась уступать своему деверю трон, который уже в течение трех поколений принадлежал семейству Бату. Она начала борьбу за то, чтобы сделать новым правителем своего второго сына Тудана.⁶²² Однако Берке сумел привлечь на свою сторону большинство Джучидов и золотоордынских нойонов и не допустил этого: вероятно, брат Бату сумел сыграть на том, что он был на тот момент старшим среди потомков Джучи. Родственники Боракин из клана алчи-татар оказались не слишком влиятельны, и в том же 1257 г. на курултае золотоордынских знати Берке был провозглашен правителем Золотой Орды.

В отличие от Боракин, Берке не был горячим сторонником сохранения Улуса Джучи под властью ханов, пребывавших в Каракоруме, — возможно, это также расположило к нему остальных золотоордынских царевичей и нойонов. Несмотря на то что сам он не принял ханского титула и формально не провозгласил независимости Золотой Орды, его действия подтверждают, что он не собирался подчиняться Каракоруму. Берке прекрасно рассчитал, когда следовало взять власть: как раз в 1257 г. хан Мунке лично возглавил военные действия против китайской империи Южная Сун в Китае и уже не мог в полной мере контролировать события в Улусе Джучи.⁶²³

Боракин, вероятно, не сумела понять изменение настроений среди золотоордынской знати и продолжала апеллировать к воле монгольского хана. Когда же выяснилось, что он командует армией в Китае и не сможет принять меры против узурпации Берке, она обратилась к его брату Хулагу, который в это время возглавлял монгольские войска в походе против Багдадского халифата. По

сообщению арабского историка XIV в. ан-Нувайри, Боракин направила Хулагу послание следующего содержания: «Нет более стрел в колчане, и налучье осталось без лука, приходи, чтобы принять царство». Иными словами, она заявляла, что у власти в Золотой Орде находятся незаконные правители, и брату монгольского хана следует принять Улус Джучи под свою руку.⁶²⁴ Вероятно, Боракин надеялась, что под властью Хулагу она сумеет сохранить контроль над Улусом Джучи и со временем возвести на трон своего ставленника.

Однако этот ее шаг оказался весьма непродуманным. Впервые, Берке, уже и раньше имевший основания относиться к Боракин недружелюбно, теперь окончательно стал ее врагом: у него были давние трения с Хулагу, поскольку тот воевал с багдадским халифом, а Берке, объявляя себя мусульманином, считал халифа своим союзником. Во-вторых, намерение передать Золотую Орду, отданную самим Чингис-ханом Джучи и его потомству, Хулагу — члену семейства Тулуидов, было воспринято большинством золотоордынских аристократов как государственная измена.

Узнав, что ее переговоры с Хулагу стали известны золотоордынской знати и восприняты ей крайне враждебно, Боракин поняла, что над ней нависла серьезная опасность и ее не спасет принадлежность к семейству Бату. В отчаянии она сама попыталась бежать под защиту Хулагу, однако была перехвачена по дороге джучидскими войсками. Таким образом, она в глазах Джучидов и их нойонов подтвердила свою виновность в измене, что дало основание осудить ее и казнить. Это произошло, вероятно, в 1258 г.⁶²⁵

Ни Мунке, ни Хулагу не имели возможности предотвратить казнь Боракин или хотя бы отомстить за нее: Хулагу все свои силы бросил на борьбу с Багдадским халифатом и мусульманскими государствами на Ближнем Востоке, а Мунке глубоко увяз в войне с Китаем, где вскоре, в 1259 г., и умер при осаде одной из крепостей. Таким образом, Берке обрел всю власть над Улусом Джучи и взял курс на обретение им независимости.

Таким образом, Боракин в течение 1256–1257 гг. (или даже до 1258 г.) официально являлась регентшей Золотой Орды, став первой из влиятельных представительниц правящего рода Джучидов, хотя ее жизнь и закончилась трагически. В сравнительно недалеком будущем практически такое же влияние, как Боракин, приобрела Джиджек-хатун.

ОЧЕРК ПЯТНАДЦАТЫЙ. ДЖИДЖЕК — ПЕРВАЯ ХАНША ЗОЛОТОЙ ОРДЫ (УМ. 1294, ЗОЛОТАЯ ОРДА)

В отличие от своей предшественницы Боракчин, Джиджек официально не стояла во главе государства в качестве монархини или регентши. Однако ее влияние в течение нескольких десятилетий было весьма значительным. Кроме того, она вошла в историю еще и благодаря тому, что была старшей женой первого хана Золотой Орды и, следовательно, первой ее ханшей.

I

Берке, брат Бату, устранив сначала племянника Сартака, затем внучатого племянника Улагчи, а потом — и свою невестку Боракчин, наконец-то стал правителем Золотой Орды. В начале 1260-х гг. он вступил в конфликт со своим двоюродным братом Хулагу — ильханом Ирана. Для противостояния с иранским правителем (которого поддерживал его могущественный брат — великий хан Хубилай) Берке необходимы были союзники. Наиболее могущественным из врагов персидских монголов был египетский султан аз-Захир Бейбарс, который у себя в Каире восстановил власть халифа и провозгласил себя борцом за торжество истинной веры.⁶²⁶ Берке также официально объявил, что исповедует ислам, и это послужило основанием сначала для установления контактов, а затем и союза с султаном Египта.⁶²⁷ Именно в связи с этими событиями впервые и упоминается Джиджек-хатун — супруга Берке.

Сведения о Джиджек-хатун (ее имя в тюркских и монгольских языках означает «цветок») в известных нам источниках весьма скудны. О ее происхождении практически нет сведений за исключением двух довольно туманных сообщений арабских авторов конца XIII — первой половины XIV вв. Так, Руки ад-Дин Бейбарс упоминает, что она «была из родовитого дома», а ан-Нувайри — даже,

что она была «из канского дома». ⁶²⁸ Неизвестно также, когда и при каких обстоятельствах она стала женой Берке и являлась ли представительницей какого-либо аристократического клана при дворе золотоордынских правителей.

Однако можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что она была не первой и, соответственно, не старшей супругой золотоордынского правителя. Египетские послы, посетившие Берке в 1263 г., сообщают, что во время приема рядом с Берке сидела его старшая жена Тагтагай-хатун, а две других — Джиджек-хатун и Кехар-хатун — сидели ниже. ⁶²⁹

Однако арабские же авторы сообщают, что Джиджек была любимой супругой Берке. Не исключено, что он стал выделять ее среди других именно потому, что она вместе с ним объявила о принятии ислама. Секретарь двух египетских султанов Рукн ад-Дин Бейбарс, опираясь на сведения султанских послов в Золотую Орду, сообщает, что Джиджек приняла ислам вслед за мужем и повелела построить для нее переносную палаточную мечеть, которую возила с собой и приказывала разбивать на каждой кочевке. ⁶³⁰ Египетский автор XV в. ал-Макризи, в целом повторяя сведения Рукн ад-Дина Бейбарса, уточняет, что для устройства этой мечети Джиджек-хатун обратилась к знаменитому мусульманскому шейху Наджм ад-Дину Кубра. ⁶³¹

Берке выделял Джиджек среди других жен, и, хотя на официальных приемах она не играла ведущей роли, не будучи старшей супругой, ее реальное положение, в том числе и на международной арене, было весьма высоким. Например, известно, что ей было поручено принять и разместить в своей ставке тех самых послов, которые упомянули о ней в своем отчете. Она, в свою очередь, устроила прием в их честь (подобно тому как Борахчин приняла Даниила Галицкого вслед за своим супругом Бату) и одарила их, в соответствии с тюрко-монгольским дипломатическим обычаем, богатыми халатами. ⁶³² Таким образом, в глазах мусульманских правителей и их придворных историков Джиджек-хатун являлась весьма значительной особой, причем ее значение для них было еще больше и в связи с тем, что она сама исповедовала ислам.

Берке скончался в 1266 г. По некоторым сведениям, он не оставил сыновей, по другим сын у него был, ⁶³³ однако, поскольку в Золотой Орде (равно как во всей Монгольской империи и ее улусах) не существовало закона о передаче трона по наследству, власть над Улусом Джучи вновь вернулась в руки потомков Бату в лице его внука Менгу-Тимура, сына Тудана, который, в свою

очередь, являлся сыном Бату и Борагчин. Кстати, по сообщениям египетских дипломатов, Менгу-Тимур в последние годы правления Берке номинально даже являлся его наследником и в качестве такового участвовал во всех официальных мероприятиях, проводимых двоюродным дедом.⁶³⁴ По старинному тюрко-монгольскому правовому обычаю Менгу-Тимур после смерти Берке взял в жены его вдову Джиджек-хатун.

II

Сведения о женах Менгу-Тимура в арабских и персидских источниках весьма разнятся. Так, например, в одном из важнейших источников по истории Золотой Орды до конца XIII в. — «Сборнике летописей» персидского государственного деятеля Рашид ад-Дина вообще не упоминается имя Джиджек-хатун. Он сообщает о трех женах Менгу-Тимура — Олджай-хатун из рода кунграт, Султан-хатун из рода ушин и Кутуй-хатун, родовая принадлежность которой не указана.⁶³⁵ Однако в «Биографии султана ал-Малика ал-Мансура Калавуна», составленной неизвестным египетским автором в конце XIII в., сообщается, что Джиджек-хатун являлась старшей женой Менгу-Тимура, кроме того, упоминаются и другие жены: помимо известных Рашид ад-Дину Олджай-хатун, Султан-хатун и Кутуй-хатун (в «Биографии...» — Хутлу-хатун), названы также Тутлын-хатун и Тутаюн-хатун.⁶³⁶ Жены Менгу-Тимура перечисляются в связи с тем, что в 1281–1282 гг. в Золотую Орду было направлено очередное посольство египетского султана (уже не Бейбарса, умершего в 1277 г., а Калавуна) и для каждой из жен были предназначены определенные дары — так же как для самого хана и для его наиболее влиятельных сановников. В связи с этим представляется, что предпочтение следует отдать сведениям арабского автора, опиравшегося на отчеты египетских послов в Золотой Орде, а не на информацию персидского сановника, который работал над своим «Сборником летописей» в период противостояния Золотой Орды с Ираном и, соответственно, не мог получать достаточно полную информацию из-за разрыва дипломатических отношений между этими государствами.

Итак, Джиджек-хатун стала старшей женой Менгу-Тимура, сменившего Берке на троне правителя Золотой Орды в 1266 или начале 1267 г.⁶³⁷ По сведениям арабских авторов, она стала матерью Алгуя — старшего сына Менгу-Тимура, который впоследствии также стал во главе Золотой Орды (об этом речь пойдет ниже).⁶³⁸

В 1269 г. в долине реки Талас (на северо-западе Киргизии) потомки Джучи, Чагатай и Угедэя провели курултай, на котором отказались признавать верховенство монгольского хана и императора Юань Хубилая, а себя провозгласили независимыми правителями, приняв ханские титулы. Так, Менгу-Тимур стал первым ханом Золотой Орды, а его старшая супруга — соответственно, первой ханшей.

Неудивительно, что египетские правители, помнившие ее еще со времен Берке и ощущающие себя с ней единоверцами, направляли ей богатые дары — тем более что она являлась и старшей супругой нового золотоордынского монарха.⁶³⁹ Нет сведений о том, что она как-то пыталась обратить своего нового супруга в ислам, хотя не исключено, что не без ее влияния он продолжал поддерживать в полном формате дипломатические контакты и союз с Египтом.

Однако после смерти Менгу-Тимура в 1280 г.⁶⁴⁰ Джиджек-хатун, вероятно, именно из-за своей приверженности к исламу, как не без оснований полагают исследователи, предпочла поддержать брата покойного хана — Туда-Менгу, который и сам тяготел к исламу.⁶⁴¹ Он продолжил внешнюю политику Берке и Менгу-Тимура, сделав ставку на союз с Египтом, с султанами которого обменивался посланиями, и даже просил прислать в Золотую Орду ученых-богословов. Очень скоро, согласно источникам, Туда-Менгу всецело посвятил себя религии и проводил все время в общении с шейхами и факирами. Фактически власть в Улусе Джучи примерно в 1285–1287 гг. находилась в руках Джиджек-хатун.⁶⁴²

III

При Туда-Менгу в Золотой Орде на первые позиции выдвинулся Ногай — царевич-Джучид, являвшийся также военачальником и обладателем крупных владений как на западе, так и на востоке государства. Он начал свою стремительную карьеру еще при Берке и, согласно средневековым арабским историкам, достиг высоких постов при поддержке именно Джиджек-хатун.⁶⁴³ Возможно, чтобы продолжать пользоваться ее поддержкой и впредь, Ногай в свое время также объявил, что придерживается ислама.⁶⁴⁴

Уже в правление Берке Ногай командовал крупными соединениями из нескольких туменов (десятитысячных отрядов), а в правление Туда-Менгу стал бекляри-беком — верховным главнокомандующим и фактически военным министром Золотой Орды.

Фактически (а, по мнению некоторых исследователей, и официально) он стал соправителем хана.⁶⁴⁵

При подстрекательстве Ногая в 1287 г. четыре царевича — Алгуй и Тогрул (сыновья Менгу-Тимура) и Тула-Буга и Кунчек (сыновья Тарбу, старшего брата Менгу-Тимура) заставили своего дядю Туда-Менгу отречься от трона, и новым ханом был провозглашен Тула-Буга, которого, по некоторым сведениям, еще Менгу-Тимур видел своим преемником. Несомненно, Джиджек-хатун не слишком понравилось, что ее ставленник был низложен, однако хитрый бекляри-бек сумел найти с могущественной ханшей компромисс: номинально монархом являлся Тула-Буга, но фактически власть разделили все четыре царевича — участники переворота.⁶⁴⁶ Удовлетворенная тем, что ее сын Алгуй стал во главе Золотой Орды, Джиджек не только не воспротивилась низложению Туда-Менгу, но и, по-видимому, в значительной степени отошла от дел (не будем забывать, что к этому времени она находилась уже в пожилом возрасте).

Однако, благодаря своему статусу супруги двух могущественных золотоордынских правителей, она сохраняла значительное влияние, и новоиспеченные властители Улуса Джучи внимательно прислушивались к ее советам. В то же время она продолжала, как и прежде, поддерживать Ногая. Это вскоре привело к роковым последствиям для Тула-Буги и его соправителей, а затем и для самой Джиджек-хатун.

В конце 1280-х — начале 1290-х гг. между Ногаем и его ставленниками на золотоордынском троне возникли существенные разногласия, поскольку соправители стремились к большей власти, а Ногай, соответственно, вовсе не собирался упускать из рук контроль над Золотой Ордой. Поводом для обострения отношений послужили два безуспешных похода золотоордынских войск — на Венгрию (в котором вся добыча досталась Ногаю, а ханские войска лишь понесли значительные потери) и против персидского ильхана Аргуна (в котором потерпели поражение войска, отправленные туда Ногаем).⁶⁴⁷

Тула-Буга и его соправители, вероятно, стали подумывать о лишении Ногая должности бекляри-бека, о чем ему стало известно. Он вступил в сговор с Токтой — еще одним сыном Менгу-Тимура (от Олджай-хатун), уже некоторое время тому назад бежавшим в отдаленные восточные области Золотой Орды из опасения, что братья расправятся с ним как с соперником в борьбе за трон. Пообещав царевичу свою поддержку, Ногай стал собирать войска

для борьбы с золотоордынскими правителями. Однако он не намеревался начинать открытую гражданскую войну, а решил уничтожить соперников хитростью. Он напомнил хану и его соправителям, что является старейшиной рода и в качестве такового должен следить за исполнением законов, а теперь, достигнув преклонного возраста, намерен отойти от дел и обсудить с соправителями, как обустроить государство после своего ухода.

Кроме того, Ногай, как в старые добрые времена, обратился к Джиджек-хатун за поддержкой, направив ей послание, в котором объяснял, что желает всего лишь наставить на путь истинный молодых правителей, для чего и предлагает им встретиться с ним. Наконец, он позаботился о том, чтобы до правителей и ханши дошли слухи о его болезненном состоянии: когда ханские посланцы прибыли к нему, он, набрав в рот некоторое количество крови, периодически сплевывал ее, создав у них впечатление, что доживает последние дни. Слова, а в особенности сообщение о состоянии здоровья Ногая, убедили Джиджек, и она сумела уговорить своего сына Алгуя, а также и остальных правителей согласиться на встречу с бекляри-беком и разрешить все противоречия.⁶⁴⁸

Однако когда правители с небольшим отрядом явились к Ногаю, тот приказал своим войскам окружить шатер, в котором происходила их встреча, и арестовать их. После этого он вызвал Токту, которому заявил, что его родные и двоюродные братья коварно захватили трон, ему, Токте, принадлежавший по праву, и предложил ему самому решить, как наказать узурпаторов. Токта без колебаний приговорил братьев к смерти.⁶⁴⁹

Гибель сына, несомненно, стала настоящей трагедией для Джиджек-хатун, однако не заставила ее уйти с политической сцены. Авторитет ханши, наличие собственных владений, слуг и воинов заставляли считаться с ней и нового хана Токту, который на раннем этапе своего правления также находился под всецелым влиянием Ногая. По всей видимости, Джиджек, пользуясь своим положением старейшей и знатнейшей женщины в ханском роду (как мы помним, она была старшей женой Менгу-Тимура, отца Токты), пыталась уменьшить влияние Ногая на Токту и, установив контроль над пасынком, вернуть себе прежнее положение.

Возвращение ханши к активной политической деятельности весьма не понравилось многим влиятельным сановникам Золотой Орды — вне зависимости от того, поддерживали они Ногая или нет. Приближенные Токты писали всесильному временщику, что им «стал в тягость гнет» Джиджек, и в 693 г. х. (1293/1294 г.)

он отдал приказание задушить престарелую ханшу, а также эмира (нойона) Байтару — вероятно, главнокомандующего войск, находившихся в ее подчинении.⁶⁵⁰ Источники ничего не сообщают об обстоятельствах, при которых погибла Джиджек-хатун, некоторые исследователи высказывают предположение, что она была тайно задушена.⁶⁵¹ Однако не исключено, что Ногай приказал самому хану Токте избавиться от мачехи — известно, что подобные приказы тот получал от временщика и раньше и неукоснительно их исполнял (о чем мы еще поговорим в следующем очерке).⁶⁵²

С гибелью Джиджек-хатун у Ногая уже не оставалось могущественных соперников в Золотой Орде, и он окончательно стал полновластным временщиком этого государства. Контроль за ханом, сановниками и областями он осуществлял не только лично, но и привлекал к этому членов своей семьи. Одним из наиболее близких сподвижников Ногая являлась его супруга Яйлак.

ОЧЕРК ШЕСТНАДЦАТЫЙ. ЯЙЛАК — СУПРУГА НОГАЯ (УМ. 1300, ЗОЛОТАЯ ОРДА)

Имя Ногай, влиятельного временщика, первого из трех золотоордынских «делателей королей»,⁶⁵³ хорошо известно в истории Улуса Джучи. В течение 1280–1290-х гг. он фактически стоял во главе Золотой Орды, определяя ее политику и сменяя монархов по собственному усмотрению. Не будучи формально золотоордынским ханом, он тем не менее всячески старался закрепить власть не только за собой, но и за своим родом, активно привлекая к политической и управленческой деятельности представителей своего семейства — жен, детей и даже внуков. Среди них значительное место занимала его супруга Яйлак, которая впоследствии сыграла не последнюю роль в крахе Ногай и крушении его державы.

I

Ногай, праправнук Чингис-хана по линии его старшего сына Джучи, стал одним из крупнейших политических деятелей Золотой Орды второй половины XIII в. не столько в силу происхождения, сколько благодаря собственным способностям и амбициям. Дело в том, что его дед Бувал (вероятно, старший из сыновей Джучи по возрасту) был рожден наложницей и потому в семейной иерархии являлся всего лишь седьмым из сыновей Джучи,⁶⁵⁴ имея меньше прав на трон, чем младшие (по возрасту) братья и их потомство. Именно поэтому Ногай с молодости стал делать военную карьеру и благодаря покровительству своего двоюродного деда Берке и его супруги Джиджек-хатун уже в середине 1260-х гг. стал одним из самых влиятельных военачальников Золотой Орды.

Яйлак (так ее имя передает Рашид ад-Дин, в арабских же источниках она фигурирует как Байлак) была старшей супругой Ногай.⁶⁵⁵ Ее происхождение неизвестно, однако вряд ли она являлась

представительницей какого-то могущественного клана, поскольку ее муж Ногай был лишь одним из многочисленных «рядовых» Джучидов, чьи права на трон или даже на высокое положение в Золотой Орде представлялись проблематичными. У Ногай были другие жены — Чапай (Чуби), о которой также практически ничего неизвестно, и Евфросиния, побочная дочь византийского императора Михаила VIII Палеолога, ставшая женой темника в 1273 г.⁶⁵⁶ У будущего временщика родилось трое сыновей — Джуки, Теке и Тури. Несмотря на то что Яйлак считалась старшей супругой Ногай, матерью двух его первых сыновей была Чапай, а Яйлак родила третьего, Тури.⁶⁵⁷ Кроме того, в источниках упоминается дочь Ногай, Тугулджа, но кто был ее матерью, не установлено, правда, некоторые сведения о Тугулдже в средневековых источниках позволяют предположить, что она была родной сестрой Джуки и, следовательно, дочерью Чапай.

Впрочем, преимущества своего статуса старшей супруги Яйлак смогла использовать не ранее 1270-х гг., когда Ногай, оставшийся не у дел после воцарения Менгу-Тимура, удалился в свои владения на Балканах и, пользуясь тем, что хан не вмешивается в его дела, активно занялся установлением дипломатических связей с иностранными государями.

При этом Ногай умудрялся поддерживать хорошие отношения и с мусульманским Египтом, и с государством ильханов — соперником Египта! В то время как сам Ногай отправлял послание египетскому султану Бейбарсу, уверяя, что принял ислам и готов воевать с «неверными», его жена Яйлак лично отправилась к персидскому ильхану Абаге (прав. 1265–1282) и не только установила с ним от лица мужа мирные отношения, но и сумела убедить этого недруга Золотой Орды выдать одну из дочерей замуж за ее сына Тури.⁶⁵⁸ Интересно отметить, что, согласно Рашид ад-Дину, Ногай, отправляя Яйлак в Иран, сватал у ильхана двух дочерей — либо для себя и одного из своих сыновей, либо для двоих сыновей. Однако его супруга (возможно, не без учета собственных интересов) устроила брак лишь собственного сына, тем самым обеспечив ему возможную поддержку со стороны монгольского Ирана.

Ногай также имел значительные интересы в Причерноморье и, в особенности, в Крыму, где в начале 1290-х гг. вмешался в соперничество двух итальянских торговых республик Венеции и Генуи на стороне первой из них.⁶⁵⁹ Однако, по-видимому, почву к своему вмешательству в политические события в причерноморском регионе он начал готовить заранее, и ему опять же помогала

его супруга Яйлак. Об этом свидетельствует весьма интересный документ, сохранившийся до нашего времени, — письмо некоего брата Владислава (Ladislas), кустода («надзирателя») ордена францисканцев в Газарии,⁶⁶⁰ датированное 10 апреля 1287 г. Письмо имеет следующее содержание: «В те самые дни прибыла императрица Яйлак, главная и самая могущественная супруга Ногая, и она въехала в вышеназванный город (Солхат), чтобы увидеть резиденцию братьев (францисканцев) и церковь с колоколами. Там она потребовала, чтобы братья окрестили ее и наставили по католическому обряду, и она захотела быть окрещенной в городе, который называется Керкети.⁶⁶¹ И, прибыв туда вместе со мной, братом Владиславом, кустодом и в то же время с братом Стефаном, привратником [миссии ордена францисканцев. — Р. П., И. П.] в Кафе, она была окрещена нашими руками в присутствии архиепископа армян и всего клира, а также большого количества греческих священников и клириков, хотя они противились этому и жаловались. Госпожа настоятельно потребовала, чтобы братья остались в том месте, где она была крещена; она выделила нам в указанном городе место, где я, брат Владислав, кустод, а вместе с тем и брат Павел, прежде являвшийся привратником в Сарае, построили церковь с необходимыми строениями в честь блаженной Девы Марии. Указанная дама даровала нам владение этой местностью и приказала правителю этой области Имору, сыну Молдая,⁶⁶² под страхом смерти оберегать нас от любых посягательств со стороны местных сарацин».⁶⁶³

Таким образом, Яйлак, вероятно, с ведома (или даже по прямому указанию) Ногая устанавливала контакты с местным населением и представителями различных конфессий Крымского полуострова, укрепляя влияние своего супруга в этом регионе. Эти действия выглядят весьма предусмотрительными в свете последующих событий.

II

Как уже упоминалось в предыдущем очерке, в 1291 г. Ногай совершил очередной переворот в Золотой Орде, свергнув хана Тула-Бугу и его соправителей Алгуя, Тогрула и Кунчека, вместо которых возвел на трон юного Токту, одного из младших сыновей Менгу-Тимура.⁶⁶⁴ В течение первых нескольких лет правления Токты (прав. 1291–1312) Ногай продолжал сохранять всю полноту власти в государстве, и хан во всем подчинялся ему.

Именно Яйлак стала доверенным лицом Ногая, передававшим Токте волю временщика.⁶⁶⁵ Так, известно, что в 1293 г. она приехала в качестве главы посольства Ногая к хану, который устроил в ее честь серию пиров и одарил богатыми подарками. Когда же он поинтересовался, что привело ее, Яйлак передала послание своего мужа: «Отец твой шлет тебе привет и говорит тебе: на твоём пути осталось еще немного терна; вырви его». А когда Токта поинтересовался, что это за «терн», она перечислила ряд эмиров, которые, как было известно Ногаю, поддерживали Тула-Бугу и были готовы обратить оружие против Ногая. Несмотря на то что после переворота они признали власть Токты и не замыслили ничего против него, хан, повинаясь воле временщика и его супруги, приказал умертвить более двух десятков нойонов, среди которых, вполне вероятно, были и потомки Чингис-хана.⁶⁶⁶ Впрочем, после того как Токта по приказу Ногая расправился с пятью родными братьями — сыновьями Менгу-Тимура, эти казни уже не могли вызвать значительного резонанса в Золотой Орде...

Таким образом, могущество Ногая лишь крепло с годами. Известно, что уже с 1296 г. Ногай стал чеканить монету со своим именем и именем своего старшего сына Джуки, претендуя, таким образом, не только на верховную власть, но и на передачу ее по наследству.⁶⁶⁷ Соответственно, между членами его семейства начались споры и разногласия по поводу будущего раздела его владений. Как сообщают египетские авторы Руکن ад-Дин Бейбарс и ан-Нувайри, в 697 г. х. (1297/1298 г.) Яйлак рассорилась с сыновьями Ногая от другой жены — Джуки и Теке, которые «выказывали ей непочтение и презрение». Надо полагать, причиной ссоры послужило то, что они не хотели учитывать в достаточной степени интересы мачехи и ее сына Тури в грядущем переделе владений Ногая. По-видимому, разногласия достигли такой остроты, что Яйлак испугалась за свою жизнь: она бежала к хану Токте и потребовала, чтобы он принял меры в отношении ее пасынков.⁶⁶⁸

Однако своими действиями Яйлак «выпустила джинна из бутылки». Между ханом и Ногаем уже в течение некоторого времени отношения были напряженными: они обвиняли друг друга, что каждый укрывает у себя нойонов и военачальников, вызывавших гнев другого. А затем Ногай потребовал, чтобы хан расправился с еще несколькими нойонами, среди которых оказались весьма близкие Токте люди — его дед (по другим сведениям — тесть) Салджидай с сыном, военачальник Тама-Токта и др., но хан отказался выдать их Ногаю. Видя раскол в лагере временщика, Токта решил, что

пришло время избавиться от его надоевшей опеки, и стал собирать войска против него. В результате Золотая Орда раскололась на два лагеря — сторонников хана и приверженцев его бекляри-бека. Надо полагать, именно в это время Яйлак, не ожидавшая столь серьезных последствий своего обращения к хану, вернулась обратно к мужу.

Несмотря на то что Ногай по сути являлся мятежником против законного монарха, у него оказалось вдвое больше людей, и зимой 1298 г. он наголову разгромил Токту, который бежал в Сарай. Ногай установил контроль над областями Золотой Орды к западу от Дона, включая Крым, и, по некоторым сведениям, даже официально объявил себя ханом.⁶⁶⁹

Но вскоре к Токте стали подходить войска из восточных улусов Золотой Орды, которые не подчинялись Ногаю, и оказалось, что ханские силы намного превышают армию временщика. Даже доверенные сановники и военачальники бекляри-бека со своими отрядами стали переходить на сторону Токты. Ногай попытался разыграть еще одну карту: он направил послание к персидскому ильхану Газану, в котором напоминал, что сын Ногая, Тури, в свое время женился на тетке ильхана, и просил Газана принять его со всеми владениями под свое покровительство. Однако иранский правитель благоразумно отказался вмешиваться во внутренние дела Золотой Орды.⁶⁷⁰

Для Ногая этот шаг оказался роковым: узнав о его переговорах с Ираном — давним соперником Золотой Орды, — даже самые верные нойоны стали покидать его. В конце 1299 г. между Ногаем и Токтой состоялось еще одно сражение, которое, несмотря на уловки временщика, закончилось его поражением и гибелью.⁶⁷¹ Сыновья Ногая сумели спастись, причем Тури, женатый на представительнице иранского правящего дома, бежал в его владения, оставив свою мать на произвол судьбы. Яйлак поневоле пришлось присоединиться к Джуки и Теке — своим пасынкам, с которыми она еще так недавно находилась в весьма серьезных разногласиях.

Безусловно, гибель Ногая стала шоком для его семейства, представители которого совершенно не знали, что теперь делать. Джуки, старший сын Ногая, решил продолжать борьбу с Токтой. Однако Яйлак считала, что в настоящих условиях такой возможности нет.⁶⁷² Она неожиданно нашла сторонника в лице Теке, второго сына Ногая, и вместе с ним стала убеждать Джуки, что следует отправиться к Токте с повинной. Джуки, испугавшись, что Яйлак и Теке сумеют уговорить оставшихся приверженцев

семейства Ногая подчиниться хану, убил и родного брата, и супругу отца.⁶⁷³

Впрочем, это злодеяние не сильно помогло Джучи в его намерениях: ему пришлось сначала подавлять мятеж нойонов, которые возмутились вероломным убийством его брата, а затем, не имея достаточно сил для сопротивления, бежать в Болгарию, на дочери царя которой был женат. По некоторым сведениям, Джучи в течение короткого времени даже занимал болгарский трон (1300–1301), но вскоре был убит собственным шурином — болгарским царевичем Федором-Святославом, который отправил его голову Токте в знак своей лояльности.⁶⁷⁴

Что же касается Тури, сына Ногая и Яйлак, он пережил своих братьев, но вскоре тоже погиб: приблизительно в 1301 или 1302 г. он вернулся в бывшие владения своего отца, правителем которых Токта назначил своего брата Сарай-Бугу. Тури внушил ханскому брату, что тот сам имеет не меньше прав на трон, и вместе с ним двинулся против Токты. Однако еще один ханский брат, Бурлюк, оставшийся верным Токте, встретил их, притворился, что намерен перейти на их сторону, но на переговорах схватил и казнил обоих.⁶⁷⁵

Так к 1302 г. был окончательно преодолен раскол, едва не приведший к распаду Золотой Орды на два отдельных государства, и Яйлак, как мы убедились, играла не последнюю роль в этих событиях. В течение последующих пятидесяти с лишним лет Улус Джучи переживал период расцвета, и на протяжении большей части этого периода на политической арене весьма активно проявляла себя героиня нашего следующего очерка — Тайдула.

ОЧЕРК СЕМНАДЦАТЫЙ. ТАЙДУЛА — ЖЕНА, МАТЬ И БАБКА ХАНОВ (УМ. 1360, ЗОЛОТАЯ ОРДА)

Тайдула⁶⁷⁶ является, наверное, самой известной женщиной в истории Золотой Орды. Сведения о ней содержатся в трудах арабских, персидских и тюркских историков, русских летописцев, в официальной документации папской канцелярии и переписке итальянских торговых республик. До нас дошло также несколько ее собственных документов — посланий и жалованных грамот. Однако, как следствие обилия сведений о ней, многое в ее биографии спорно, противоречиво, а порой и просто мифологизировано. Была ли она супругой хана Узбека или его сына, хана Джанибека? Действительно ли она являлась «заступницей» православной веры и русской церкви? Стала ли она, в конце концов, жертвой золотоордынской смуты или же была ее непосредственной участницей и даже в какой-то мере виновницей?

I

Источники ничего не сообщают о происхождении Тайдулы, однако петербургский востоковед А. П. Григорьев предложил обоснованную гипотезу, согласно которой ханша принадлежала к племени кунграт, и ее ближайшими родственниками были влиятельные сановники Узбека, а затем и Джанибека — Могул-Буга и Кутлуг-Буга (оба они были бекляри-беками Золотой Орды в 1340-х — 1350-х гг.). Родовым владением этого семейства являлся город Бельджамен (в русских источниках — Бездеж, между Волгой и Доном).⁶⁷⁷ Брак Тайдулы с представителем правящего в Золотой Орде рода Джучидов, таким образом, был предопределен традиционной для Чингизидов матримониальной политикой, в соответствии с которой потомки Чингис-хана из поколения в поколение брали в жены представительниц племени кунграт.

Не позднее 1313–1314 гг. Тайдула стала женой золотоордынского хана Узбека (прав. 1313–1341).⁶⁷⁸ Всего у Тайдулы и Узбека родилось двое или трое сыновей (Тинибек, Джанибек и, возможно, Хызрбек) и одна дочь, ставшая женой эмира Харунбека, сына хорезмского наместника Кутлуг-Тимура, который, в свою очередь, приходился двоюродным братом Узбек-хану.⁶⁷⁹

Однако Тайдула не сразу стала старшей женой Узбека. Дело в том, что его приход к власти состоялся при поддержке ханши Баялун, которая была сначала женой его отца Тогрула, а затем — дяди, Токты (который, как мы помним, по указанию Ногая расправился с Тогрулом и другими братьями).⁶⁸⁰ Вероятно, в обмен на поддержку в борьбе за трон Баялун потребовала, чтобы Узбек женился на ней, и ему, поскольку он был мусульманином, даже пришлось получить на это специальное разрешение от золотоордынских правоведов, поскольку ранее она была супругой его отца.⁶⁸¹ В этом браке родились сын Тимур (умер около 1330 г.) и дочь Иткуджук, ставшая женой Иса-бека, который некоторое время был бекляри-беком при хане Узбеке. Однако Баялун умерла в 1323 г., и старшей женой стала именно Тайдула.⁶⁸²

Наиболее подробная информация о ханше⁶⁸³ и ее положении при жизни ее супруга Узбека содержится в сочинении «Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва-'аджа'иб ал-афсар» («Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий»), составленном на основе воспоминаний марокканского путешественника Ибн Баттуты, который в 734 г. х. (1333/1334 г.) посетил Золотую Орду. Он оставил весьма интересные комментарии, касающиеся и правового положения Тайдулы, и быта, и некоторых ее личных качеств.

Прежде всего он сообщает об участии Тайдулы в официальных мероприятиях. На торжественных приемах и иных мероприятиях с участием хана она садилась рядом с ним справа, следом сидела «вторая хатун» Кабак, а слева — «третья хатун» Баялун и «четвертая хатун» Урдуджа. Арабский путешественник не преминул отметить, какое уважение выказывал Узбек прилюдно своей старшей супруге: остальным ханшам он лишь подавал руку, когда они поднимались по ступеням к своим тронам, тогда как Тайдулу, «царицу и самую любимую из них (жен)», он встречал у двери шатра, брал за руку, подводил к ее трону и сам садился одновременно с ней. Рядом с Узбеком она восседала и на официальных приемах, и во время празднеств.⁶⁸⁴

Несомненно, считаться с Тайдулой хана заставлял ее статус, рождение двоих сыновей-наследников и принадлежность

к могущественному роду кунграт, представители которого играли важную роль в политической жизни Золотой Орды вплоть до последних десятилетий ее существования. Однако Ибн Баттута говорит и о том, что Узбек испытывал к Тайдуле сильную личную привязанность: «из жен этого султана она у него самая любимая, и у нее он ночует большую часть ночей своих».

Арабский путешественник излагает и причину столь горячей любви Узбека, весьма капризного и непостоянного в своих привязанностях,⁶⁸⁵ к своей старшей супруге. Позволим себе процитировать довольно обширный, но весьма интересный фрагмент из его сочинения: «Сообщил мне (один) из заслуживающих доверия (людей), знакомых с рассказами об этой царице, что султан любит ее за одну свойственную ей особенность, которая (состоит) в том, что каждую ночь он находит ее как бы девственницей. Другой рассказывал мне, что она из потомства (той) женщины, из-за которой, как говорят, царство отошло от Сулаймана⁶⁸⁶ — да будет над ним мир! — и которую он, когда царство опять вернулось к нему, приказал оставить в безлюдной степи; что она была брошена в степи Кипчакской, и matka этой хатун видом похожа на кольцо, как это бывает у всякой, кто происходит от упомянутой женщины. Но ни в Кипчакской степи, ни в другом месте я не видел (никого), кто бы рассказывал, что он встречал такого рода женщину или слышал про нее, кроме этой хатун; только один из жителей Китая рассказывал мне, что в Китае есть род женщин такого вида. Мне под руки не попадалась такая, и (потому) я не знаю, действительно ли это так».⁶⁸⁷ Остается только строить догадки, что же это были за «заслуживающие доверия люди», которые могли бы рассказать иностранному путешественнику столь интимные подробности личной жизни хана и его старшей жены!

Подобно влиятельным женам первых золотоордынских правителей (таким, как Боракчин или Джиджек), Тайдула и сама принимала послов и других иностранных визитеров, которые представляли интерес для хана и его семейства. Приняла она и Ибн Баттуту, причем во время приема и она сама, и около шестидесяти ее старых и молодых прислужниц занимались тем, что чистили вишни, стоявшие перед ними на золотых и серебряных блюдах.⁶⁸⁸ Казанский исследователь Л. Ф. Абзалов высказал интересное предположение, что вишни предназначались для стола хана и его приближенных, поскольку благотворно влияют на течение подагры — болезни, весьма распространенной среди Чингизидов и многих их влиятельных сановников.⁶⁸⁹

Ибн Баттута добавляет еще одну весьма интересную личностную характеристику Тайдулы: он пишет, что «она самая скупая из всех хатун». И в самом деле, описывая прием, который она ему устроила, арабский путешественник отмечает, что она лишь угостила его кумысом и расспросила о путешествии, но ни слова не говорит о каких-либо подарках, полученных от нее.⁶⁹⁰ Однако действительно ли была Тайдула столь скупа? Или же у нее были причины не выказывать особой щедрости именно в отношении арабского путешественника?

II

Известно, что в средневековой русской историографической традиции Тайдула представлена как «христианская заступница», покровительница православной церкви и ее первых лиц. А. П. Григорьев высказал интересное предположение о том, что между четырьмя женами хана Узбека имело место своеобразное распределение обязанностей в отношении различных религий, и Тайдула стала покровительствовать христианам (возможно, и сама будучи тайной христианкой), а, например, четвертая супруга Узбека, Урдуджа, — вероятно, мусульманам.⁶⁹¹ Таким образом, проясняется причина, по которой Ибн Баттута обвинил Тайдулу в скупости, а об Урдудже, напротив, сказал, что «по части доброты ее нрава и благородства души ее то, больше чего нельзя (найти)».⁶⁹² Вполне вероятно, что различное отношение двух ханш к гостю из Магриба объяснялось именно обстоятельством, выявленным исследователем: прохристиански настроенная Тайдула оказала весьма прохладный прием мусульманскому путешественнику из Магриба, тогда как покровительница мусульман Урдуджа приняла его весьма гостеприимно и щедро.

Каким же образом Тайдула оказывала покровительство христианству и, в особенности, русской православной церкви? Первое упоминание об обращении к ней как покровительнице православия и православных встречается в Тверской летописи под 1339 г.: к ней пытался обратиться за поддержкой тверской князь Александр Михайлович, который сначала был обласкан ханом Узбеком после многолетней опалы, но затем вновь впал немилость после интриг его соперника — московского князя Ивана Калиты.⁶⁹³ Однако Александр Тверской все-таки был казнен. Надо полагать, что в правление Узбека, который, как известно, ввел в Золотой Орде ислам в качестве основной религии, Тайдула не осмеливалась

слишком уж активно вмешиваться в вопросы религиозной политики своего грозного супруга. Гораздо большее влияние в русско-ордынских отношениях, в том числе и в религиозной сфере, она приобрела в правление своего сына Джанибека.

Надо сказать, что Тайдула после смерти Узбека сыграла весьма негативную роль в судьбе его наследников — Тинибек и Джанибека, которые были ее родными сыновьями. Вероятно, не без ее участия уже в конце 1330-х гг. отношения между Узбеком и его старшим сыном Тинибеким испортились. Хан в это время периодически отправлялся отцом в далекие походы на восточные границы Золотой Орды, зато Джанибек (не без поддержки матери) стал пользоваться большой благосклонностью отца. Еще при жизни Узбека, в 1340–1341 гг., появляются монеты с именем Джанибека, что, как полагают исследователи, могло свидетельствовать о том, что фактически Джанибек был признан соправителем-наследником отца.⁶⁹⁴ В 1340 г. папа римский Бенедикт XII направил три письма в Золотую Орду — хану Узбеку, ханше Тайдуле и царевичу Джанибеку, что также свидетельствует об особом статусе последнего среди сыновей Узбека и других Джучидов.⁶⁹⁵ Вероятно, Узбек старался заменить прежнюю, довольно пагубную систему избрания хана из многочисленных царевичей-Джучидов наследованием трона от отца к сыну. Однако и его реформа в вопросе престолонаследия имела некоторые недостатки — например, хотя он под влиянием Тайдулы и склонялся в пользу Джанибека, Тинибек оставался все же старшим из сыновей Узбека⁶⁹⁶ и к тому же пользовался значительным влиянием в государстве, имея немало сторонников. По-видимому, Тинибек имел немало достоинств. Согласно Ибн Баттуте, он «наружностью был одним из красивейших созданий Аллаха»,⁶⁹⁷ отличался внешней привлекательностью, уже при жизни отца (в отличие от Джанибека) проявил себя как полководец, являлся покровителем искусства и литературы (ему было посвящено одно из наиболее известных произведений золотоордынского времени — поэма Кутба «Хосров и Ширин», написанная около 1340 г.).⁶⁹⁸ Однако Тайдула, вероятно, сочла, что при Джанибеке она сможет в большей степени сохранить и приумножить свое влияние на политические дела, и это стало приговором ее старшему сыну.

В момент смерти Узбека его старший сын находился в восточных областях Золотой Орды, но, получив известие о кончине отца, поспешил в столицу, чтобы занять трон, который, как он полагал, принадлежит ему по праву. Однако Тайдула, используя свое влияние, вероятно, смогла сделать Джанибека регентом на

период междоусобицы, и он настолько вжился в образ правителя, что, согласно арабским средневековым авторам, узнав о намерениях Тинибек, даже сказал матери: «Вот теперь является брат мой, чтобы отнять у меня царство». ⁶⁹⁹ Вместе с Джанибеком его мать начала привлекать на свою сторону золотоордынскую знать и к приезду Тинибек уже имела возможность оказать сопротивление намерению старшего сына провозгласить себя ханом.

Разные источники по-разному излагают обстоятельства перехода власти в 1341 или 1342 г. Согласно персидскому автору второй половины XIV в. ал-Ахари, между братьями началась гражданская война, Джанибек разгромил брата в сражении, взял в плен и казнил. ⁷⁰⁰ В арабской же «Биографии султана ал-Малик ан-Насира» сообщается, что, когда Тинибек приближался к ханской ставке, на встречу ему выехали несколько эмиров, которые сделали вид, что хотят присягнуть ему, но в момент принесения присяги окружили и зарезали его. ⁷⁰¹ Столь противоречивые версии свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что Тайдула и Джанибек старались скрыть истинные обстоятельства гибели Тинибек: неоднократно упоминавшийся выше Ибн Баттута сообщает, что Тинибек «был убит за постыдные дела» — вероятно, такова была официальная версия его гибели, исходившая от его матери и брата. ⁷⁰²

Еще до расправы со старшим братом Джанибек приказал взять под стражу и младшего — Хызрбека, который, как мы уже упоминали, по некоторым сведениям, также являлся сыном Тайдулы. После смерти старшего брата, новый хан расправился и с младшим. ⁷⁰³ Так Джанибек, благодаря поддержке своей властной матери, вступил на трон, переступив через трупы двух братьев, — что не помешало, впрочем, русским летописцам писать о нем как о «добром царе».

Что же до самой Тайдулы, не исключено, что, будучи тайной христианкой (если принять предположение А. П. Григорьева), она старалась замолить свой грех, связанный с предательством и участием в убийстве собственного сына (а возможно, и двоих), и именно в силу этого оказывала столь долгое и последовательное покровительство православной церкви. В чем же оно выражалось?

Уже вскоре после воцарения Джанибека, в 1343 г., в Золотую Орду прибыл глава русской православной церкви митрополит Феогност. Целью его визита было получение ярлыка, которым золотоордынские ханы, начиная с Менгу-Тимура, традиционно подтверждали привилегии русской церкви — в первую очередь, ее освобождение от налогов и повинностей. Однако митрополита

ждало разочарование: хан выдал ему ярлык, в котором лишал церковь ряда привилегий, повелев священнослужителям и монастырям платить некоторые налоги, от которых они были освобождены ранее. Самому Феогносту удалось выбраться из Орды и вернуться на Русь, лишь раздав даров на 600 руб. хану и его приближенным.⁷⁰⁴ Исследователи полагают, что Джанибек столь грубо нарушил чингизидскую традицию, согласно которой все религиозные конфессии освобождались от налогов, во-первых, потому что ему были нужны средства для многочисленных военных предприятий, во-вторых, потому, что в отношениях с Русью он в большей степени намеревался опираться на светских князей, а не на духовенство.⁷⁰⁵

Некоторое время спустя хан осознал необходимость пересмотра политики по отношению к церкви, однако у него не было формальных оснований выдать новый ярлык просто так, без всякого повода, вместо уже выданного ранее. И тут-то в дело вступила Тайдула. В 1347 г. она выдала некоему епископу Иоанну грамоту, в которой (со ссылкой на волю Джанибека) подтверждались прежние права и иммунитеты русской церкви.⁷⁰⁶ А в 1351 г. такая же грамота была выдана и самому митрополиту Феогносту.⁷⁰⁷ В результате вся русская православная церковь возвратила прежние льготы, привилегии и иммунитеты. Таким образом, хан проявил свою власть, а ханша — свое великодушие и щедрость, войдя в русскую летописную традицию как «заступница русской церкви». Излишне говорить, что ханшей двигали не только благие чувства по отношению к христианской церкви, но и возможность получить что-то с тех, в пользу кого издавалась та или иная грамота.⁷⁰⁸

Впрочем, связи Тайдулы с русскими княжествами не ограничивались покровительством православной церкви. Она вмешивалась и в политические отношения, иногда примиряя между собой соперничающих князей или даже княжества — опять же, вероятно, не без пользы для себя.

В 1346 г. на суд к Джанибеку явились два князя, претендовавшие на великое тверское княжение, — Всеволод Холмский (сын князя Александра, казненного Узбеком в 1339 г.) и его дядя Василий Кашинский (сын Михаила, казненного тем же Узбеком в 1319 г.). Согласно лествичному обычаю, трон должен был принадлежать старшему в княжеском доме, а таковым являлся князь Василий Михайлович. Однако Тайдула, принимавшая участие в ханском суде, вдруг заявила: «О безумные судьи, как неправо судите, лишая сына отцова достояния. Ибо кто ближайший есть,

как не сын после отца? А брат Александров имеет свой удел от отца и после него наследуют сыновья его. Когда в Орде было, чтобы вместо сына ханского после него брат был? Разве насилие и крамола». И Джанибек (сам занявший трон после своего отца) согласился с мнением матери, объявив великим князем тверским племянника в обход дяди.⁷⁰⁹

Вероятно, на рубеже 1340–1350-х гг. Тайдула вмешалась в уособицу московских и рязанских князей по поводу некоторых территорий, расположенных на границе этих двух княжеств. Чтобы прекратить конфликт, она просто-напросто взяла спорную область под свой контроль, направив туда для управления и сбора налогов собственных даруг (баскаков). Вероятно, до самой смерти Тайдулы в 1360 г. эта территория оставалась под ее властью, и некоторые исследователи считают, что название центра этой области, Тула, является производным от имени ханши. Еще в начале 1380-х гг. князья помнили о владычестве Тайдулы над этой областью — в докончании (договоре) 1382 г. между великим князем владимирским и московским Дмитрием Ивановичем Донским и великим князем рязанским Олегом Ивановичем содержится положение: «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Тайдуле, и коли ее баскаки ведали; в то ся князю великому Олгу не вступаться, и князю великому Дмитрию».⁷¹⁰

Исследователи полагают, что Тайдула периодически заменяла хана во время его разъездов и частых походов, занимаясь, в том числе и русскими делами.⁷¹¹ Ее роль в ордынско-русских связях при Джанибеке была столь велика, что русские летописцы упоминают ее как «царицу Занибекову», т. е. не как мать, а как жену хана Джанибека. Эта ошибка впоследствии нашла отражение и в позднейшей историографии: многие историки XIX–XX вв. также считают ее супругой, а не матерью Джанибека.⁷¹² Как супруга Джанибека упомянута Тайдула и в житии известного святителя — митрополита Алексия, с которым, согласно средневековой русской историографии, ее связывали особые отношения.

Надо полагать, знакомство ханши с митрополитом состоялось в 1354 г., когда Алексей ехал на поставление в Константинополь. Получив от хана Джанибека ярлык о признании его в митрополичьем сане, он обратился за проезжей грамотой, которая позволила бы ему без проблем следовать по ордынским владениям в Византию. По какой-то причине хан ему этой грамоты не дал, и святитель получил ее от Тайдулы.⁷¹³

Три года спустя Алексей вновь оказался в Золотой Орде по приглашению Тайдулы, и обстоятельства их встречи привлекают большой интерес исследователей, поскольку главным источником сведений о ней является сообщение из жития св. Алексея. Несмотря на то что это агиографическое сочинение, многие историки XIX–XX вв. (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Л. Н. Гумилев и др.) принимают изложенные в нем события как достоверные факты. Только в начале XXI в. исследователи, сопоставив сведения жития, сообщения русских летописей и данные восточных средневековых исторических сочинений, усомнились в том, что события развивались так, как сообщают авторы жития.

Согласно житию митрополита Алексея, в августе 1357 г. Тайдула заболела, практически ослепнув, и вызвала к себе Алексея, о благочестии и чудотворчестве которого была наслышана (в одной из версий жития ей даже приснился сон о митрополите и его славе).⁷¹⁴ Митрополит приехал и исцелил ее, причем в благодарность и прозревшая ханша, и хан Джанибек вместе со своим сыном Бердибеком оказали святому чудотворцу почет, выйдя к нему навстречу и одарив богатыми дарами, после чего он торжественно выехал обратно на Русь.⁷¹⁵ Красивая, но абсолютно нереальная версия поездки Алексея к Тайдуле убедительно опровергается данными восточных источников о ситуации в Золотой Орде, сложившейся к приезду митрополита.

В 1356 г. Джанибек-хан отправился на завоевание Азербайджана — области, за которую ордынские властители уже около ста лет воевали со своими родственниками, персидскими ильханами. Монгольский Иран в это время сотрясали междоусобицы, и Азербайджан, оказавшийся под властью Малика Ашрафа,⁷¹⁶ стал легкой добычей для золотоордынского хана. Триумфально войдя в Тебриз, Джанибек казнил Ашрафа и объявил Азербайджан частью Золотой Орды, поставив наместником области своего старшего сына Бердибека. Однако торжество было омрачено тем, что на обратном пути хан слег от какой-то таинственной болезни, вероятно, вызвавшей психическое расстройство. Он был срочно доставлен в свою ставку, и его стали лечить самые опытные лекари.⁷¹⁷

Вероятно, видя, что лечение не дает никаких результатов, Тайдула решила использовать последнее средство и обратилась к русскому митрополиту, который, вероятно, подобно многим священнослужителям, разбирался в медицине. По мнению

А. П. Григорьева, ханша, блюдя тайну об опасной болезни хана Золотой Орды, велела передать, что врачебная помощь нужна ей самой.⁷¹⁸ Д. Ю. Кривцов считает, что изначально никакой тайны из цели приезда Алексия не делалось: его вызвали к хану, однако он не сумел его излечить; и лишь впоследствии, создавая житие митрополита, его почитатели решили забыть о неудаче чудотворца и приписали ему излечение ханши.⁷¹⁹ Итак, даже вмешательство Алексия не помогло хану, который скончался 22 июля 1357 г. — такую дату называют восточные историки.⁷²⁰ Таким образом, дата, указанная в житии митрополита (август 1357 г.), также не соответствует реальным событиям (если только он не прибыл в Орду уже после смерти хана); тем более не могли выйти навстречу Алексию ни смертельно больной Джанибек, ни его сын Бердибек, оставленный наместником в Тебризе!

Впрочем, согласно сообщениям целого ряда источников, винить Алексия в медицинском непрофессионализме, возможно, и не следует: некоторые русские летописи, а также и восточные средневековые хроники сообщают, что Джанибек был умерщвлен своим сыном Бердибеком, причем невольной соучастницей в убийстве стала и Тайдула. Узнав о болезни отца, Бердибек самовольно покинул вверенный ему Азербайджан и срочно прибыл в ханскую ставку, чтобы успеть в случае смерти отца провозгласить себя ханом, пока это не сделал кто-нибудь из родичей. Хану донесли о приезде сына, он заволновался и обратился к матери за разъяснениями, но она, стараясь не беспокоить сына, убедила, что ничего особенного не случилось. Тогда Джанибек вызвал к себе одного из сановников, Тоглубая, чтобы выяснить, что же все-таки произошло, не подозревая, что тот и призвал Бердибека в ханскую ставку. Испугавшись, что хану все известно, Тоглубай приказал задушить его.⁷²¹

Тем не менее мы склоняемся к мысли, что Джанибек все же умер своей смертью, о чем сообщают восточные источники, а Бердибек даже не успел застать отца в живых.⁷²² В пользу этой версии говорит тот факт, что Алексей очень быстро (21 ноября 1357 г.) получил от Бердибека ярлык с подтверждением привилегий русской церкви, причем без изъятий, сделанных Джанибеком и, возможно, Узбеком.⁷²³ Исследователи не без оснований считают, что щедрость Бердибека, проявившаяся в его ярлыке, объяснялась тем, что Алексей так и не смог помочь его отцу.⁷²⁴

Несомненно, в пожаловании Бердибеком ярлыка, столь выгодного для русской церкви, значительную роль сыграла также и Тайдула — вероятно, и на этот раз не без выгоды для себя. Вместе

с тем, это событие стало последним в русско-ордынских отношениях, в котором она принимала участие. После 1357 г. источники о связях ханши с русскими князьями или церковью не упоминают.

Однако еще в течение нескольких лет она продолжала поддерживать контакты с другой ветвью христианства — католичеством, которое представляли в золотоордынских владениях как миссионеры-францисканцы, так и итальянские торговые колонии в Причерноморье. Судя по всему, и в контактах золотоордынских властителей с ними Тайдула играла важную роль.

III

Связи Тайдулы с католическим Западом известны не менее, чем ее контакты с русскими князьями и церковью. Известно, что еще в 1340 г. папа римский Бенедикт XII отправил ей персональное послание, в котором благодарил за покровительство францисканцам, проповедовавшим католичество в Золотой Орде, надеялся на то, что она продолжит милостиво относиться к ним и впредь, а также и на то, что она сама примет католичество и тем самым спасет свою душу.⁷²⁵ Известно, что только за первые два десятилетия правления Узбека (с 1314 по 1336 г.) число францисканских миссий увеличилось в десять раз.⁷²⁶ Несомненно, немалая роль в их развитии принадлежала Тайдуле, «ответственной» за связи с представителями христианских конфессий, и, вероятно, именно эта ее деятельность заслужила одобрение Бенедикта XII.

Впрочем, контакты Тайдулы с римскими папами и иными представителями католического духовенства зафиксированы в не столь значительном количестве, как ее связи с русской православной церковью. Можно предположить, что если Тайдула и была тайной христианкой, то она более тяготела к православию (хотя и не отказывала в покровительстве католикам, если это было ей выгодно). В гораздо большем объеме она развернула отношения с итальянскими торговыми республиками Венецией и Генуей и их колониями в Крыму и Северном Причерноморье, поскольку налоги с них стали одним из главных источников ее дохода.

Впрочем, о ее связях с итальянскими государствами в правление Узбека сведений мы не находим, что и понятно: этот хан впервые официально оформил взаимоотношения с Венецией только в 1332 г., когда венецианцы получили ханский ярлык на владение

участком земли в городе Азак (Азов).⁷²⁷ Поэтому активная деятельность Тайдулы в отношении итальянцев в Причерноморье (как и в отношении русских княжеств и русской церкви) начинается после вступления на ханский трон ее сына Джанибека.

В 1344 г. посланцы Венецианской республики, отправленные в Золотую Орду для улаживания конфликта, возникшего из-за ссоры венецианцев с ордынцами в Азаке,⁷²⁸ отписались в Венецию о том, что побывали на приеме у хана и у ханши-матери Тайдулы, достигли предварительных договоренностей, и теперь дело — за большим посольством.⁷²⁹ Из переговоров ничего не вышло, и в течение нескольких лет Венеция пребывала в состоянии войны с Золотой Ордой. Война завершилась компромиссом: итальянцы сохранили свою колонию, но их обложили более высоким торговым налогом.⁷³⁰ Для нас же важно, что имеются документальные подтверждения активной роли Тайдулы в развитии ордынско-итальянских дипломатических и торговых отношений. Влиятельность ханши нашла отражение и в переписке итальянских правителей с ордынскими монархами: например, венецианский дож Андреа в своем послании, направленном Тайдуле в 1349 г., обращается к ней как к «светлейшей и превосходнейшей государыне Тайталукатун, достопочтеннейшей повелительнице Татар...; здравия и совершения всех благ желает».⁷³¹

По-видимому, как раз в это время (на рубеже 1340–1350-х гг.) Тайдула получила от сына важный источник постоянного дохода: ей было позволено собирать ввозной налог с итальянских торговых кораблей, входивших в порт Азака.⁷³² Сведения об этом мы находим в еще одном ханском ярлыке — на этот раз уже изданном Бердибеком, внуком Тайдулы, в 1358 г. Ярлык подтверждал прежние привилегии венецианцев в Азаке, а одно из его положений гласило следующее: «Запрошенное Тоглубаем ханское пожалование “на оружие” в размере 3 сомов с каждого корабля венецианцев было получено. В личном указе Тайдулы-хатун подтверждается, что 3 сома с каждого венецианского корабля, прибывающего в Азов, выплачиваются Тоглубаю ее доверенными лицами не от имуществ ханской таможни, а из доли Тайдулы от всей суммы ввозной пошлины. У венецианских купцов ни Тоглубай, ни его доверенные лица на указанную цель ничего не должны запрашивать».⁷³³

Этот пассаж позволяет сделать интересные выводы относительно доходов Тайдулы в Азаке. Во-первых, она имела здесь собственную таможню со штатом чиновников, которые обеспечивали ей поступление сборов со всех венецианских кораблей, прибывавших

в город.⁷³⁴ Во-вторых, на этот ее источник дохода покусился ее внук Бердибек (пришедший к власти не при помощи бабки и, вероятно, не испытывавший к ней такого пиетета, как его отец Джанибек) и приказал ей выделить часть своих доходов в пользу своего фаворита Тоглубая. Мы выше отмечали, что Тоглубай оказал помощь Бердибеку в занятии трона. И даже если сообщение об убийстве им хана Джанибека было ложным, то практически все источники (и восточные исторические сочинения, и русские летописи) сообщают о том, что Бердибек уничтожил не менее двенадцати своих братьев и других родственников — опасных конкурентов в борьбе за трон. Позднее рассказывали, что Тайдула, держа на руках восьмимесячного брата Бердибека, просила, чтобы он пощадил хотя бы младенца, однако хан выхватил младенца из рук бабки и ударил оземь.⁷³⁵ Именно Тоглубай принял самое деятельное участие в устранении конкурентов Бердибека, в благодарность за что хан пожаловал ему право получать сбор «на оружие» в Азаке, причем сделал это не за счет собственной казны, а за счет доходов бабки, которая, по-видимому, опасалась противиться своему внуку и была вынуждена даже собственной грамотой подтвердить это распоряжение о выделении части своих доходов Тоглубаю. Впрочем, тот факт, что ни Бердибек, ни Тоглубай не попытались полностью отнять у нее право сбора налогов в Азаке, свидетельствует о том, что она продолжала сохранять власть и могущество в Золотой Орде.⁷³⁶

Еще раз влияние Тайдулы на ордынско-итальянскую политику проявилось через год, в 1359 г., в связи с очередным конфликтом между Золотой Ордой и венецианцами. На этот раз до войны дело не дошло, но конфликт оказался затяжным. В 1353 или 1354 г. ордынский купец Бачман отправился с Кипра в Крым на генуэзской галере и пострадал при захвате ее венецианцами, воевавшими в эти годы с Генуей: купца ограбили, причинив ущерб более чем на 10 000 динаров. Бачман обратился к хану Джанибеку, однако случай был частным, подобные инциденты нередко происходили в Средиземноморье, поэтому рассмотрение дела затянулось, и оно осталось нерешенным к моменту смерти этого хана, перейдя, соответственно, к его сыну и преемнику Бердибеку.⁷³⁷ Новый хан практически сразу после воцарения столкнулся с опасностью утраты трона (о чем мы еще скажем ниже), и ему было не до рассмотрения частных жалоб своих подданных. В конце концов, вспомнив, что его бабка Тайдула имеет весьма давний опыт взаимодействия с итальянцами, он переложил рассмотрение дела на нее, со своей

стороны лишь приказав взыскать компенсацию в пользу Бачмана в размере 500 сомов с венецианской колонии в Азаке.⁷³⁸

Эта колония только что восстановилась после уничтожения в результате венецианско-генуэзской войны, и такая выплата могла ее сразу же разорить, что прекрасно понимала ханша. А ей это было невыгодно, поскольку именно в Азове она получала доходы с торговых налогов. Поэтому она приняла, как ей казалось, весьма великодушное решение, из собственных средств выплатив компенсацию купцу Бачману. Однако ханша отнюдь не занималась благотворительностью и поэтому сразу же направила венецианскому дожу послание, в котором уведомила о своем решении, приложив «платежную ведомость» с указанием расходов, которые, как она надеялась, будут возмещены ей Венецианской республикой.

Эта ведомость весьма откровенно отражает истинные причины, побудившие ханшу компенсировать убытки пострадавшему купцу. Формально решая затянувшееся судебное дело, фактически Тайдула нашла повод и способ одарить своих родственников и чиновников. Из суммы в 550 сомов (около 11 000 безантов или динаров) самому Бачману досталось лишь 540 безантов, т. е. не более 5% от общей суммы (что, впрочем, полностью покрыло его потери). Зато Могул-Буга, бекляри-бек Золотой Орды и предполагаемый брат Тайдулы, получил 1156 безантов, т. е. вдвое больше, чем потерпевший, другой брат, Кутлуг-Буга, вместе с женой — 1105 безантов, Тимур, сын Могул-Буги, — 500 безантов, ряд других сановников и чиновников Тайдулы получил суммы от нескольких сотен до нескольких десятков безантов.⁷³⁹

Безусловно, такая «щедрость» Тайдулы не устраивала венецианцев, которые и сами могли бы компенсировать пострадавшему Бачману столь незначительную сумму, а спонсировать многочисленных родственников и чиновников ханши им совсем не хотелось. Однако платеж был уже произведен, и Тайдула поставила Венецию перед фактом. На основе сохранившихся документов нельзя установить, была ли произведена ханше компенсация, так что, вполне возможно, что потраченных средств ханша так и не получила.⁷⁴⁰ Однако нельзя сказать, что она зря потратила эти деньги, поскольку сумела укрепить свои семейные связи, а также контакты с крупными торговцами Причерноморья. И произошло это как раз накануне тяжелейшего политического кризиса в Золотой Орде, на ранней стадии которого Тайдула в очередной раз громко заявила о своем могуществе и влиятельности.

IV

На рубеже 1350–1360-х гг. в Золотой Орде начинается длительная гражданская война, длившаяся около двадцати лет и получившая в русских летописях название «замятня великая». Начало смуты традиционно относят к 1359 г., когда при невыясненных обстоятельствах скончался хан Бердибек, и с ним пресеклась ветвь потомков Бату.⁷⁴¹ Однако анализ источников дает основания не соглашаться с этим утверждением: многие потомки Бату уцелели, и, более того, именно они начали смуту.

Дело в том, что с начала XIV в. к власти приходили три поколения одного семейства из рода Бату (Узбек — Джанибек — Бердибек), причем каждый из них становился ханом в результате многократных убийств. Кроме того, Узбек и его преемники проводили политику жесткой централизации власти, которой (в сочетании с совершенными преступлениями) восстановили против этого семейства другие ветви Джучидов. Уже в 1358 г. против Бердибека выступил Кульна, которого мы считаем представителем рода Бату, но не из семейства Узбека. Он и был провозглашен ханом после смерти (или убийства) Бердибека в 1359 г.⁷⁴²

Подобно Тайдуле, Кульна, по-видимому, имел тесные контакты с русскими княжествами: по сведениям русских летописей, даже сыновей его звали Михаилом и Иваном.⁷⁴³ Единая политическая и религиозная ориентация могла бы способствовать сближению нового хана с могущественной вдовой Узбека, однако этого не произошло. Привыкшая к власти пожилая ханша не могла смириться с тем, что на трон вступил человек, который в силу происхождения мог позволить себе не считаться с ней, — он был прямым потомком Бату и вступил на трон в законном порядке, причем без помощи Тайдулы, и поэтому ничем не был ей обязан.⁷⁴⁴ Тайдула на какое-то время оказалась не у дел и пребывала в своей резиденции Гулистан — пригороде Сарая, которой владела еще с начала 1340-х гг., сохраняя свой статус вдовствующей ханши и, соответственно, свои владения, имущество, слуг и воинов-нукеров.⁷⁴⁵

Не желая так просто отдавать власть, которой она обладала в течение нескольких десятилетий, Тайдула решила возвести на трон представителя другой ветви потомков Джучи — не из рода Батуидов. Формально все потомки Джучи имели право на трон в Золотой Орде, однако в силу сложившейся традиции с 1266 г. трон принадлежал исключительно потомкам Бату, а остальные царе-вичи, таким образом, рассматривались исключительно как улусные

владетели, их права на трон были более проблематичны. На это и решила сделать ставку Тайдула: такой хан всецело зависел бы от поддержки ханши, которая возвела его на трон. Для придания большей легитимности новому хану Тайдула собиралась даже выйти за него замуж, для чего «покрасила волосы в черный цвет». ⁷⁴⁶

Выбор Тайдулы поначалу пал на Хызра — представителя рода Шибана, пятого сына Джучи. Однако этот царевич, по всей видимости, оказался несговорчивым и дал понять ханше, что не намерен делить с ней власть в случае воцарения. Тогда она обратила взор на представителя следующей по старшинству ветви Джучидов — Базарджи, потомка Тангута, шестого сына Джучи. ⁷⁴⁷ Этот царевич, вероятно, оказался более покладистым, и брак между ним и Тайдулой был заключен. Вскоре, в начале 1360 г., при поддержке влиятельной ханши Базарджи покончил с Кульной и вступил на трон под именем Мухаммада Наурусбека (в ряде источников фигурирует просто как Наурус).

Однако оказав поддержку Базарджи — Наурусу и возведя его на трон, Тайдула фактически и положила начало смуте: она создала прецедент, в соответствии с которым потомки всех сыновей Джучи получили равные права на трон и не замедлили предъявить их. Так началась двадцатилетняя «замятня великая», в ходе которой на золотоордынский трон претендовали потомки четырех сыновей Джучи — Бату, Тангута, Шибана и Туга-Тимура. ⁷⁴⁸

Первым из таких претендентов стал несостоявшийся жених Тайдулы — царевич Хызр из династии Шибанидов. Узнав о воцарении Науруса, он немедленно провозгласил себя ханом в своих собственных владениях и во главе многочисленных войск двинулся на Сарай. По пути к столице он начал ссылаться со столичной знатью, многие представители которой были недовольны возвращением к власти амбициозной вдовы Узбека, которая, по их мнению, «совратилась... на путь шайтана», и согласились бы заключить союз с кем угодно, лишь бы избавиться от нее. Хызр, по мнению сарайской знати, был не самой плохой альтернативой Тайдуле. ⁷⁴⁹ В результате, когда он подошел к Сарая летом 1360 г., местные аристократы со своими войсками изменили Наурусу, который был схвачен вместе со своим сыном Тимуром и казнен. ⁷⁵⁰

Что касается Тайдулы, то она также была убита Хызром, разделив судьбу своего супруга; ее второй брак продлился, таким образом, не более полугода. Летописцы упоминают, что во время этого переворота была «Муалбузина чадь... избиении быша»: по всей видимости, речь шла о подчиненных Могул-Буги, бекляри-бека

Золотой Орды и близкого родственника (брата?) Тайдулы, которые пытались ее защитить, но неудачно.⁷⁵¹ Русские летописи просто коротко отмечают, что Тайдула была умерщвлена Хызром в то же время, что и хан Наурус. Некоторые подробности ее смерти сообщает Утемиш-хаджи, хивинский автор середины XVI в., в сочинении «Чингиз-наме» (другое название — «Тарих-и Дост-султан»): «Посадили бегим [Тайдулу. — Р. П., И. П.] в крытые санки, полость крепко завязали и, заложив [в санки] бешеного жеребца, отпустили на все четыре стороны. Этот бешеный конь понес санки и бил [их] по оврагам и буеракам, пока бегим не погибла. Узбеки говорят: “Тай-Дуглы-бегим убил Хызр-хан”. Обстоятельства этого — таковы».⁷⁵² По мнению исследователей, тюркский автор мог опираться на недошедшие до нас золотоордынские исторические сочинения и даже воспоминания самих ордынцев.⁷⁵³ Однако трудно сказать, действительно ли Тайдула была казнена именно таким образом или же это был так называемый «кочующий сюжет», распространенный в степных преданиях Евразии. Однако факт остается фактом: летом 1360 г. престарелая Тайдула погибла.

Несомненно, это был ее выбор: она предпочла сама бороться за власть с риском погибнуть в этой борьбе, а не попытаться спастись и пережить смуту где-нибудь в безопасном месте. Именно так поступили другие женщины и дети из семейства Узбека, Джанибека и Бердибека, нашедшие убежище в Крыму, во владениях эмира Мамай — будущего знаменитого золотоордынского временщика, с именем которого тесно связано имя Тулунбек-ханум — героини нашего следующего очерка.

ОЧЕРК ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
ТУЛУНБЕК — ЖЕНЩИНА-ХАН
НА ТРОНЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
(УМ. 1386, ХАНША ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ОК. 1371–1372)

История Золотой Орды в период многолетней гражданской войны, которую русские летописцы называли «замятней великой», освещена весьма скудно, а имеющиеся источники нередко и противоречат друг другу. Сведения о некоторых золотоордынских правителях этого времени содержатся практически исключительно в дополнительных исторических источниках, чаще всего — в нумизматическом материале, т. е. золотоордынских монетах. Однако, сопоставив эти данные со сведениями письменных источников об этом периоде, порой можно пролить свет на биографию того или иного таинственного золотоордынского монарха эпохи гражданской войны 1360–1370-х гг. К их числу принадлежит и Тулунбек — единственная представительница рода Джучидов, официально обладавшая ханским титулом в это смутное время.

I

Сведения о происхождении Тулунбек в источниках отсутствуют, и поэтому исследователи предлагают относительно него самые разные гипотезы. Б. А. Ахмедов полагает, она принадлежала к роду Шибанидов.⁷⁵⁴ По версии А. П. Григорьева, Тулунбек вообще не принадлежала к ханскому роду, а была дочерью крымского (кырк-ерского) даруги Бек-Хаджи и в 1381–1382 гг. являлась соправительницей своего супруга Токтамыша.⁷⁵⁵ Некоторые авторы вообще склонны считать, что Тулунбек был ханом-мужчиной, или отождествлять Тулунбек с Тюляком — ханом, который якобы являлся ставленником Мамай в 1379–1380 гг., а на самом деле вообще не существовал.⁷⁵⁶ Ряд исследователей упоминают о Тулунбек и ее правлении, даже не пытаясь выяснить ее происхождение.⁷⁵⁷

Однако некоторые исследователи склоняются к мысли, что Тулунбек была ханской дочерью и супругой Мамай, которую он на короткое время возвел на трон Золотой Орды в период междоусобицы, чтобы не утратить контроль над государством, пока он подыскивал подходящего ставленника-царевича.⁷⁵⁸ Мы также склоняемся к этой версии и, исходя из нее, предпринимаем попытку реконструкции биографии Тулунбек.

Супруга Мамай являлась дочерью хана Бердибека, по данным арабского автора начала XV в. Ибн Халдуна, который, однако, не называет ее имени, упоминая просто как «Ханум».⁷⁵⁹ По данным же турецкого историка XVIII в. Абд ал-Гаффара Кырыми, супругу Мамай звали Бисулу-хануш, и она была дочерью хана Джанибека и, соответственно, сестрой Бердибека.⁷⁶⁰ К последней версии склоняется ряд исследователей,⁷⁶¹ однако к сведениям турецкого историка столь позднего времени, да еще во многом опиравшегося на предания крымских татар, следует относиться с осторожностью, и имеется больше оснований принять версию Ибн Халдуна.

По-видимому, Мамай женился на дочери Бердибека около 1359 г., когда хан оказался в сложной обстановке и нуждался в поддержке могущественных родоплеменных предводителей. Мамай принадлежал к роду кият, его прямые предки управляли Крымским (Солхатским) тюменом с начала XIV в., и после смерти своего родственника Кутлуг-Тимура около 1359 г. имел все основания полагать, что хан утвердит следующим правителем Крыма именно его. Однако Бердибек, возможно, поддавшись на уговоры своей бабки Тайдулы, сделал даругой Крыма ее родственника (предположительно, брата) Кутлуг-Бугу из рода кунграт. Обиженный Мамай вместе со своими многочисленными родственниками и нукерами ушел в свои родовые владения в Крым.⁷⁶²

Бердибек оказался в отчаянном положении, поскольку в это время его противники уже выдвинули против него нового претендента на трон, Кульну, и уход Мамай существенно ослаблял силы хана. Чтобы вернуть влиятельного эмира на свою сторону, хану было необходимо сделать ему весьма выгодное предложение. Сместить своего родственника Кутлуг-Бугу сразу после назначения он не мог, поэтому ему ничего не оставалось, как назначить Мамай своим бекляри-беком — военным министром и верховным главнокомандующим. А чтобы представители высшей золотоордынской знати не были возмущены столь неожиданной взлетом еще молодого (Мамаю к тому времени было,

вероятно, около 30 лет) и не самого родовитого эмира, хан сделал его еще и своим зятем-гургеном, тем самым вознеся на вершины сановной иерархии.⁷⁶³

Так, Тулунбек, родившаяся, вероятно, не позднее 1344–1345 гг., стала супругой крымского эмира, который, возможно, даже неожиданно для себя самого стал вторым лицом в Золотой Орде. Неизвестно, были ли в этом браке дети: известны имена и деяния нескольких сыновей Мамаю, однако кто была их мать (или матери), источники не сообщают.

Впрочем, взлет Мамаю оказался недолгим: как мы уже упоминали, в 1359 г. Бердибек скончался при невыясненных обстоятельствах, и новым ханом стал Кульна, который, конечно же, не сохранил ключевые посты в государстве за ставленниками своего предшественника. Мамаю некоторое время еще оставался в Сарае, находясь при дворе нескольких ханов, сменявших друг друга с калейдоскопической скоростью, и его супруга Тулунбек, вероятно, находилась при нем. Но в 1361 г., после очередного переворота, Мамаю почувствовал, что и над ним нависла опасность, а потому решил удалиться в свои родовые владения. Возможно, не без участия своей супруги, эмир взял на себя роль опекуна ханского семейства: он перевез в Крым женщин и малолетних царевичей из дома Узбека, Джанибека и Бердибека, укрыв их в своих владениях от возможных покушений со стороны представителей других семейств Джучидов.⁷⁶⁴

Поскольку очерк посвящен не Мамаю, а его супруге, мы не станем описывать многочисленные приключения эмира на его пути к власти в течение «великой замятни» — тем более что им уже была посвящена отдельная работа.⁷⁶⁵ Что касается Тулунбек, то она в течение всех 1360-х гг., по всей видимости, пребывала в Крыму вместе со своими родственниками — членами семейства Узбека и оставалась на положении всего лишь жены влиятельного эмира. Ее статус неожиданно изменился в начале 1370-х гг.

Около 1369 г. умер ставленник Мамаю — золотоордынский хан Абдаллах (прав. 1362–1369). Из числа потомков Узбека, обладавших в глазах населения Золотой Орды наибольшей легитимностью среди противоборствующих претендентов на трон, наиболее подходящим эмиру представлялся Мухаммад-султан, который и стал ханом, известным под именами Гияс ад-Дин Мухаммад-хан, Мухаммад-Булак или Тюляк (прав. 1370–1380). Однако, по некоторым сведениям, ко времени его вступления

на престол ему было всего лишь восемь лет,⁷⁶⁶ и Мамай вполне обоснованно полагал, что возведение ребенка на трон многие эмиры сочтут попыткой его, Мамаю (которого его первый хан Абдаллах вновь назначил бекляри-беком), захватить регентство при юном хане.

Поэтому он временно оставил Мухаммад-хана в своей ставке и пошел на беспрецедентный шаг, около 1371 г. провозгласив в Сарае ханшей свою супругу Тулунбек-ханум. Во-первых, она (несмотря на то что она находилась в прямой зависимости от своего супруга) была совершеннолетней и в регенте не нуждалась. Во-вторых, в глазах ордынского населения Тулунбек, по-видимому, обладала высокой степенью легитимности, поскольку по прямой линии являлась потомком трех поколений ханов, причем ее отец Бердибек, несмотря на все свои отрицательные качества, все же являлся последним действительно законным ханом Золотой Орды. Так, в 773 г. х. (1371/1372 г.) в Сарае ал-Джадид, столице Золотой Орды, состоялась интронизация Тулунбек-ханум, и от ее имени были отчеканены монеты с текстом «По повелению царицы Тулунбек-ханум, да продлится ее царствие».⁷⁶⁷ Примечательно, что ее воцарение признали не только прямые сторонники ее супруга Мамаю, но и многие эмиры и военачальники, сохранившие верность потомкам Бату. Исследователи упоминают, что монеты с именем Тулунбек в тот же период чеканились и в Мохше, где в это время правил эмир Тагай, в течение длительного времени отказывавшийся признавать власть сарайских ханов.⁷⁶⁸ По-видимому, даже он согласился подчиниться наследнице законной династии.

О правлении Тулунбек никаких сведений, кроме того факта, что она занимала трон, не имеется. Поэтому мы полагаем, что вскоре Мамай сумел убедить своих приверженцев и в том, что его следующий ставленник, Мухаммад-хан, является не менее легитимным государем. В результате тот остался единственным ханом, тогда как Тулунбек, в соответствии с планом супруга, просто-напросто отказалась от власти и вновь вернулась к частной жизни супруги эмира и бекляри-бека Золотой Орды.⁷⁶⁹ Однако стоит обратить внимание, что русские летописцы, сообщая о поездках русских князей к Мамаю, которого самого называют «князем», т. е. эмиром, упоминают о его «царицах».⁷⁷⁰ Вполне вероятно, что номинально Тулунбек сохранила статус ханши-правительницы, хотя никакими властными полномочиями и не обладала.

II

Как известно, в 1380 г. Мамай потерпел поражение от русских князей в Куликовской битве, в которой погиб и его хан Мухаммад-Булак. В результате, когда против бекляри-бека выступил очередной соискатель трона Токтамыш, потомок Туга-Тимура, тринадцатого сына Джучи, Мамай, при котором в тот момент не было хана, в глазах ордынцев превратился в узурпатора, противостоявшего законному хану-Чингизиду. Поэтому, когда войска Мамаю и Токтамыша встретились для битвы на р. Калке, большинство воинов бекляри-бека просто-напросто отказались сражаться и принесли присягу Токтамышу. Мамаю пришлось бежать в свои владения в Крыму, где он вскоре был убит — по одним сведениям, генуэзцами Кафы, по другим — воинами Токтамыша, отправленными за ним в погону.⁷⁷¹

Согласно русским летописям, когда Мамай обратился в бегство после того как его войска изменили ему и перешли к Токтамышу, новый хан Золотой Орды «шед взя Орду Мамаеву и царицы его и казны его и улусъ весь поима».⁷⁷² Упоминание мамаевых «цариц» вновь позволяет сделать вывод, что речь шла в первую очередь о его жене Тулунбек-ханум, которая, таким образом, попала в плен к Токтамышу.

По сообщению Абд ал-Гаффара Кырыми, супруга Мамаю, дочь Джанибека, была отдана ханом-победителем в жены его сподвижнику Урук-Тимуру (Руктимеру) из рода ширин, который якобы и убил Мамаю, притворившись, что намерен организовать его переговоры с Токтамышем.⁷⁷³ Однако следует отметить, что версия Кырыми никак не подтверждается другими источниками и вообще содержит много противоречий с более ранними историческими сочинениями; можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что она является пересказом предания крымских татар, а не отражением реальных событий.

Скорее всего, Тулунбек была взята в жены самим ханом Токтамышем, который, хотя и был Чингизидом, но не имел никакого отношения к семейству потомков Бату, поэтому его права на трон в глазах других Джучидов были как минимум не больше, чем у других потомков старшего сына Чингис-хана. Женитьба же на дочери Бердибека, которая к тому же и сама занимала ханский трон, существенно повышала степень легитимности Токтамыша в качестве хана.⁷⁷⁴ Неудивительно, что ему удалось вскоре объединить весь Улус Джучи под своей властью.

Естественно, Тулунбек не стала ни старшей женой Токтамыша, ни его соправительницей (как предполагал в свое время А. П. Григорьев⁷⁷⁵), по-видимому, не имея даже и той тени власти, какой обладала при своем первом муже Мамае. А под 1386 г. в русских летописях встречается следующее сообщение: «Того же лета царь Токтамыш убил самъ свою царицу, нарицаемую Товлунбека». ⁷⁷⁶ Что же могло послужить причиной такого решения хана?

Опять же, на основании косвенных сведений можно утверждать, что в Золотой Орде в 1386 или 1387 г. против Токтамыш-хана был устроен заговор. Кто его устроил и какие цели преследовали заговорщики — остается только догадываться. Известно лишь несколько фактов. Во-первых, известно, что примерно в это время от Токтамыша бежал один из его эмиров — Идигу из рода мангыт («Едигей» русских летописей).⁷⁷⁷ Во-вторых, под 789 г. х. (1387 г.) были отчеканены монеты с именем хана Бердибека. Одни исследователи полагают, что упомянутые монеты 789 г. х. чеканены от имени неизвестного еще хана Бердибека II, которого пытаются отождествить с одним из сыновей Токтамыша,⁷⁷⁸ другие вообще сомневаются в правильности прочтения имени эмитента или года чекана. На наш взгляд, на монете могло быть проставлено имя Бердибека — единственного известного хана с таким именем: проставив его на монете, заговорщики выразили свое намерение вернуть трон законной династии потомков Бату, которая прервалась со смертью отца Тулунбек-ханум.⁷⁷⁹

Заговорщики выбрали очень удачное время: Токтамыш как раз завершил объединение Золотой Орды под своей властью, восстановил сюзеренитет над отпавшими вассалами⁷⁸⁰ и приступил к повседневным делам управления. Однако, неплохо проявив себя как военачальник и собиратель земель, он, по-видимому, не сумел так же хорошо показать себя и в качестве администратора, вызвав недовольство тех, кто поначалу столь энергично поддержал его в борьбе с Мамаем и другими соперниками. Вероятно, этим недовольством и решили воспользоваться заговорщики, чтобы свергнуть пришельца с востока и заменить его одним из уцелевших представителей дома Бату — а может быть, и вернуть трон самой Тулунбек-ханум; не исключено также, что Тулунбек устроила заговор с целью отомстить своему второму супругу за убийство первого. Однако хан каким-то образом узнал о заговоре и казнил некоторых из его участников во главе со своей супругой, а некоторым (как Идигу) пришлось бежать. А чтобы подобных заговоров не было и впредь, уже зимой 1386–1387 гг. он вновь приступил

к завоеваниям, чтобы своими военными успехами вновь вернуть популярность среди подданных.

Тулунбек-ханум, единственная женщина, официально занимавшая трон Золотой Орды в качестве монарха, правила очень недолго и в течение своего царствования, в отличие от многих других «властительниц Евразии», не играла значительной роли в политике Золотой Орды. Первая же попытка увеличить свое влияние завершилась плачевно, и она поплатилась жизнью.

Ряд исследователей полагают, что казненная жена Токтамыша была матерью Джаныке-ханум — героини нашего следующего очерка. Почему возникло такое отождествление и почему это не так, мы постараемся разобраться ниже.

ОЧЕРК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ. ДЖАНЫКЕ — ХАНСКАЯ ДОЧЬ, СТАВШАЯ ЛЕГЕНДОЙ (УМ. 1437, ЗОЛОТАЯ ОРДА)

Как мы отметили в очерке о золотоордынской ханше Тайдуле, ряд сведений о ней носит легендарный характер, и очень трудно понять, что из них — отражение исторических фактов, а что — вымысел. Однако все эти сведения — как исторические, так и легендарные — все же повествуют о Тайдуле как о могущественной золотоордынской правительнице, всячески старавшейся укрепить свою власть. Что же касается героини настоящего очерка, то легенды о ней весьма существенно искажают ту роль, которую она сыграла в истории.

I

Джаныке была дочерью знаменитого хана Токтамыша и его старшей жены Тогайбек (Тагай-бика),⁷⁸¹ о которой следует сказать несколько слов, поскольку происхождение матери во многом предопределило последующую политическую деятельность и самой Джаныке.

Тогайбек была дочерью крымского феодала Бек-Хаджи (или Хаджи-бека), который в 1360–1380-е гг. являлся даругой области Кырк-Ер (другое название Чуфут-Кале, остатки которого сохранились рядом с Бахчисараем). Поначалу Бек-Хаджи признавал власть эмира Мамая, но, когда против временщика выступил хан Синей Орды Токтамыш, переметнулся на его сторону, в награду получив в 1380 или 1381 г. от нового хана ярлык, которым он и его племя получали значительные льготы.⁷⁸² Вероятно, вскоре после своей победы Токтамыш-хан женился на дочери Бек-Хаджи, чтобы еще больше укрепить связи со знатью Крымского полуострова. В этом браке родилось четверо сыновей и три дочери.⁷⁸³ Таким образом, Джаныке появилась на свет, вероятно, в начале 1380-х гг.⁷⁸⁴

Ряд авторов считает, что жена Токтамыша «Товлунъбека», убитая, по сведениям русских летописцев, своим мужем в 1386 г. — это и есть Тогайбек: одни считают, что она умерла естественной смертью,⁷⁸⁵ другие — что она стала жертвой «злобы» и «свирепости» Токтамыш-хана.⁷⁸⁶ Однако, как мы постарались показать в предыдущем очерке, речь шла совсем о другой супруге Токтамыша — Тулунбек, вдове Маая.

Мы уже не раз имели возможность убедиться, что ханские дочери зачастую становились орудием политической борьбы для своих отцов и братьев. Выдавая родственниц замуж за того или иного иностранного монарха или собственного влиятельного подданного, ханы Чингизиды укрепляли связи со своими новоприобретенными зятьями или, по крайней мере, обеспечивали их нейтралитет, что в некоторых условиях было не менее важно. Именно такую роль суждено было сыграть Джаныке-ханум.

Одним из сподвижников ее отца Токтамыш-хана в борьбе за власть над Золотой Ордой был эмир Идигу («Едигей» русских летописей), происходивший из правящего рода племени мангыт. После того как Токтамыш стал ханом, его соратник, вероятно, рассчитывал на получение поста бекляри-бека, но не получил его и поэтому, как уже упоминалось, присоединился к заговору Тулунбек, после подавления которого был вынужден бежать к Амиру Тимуру — некогда покровителю, а с середины 1380-х гг. — противнику Токтамыш-хана. В 1390–1391 гг. Идигу принял участие в походе Тимура на Синюю Орду, которая в результате вышла из-под власти Токтамыша. Ее новым ханом стал Тимур-Кутлуг — еще один потомок Туга-Тимура, сына Джучи, приходившийся к тому же племянником самому Идигу по линии матери. Фактически же власть в восточном крыле Золотой Орды перешла к эмиру мангытов, к которому вскоре стали стекаться его сородичи из других областей государства. Однако он не решался провозгласить себя ханом, потому что это было бы прямым вызовом степной правовой традиции, согласно которой на верховную власть могли претендовать только прямые потомки Чингис-хана. Поэтому, вероятно, около 1393–1394 гг. он вступил в переговоры с ханом Токтамышем и заключил с ним сделку: мангытский эмир номинально признавал власть хана, а тот передавал ему всю полноту власти в Синей Орде с правом сбора налогов в свою пользу.⁷⁸⁷

Чтобы столь широкие властные полномочия Идигу (не принадлежавшего к числу высшей знати Золотой Орды) выглядели более обоснованными, хан был вынужден отдать за него свою дочь

Джаныке.⁷⁸⁸ Надо полагать, это произошло около 1394–1395 гг. В этом браке родился сын Султан-Махмуд⁷⁸⁹.

На какое-то время соглашение между ханом Токтамышем и его новоиспеченным зятем обеспечило мирные отношения и относительное единство Золотой Орды. Однако после нового похода Амира Тимура в 1395–1396 гг. Токтамыш лишился трона, и Идигу, надо полагать, считал себя свободным от условий прежнего договора с ним. В течение 1397–1406 гг. он выдвигал своих ставленников на трон, пресекая попытки Токтамыша вернуть себе власть в Золотой Орде. Это соперничество закончилось поражением и гибелью Токтамыша. Согласно полулегендарным сведениям, отраженным в «Сборнике летописей» тюркского историка начала XVII в. Кадыр-Али-бия Джалаири, после разгрома ставки отца Джаныке уговорила супруга пощадить своего малолетнего сводного брата Кадыр-Берди — сына Токтамыша от наложницы-черкешенки.⁷⁹⁰

В течение нескольких лет после гибели Токтамыша Идигу оставался фактическим правителем Золотой Орды и старался вновь объединить ее под своей властью и восстановить ее бывшее могущество. Однако в 1411 г. против него восстал один из его же ставленников-ханов, Тимур-хан (сын Тимур-Кутлуга и, соответственно, внучатый племянник Идигу), и всемогущему временщику пришлось спастись бегством. Он нашел убежище в Хорезме, которым в это время управлял один из его многочисленных сыновей. Джаныке и ее сын Султан-Махмуд в это время находились с Идигу.

Тимур-хан вскоре был свергнут и убит Джалал ад-Дином, старшим сыном Токтамыша, родным братом Джаныке. Новый хан в 1412 г. отправил крупные силы для осады Хорезма. Не сумев взять хорезмскую столицу Ургенч с налета, хан начал переговоры с бывшим временщиком, обещая, что отведет войска, если Идигу выдаст его сестру Джаныке и своего сына Султан-Махмуда и признает самого Джалал ад-Дина ханом. Идигу поначалу согласился, однако вскоре сумел воспользоваться оплошностью ханского военачальника Газана (также женатого на сестре Джалал ад-Дина и Джаныке) и сумел самостоятельно снять осаду.⁷⁹¹

В результате Джаныке и ее сын остались при Идигу, который вскоре вновь сумел отчасти восстановить свое влияние в Золотой Орде. Во многом ему это удалось, благодаря тому что многочисленные сыновья Токтамыша больше боролись за власть между собой, а не со ставленниками мангытского эмира: Джалал ад-Дин в том же 1412 г. погиб в бою с собственным братом Керим-Берди, который в течение нескольких лет боролся с другим братом

Кебеком, а в 1416 г. погиб от руки еще одного брата — Джаббар-Берди, который и сам был убит годом позже.⁷⁹² В эти годы восточные хронисты вновь вспоминают о Джаныке.

Несомненно, она тяжело переживала, что ее супруг и братья воюют между собой (хотя, возможно, она и помогала Идигу контролировать Крым, опираясь на свои семейные связи). Поэтому в разгар междоусобной войны она решила совершить действие, необходимое для каждого правоверного мусульманина — отправиться в хадж, чтобы замолить грехи своих родных и близких, убивавших друг друга. Согласно арабским историкам XV в., Джаныке в конце 1416 г. прибыла в Дамаск в сопровождении свиты из трехсот всадников и вступила в переговоры с местными правителями о возможности совершить путешествие в Мекку. Для супруги могущественного Идигу было несложно получить такое согласие, после чего она и ее спутники присоединились к каравану сирийских паломников, вместе с которыми добрались до священного города мусульман.⁷⁹³

В 1419 или 1420 г. против Идигу выступил Кадыр-Берди — тот самый сын Токтамыша, которого Джаныке некогда спасла от смерти. Почти в одно и то же время оба соперника погибли: Идигу был тяжело ранен в сражении с приближенными Кадыр-Берди, его схватили собственные приближенные и выдали приверженцам семейства Токтамыша, которые его умертвили; а в то же самое время Кадыр-Берди погиб где-то в Крыму.⁷⁹⁴

В одном из предыдущих очерков мы говорили о Ханзаде, сестре Бабура, для которой активная политическая жизнь началась лишь после смерти супруга и собственного возвращения в родной дом. То же самое случилось и с Джаныке.

После смерти супруга Джаныке удалилась во владения своего деда — в Кырк-Ер, где и провела последние годы своей жизни. Не исключено, что она сама стала правительницей этой области или, по крайней мере, играла значительную роль в управлении ею наряду с другими потомками Бек-Хаджи. Царевна весьма уважалась местным населением, причем не только ордынцами-мусульманами, но и представителями других конфессий, проживавшими в этом городе. В частности, известно о ее покровительстве крымским караимам.⁷⁹⁵

Дочь Токтамыша и вдова Идигу, могла бы стать ценным союзником для любого из многочисленных соискателей трона Золотой Орды в 1420–1430-е гг. Несомненно, кое-кто из них и пытался привлечь царевну на свою сторону. Однако она упорно отказывалась покидать свое родовое гнездо, наконец поддержав одного из

претендентов — царевича Хаджи-Гирея из рода Туга-Тимуридов, предки которого с XIII в. владели уделом в Крыму, и, соответственно, его политические интересы были близки интересам самой Джаныке. При ее поддержке Хаджи-Гирею удалось установить контроль над значительной частью полуострова, а в 1433 г. в союзе с греческим княжеством Феодоро он смог пресечь попытки генуэзцев Кафы расширить свои крымские владения.⁷⁹⁶

Однако вскоре, в 1434 г., в Крым вторгся один из противоборствовавших золотоордынских монархов, Сайид-Ахмад б. Кебек, приходившийся внуком Токтамышу (и, соответственно, племянником Джаныке), и Хаджи-Гирею пришлось бежать.⁷⁹⁷ Однако нет сведений о том, что она решила поддержать своего близкого родственника, а, напротив, продолжала демонстрировать поддержку Хаджи-Гирею — более дальнему (он приходился ей четвероюродным племянником). Известно, что в 1437 г. Хаджи-Гирей был провозглашен ханом и даже чеканил собственную монету.⁷⁹⁸ Однако в том же 1437 г. Джаныке умерла,⁷⁹⁹ и Хаджи-Гирей, лишившийся ее поддержки, на долгое время покинул Крым, уступив его сопернику — хану Сайид-Ахмаду. Только к 1449 г. Хаджи-Гирею удалось в полной мере установить контроль над полуостровом. Это позволяет сделать вывод, что дочь Токтамыша и внучка Бек-Хаджи до последних дней оставалась влиятельной силой в Крыму, и ее поддержка имела решающее значение для других крымских владетелей.⁸⁰⁰

Джаныке была похоронена в Кырк-Ере, где до сих пор сохранился ее мавзолей (дюрбе), построенный в малоазийском стиле, характерном для крымского строительства того времени.⁸⁰¹

Такова история Джаныке на основании исторических источников. Однако в памяти населения Крыма она осталась под именем Ненекэ-Джан-ханым, героини, по выражению А. Л. Бертье-Делагарда, «нескольких вздорных мнимо народных рассказов».⁸⁰² Оставим на совести исследователя такую характеристику: на самом деле легенды и предания о Джаныке весьма интересны — в первую очередь, тем, что не имеют ничего общего с реальной золотоордынской правительницей.

II

Учитывая, что Джаныке была супругой могущественного эмира Идигу, неудивительно, что ее имя неоднократно встречается в посвященном этому деятелю героическом эпосе «Идегей», распространенном среди многих тюркских народов. Однако под именем

Джаныке в эпосе, как ни странно, выступает не дочь Токтамыша и жена Идигу-Идегея, а жена самого Токтамыша! В некоторых версиях эпоса Джаныке пытается совратить главного героя, а когда терпит неудачу, начинает восстанавливать мужа-хана против Идегея — этот кочующий сюжет известен еще с библейских времен: как известно, именно такая история случилась с Иосифом и женой Потифара.⁸⁰³

Раз за разом Джаныке наговаривает хану Токтамышу на Идегея, который из простого пастуха очень быстро становится судьей-бием и ханским сановником, убеждая в конце концов отравить его. А когда тот раскрывает это намерение, ханша обвиняет его в оскорблении хана, инициирует суд над ним и заставляет его бежать из владений Токтамыша.⁸⁰⁴ Примечательно, что впоследствии Джаныке играет практически ту же самую роль и в отношении Нурадына — сына Идегея, который остается в Золотой Орде после бегства отца.⁸⁰⁵

Историческая же Джаныке явилась прототипом царевны Ханеке — одной из дочерей Токтамыша и Джаныке (вторая, ее сестра-близнец, носит похожее имя Кюнеке).⁸⁰⁶ И хотя Токтамыш, пытаясь вернуть Идегея (естественно, чтобы расправиться с ним!), сулит отдать ему в жены обеих дочерей,⁸⁰⁷ в конце концов ни одна из них так и не становится женой героя эпоса.

Ханеке, однако, подобно реальной Джаныке-ханум, суждено сыграть роль орудия в борьбе между ханским семейством и Идегеем — хотя эта роль и сильно отличается от той, которая выпала на долю исторической Джаныке. После гибели своего отца Токтамыша от руки Нурадына, сына Идегея, Ханеке (а в некоторых версиях эпоса и ее мать Джаныке) вступает в сговор с первым советником Токтамыша Джанбаем, который предлагает ей поссорить Идегея с сыном и спровоцировать войну между ними. В соответствии с планом, Ханеке (с одобрения Идегея) становится женой Нурадына, но, когда тот приезжает в ее ставку, встречает его, подсунав под одежду кошму, чтобы притвориться беременной: на вопрос жениха о том, кто это с ней сделал, она отвечает, что это — Идегей. Как и ожидают заговорщики, Нурадын в гневе порывает отношения с отцом и выступает против него — это также весьма характерный для эпических произведений сюжет.⁸⁰⁸ В итоге Идегей и его сын погибают, равно как и потомство хана Токтамыша, что, несмотря на многочисленные вымышленные сюжеты, в общем-то, в значительной степени отражает исторические реалии. Образ реальной Джаныке, дочери хана Токтамыша, нашел

отражение в эпосе «Идегей» — хотя эта героиня, ханская дочь, действует под другим именем (Ханеке) и становится не женой главного героя, а лишь невестой его сына Нурадына.

Если в эпосе «Идегей» нашла отражение жизнь Джаныке при ханском дворе, то в легендах и преданиях Крыма отразился следующий этап ее жизни — пребывание на Крымском полуострове, в Кырк-Ере.

Среди крымских легенд имеется «Сказание о Джаныке из Кырк-ора», согласно которому Джаныке была всего лишь рабыней крымского (sic!) хана Токтамыша, по какой-то причине выдававшего ее за собственную дочь (это является единственным элементом легенды, имеющим отношение к историческому прототипу героини). Когда на Кырк-ор напали враги и осадили город, Джаныке вместе с одним из местных жителей, пастухом Али, стала носить воду через потайной ход, чтобы спасти городских детей. Однако, таская воду, она надорвалась и умерла, а местные жители со временем стали почитать ее как спасительницу и покровительницу Кырк-ора.⁸⁰⁹

Как видим, ханское происхождение Джаныке в этой легенде представлено весьма условно, и речи не идет ни о какой государственной деятельности и связи с историческими деятелями (в отличие от Джаныке и Ханеке в эпосе «Идегей»). Это и понятно, поскольку для Крыма Токтамыш (несмотря на брак с дочерью местного аристократа) всегда оставался чуждым правителем, а его появление на полуострове всегда влекло междоусобицы, войны, разорения и убийства.

Зато очень хорошо отражена связь Джаныке с городом Кырк-Ер (пастух Али даже прямо заявляет ей, что она никакая не ханская дочь, а местная уроженка), ее забота о нем. Несомненно, в легенде нашли отражение последние годы жизни Джаныке, когда она пребывала во владениях своего деда и его рода и всячески способствовала благоустройству города и его защите от любого из противоборствовавших золотоордынских ханов.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСТОРДЫНСКИЕ ГОСУДАРСТВА (XV–XVII ВВ.)

ОЧЕРК ДВАДЦАТЫЙ. НУР-СУЛТАН — ХАНША КАЗАНИ И КРЫМА (УМ. ОК. 1523, КАЗАНСКОЕ И КРЫМСКОЕ ХАНСТВА)

Уже к середине XV в. Золотая Орда распалась на ряд независимых друг от друга владений: из ее состава выделились Синяя Орда, Крымское, Казанское, Казахское ханства, несколько позже — Астраханское ханство, Ногайская Орда. Впрочем, несмотря на то что в каждом из этих государств правила самостоятельная ветвь Джучидов, их правители все еще продолжали питать надежды на то, что Улус Джучи некогда будет восстановлен. Важным шагом на пути к интеграции разрозненных владений становились родственные связи между разными династиями. Ханша Нур-Султан стала активной участницей этой политики, обеспечив сближение Казанского ханства, в котором правили ее сыновья, и Крымского, правителем которого был ее новый супруг.

I

Большинством государств, возникших к середине XV в. на территории распавшейся Золотой Орды, управляли ханы из разных ветвей многочисленного рода Джучидов. Однако не последнее место среди этих государств занимал Мангытский юрт, позднее известный под названием Ногайской Орды, в котором, в отличие от остальных постордынских государств, правили не Чингизиды, а потомки знаменитого золотоордынского временщика Идигу из рода мангыт, носившие титул биев (на ханский титул они не имели права). И хотя формально по знатности они уступали потомкам Чингис-хана, фактически нередко именно от их поддержки зависело вступление на трон и пребывание на нем того или иного отпрыска «Золотого рода». Поэтому многие сыновья, внуки и правнуки Идигу становились бекляри-беками в поздней Золотой Орде и постордынских государствах, а их сестры и дочери — даже ханшами.

К правящему роду Ногайской Орды принадлежала и Нур-Султан: она была дочерью мангытского князя Тимура (в средневековых русских источниках — «Темира»), внука Идигу.⁸¹⁰ Стараясь заручиться поддержкой могущественного мангытского (ногайского) князя, казанский хан Халил (внук Улуг-Мухаммада, считающегося основателем Казанского ханства) взял в жены его дочь Нур-Султан. Это произошло около 1464 г., так что можно предположить, что ногайская княжна родилась около 1450 г. Средневековые историки отмечают, что она была женщиной красивой, умной и властной и имела все качества, чтобы играть важную роль в политике ханства.⁸¹¹

Однако первый брак Нур-Султан оказался недолгим: в 1467 г. Халил-хан умер, не оставив потомства, и Нур-Султан, в соответствии с тюрко-монгольскими правовыми обычаями, стала женой его брата и преемника Ибрахима. Интересно отметить, что хотя Ибрахим к этому времени уже был женат, Нур-Султан все же стала его старшей женой, поскольку прежде также была супругой хана.⁸¹² В этом браке, оказавшемся более продолжительным, чем первый (Ибрахим умер в 1478 г.), у Нур-Султан родилось двое сыновей — Мухаммад-Амин (ок. 1468 г.) и Абд ал-Латиф (ок. 1474 или 1475 г.). Им обоим впоследствии предстояло стать правителями Казанского ханства.⁸¹³

Тимур, отец Нур-Султан, был весьма могущественным князем, к поддержке которого прибегали многие джучидские правители того времени. Известно, что в самом начале 1470-х гг. он был бежляри-беком при астраханском правителе Касиме, однако вскоре перешел на службу к золотоордынскому хану Ахмату (дяде Касима), при котором занял тот же пост. Как раз в это время великий князь московский Иван III начал предпринимать первые попытки вмешательства в дела Казанского ханства и установления над ним контроля. Поэтому Тимур, отец казанской ханши, стал подталкивать своего повелителя к войне с Москвой, чтобы ее правитель отказался от своих намерений. Возможно, именно с этими обстоятельствами был связан поход Ахмата на Русь в 1471 г., когда ордынскому хану удалось захватить и сжечь город Алексин.⁸¹⁴

Стоит отметить, что у Тимура были не менее влиятельные родственники. Даже между сыновьями Идигу в первой трети XV в. началось соперничество, а их собственные сыновья и внуки уже открыто противостояли друг другу. Серьезными соперниками Тимура в борьбе за власть над Мангытским юртом стали его двоюродные племянники — Муса и Ямгурчи, внуки Нур ад-Дина, старшего

сына Идигу. Им, конечно, не нравилось усиление влияния Тимура в Казанском ханстве, и они пожелали укрепить собственные связи с этим государством путем брака: старший сын казанского хана Ибрахима, Али,⁸¹⁵ женился на Каракуш — дочери Ямгурчи, получив, таким образом, поддержку со стороны мангытских правителей, враждебных семейству Нур-Султан⁸¹⁶.

Вражда между потомством Ибрахим-хана от разных жен проявилась сразу после его смерти в 1478 г.: в борьбе за трон столкнулись его сыновья Али и Мухаммад-Амин. Али имел преимущество как первенец покойного хана, однако его младший брат родился от старшей жены Ибрахима и на этом основании имел не меньше прав на трон. Али и его сторонники опирались на союз с Ногайской Ордой, фактическая власть в которой к этому времени принадлежала Мусе и Ямгурчи. Причиной этого союза были не только семейные связи, но и экономические интересы: благодаря ногайцам, Казанское ханство могло выходить на рынок Средней Азии, где одним из востребованных товаров являлись русские рабы. Таким образом, сторонники Али открыто демонстрировали враждебность Москве.⁸¹⁷ В попытке посадить на трон своего сына Нур-Султан пришлось опереться на их противников — сторонников союза с Москвой, несмотря на то что ее отец Тимур являлся ярым противником московского государя! Но в конце 1470-х гг. влияние Москвы на Казань было еще сравнительно слабым, поэтому московский ставленник Мухаммад-Амин не сумел занять трон, доставшийся его старшему брату Али. В изменившихся политических условиях Нур-Султан уже не могла оставаться в Казани и поэтому вскоре была вынуждена выехать на Русь, прибегнув к покровительству Ивана Третьего.

Отъезд Нур-Султан совпал с важными событиями в русско-ордынских отношениях: в 1480 г. состоялось знаменитое «стояние на Угре», с которым в российской историографии обычно принято связывать окончание зависимости Руси от Орды. Тимур, отец Нур-Султан, вскоре после отступления с Угры покинул своего хана Ахмата — к счастью для себя, поскольку зимой 1481 г. Ахмат был убит своими соперниками — шибанидским царевичем Ибаком из Синей Орды и его союзниками, ногайскими мурзами Мусой и Ямгурчи, которые и прежде уже боролись с Тимуром за контроль над Казанью.⁸¹⁸ В том же году Тимур откочевал в Крым, под покровительство местного хана Менгли-Гирея.

Вероятно, именно к нему примерно в то же время выехала в Крым и Нур-Султан, взяв с собой своего младшего сына,

шестилетнего Абд ал-Латифа, старший же, двенадцатилетний Мухаммад-Амин, остался при дворе московского князя, пообещавшего ханше приложить все усилия, чтобы возвести ее первенца на казанский трон. А пока ему был выделен удел с центром в городе Кашира.⁸¹⁹ С Мухаммад-Амином его матери было суждено увидеться лишь через тридцать лет.

II

Нур-Султан, подобно отцу, прибегнув к покровительству крымского хана, получила намного больше того, чего ожидала: Менгли-Гирей женился на ней, присвоив к тому же статус старшей жены. Вероятно, причиной этого статуса стало (как и в браке с казанским ханом Ибрахимом), что она уже была ханской супругой.

Исследователи называют разные даты заключения брака между Менгли-Гиреем и Нур-Султан. Одни высказывают предположение, что он состоялся уже в 1480 г.,⁸²⁰ другие называют 1485 г.,⁸²¹ третьи — 1486 или 1487 г.⁸²² Третья дата представляется наиболее вероятной, поскольку именно с этого времени в переписке московских и крымских монархов начинает фигурировать «большая царица» Нур-Султан.⁸²³

Почему же Нур-Султан, оказавшаяся при дворе Менгли-Гирея еще в начале 1480-х гг., стала его женой лишь спустя полдесятилетия? Причин могло быть несколько. Во-первых, уже в 1483 г. Тимур, отец ханши, откочевал из Крыма и вновь стал во главе своих владений (известных в русских источниках как «Темирев юрт»), по-видимому, начав проводить политику, враждебную Крыму. По крайней мере, известно, что около 1485 г. Менгли-Гирей совершил против него поход и разорил его владения. Однако под конец жизни Тимур, вероятно, вновь примирился с крымским ханом, около 1486 г. вернулся в Крым и вскоре умер.⁸²⁴ Вполне возможно, что в знак примирения с ногайским князем хан взял в жены его дочь. Во-вторых, не исключено, что именно к этому времени скончалась старшая супруга Менгли-Гирея, и только теперь он мог передать этот статус Нур-Султан: на меньшее она, побывав уже женой двух ханов-Чингизидов, скорее всего, не согласилась бы.

Как бы то ни было, около 1486 г. Нур-Султан, которой к этому времени было около 35–36 лет,⁸²⁵ стала старшей супругой одного из самых могущественных государей на постордынском пространстве. Вероятно, именно тогда ее братья Хусейн («Усеин») и Хасан («Асан»), а также двоюродный брат Джанкуват б. Дин-Суфи

обосновались в Крыму, получив обширные владения и высокий статус при ханском дворе. Последний из них даже позволял себе в переписке с московским князем Иваном III именовать его братом, причем заявлял, что если тот окажется старше по возрасту, то он, Джанкуват, признает его старшим братом, а уж если будет моложе, то самому Ивану III придется признать старшим братом Джанкувата.⁸²⁶

С 1486–1487 гг. Нур-Султан вступила в переписку с великим князем московским, которую она вела на протяжении более чем сорока лет — до 1519 г. (сначала с Иваном III, затем с его сыном и преемником Василием III).⁸²⁷ В своих посланиях она оговаривала, что пишет их «по цареву жалованию», т. е. с ведома и разрешения своего супруга Менгли-Гирея,⁸²⁸ следовательно, ей официально было предоставлено право участвовать во внешней политике ханства. В свою очередь, направляя послания и посольства к крымскому хану, Иван III, а затем и Василий III почти всегда направляли отдельные письма и ханше.⁸²⁹

На протяжении почти всего этого времени Нур-Султан стояла во главе «московской партии» при крымском дворе и всячески старалась отстаивать интересы Москвы в политике Крымского ханства. Ее влияние на Менгли-Гирея было довольно значительным, и он, несмотря на периодическое охлаждение отношений с московскими правителями, до самой смерти (в 1515 г.) в целом оставался союзником Руси. Естественно, ханша не могла не пользоваться своим положением и благожелательным отношением со стороны московского князя, чтобы не попытаться получить и практическую пользу: вместе с посланиями русских государей она получала и богатые дары — в первую очередь, меха и одеяния из них, а также коней и драгоценные камни. Причем в ряде случаев даже выражала недовольство количеством и качеством московских «поминков»: так, например, в 1491 г. она направила Ивану III послание, в котором раскритиковала мех двух соболей и потребовала заменить их более качественными.⁸³⁰ Однако подарки государей друг другу были взаимной обязанностью в рамках дипломатического протокола, поэтому и сама Нур-Султан старалась «отдариться» не менее статусными вещами. Пожалуй, наиболее известный из ее даров московскому союзнику — так называемое «тохтамышеву жемчужное зерно»: эта весьма крупная жемчужина, как полагают историки, была захвачена Тохтамыш-ханом при разорении Москвы в 1382 г. и в 1490-е гг. после долгой переписки передана Нур-Султан Ивану Третьему.⁸³¹

В 1494–1495 гг. Нур-Султан в сопровождении брата Хусайна и свиты в 50 человек совершила длительное путешествие на Ближний Восток, посетив Аравию, Египет (где ее с почетом принял местный правитель), Мекку и Медину. С этого времени она получила право на почетную приставку «хаджи», полагающуюся человеку, совершившему паломничество к святым местам (в дипломатических документах она нередко фигурирует как «Ази» или «Азеи»).⁸³² Примечательно, что иноходец, на котором она прибыла в святые для мусульман места, также был после этой поездки подарен Ивану III, что свидетельствовало о весьма уважительном отношении к московскому государю со стороны ханши, а через нее — и самого хана Менгли-Гирея.⁸³³

III

Тесные дружеские связи Нур-Султан с Москвой диктовались не только и не столько ее искренним расположением к московским государям и даже не тем, что ее третий супруг Менгли-Гирей был союзником Ивана III в борьбе с Золотой Ордой. Самой главной причиной ее московской ориентации была вполне понятная и естественная материнская забота о своих сыновьях — казанских царевичах и их интересах.

Мухаммад-Амин, как мы помним, после отъезда ханши в Крым остался при дворе Ивана III на положении не то заложника, не то «хана в изгнании». Еще до свадьбы Нур-Султан с Менгли-Гиреем, в 1484 г., московский государь предпринял попытку возвести царевича на казанский трон, и, хотя правление Мухаммад-Амина оказалось весьма кратковременным (в том же году ему пришлось возвратиться в Москву, вновь уступив трон старшему брату Али), Иван III пообещал, что и впредь будет стараться посадить его на ханский трон.⁸³⁴

В 1487 г. великому князю московскому удалось сдержать слово: Казань была захвачена его войсками, и Мухаммад-Амин был наконец-то возведен на трон. Али, его братья Худайкул и Малик-Тагир вместе со своими детьми и женами были пленены и вывезены на Русь, откуда уже никогда не вернулись в Казань.⁸³⁵ Исследователи не без оснований полагают, что окончательный триумф Ивана III над Казанью и возведение на трон его ставленника было связано с тем, что его казанскую политику поддержал крымский хан Менгли-Гирей — его союзник, который к тому же со времени брака с Нур-Султан имел личную заинтересованность в политических событиях в Казанском ханстве.⁸³⁶

Мухаммад-Амин, разлученный с матерью в двенадцатилетнем возрасте, по-видимому, не был с ней слишком близок. Время от времени он направлял почтительные письма ей и своему отчиму Менгли-Гирею, однако делал это весьма редко, за что его упрекала Нур-Султан в своих посланиях.⁸³⁷ До конца жизни ханша сохранила нежное отношение к своему старшему сыну, которого в переписке и с ним, и даже в письмах к Ивану III ласково называла «Багай». Однако даже материнская любовь не мешала ей признавать, что ее первенец не блещет умом, о чем прямо писала московскому князю: мол, у Багая «ума нет», и поэтому за него правят казанские «сильные временщики».⁸³⁸ Поэтому, когда Мухаммад-Амин решил жениться на Фатиме, дочери уже неоднократно упоминавшегося ногайского правителя Мусы, его мать Нур-Султан и Иван III целых три года (1487–1490 гг.) обсуждали условия этого брака с Мусой, прежде чем дать на него согласие, поскольку опасались, что при недалеком и безвольном правителе в Казани может возрасти влияние враждебных им ногайских князей.⁸³⁹

Не меньше забот доставлял Нур-Султан и младший сын Абд ал-Латиф, все эти годы находившийся с матерью при дворе Менгли-Гирея и официально усыновленный крымским ханом. Однако было вполне понятно, что ни на какое высокое положение в Крыму Абд ал-Латифу рассчитывать не приходилось: у Менгли-Гирея было множество собственных сыновей, многие из которых отличались большими амбициями и, уж конечно, не позволили бы малолетнему пасынку своего отца ущемить их права.⁸⁴⁰ Поэтому Нур-Султан вела переговоры и со старшим сыном, казанским ханом, и с московским государем Иваном III о дальнейшей судьбе Абд ал-Латифа, которого она в переписке ласково называла «Сатика».

Мухаммад-Амин согласился, чтобы мать отправила к нему младшего брата, однако ханша, по всей видимости, все еще беспокоилась, что ее старший сын недостаточно прочно сидит на казанском троне, и предпочла отправить Абд ал-Латифа ко двору великого князя московского.⁸⁴¹ Иван III обещал заботиться о царевиче и сразу же по приезде выделил ему в удел весьма значительный город Звенигород.⁸⁴² Нур-Султан неоднократно предупреждала великого князя, чтобы тот с осторожностью реагировал на приглашения Абд ал-Латифу из Казани: мол, если только его будут очень настоятельно и единодушно приглашать к себе казанские аристократы, тогда его можно отправить туда. Нур-Султан прекрасно понимала, что, как только младший сын прибудет в Казань, вокруг него могут сплотиться недруги Мухаммад-Амина и сделать

его своим знаменем в противостоянии с его же старшим братом.⁸⁴³ Надо отдать должное предусмотрительности ханши: ее сыновья ни разу не устроили междоусобицы, хотя обоим и довелось занимать ханский трон.

Правление Мухаммад-Амина в Казани многих не устраивало, и, когда в 1496 г. к городу подошли войска Мамука, хана Синей Орды (он был братом Ибака, который убил золотоордынского хана Ахмата), большинство казанских аристократов предало Мухаммад-Амина, и ему пришлось бежать в Москву. Иван III уже в 1497 г. вытеснил Мамука из Поволжья, но, идя навстречу пожеланиям своих казанских сторонников, не вернул трон Мухаммад-Амину, а отправил в Казань ханом его младшего брата Абд ал-Латифа, лишь незадолго до этого прибывшего к его двору.⁸⁴⁴

Оставшийся не у дел Мухаммад-Амин тем не менее не впал в немилость, хотя у Ивана III, без сомнения, имелись основания быть недовольным своим ставленником, не сумевшим удержать власть над Казанью. По всей видимости, из уважения к Нур-Султан и ее супругу Менгли-Гирею московский государь вновь передал бывшему казанскому хану во владение Каширу, прибавив к ней также Серпухов и Хотунь, привлекал его к службе в качестве воеводы. Впрочем, Мухаммад-Амин вообще не отличался воинственностью, и его командование войсками зачастую было номинальным. Так, в 1500 г. он был отправлен на Дон, на помощь Менгли-Гирею в противостоянии с золотоордынским ханом Шайх-Ахмадом, однако фактическое командование осуществлял князь Василий Ноздреватый; в боевых действиях против Литвы Мухаммад-Амин был назначен даже главнокомандующим, однако и тут фактическое руководство войсками принадлежало боярину Якову Кошкину.⁸⁴⁵

Между тем Абд ал-Латиф, поначалу не имевший никакого влияния на дела своего ханства, к 1500 г. начал активно вникать в дела Казанского ханства, причем под влиянием местных аристократов стал проводить явную антимосковскую политику. Сторонники сближения с Москвой донесли об этом Ивану III, и в 1502 г. в Казань прибыло великокняжеское посольство, которое низложило Абд ал-Латифа и вновь возвело на трон Мухаммад-Амина. Примечательно, что не возражал против смены хана и Менгли-Гирей: ведь любые действия казанцев против Москвы были на руку лишь Золотой Орде, которой крымский хан в это время готовился нанести последний удар.⁸⁴⁶

В отличие от Мухаммад-Амина, бывшего всего лишь слабохарактерным и неспособным к самостоятельному управлению,

его младший брат, воспитывавшийся при дворе крымского хана (и, следовательно, изначально не столь лояльный московскому правителю) пошел на открытое неповиновение и сговор с врагами Москвы. Поэтому великий князь не только не вернул Абд ал-Латифу прежнее владение, Звенигород, но и сослал в Белоозеро, где низложенный хан находился под арестом. Это решение Ивана III вызвало большое негодование Нур-Султан и Менгли-Гирея, который сразу же вступился за пасынка, которого называл «дитя наше», чтобы сделать приятное своей супруге. В послании к Ивану III он указывал на то, что Абд ал-Латиф не был захвачен им в плен, а прибыл в Москву по приглашению самого великого князя, который, опять же по собственной инициативе, назначил его ханом Казани и поэтому не может подвергать его опале. Хан требовал, чтобы Иван III вернул его пасынка из ссылки и либо вновь дал удел в своих владениях, либо отпустил в Крым к матери. Сама Нур-Султан также отправляла послания московскому государю, однако тон их был гораздо мягче — как и надлежало матери, беспокоившейся за судьбу сына.⁸⁴⁷

Иван III был уже готов пойти навстречу союзникам и простить Абд ал-Латифа, однако в 1505 г. и Мухаммад-Амин предпринял попытку восстать против Москвы: он оскорбил московского посла, ограбил русских купцов в Казани и даже предпринял поход к Нижнему Новгороду (от которого, впрочем, отступил, как только столкнулся с сопротивлением его защитников). И хотя вскоре новый великий князь московский Василий III, вступивший на трон после смерти отца в том же 1505 г., восстановил контроль над Казанью, выходка Мухаммад-Амина негативно повлияла на судьбу его младшего брата. В течение ряда лет Василий III продолжал держать Абд ал-Латифа под арестом, перевозя с места на место, то облегчая, то ужесточая условия его содержания. Лишь в январе 1509 г., после настоятельных просьб Нур-Султан, московский правитель наконец вернул ее младшего сына из ссылки — под поручительство самой ханши, а также Менгли-Гирея и его старшего сына Мухаммад-Гирея — и дал ему во владение город Юрьев-Польский (совр. Дертт).⁸⁴⁸

IV

Нур-Султан неоднократно пыталась навестить своих сыновей, с которыми оказалась разлученной так надолго. В 1498 г. она направила послание Ивану III с просьбой разрешить ей приехать

в Москву, чтобы увидеться с детьми, и московский государь уже готов был согласиться. Однако тут вмешался сам Менгли-Гирей, который написал Ивану III, что готов отпустить жену лишь при одном условии: если его московский союзник поручится, что не оставит ханшу в своих владениях, при сыновьях, а отправит ее обратно в Крым. Казалось, вопрос о приезде ханши на Русь уже был решен, но в 1500 г. опасно заболел Менгли-Гирей: полагали, что он может даже умереть, и Нур-Султан не рискнула уехать с полуострова, чтобы не утратить влияния в государстве в случае возможной смерти супруга.⁸⁴⁹

Только в 1510 г. уже пожилой ханше (ей было около 60 лет) наконец удалось встретиться со своими сыновьями. 21 июля 1510 г. Нур-Султан прибыла в Москву, где наконец увиделась с Абд ал-Латифом, которого не видела около пятнадцати лет. 20 августа того же года она впервые за 32 года прибыла в Казань, где после тридцатилетней разлуки встретила и с Мухаммад-Амином. Она провела в Казани около десяти месяцев и вернулась в Москву 22 июня 1511 г., а затем отправилась в Крым. Как оказалось, это была последняя ее встреча с сыновьями.⁸⁵⁰

Однако Нур-Султан была не только любящей матерью двух казанских ханов, но и супругой крымского монарха, поэтому в рамках этой поездки она содействовала далеко идущим планам Менгли-Гирея. К этому времени уже становилось очевидным, что ни у 42-летнего Мухаммада-Амина, ни у 36-летнего Абд ал-Латифа, формально считавшегося наследником брата, детей не будет. Поэтому ханша взяла с собой в поездку одного из своих младших пасынков — крымского царевича Сахиб-Гирея, фактически представив его в Казани как наследника трона после своих собственных сыновей.⁸⁵¹ Естественно, при московском дворе она эту цель своей поездки не афишировала, поскольку у Василия III имелись собственные планы насчет Казани.

В 1515 г. умер Менгли-Гирей, и на трон вступил его старший сын — уже весьма зрелый (ему было около 50 лет) и весьма амбициозный Мухаммад-Гирей-хан. И вскоре положение Нур-Султан при ханском дворе весьма ощутимо пошатнулось. Новый хан даже не пытался скрывать личную неприязнь к мачехе, что очень скоро проявилось и в материальном отношении — в 1516 г. по его приказанию у Нур-Султан были отобраны «ясаки», т. е. право взимания налогов и сборов с ряда областей. Ханша сначала попыталась бороться за свои права: она писала хану, что обладала этими правами по воле его отца, которую сын дерзнул нарушить.

Однако Мухаммад-Гирей, действуя вполне законно (любое распоряжение прежнего хана могло быть подтверждено или отменено его преемником), не стал рассматривать ее жалобу, а передал право сбора налогов с бывших владений Нур-Султан своему брату-калге (соправителю и наследнику) Алп-Гирею. Ханша попыталась сохранить лицо: в своей переписке с Василием III она написала, что добровольно уступила «ясаки» Алп-Гирею — якобы, чтобы убедить его отказаться от набегов на Русь.⁸⁵²

Однако ей не удалось ввести в заблуждение московского государя и его дипломатов: они понимали, что пик могущества Нур-Султан в Крымском ханстве миновал. Теперь самые почтительные послания и самые богатые подарки (после ханских) направлялись уже не Нур-Султан, а Нурун-хатун — супруге самого Мухаммад-Гирей-хана. Количество и качество подарков, направлявшихся из Москвы для Нур-Султан, оставляло желать лучшего, что вызывало многочисленные жалобы престарелой ханши, избалованной богатыми дарами за долгие годы переписки с Москвой.⁸⁵³ Но даже и эти подарки порой не доходили до нее: так, в том же 1516 г. Бахадур-Гирей, сын Мухаммад-Гирей-хана, со своими людьми силой забрал у русских посланцев дорогую шубу, предназначенную для Нур-Султан.⁸⁵⁴

Потеря ханшей влияния сказалась и на ее родственниках, пользовавшихся покровительством Менгли-Гирея и теперь впавших в немилость при его преемнике. Так, Хусайн, брат Нур-Султан, уже с 1515 г. упоминается не при крымском, а при казанском дворе. В 1516 г. Нур-Султан упомянула в послании Василию III, что владения другого ее брата, Хасана (Асана-мурзы), подверглись нападению астраханцев, чего те раньше себе, по-видимому, не позволяли.⁸⁵⁵

Тем не менее следует обратить внимание на то, что Нур-Султан, единственная из всех вдов Менгли-Гирея, продолжала состоять в переписке с великим князем московским и получать из Москвы дары.⁸⁵⁶ Либо она все же сохраняла определенное влияние (будучи формально главой «московской партии» при ханском дворе), либо же Василий III продолжал переписываться с ней из уважения к прежним заслугам ханши перед Москвой. Мухаммад-Гирей время от времени также демонстрировал москвичам поддержку мачехи, которую даже именовал «мати наша»: так, например, в 1515 г., когда Нур-Султан просила Василия III отпустить к ней ее сына, хан также писал московскому государю, что Нур-Султан якобы собирается отправиться в еще один хадж

в Мекку, а для этого женщину должен сопровождать муж или сын, в связи с чем просил отпустить к ханше Абд ал-Латифа.⁸⁵⁷

А в 1517–1518 гг. произошла самая большая трагедия в жизни Нур-Султан: один за другим скончались ее сыновья. В 1516 г. опасно заболел Мухаммад-Амин, и московские власти стали всерьез задумываться о том, что пора бы отправить в Казань его преемника Абд ал-Латифа, который в ноябре 1516 г. был освобожден из-под очередного ареста и сделан правителем Каширы. Однако уже в ноябре 1517 г. его, согласно русским летописцам, «в живых не стало», и ходили упорные слухи, что он был устранен по приказанию Василия III, который по-прежнему не доверял ему.⁸⁵⁸

В декабре 1518 г. в Казани скончался и Мухаммад-Амин. Правда, до Нур-Султан вести о его смерти, по-видимому, дошли с опозданием: в январе 1519 г. она в письме Василию III просила позволить ее человеку доставить послание также и в Казань старшему сыну.⁸⁵⁹

Это послание, кстати, было последним, которое она направила в Москву, что дает основание ряду историков считать, что в том же 1519 г. Нур-Султан скончалась.⁸⁶⁰ Однако еще в 1523 г. московский посол И. Колычев в своем отчете упоминал, что незадолго до этого к Нур-Султан ездили послы из Казани. Таким образом, ханша скончалась, скорее всего, не ранее 1522–1523 гг.⁸⁶¹

Со смертью сыновей Нур-Султан пресеклась мужская линия представителей первой династии Казанского ханства — потомков Улуг-Мухаммада. С этого времени за власть в Казани стали бороться две ветви рода Туга-Тимуридов (потомков тринадцатого сына Джучи) — крымская и астраханская. И не последнюю роль в этой борьбе сыграла царевна Гаухаршад, сестра Мухаммад-Амина и Абд ал-Латифа.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.
ГАУХАРШАД — ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ РОДА
УЛУГ-МУХАММАДА
(УМ. ОК. 1545, РЕГЕНТША КАЗАНСКОГО ХАНСТВА
1531–1533)

Со смертью Мухаммад-Амина в Казани пресеклась мужская линия потомков Улуг-Мухаммада, считающегося основателем Казанского ханства.⁸⁶² В живых оставались его брат по отцу Худайкул (умер в 1526 г.) и племянники, сыновья царевича Малик-Тагира (умерли к 1532 г.), но они, как уже упоминалось, были крещены в православие и, соответственно, уже не могли претендовать на престол мусульманского Казанского ханства.⁸⁶³ Однако в самой Казани еще в течение долгих лет продолжала жить Гаухаршад — дочь Ибрахима и сестра последних казанских ханов. Не имея права на ханский трон, она тем не менее в течение 1530–1540-х гг. играла едва ли не первую роль при ханском дворе, влияя на политику Казанского ханства и его соседей.

I

Гаухаршад (в русских летописях — «Ковгоршад» или «Горшадна») была дочерью хана Ибрахима (прав. 1467–1478), по-видимому, от его первой жены Фатимы, другой жены или наложницы, неизвестной по имени — по крайней мере, она не была дочерью ханши Нур-Султан, поскольку та никогда не упоминала о ней в своей переписке. Когда родилась Гаухаршад, неизвестно, поэтому единственным ориентиром служит дата смерти ее отца: царевна не могла родиться позднее 1478–1479 гг.

Нам также ничего не известно о ее жизни в период правления отца или братьев. Скорее всего, в правление Али она была еще слишком мала, чтобы на нее обращали внимание, а единокровные братья Мухаммад-Амин и Абд ал-Латиф были слишком заняты тем, чтобы удержаться на троне, поэтому тоже, вероятно, не участвовали в судьбе своей младшей сестры.

Источники не сообщают, была ли Гаухаршад замужем, поэтому трудно сказать, на какой клан среди казанской аристократии она изначально могла опираться и могла ли вообще. В любом случае о ее правах на казанский трон после пресечения династии не шло и речи.⁸⁶⁴

Поэтому когда в 1518 г. скончался хан Мухаммад-Амин, новый государь Казанского ханства прибыл из России — им оказался 13-летний царевич Шах-Али, родственник золотоордынского хана Ахмата (потомок его брата Бахтияра),⁸⁶⁵ до воцарения в Казани в 1519 г. около трех лет являвшимся правителем Касимовского ханства, вассального от Москвы. Даже русские летописцы отмечали, что назначение новым казанским ханом Шах-Али выглядело издевкой московского правительства над казанцами: он был не только малолетним, но еще и очень безобразным: «зело был взору страшного и мерзкого лица и корпуса, имел уши длинные, на плечах висящие, лицо женское, толстое и надменное чрево, короткие ноги, ступени длинные, скотское седалище».⁸⁶⁶

Неудивительно, что казанская аристократия с большим неодобрением приняла такого даже внешне неприятного государя, который к тому же находился в прямом подчинении московским властям. Уже в 1521 г. Шах-Али был свергнут и изгнан из города, причем, по мнению турецкого исследователя А. Н. Курата, Гаухаршад приняла деятельное участие в этом перевороте.⁸⁶⁷ На трон был приглашен Сахиб-Гирей б. Менгли-Гирей — тот самый крымский царевич, который еще в 1510–1511 гг. побывал в Казани вместе со своей мачехой Нур-Султан и фактически был представлен как потенциальный наследник Мухаммад-Амин-хана. Впрочем, и его правление оказалось недолгим, поскольку он оставался у власти лишь благодаря поддержке своего могущественного брата — крымского хана Мухаммад-Гирея, который взял курс на восстановление единства Золотой Орды. Сделав своего брата ханом Казани в 1521 г., годом или двумя позже (в 1522 или 1523 г.) он захватил также и Астрахань, где ханом стал его собственный сын Бахадур-Гирей. Однако вскоре Мухаммад-Гирей погиб в результате заговора ногайских князей, с большой тревогой наблюдавших за его усилением, и его преемники уже не имели возможности продолжать политику по консолидации Улуса Джучи. Сам Сахиб-Гирей, узнав о гибели старшего брата, оказался не в состоянии противостоять натиску Москвы и после неудачной попытки признать себя вассалом Османской империи в 1524 г. бежал в Крым, оставив казанским ханом своего 13-летнего племянника — Сафа-Гирея б. Фатх-Гирея.⁸⁶⁸

Семилетнее первое правление Сафа-Гирея в Казанском ханстве характеризовалось постепенным укреплением влияния крымской знати, которая прибыла в Казань еще с Сахиб-Гиреем и при его малолетнем преемнике фактически управляла государством. Под ее давлением повзрослевший хан все чаще и чаще демонстрировал враждебность Российскому государству, совершая набеги на его владения. В 1530 г. Василий III отправил против Казани многочисленное войско, во главе которого одних только воевод было около трех десятков. Согласно позднейшим русским летописцам XVII в., Сафа-Гирей потерпел от них поражение и в том же году бежал из Казани.⁸⁶⁹ На самом деле события развивались несколько иначе: московские войска осадили Казань, однако так и не сумели ее взять и заключили с Сафа-Гиреем мир.⁸⁷⁰ Воспользовавшись прекращением боевых действий, русский посол Иван Полев вступил в переговоры с «московской партией» казанской аристократии и начал готовить свержение хана, ставшего сильно непопулярным в Казани. Московские власти уже в декабре того же 1530 г. направили бывшего хана Шах-Али в Нижний Новгород, чтобы он прибыл в Казань сразу же после свержения Сафа-Гирея.⁸⁷¹ Однако хан узнал о заговоре и повелел схватить посла с его свитой, собираясь всех их предать казни. Намерение хана послужило поводом для восстания против него практически всего населения Казани: ни одна из противоборствовавших группировок казанской аристократии не желала ни враждебных отношений с Москвой (после только что установленного с трудом мира), ни дальнейшего усиления крымских аристократов в ущерб местной знати.

Именно в связи с этими событиями впервые в источниках упоминается царевна Гаухаршад, дочь Ибрахим-хана, которая, таким образом, вышла на политическую сцену, когда ей было уже более пятидесяти лет. Несомненно, ее принадлежность к потомкам Улуг-Мухаммада, первой казанской династии, сделала ее знаменем противников «крымской партии», однако фактически всеми действиями против Сафа-Гирея и его сторонников вместе с ней руководили влиятельные казанские аристократы — князь Булат из рода Ширин и мурза Кичи-Али. Кроме того, Гаухаршад благоразумно опиралась на поддержку мусульманского духовенства — на ее сторону стал его глава, казанский сейид.⁸⁷²

Восставшие отбили у Сафа-Гирея посла Ивана Полева и его спутников, а затем выставили из Казани самого хана, а многих его сторонников из числа крымских и ногайских мурз перебили. После этого Гаухаршад, Булат Ширин и Кичи-Али, возглавившие

своеобразное временное правительство Казани, направили посольство к Василию III от имени «всей Казанской земли», прося его прислать им нового государя. При этом в своем послании они настаивали на том, чтобы это оказался не Шах-Али, который, как они боялись, стал бы мстить казанцам за то, что они его прогнали десять лет назад.⁸⁷³ Московский государь весьма благосклонно принял посольство и положительно отреагировал на пожелание царевны и ее сподвижников: он направил в Казань в качестве нового хана Джан-Али — младшего брата Шах-Али. Его назначение московские власти сопроводили весьма циничным замечанием, что великому князю все равно, кто будет ханом — главное, чтобы он оставался верным вассалом Москвы.⁸⁷⁴ Впрочем, на этот раз московский государь повел себя более дипломатично, не став откровенно демонстрировать казанцам свой сюзеренитет: он пообещал строить отношения между Москвой и Казанью так, как это было при Мухаммад-Амине, а также возвратить всех казанских пленных, захваченных в результате похода 1530 г.⁸⁷⁵ Джан-Али прибыл в Казань в июне 1532 г., и ему принесли присягу, как писал Н. М. Карамзин, «все от царевны и сеита [казанского сейида. — Р. П., И. П.] до последнего гражданина с видом истинного усердия».⁸⁷⁶

Казалось, казанцам стоит уже привыкать к мысли, что ими управляют исключительно несовершеннолетние монархи: новому хану в момент воцарения было всего пятнадцать лет. По сообщениям летописцев, он был «тих и кроток», поэтому было вполне понятно, что реальной властью при нем станут обладать московские наместники и «городецкие» (т. е. касимовские) татарские мурзы, приведенные им из его прежнего ханства.⁸⁷⁷ Однако влияние Гаухаршад и ее сторонников оставалось весьма значительным, поэтому даже Василию III пришлось признать ее официальный статус регентши при малолетнем хане Джан-Али. В своих посланиях в Казанское ханство московские власти указывали адресата следующим образом: «Царю Еналею, царевне и Булату князю в головах».⁸⁷⁸ Пользуясь расположением московского правительства, Гаухаршад и князья Булат и Табай просили, чтобы москвичи не забирали из Казани пищали, которые оставались там после московского похода 1530 г.: временщики оправдывали свою просьбу необходимостью противостоять внутренним и внешним врагам. Обрадованный восстановлением контроля над ханством, Василий III разрешил казанцам оставить орудия.⁸⁷⁹

За период регентства Гаухаршад (1531–1533 гг.) при хане, который был «тих и кроток», практически ничто не омрачало

казанско-московские отношения за исключением интриг Шах-Али, которому не очень-то понравилось, что казанцы предпочли ему его же младшего брата, а ему самому пришлось довольствоваться Каширой и Серпуховом. Он вступил в переписку с казанской знатью, а также с астраханскими и ногайскими мурзами, стараясь привлечь их на свою сторону и обеспечить возвращение казанского трона. По-видимому, среди его адресатов была и сама Гаухаршад, которая, по некоторым сведениям, и сообщила московским властям о намерениях Шах-Али. В 1532 или 1533 г. он был арестован по обвинению в связях с иностранными государствами без ведома великого князя московского и вместе со своей семьей сослан в Белоозеро, а нескольких его сподвижников казнили.⁸⁸⁰

Свергнутый хан Сафа-Гирей был женат на дочери ногайского бия Шейх-Мамая и мог попытаться прибегнуть к помощи своих родичей-ногайцев для возвращения трона. Гаухаршад решила предупредить эту опасность, женив хана Джан-Али также на представительнице ногайского правящего рода.⁸⁸¹ В 1533 г. с согласия московских властей семнадцатилетний хан женился на Суюн-бике, дочери влиятельного ногайского князя Юсуфа. Формально женитьба делала его совершеннолетним, и регентство Гаухаршад официально завершилось.⁸⁸²

II

Однако фактически и Гаухаршад, и ее сподвижники князь Булат Ширин, мурза Кичи-Али, князь Табай и др. сохранили влияние в Казанском ханстве, хотя уже и не пользовались столь широкими полномочиями как до достижения ханом совершеннолетия. Джан-Али стал гораздо активнее вникать в дела государства, демонстрируя свое полное подчинение московскому великому князю. Так в 1534 г. он отправил свои войска, состоявшие из казанских татар, мордвы и черемис, на войну Москвы с Литвой — не как самостоятельный государь, а как вассальный правитель Русского государства.⁸⁸³

Такое положение совершенно не устраивало Гаухаршад и ее окружение, поскольку они вовсе не желали сменить крымское господство на аналогичное, но московское. Царевна и князя ставили своей целью союз с Москвой, но не полное подчинение ей, а сохранение независимого государства с учетом местных политических и правовых традиций. М. Г. Худяков полагает, что царевна сформировала нечто вроде «политического кружка»,

взгляды представителей которого можно охарактеризовать как националистические, т. е. стремление обеспечить учет национальных казанских интересов во внутренней и внешней политике. Соответственно, интересы Казани они ставили выше верности иностранному государю и даже собственному хану, которому присягнули.⁸⁸⁴

В 1533 г. Василий III умер, и великим князем стал его малолетний сын Иван IV (будущий царь Иван Грозный), при котором регентшей стала его мать — молодая великая княгиня Елена Глинская. Очень скоро она и ее правительство проявили несостоятельность во внутренней и внешней политике, что позволило казанским верхам подумать об изменении политической ситуации в ханстве.

В течение нескольких лет Гаухаршад и ее сподвижники вели переговоры с крымским ханом Сахиб-Гиреем и его племянником — свергнутым казанским правителем Сафа-Гиреем о возможности возвращения последнего на трон. Оба Гирея гарантировали царевне и казанским аристократам, что теперь с ними станут считаться, а не передадут все высшие посты в государстве представителям крымской знати. На этих условиях Гаухаршад, Булат Ширин, «улань» (князь) и мурзы соглашались вновь призвать Сафа-Гирея на трон Казанского ханства.

25 сентября 1535 г. Гаухаршад, князь, мурзы и «вся Казанская земля» изменили московскому князю. Джан-Али, как и два его предшественника, был выдворен из города, однако когда он оказался в Старой Казани («Ички-Казань» — предположительно загородная резиденция казанских правителей), то был убит. Как полагают исследователи, это убийство хана было совершено вне стен города, чтобы не спровоцировать вооруженного конфликта между сторонниками и противниками московского ставленника.⁸⁸⁵ При этом царевна и ее сподвижники, по-видимому, постарались заявить о своей непричастности к убийству хана, распространяя слухи, что он был убит «лихими людьми», которые затем бежали в Астрахань.⁸⁸⁶

В город вновь въехал Сафа-Гирей, при котором было создано коалиционное правительство из представителей как крымской и ногайской, так и собственно казанской знати. Гаухаршад продолжала сохранять влияние в ханстве, как и ее сторонники во главе с Булатом Шириним. Однако на этот раз они уже не пользовались поддержкой «всей Казанской земли»: более пятисот одних только князей и мурз покинули столицу ханства и выехали на Русь.⁸⁸⁷ По

мере укрепления своего положения Сафа-Гирей вновь стал открыто демонстрировать союз со своим дядей, крымским ханом Сахиб-Гиреем, и враждебность по отношению к Москве. Одновременно хан все более и более старался отстранить от власти Гаухаршад, Булата Ширина и их союзников.

Сафа-Гирей совершил несколько набегов на Москву, что спровоцировало ответные действия московских властей. В 1541 г. крымский хан решил совершить большой поход против Русского государства, причем официальным поводом для его выступления стала именно защита интересов Казанского ханства, где правил его племянник. Однако из-за разлада между ханом и крымской знатью поход закончился неудачей, и Сафа-Гирей остался один на один с московскими войсками.⁸⁸⁸

В отчаянии он был вынужден пойти на мировую с царевной и князем Булатом, которые в мае 1541 г. вступили в переговоры с Москвой: Гаухаршад, будучи ханской дочерью, направила официальное послание самому Ивану IV, а Булат Ширин — его временщику Дмитрию Бельскому. Смысл посланий был одинаков: царевна и князь просили московского государя «отдать вины», т. е. простить прежнюю измену и враждебные действия и заключить с Казанью мир.⁸⁸⁹

Пользуясь ослаблением хана после неудачи 1541 г., Гаухаршад и ее сторонники стали вновь подумывать о смене хана, и московские власти готовились оказать им всяческое содействие, направив под Казань свои войска. Однако в 1542 г. Дмитрий Бельский, фаворит Ивана IV, был лишен власти могущественным кланом князей Шуйских и отправлен в ссылку, а новые временщики, занятые борьбой с другими боярскими кланами, оказались не в состоянии собрать войска, необходимые для похода. Известия о событиях в Москве ободрили Сафа-Гирея, который сумел вновь укрепить свое положение, а Гаухаршад и князю Булату пришлось отказаться от планов по смещению его с трона.

Тем не менее методы управления государством, к которым прибегал Сафа-Гирей все больше и больше восстанавливали против него казанскую знать и население. Известно, что в 1545 г. против хана вновь сформировалась серьезная оппозиция, которая опять собиралась обратиться к Москве с просьбой о помощи в свержении крымского ставленника, и московские власти начали очередной поход на Казань. Однако хан узнал о заговоре и жестоко расправился с его участниками.⁸⁹⁰ Именно с этого времени имена Гаухаршад и Булата Ширина перестают упоминаться

в источниках. Одни исследователи нейтрально упоминают, что они просто «сошли с политической сцены»,⁸⁹¹ другие прямо утверждают, что они были казнены Сафа-Гиреем по обвинению в измене.⁸⁹² Нельзя исключать подобный вариант, однако вполне вероятно, что царевна, которой к этому времени было уже не менее 66 лет, могла умереть своей смертью, и именно в результате ее кончины ослабленная оппозиция была разгромлена ханом. Впрочем, год спустя, в 1546 г., ее сторонникам все же удалось вновь изгнать Сафа-Гирея из Казани и заменить его московским ставленником Шах-Али...

В «Казанском летописце», самые древние списки которого датируются XVII в. и который в большей степени является публицистическим произведением, нежели летописным, Гаухаршад приписываются некие магические способности. Автор «Летописца» утверждал, что она «грамоте татарстеи научена бысть, бесовскому мечтанию и волхованию» и, благодаря своим способностям, предрекла, что через шестнадцать лет Казань не сможет более противостоять Москве и будет окончательно покорена, а затем наступит черед и других татарских «царств».⁸⁹³ Этот пассаж, несомненно, отразил реальные события: в 1552 г. Казанское ханство прекратило существование в качестве самостоятельного государства. Однако этому предшествовали несколько лет упорной борьбы с московской экспансией, и не последнюю роль в этих событиях сыграла ханша Суюн-бике — фактически последняя правительница независимой Казани.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
СЮЮН-БИКЕ — СУПРУГА ТРЕХ
КАЗАНСКИХ ХАНОВ
(УМ. ОК. 1557, РЕГЕНТША КАЗАНСКОГО ХАНСТВА
1549–1551)

Судьбы Суюн-бике и ханши Нур-Султан, ее родственницы, имеют ряд сходств: обе они трижды выходили замуж, и их сыновья занимали казанский трон. Однако, в отличие от Нур-Султан, судьба Суюн-бике оказалась связанной только с Казанским ханством, и именно ей выпала сомнительная честь стать его последней фактической правительницей. Возможно, именно из-за этого она стала героиней многих казанских преданий и легенд, в которых, как это чаще всего и бывает, ее образ имеет весьма мало общего с реально существовавшей правительницей.

I

Суюн-бике (Сююмбике, в русских источниках — Сумбека, имя переводится как «сиятельная госпожа»⁸⁹⁴) была дочерью влиятельного ногайского мурзы Юсуфа, сына знаменитого бия Мусы и, соответственно, приходилась ханше Нур-Султан внучатой племянницей в четвертой степени.

В 1532 г. начались переговоры между Казанью и Ногайской Ордой о браке Суюн-бике с шестнадцатилетним казанским ханом Джан-Али, и с согласия Москвы в 1533 (или 1534) г. она была выдана за него замуж. Скорее всего, к этому времени ей было от двенадцати до пятнадцати лет, соответственно, она родилась приблизительно между 1518 и 1521 гг.⁸⁹⁵

Юсуф, отец Суюн-бике, был одним из влиятельных ногайских мурз — потомков Идигу, хотя в то время и не возглавлял Ногайскую Орду (правителем был его старший брат Мамай-мурза). Владения Юсуфа находились в Северном Казахстане, поэтому не вполне ясно, почему именно на его дочь пал выбор казанской знати как на будущую жену юного монарха. По мнению В. В. Трепавлова,

дочь Юсуфа привлекла внимание царевны Гаухаршад и ее окружения именно потому, что ее отец не имел никакого отношения к казанским делам, не был связан с Крымом и, соответственно, с изгнанным ханом Сафа-Гиреем; не исключено и то, что именно у него, единственного из ногайских князей, в тот момент была дочь на выданье.⁸⁹⁶ Кроме того, этот брак позволял Юсуфу рассчитывать на то, что его многочисленные сыновья смогут занять высокое положение в Казанском ханстве: у Суюн-бике было восемь братьев, и, учитывая, насколько разросся к тому времени род Идигу, рассчитывать на многое в самой Ногайской Орде им не приходилось.⁸⁹⁷

Для юных супругов этот брак, заключенный по воле казанской аристократии и ногайских князей, да еще и с согласия великого князя московского, не стал счастливым. Несмотря на то что Суюн-бике, согласно средневековым историческим сочинениям, отличалась красотой и умом,⁸⁹⁸ хан, вероятно, так и не смог смириться с тем, что она была буквально навязана ему покровителями, и не делал тайны из своей неприязни к супруге. В 1535 г., по сообщению московского посла в Ногайской Орде Данилы Губина, ханша писала своему отцу, что муж ее не любит.⁸⁹⁹ Естественно, это беспокоило мурзу Юсуфа и не способствовало росту его любви к зятю. По некоторым сведениям, именно отец Суюн-бике стал подстрекать казанцев к убийству Джан-Али.⁹⁰⁰

В том же 1535 г., как уже отмечалось в предыдущем очерке, Джан-Али погиб в результате государственного переворота. После его смерти Суюн-бике оставалась в Казани, и прежний хан Сафа-Гирей, вернувшись на трон, женился на ней, прельщенный ее красотой.⁹⁰¹ Впрочем, наивно было бы полагать, что он не учитывал и политических перспектив брака с ногайской княжной.

В новом браке Суюн-бике не стала главной женой, несмотря на то что уже успела побывать ханшей. Согласно русским сочинениям о Казанском ханстве, составленным в XVI–XVII вв., у Сафа-Гирея (которому ко времени второго воцарения в Казани исполнилось 24 года) уже было четыре жены: дочери астраханского и сибирского ханов, дочь крымского князя из рода Ширин и некая русская пленница также княжеского происхождения, и Суюн-бике стала всего лишь пятой женой.⁹⁰² Вряд ли стоит относиться к этим сведениям с полным доверием: из документов XVI в. известно, что Сафа-Гирей первым браком был женат на дочери Мамай, правителя Ногайской Орды (по другим сведениям — его брата Шейх-Мамай, также впоследствии возглавившего Орду), у которого и нашел убежище после изгнания из Казани в 1531 г.⁹⁰³

Брак между Сафа-Гиреем и Суюн-бике поначалу вызвал негативное отношение мурзы Юсуфа и его многочисленных сыновей. В своем послании московскому великому князю в 1546 г. они с осуждением писали, что хан фактически насильно взял их дочь и сестру в жены.⁹⁰⁴ Однако именно Юсуф в том же 1546 г. предоставил убежище Сафа-Гирею, вторично изгнанному из Казани сторонниками союза с Москвой. Низложенный хан прибыл в Ногайскую Орду со своими женами и детьми и был достаточно радушно принят своим тестем и шурьями. Они даже согласились помочь ему в отвоевании трона — правда, при условии, что под их контроль отойдут значительные территории Казанского ханства, в частности — Горная и Арская сторона, т. е. обширные территории, населенные чувашами и башкирами. Чтобы хан не поддавался соблазну нарушить свое обещание, его жены и дети остались в Ногайской Орде в качестве заложников.

Несмотря на договоренность, Юнус-мурза, старший сын Юсуфа и брат Суюн-бике, даже подходя во главе своих войск, все еще колебался — стоит ли рисковать, помогая хану, в надежде на то, что тот выполнит обещание, или же лучше умертвить Сафа-Гирея и, вступив в сделку с новым ханом, московским ставленником Шах-Али, выдать Суюн-бике за него замуж и получить те же территории. Впрочем, вскоре пришла весть, что Шах-Али бежал из Казани, услышав о приходе ногайцев, поэтому брату Суюн-бике не пришлось делать выбор.⁹⁰⁵

Юнус-мурза, восстановив Сафа-Гирея на троне, некоторое время оставался в Казани, вероятно, претендуя на главенствующее место при ханском дворе. Однако крымская аристократия, окружавшая Сафа-Гирея, не позволила ему реализовать свои честолюбивые замыслы, и Юнус вскоре вернулся в Ногайскую Орду. Подобное пренебрежение к сыну вновь привело к ухудшению отношений Сафа-Гирея с Юсуфом, что вскоре вызвало негативные последствия для всего Казанского ханства.⁹⁰⁶

II

В марте 1549 г. Сафа-Гирей, который к этому времени стал злоупотреблять спиртным, пошел умываться, но, будучи в состоянии опьянения, поскользнулся и ударился головой об умывальник, в результате чего тут же и умер. Ему было всего 38 лет (по другим сведениям — 42 года).⁹⁰⁷ Согласно вышеупомянутым русским сочинениям о Казани, большинство его жен после его

смерти разъехались по своим родным краям, и в Казани оставалась только Суюн-бике.⁹⁰⁸

После Сафа-Гирея осталось несколько сыновей. Старшие (вероятно, родившиеся от дочери ногайского правителя Мамая), Булюк-Гирей и Мубарак-Гирей, в это время находились в Крыму. Казанцы сразу же обратились к крымскому хану Сахиб-Гирею — дяде и сюзерену покойного Сафа-Гирея, чтобы он отправил к ним Булюк-Гирея в качестве хана. Однако у Сахиб-Гирея были другие планы: он планировал сохранить и Крым, и Казань за своим собственным родом, не допустив к власти потомство своих братьев, поэтому Булюк-Гирей вместо отправки в Казань был заключен вместе с братом в Инкерманскую крепость.⁹⁰⁹

В Казани оставались двое детей Сафа-Гирея: первый — сын от русской пленницы, который, по всей видимости, даже не рассматривался как кандидат на трон; вторым был сын Суюн-бике, Утемиш-Гирей, родившийся в 1546 (по другим данным — в 1548 или 1549) г.⁹¹⁰ Именно его казанцы и возвели на трон, а его мать официально стала регентшей при малолетнем хане.⁹¹¹

Согласно преданиям (к которым с доверием относятся некоторые современные авторы), Суюн-бике после смерти мужа активно включилась в государственную деятельность, стала укреплять Казань и собирать войска со всего ханства для защиты столицы, поскольку вполне осознавала, что московские власти используют в полной мере момент смены хана в Казани, чтобы восстановить контроль над ней.⁹¹² Однако на самом деле Суюн-бике была лишь номинальной правительницей, фактически же после смерти Сафа-Гирея ничего не изменилось: у власти по-прежнему оставались представители крымской аристократии, во главе которых стоял Кучак-оглан (в русских источниках — «Кошак улан»). Авторы русских повестей о Казани утверждают, что он являлся любовником Суюн-бике и именно поэтому обрел всю полноту власти.⁹¹³ Противники крымской партии даже распространяли слухи, что Кучак намеревался умертвить Утемиш-Гирея, жениться на Суюн-бике и стать ханом.⁹¹⁴ Однако исследователи сомневаются, что между регентшей и огланом действительно была любовная связь, скорее всего, Кучак осуществлял управление, опираясь на крымскую гвардию, во главе которой он стоял в период регентства Суюн-бике.⁹¹⁵ И, в отличие от преданий, источники сообщают, что в это время Казанское ханство сотрясали анархия, волнения, увеличилось число убийств и разбоев и т. д.⁹¹⁶ Впрочем, нет ничего удивительного, что молодой женщине и главе непопулярной

среди местных жителей крымской партии не удавалось обеспечить порядок в государстве, существование которого неумолимо приближалось к завершению.

Суюн-бике пришлось стать во главе ханства в очень сложный период. Московские власти, естественно, решили вновь возвести на трон своего ставленника, касимовского хана Шах-Али. Юсуф, отец регентши, в 1549 г. стал бием Ногайской Орды и, беспокоясь о судьбе дочери, не подписал с Москвой мирный договор, однако на словах пообещал поддерживать мир и не вмешиваться в русско-казанские отношения. Правда, вскоре он все же организовал поход на Казань, который возглавил его сын Юнус, пытавшийся добиться поста бекляри-бека для себя, а на трон возвести Шах-Али (что, вероятно, и заставило московские власти не противодействовать этому походу), но казанцы отказались впустить в город брата своей ханши.⁹¹⁷ В Крыму хан Сахиб-Гирей продолжал политику по закреплению трона за своим семейством и, занятый противостоянием с многочисленными племянниками, утратил интерес к казанским делам. Поэтому, когда в феврале 1550 г. московские войска подошли к Казани, им противостояли только силы самого ханства.

Осада города началась 12 февраля 1550 г. с мощного пушечного обстрела стен.⁹¹⁸ Однако стены выдержали, а начавшаяся оттепель и распутица заставили московские войска отступить уже 25 февраля.⁹¹⁹ В результате Суюн-бике и Кучак-оглан оставались у власти в Казани еще более года.

В течение всего этого времени судьба Суюн-бике решалась (и снова без ее участия) московским царем Иваном IV (Грозным) и ногайским бием Юсуфом. Правитель Ногайской Орды и его сыновья в очередной раз выступили с инициативой женить на ней Шах-Али — московского ставленника на казанский трон. Это предложение являлось своеобразным компромиссом, который мог бы примирить враждебные группировки в Казани — московскую и крымскую: московский ставленник Шах-Али приобрел бы дополнительную легитимность путем женитьбы на вдове прежнего хана, а его наследником стал бы Утемиш-Гирей, потомок крымской династии, поскольку своих детей у хана не было.⁹²⁰

Однако летом 1551 г. московские войска вновь подошли к Казани. На этот раз они были гораздо более многочисленны, кроме того, Ивану IV и Шах-Али удалось привлечь на свою сторону многих ханских даруг — областных наместников, которые были недовольны засильем крымцев в Казани.⁹²¹ Войска Кучак-оглана

попытались оказать сопротивление, но вскоре, оценив многократное преимущество московской армии, оглан попытался прорваться и бежать в Ногайскую Орду, однако его отряд был истреблен войсками Шах-Али, а сам Кучак был взят в плен и впоследствии казнен в Москве.⁹²² Примечательно, что Суюн-бике, имевшая возможность спастись вместе с сыном накануне осады, отказалась покинуть Казань, до последнего момента не считая угрозу со стороны москвичей опасной и, вероятно, надеясь на поддержку как крымцев, так и своих родичей-ногайцев.⁹²³

9 августа начались переговоры между правительством Казани и московскими воеводами во главе с ханом Шах-Али. Москвичи выдвинули следующее условие заключения мира: Казанское ханство передает Московскому государству всю «Горную сторону» (области, населенные чувашами), а на трон вступает московский вассал Шах-Али.⁹²⁴ Кроме того, одним из главных условий стала выдача Суюн-бике с сыном и отправка их в Москву.

Согласно публицистической «Казанской истории», составленной в 1560-е гг., Шах-Али намеревался взять Суюн-бике в жены, но она попыталась погубить его, прислав свадебный дар — отравленное угощение и одежду. Однако хан раскрыл ее замысел и якобы именно поэтому велел ее схватить и выслать в Москву.⁹²⁵ На самом деле причины, побудившие Шах-Али требовать выдачи Суюн-бике и высылки ее из Казани, были совершенно иными: уже дважды свергнутый с казанского трона, хан не доверял местным жителям и вполне обоснованно опасался, что малолетний Утемиш-Гирей и его мать могут стать знаменем противников подчинения Москве, которые начнут вооруженное сопротивление москвичам. Поэтому он потребовал, чтобы Суюн-бике с сыном покинула Казань еще до въезда туда московских наместников.⁹²⁶ 11 августа 1551 г. Суюн-бике и ее сын были выданы казанскими властями москвичам, которые отправили ее в Москву, впрочем, оказав почет, приличествующий правительнице независимого государства, хотя и попавшей в плен. Ни в Казань, ни в родную Ногайскую Орду ей больше не суждено было вернуться.⁹²⁷

III

Пленение Суюн-бике вызвало крайне негативную реакцию со стороны ее родственников — ногайских князей. Бий Юсуф, его сыновья и другие потомки Идигу неоднократно направляли в Москву требования отправить Суюн-бике и ее сына в Ногайскую

Орду, сама она также просила либо отпустить ее к отцу, либо наделить небольшим уделом на территории бывшего Казанского ханства. В ответ Иван IV писал, что ханша и ее сын ни в чем не нуждаются — им предоставлены и питание, и одежда, и слуги в соответствии с их статусом, так что беспокоиться о них не стоит: из расположения к Юсуфу («тебя для») он относится к ним как к членам своей семьи.⁹²⁸

Поскольку требования ногайцев о возвращении Суюн-бике и ее сына в Орду становились все настойчивее, в 1552 г. Иван Грозный принял решение выдать ханшу замуж за Шах-Али, который к этому времени уже отрекся от казанского трона и оставался правителем лишь Касимовского ханства. Царь сообщил об этом бию Юсуфу и его сыновьям, напомнив, что те сами еще пару лет назад выступали за этот брак. Кроме того, женитьба Шах-Али на Суюн-бике диктовалась и принципом левирата — ведь она прежде была супругой его брата Джан-Али, и Шах-Али, в соответствии с брачно-семейными обычаями тюрков и монголов, должен был жениться на его вдове и заботиться о ней и ее потомстве. Наконец, царь обращал внимание, что, выйдя замуж за Шах-Али, Суюн-бике сохранит свой статус ханши, поскольку касимовский правитель также носил титул хана («царя»). Чтобы новое замужество пленной ханши не выглядело как произвол со стороны московских властей, было объявлено, что инициатива по поводу брака принадлежала Шах-Али, который якобы настоятельно просил царя отдать ему в жены вдову его брата.⁹²⁹ Согласно московским «повестям», сама Суюн-бике предпочла брак с уродливым касимовским ханом обращению в православие.⁹³⁰

Став женой Шах-Али, Суюн-бике уехала в Касимов, однако ей не позволили забрать с собой сына: царевич был оставлен в Москве «за грубость» его отца Сафа-Гирея. Иван Грозный не собирался оставлять претендента на казанский трон (к тому же уже занимавшего его два года, несмотря на свой юный возраст), поэтому в 1553 г. семилетний бывший хан Утемиш-Гирей был крещен под именем Александра, тем самым лишившись прав на трон Казанского ханства даже в случае его восстановления. Суюн-бике, вероятно, присутствовала при его крещении.⁹³¹ Царевич Александр Сафагиреевич скончался 15 июля 1566 г. в возрасте девятнадцати или двадцати (по некоторым данным — семнадцати) лет, не оставив потомства, и был похоронен в церкви Михаила Архангела в Москве.⁹³²

Шах-Али, подобно своему брату Джан-Али, даже не пытался скрывать неприязнь к Суюн-бике, насильно выданной за него

замуж. Согласно и «Казанской истории», и посланиям ее родичей, ногайских князей, касимовский хан не исполнял супружеских обязанностей и фактически держал жену под домашним арестом, оставив ей всего пару слуг.⁹³³ В 1554 г. до Ногайской Орды докатились слухи, что Шах-Али жестоко расправился с Суюн-бике, якобы отрезав ей нос, отчего она скончалась. Бий Юсуф, его братья и сыновья, обеспокоенные этими слухами (которые представлялись весьма правдоподобными, учитывая жестокий нрав Шах-Али-хана), направили в Москву посольство с требованием объяснений. Иван Грозный приказал сопроводить двоих представителей посольства в Касимов, чтобы они увидели Суюн-бике и передали ее родственникам, что она жива и здорова.⁹³⁴

Тем не менее Юсуф продолжал слать требования отправить к нему дочь и внука. В одном из посланий он имел неосторожность угрожать Ивану Грозному, что готов поднять до 380 тыс. воинов, чтобы добиться исполнения своих требований (хотя, конечно, таких сил в его распоряжении не было). Это побудило Ивана Грозного начать переговоры с братом и соперником Юсуфа Исмаилом, который в том же 1554 г. восстал против брата и убил его, заняв трон бия.⁹³⁵

Со смертью Юсуфа ситуация в Ногайской Орде изменилась, и Суюн-бике перестала представлять интерес для своих родственников. Впрочем, в 1555 г. мурза Касай б. Шейх-Мамай, племянник Юсуфа (который вместе с ним нередко отправлял в Москву письма и послов), снова потребовал возвращения Суюн-бике на родину,⁹³⁶ однако это было, по всей видимости, лишь средство давления на московского царя с целью добиться неких иных политических уступок.

Когда и при каких обстоятельствах умерла Суюн-бике, сведений нет, и отсутствие каких-либо известий о ее кончине привело к появлению разного рода легенд.

Согласно одной из них, после взятия Казани Иван Грозный сам вознамерился взять ее в жены, но она, не желая такого брака, поднялась на башню казанского кремля и бросилась с нее вниз, разбившись насмерть. Башня Суюн-бике в казанском кремле, имеющая высоту 75 м, и сегодня является одним из символов Казани, однако на самом деле она была построена лишь в первой половине XVIII в. и, следовательно, не имеет к ханше никакого отношения. По некоторым сведениям, ранее на месте башни была мечеть, в которой ханша молилась перед тем, как навсегда покинуть Казань.⁹³⁷ На самом деле Суюн-бике скончалась в Касимове, однако

ее гробница не сохранилась. Возможно, Шах-Али, переживший ее, и не старался увековечить память о нелюбимой жене, похоронив ее без особой пышности. Впрочем, исследователи XIX в. обнаружили одну безымянную гробницу, которая, возможно, принадлежала именно бывшей казанской ханше. На ней указан только возраст умершего лица — 37 лет. Если это и в самом деле могила Суюн-бике, то она умерла, скорее всего, около 1557 г.⁹³⁸ Также высказывается предположение, что тело ханши могло быть передано ее ногайским родственникам — таким образом, хотя бы после смерти она вернулась в родную Ногайскую Орду.⁹³⁹

Казанское ханство было присоединено к Москве в 1552 г., однако год спустя местное население подняло восстание против московских властей (по некоторым данным, в качестве хана был приглашен ногайский мурза Али-Акрам б. Юсуф, брат Суюн-бике⁹⁴⁰), и только в 1556 г. восстание было подавлено окончательно. В том же 1556 г. к Москве было присоединено и Астраханское ханство, а в конце XVI в. — Сибирское. В первой половине XVII в. в состав России вошла и Ногайская Орда. В результате из всех постордынских государств (за исключением далекого Казахского ханства) осталось одно Касимовское ханство — маленькое государство, изначально созданное как вассальное владение Московского великого княжества. Как и в Казани, последней его правительницей стала женщина — Фатима-Султан, героиня следующего очерка.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.
ФАТИМА-СУЛТАН —
ПОСЛЕДНЯЯ ХАНША КАСИМОВА
(УМ. 1681, РЕГЕНТША КАСИМОВСКОГО ХАНСТВА
1627 — ОК. 1640,
ХАНША КАСИМОВСКОГО ХАНСТВА 1679–1681)

Касимовское ханство (Мещерский юрт) изначально возникло на границе Московского великого княжества и Казанского ханства в качестве вассального владения Москвы. Его правители были московскими ставленниками на троны других государств Джучидов — в первую очередь той же самой Казани. После присоединения Казанского ханства к Москве в 1552 г. статус Касимовского ханства существенно изменился, хотя оно продолжало оставаться центром Чингизидов, прибывших на службу в Россию: здесь сохранялись мусульманские институты власти и законы, процветала чингизидская культура.⁹⁴¹ Правители Мещерского юрта носили ханский титул — что было весьма привлекательно для многих постордынских правителей, желающих променять полную риска борьбу с Московским царством, которое все более и более продвигалось на восток, на беззаботную жизнь в автономном государстве, сохранявшем чингизидские традиции.

Однако по мере расширения власти московских государей, присоединения к Москве одного за другим постордынских государств это небольшое вассальное ханство оказалось практически в самом центре Московского царства, и в его существовании больше не было необходимости. Ханство все более и более утрачивало свой статус автономного государственного образования и все более походило на обычный уезд российской «глубинки», так что налицо были все предпосылки к его упразднению московскими властями. Царствование Фатимы-Султан в Касимове стало последней страницей в истории этого государства, после чего оно прекратило свое существование.

I

20 августа 1598 г. в Сибири, у оз. Зайсан (в районе совр. Усть-Каменогорска) состоялась битва между войсками сибирского хана Кучума и воеводы Андрея Воейкова. Сибирцы потерпели поражение, в плен к царским войскам попало несколько потомков Кучума, в том числе два его внука — Арслан и Янсюэр, сыновья ханского первенца Али. Оба они были отправлены в Москву, однако в 1603 г. московские власти освободили Янсюэра и в знак доброй воли вернули к отцу, с 1601 г. провозгласившему себя сибирским ханом. Старший же, Арслан (в ряде источников он именуется также Алп-Арслан или Арслан-Али), был сослан в Вологду.⁹⁴²

В 1612 г. царевич Арслан выступил на стороне ополчения Кузмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, тем самым зарекомендовав себя как верный сторонник московских легитимных властей. За это в 1614 г. новоизбранный русский царь Михаил Романов назначил его правителем вассального Касимовского ханства.⁹⁴³

Став ханом («царевичем»⁹⁴⁴) в Касимове, Арслан положил начало новой династии в этом ханстве — сибирских Шибанидов (или даже «Кучумовичей»). Несмотря на принадлежность к роду Чингис-хана по мужской линии и, следовательно, формальное право занимать любой из чингизидских тронов, фактически он был менее легитимным правителем Касимовского ханства, чем занимавшие его трон представители казанской, крымской и астраханской династий Туга-Тимуридов.⁹⁴⁵ Поэтому он постарался укрепить свою легитимность браками со вдовами двух прежних ханов — Мустафы-Али (прав. 1584–1600) и Ураз-Мухаммада (прав. 1600–1610).⁹⁴⁶

Однако наиболее весомым фактором легитимности стал, пожалуй, брак Арслана с Фатимой-Султан — дочерью влиятельного касимовского сейида Ак-Мухаммада из рода Шакуловых. Дело в том, что сейиды, потомки пророка Мухаммада, пользовались большим влиянием во всех постордынских государствах, но в Касимовском ханстве их роль была, наверное, наиболее значительной. Сейиды наравне с Чингизидами и высшей знатью ханства участвовали в курултаях и выборах хана, имели собственный «полк», а, по мнению некоторых исследователей, даже исполняли в Касимове обязанности бекляри-беков.⁹⁴⁷ Естественно, поддержка столь влиятельного сановника могла обеспечить его зятю полное признание со стороны населения Касимовского ханства.

Когда был заключен брак между Арсланом и Фатимой-Султан, точно неизвестно. Учитывая, что единственный сын от этого

брака, Сейид-Бурхан, родился в 1624 г., исследователи до недавнего времени могли указывать, что они поженились не позднее 1623 г.⁹⁴⁸ Однако у Арслана и Фатимы-Султан было еще и несколько дочерей, даты рождения которых неизвестны, однако одна из них, Алма-бике, была выдана замуж за племянника Кучума, сибирского царевича Мухаммад-Кули (Маметкула), который также попал в плен к русским, но позднее находился на русской службе и умер в 1618 г. Эти данные позволяют считать, что брак Арслана с Фатимой-Султан был заключен не позднее 1605 г., т. е. когда он еще пребывал в почетной ссылке в Вологде. Кроме того, известно, что еще в январе 1611 г. (т. е. вскоре после гибели касимовского хана Ураз-Мухаммада) жители Касимова «били челом» Арслану, т. е. приглашали на ханство: это свидетельствует о том, что он уже был известен касимовскому населению и, вероятно, пользовался определенной поддержкой — скорее всего, благодаря своему тестю Ак-Мухаммад-сейиду.⁹⁴⁹ Отсюда можно сделать вывод, что родилась будущая касимовская ханша не позднее 1592–1593 гг.

Итак, с 1614 г. Фатима-Султан, фигурирующая в русских документах XVII в. как «Фатма Салтан Сеитовна» или даже просто «Салтан Сеитовна»,⁹⁵⁰ становится касимовской ханшей и пребывает в этом статусе около семидесяти лет — сначала как супруга хана, потом как ханская мать и, наконец, как самостоятельная правительница.

О деятельности Фатимы-Султан в период правления ее супруга сведений нет — вообще, первые упоминания о ней в источниках встречаются лишь под 1627 г., когда умер ее муж и на трон был возведен трехлетний сын Сейид-Бурхан.⁹⁵¹ При малолетнем хане официальными регентами стали его мать Фатима-Султан и дед Ак-Мухаммад-сейид: Адам Олеарий, немецкий посол, сообщает, что во время его путешествия по Московии в 1636 г. он проезжал Касимов, правителем которого был 12-летний татарский князь со своей матерью и дедом.⁹⁵²

По мнению исследователей, Фатима-Султан, скорее всего, не была старшей женой Арслана, но именно она выдвинулась на первое место после его смерти как мать единственного сына-наследника, оттеснив от власти старшую супругу Арслана, Султан-бике, которая и до него дважды была замужем за касимовскими ханами.⁹⁵³ Не желая терпеть около себя других вдов своего супруга — соперниц в борьбе за регентство, она вынудила их покинуть Касимов. В памяти жителей Касимова сохранились предания о властности и едва ли не деспотичности Фатимы-Султан: так,

согласно одному из них, она решила проехать по городу в повозке, запряженной жителями касимовского посада!⁹⁵⁴

Надо полагать, регентство длилось до совершеннолетия хана, которое, согласно тюрко-монгольским правовым обычаям, наступало в возрасте семнадцати-восемнадцати лет (т. е. приблизительно до 1640 г.). Ханша держала собственный двор (известны даже размеры ее резиденции — 15 на 19,5 саженей), т. е. представляла собой самостоятельную политическую фигуру в ханстве.⁹⁵⁵

Адам Олеарий упоминает о настойчивом желании московских властей крестить юного касимовского правителя, однако, по-видимому, его дед (потомок пророка!) противился крещению внука. Но в 1653 г., скорее всего, уже после смерти Ак-Мухаммад-сейида, Сейид-Бурхан прибыл в Москву для принесения «шерти» (присяги) царю Алексею Михайловичу и вскоре после этого (вероятно, около 1654 г.) принял крещение под именем Василия Арслановича.⁹⁵⁶ Интересно отметить, что он сохранил статус касимовского правителя, хотя когда почти за сто лет до него, в 1573 г., крестился другой касимовский хан Сайн-Булат (получивший имя Симеона Бекбулатовича), он лишился трона, который занял другой Чингизид — мусульманин. По-видимому, к середине XVII в. московские власти уже приняли решение об упразднении Касимовского ханства, и вероисповедание его последнего правителя не играло никакой роли.

Однако в мае 1679 г., когда Василий Арсланович скончался,⁹⁵⁷ царь Федор Алексеевич и его сановники приняли решение сохранить ханство и передать трон матери покойного хана, хотя после Василия осталось пятеро сыновей. Фатиме-Султан же к этому времени было не менее 86 лет!

Причины такого решения весьма загадочны. Согласно официальной версии, московские власти не хотели «обижать» престарелую ханшу и, понимая, что ей недолго осталось, позволили пребывать до конца жизни в ханском достоинстве.⁹⁵⁸ Турецкая исследовательница Бахрие Учок, стараясь подчеркнуть роль женщин-правительниц, считает, что такое решение царского правительства было продиктовано уважением лично к ханше и, возможно, тем, что ее сын и внуки приняли христианство.⁹⁵⁹ По нашему же мнению, воцарение дряхлой старухи должно было, в соответствии с замыслом московских властей, продемонстрировать нелогичность сохранения Касимовского ханства и окончательно подготовить местное население к его упразднению.

Однако, как оказалось, ханше суждено было сыграть более активную роль, чем ожидало московское правительство.

II

Безусловно, мы далеки от мысли утверждать, что престарелая Фатима-Султан активно принялась за управление вверенным ей Мещерским юртом и проявила себя как энергичная правительница. Строго говоря, уже в правление ее сына Касимовское ханство не существовало как самостоятельное политическое образование.

Во-первых, гораздо большей властью, чем сами ханы, в Касимове обладали царские наместники-воеводы, неоднократно менявшиеся в течение всего правления Сейид-Бурхана (Василия), и эта ситуация никоим образом не изменилась при его матери.⁹⁶⁰ Во-вторых, уже в середине XVII в. (возможно, после крещения Сейид-Бурхана) Касимовское ханство было передано из ведения Посольского приказа (подчинение которому свидетельствовало о его определенной автономии) в ведение приказа Казанского дворца, управлявшего всеми присоединенными постордынскими государствами.⁹⁶¹ По сути, Василий Арсланович был уже не правителем вассального России ханства, а всего лишь уездным помещиком на службе у московского царя и даже в качестве такового имел поместья в других областях России, а не только в самом Касимове.⁹⁶²

Также интересно отметить, что ханша даже не унаследовала личные владения своего сына, хотя это предусматривалось тюрко-монгольскими правовыми обычаями: Василий Арсланович в своем завещании оставил свои поместья не матери и даже не супруге, а своим сыновьям, обязав их содержать мать и бабу.⁹⁶³ Таким образом, и материальное положение Фатимы-Султан не позволяло ей осуществлять властные полномочия, если бы она даже и была способна на это.

Правительница Касимовского ханства, подобно своим предшественницам на тронах других тюрко-монгольских государств (и вообще — всем женщинам из правящего рода Чингизидов) активно покровительствовала религии, причем не только исламу. Как ни странно, но дочь сейида, потомок пророка Мухаммада, покровительствовала и христианской церкви. В частности, она обеспечивала деньгами, провиантом и одеждой монахинь Касимовского Казанского девичьего монастыря, а после ее смерти эта благотворительная деятельность прекратилась. В 1688 г. настоятельница обратилась к царям Петру и Ивану Алексеевичам с прошением, в котором с тоской вспоминала времена Сейид-Бурхана и Фатимы-Султан, которые были столь щедры к ее монастырю.⁹⁶⁴

От правления Фатимы-Султан сохранилось всего два документа, оба датированные 1681 г. Один из них, купчая на участок земли с садом, интересен лишь тем, что участники договора фигурируют как люди (т. е. подданные) Фатимы-Султан, хотя оба являются по происхождению русскими.⁹⁶⁵ Зато второй документ, уже неоднократно исследовавшийся, представляется весьма интересным для выяснения некоторых аспектов правового статуса ханши и отношения к ней населения Касимова.

События, отраженные в упомянутом документе, начались еще в 1677 г., когда некий Аким Никитин от своего имени и имени ряда своих родственников оспорил запись его в посадские люди, заявив, что его отец числился подьячим, и потребовал, чтобы его и его родственников также числили в подьячих, которые обладали большими правами, нежели простые посадские. Он обратился к царевичу Василию Арслановичу, но дело затянулось, и повторно челобитная была подана уже ханше Фатиме-Султан. Весьма любопытно, что во время официального судебного разбирательства Аким Никитин произнес следующую фразу: «Касимов де город ша Касимовскою царицею, а не за великим государем».⁹⁶⁶ Тем самым этот касимовец русского происхождения признавал, что является подданным ханши-мусульманки и примет ее решение, а не решение наместников московского царя.

В решении по этому делу тем не менее нашло отражение реальное положение ханши в Касимове: она издала грамоту, адресованную касимовскому воеводе Ивану Аксенову («Оксенову»), в которой просила его числить Акима Никитина и его сородичей подьячими. Как видим, несмотря на заявление истца, решение самой Фатимы-Султан не имело юридической силы: оно обязательно должно было быть утверждено царским наместником. Да и сам факт, что на рассмотрение правительницы ханства выносились такие мелкие вопросы, свидетельствует, по мнению исследователей, о незначительных масштабах ее власти.⁹⁶⁷

Два вышеупомянутых документа — последние источники, в которых Фатима-Султан упоминается как действующая правительница. Поэтому исследователи вполне обоснованно утверждают, что она умерла либо в 1681 г., либо сразу после этого.⁹⁶⁸ После ее смерти в Касимове появились предания о ней прямо противоположного содержания. Предание, распространявшееся касимовцами-христианами, гласило, что под конец жизни Фатима-Султан тайно приняла христианство, об этом стало известно местным татарам-мусульманам, и они ее задушили. По преданию же самих

татар, она не только не приняла христианство, но и постаралась воспитать в мусульманской вере своих потомков: узнав о крещении сына, она отправила часть своих внуков на Нижегородчину, повелев всех называть Сейид-Бурханами.⁹⁶⁹

Ханша была похоронена в специальном мавзолее (текие) вместе со своим супругом Арсланом. В родословной сейидов Шакуловых содержится запись о том, что некоторое время спустя после смерти Фатимы-Султан одна жительница Касимова проникла в мавзолей и похитила саваны и другие вещи покоившихся там правителей, за что ее судил касимовский сейид Якуб, внучатый племянник Фатимы-Султан, и приговорил к смертной казни.⁹⁷⁰ Текие Фатимы-Султан не сохранилось: уже в середине XIX в. на его месте оставались одни развалины.⁹⁷¹

В родословной сейидов Шакуловых, из которых происходила ханша, имеется следующая запись: «Арслан-хана взяли из Сибири; он женился на дочери Ак-Мухаммед-сеида, Фатима-султан. По смерти Арслан-хана сделалась она царицею в Хан-кирмане. После Фатима-султаны перестали быть ханы».⁹⁷² В самом деле, несмотря на то что к моменту смерти ханши в живых было не менее четырех ее внуков — сыновей Василия Арслановича, московские власти окончательно приняли решение о ликвидации мусульманского ханства в центре Московского царства, поскольку его содержание представлялось неоправданным и затратным.⁹⁷³ Потомки ханов Мещерского юрта, внуки и правнуки Фатимы-Султан, номинально продолжавшие носить титул царевичей Касимовских, сошли с исторической сцены между 1715 г. и 1730-ми гг.⁹⁷⁴

С ликвидацией Касимовского ханства из всех джучидских государств, возникших после распада Золотой Орды, продолжало существовать лишь Казахское ханство. Однако примерно в то время, когда на трон в Касимове вступил Арслан, супруг Фатимы-Султан, в Поволжье появилась еще одна могущественная сила, уже не имевшая прямого отношения к Золотой Орде и ее правителям, — западно-монгольское (ойратское) племя торгоутов, более известное под названием калмыков. В середине XVII в. основанное ими Калмыцкое ханство сделалось вассалом России, но на протяжении всего существования ханства среди его правителей находились такие, кто старался освободиться от русского господства. Одной из них была ханша Джан, героиня следующего очерка.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ. ДЖАН — КАЛМЫЦКАЯ ХАНША, СТАВШАЯ РОССИЙСКОЙ КНЯГИНЕЙ (УМ. 1777, КАЛМЫЦКОЕ ХАНСТВО)

Судьба калмыцкой ханши Джан неоднократно привлекала внимание исследователей, что неудивительно: кабардинская княжна, воспитанная в мусульманских традициях, стала калмыцкой царевной (а затем и ханшей), перейдя в буддизм и, наконец, приняв православие, была возведена в княжеское достоинство Российской империи. Она на равных вела переговоры с правящими кругами Российской империи и Казахстана, персидским шахом и крымским ханом, участвовала в придворных интригах и боевых действиях, призывала интервентов в родные земли и расправлялась с политическими соперниками.

Трудно поверить, что речь идет о женщине, любящей матери многочисленных детей. Однако именно для них ханша Джан и совершала все эти деяния, многие из которых в любом случае не могут быть оценены положительно ни с одной позиции.

I

В 1721 г. калмыцкий тайша (царевич, член ханского рода) Дондук-Омбо, внук могущественного хана Аюки, женился на Джанет, сестре влиятельного кабардинского князя Магомета Кургокина из рода Атажукиных.⁹⁷⁵ Брачный возраст для девушек у народов Востока в то время составлял 12–14 лет, следовательно, супруга будущего калмыцкого хана, которая с этого времени стала известна под именем Джан, родилась около 1707–1709 гг. (ее супруг родился в 1693 или 1695 г., так что разница в возрасте у них была довольно значительной).

Брак монгольского царевича с представительницей кавказского народа, на первый взгляд, представлялся довольно необычным: члены правящего рода Калмыцкого ханства, подобно другим

тюрко-монгольским правителям, предпочитали искать жен среди родственников им народов — ойратов, монголов, казахов. Однако союз Дондук-Омбо с Джан вместе с тем не был и уникальным: его дед, Аюка-хан, был также женат на кабардинке, а один из дядьев — на черкешенке.⁹⁷⁶

Брак, конечно же, имел чисто политическое значение. Калмыцкие тайши (и, в частности, сам Дондук-Омбо) нередко вмешивались в отношения между кавказскими правителями, и для князей Атажукиных союз с влиятельным царевичем был весьма полезен. В дальнейшем Дондук-Омбо нередко оказывал содействие своим новым родственникам, если они вступали в конфликт с другими горскими правителями.⁹⁷⁷ Со своей стороны, Дондук-Омбо благодаря родству с кабардинскими князьями, которые еще в 1557 г. признали власть московских царей, надеялся на дальнейшее сближение с российскими имперскими властями, поддержка которых могла немало значить в борьбе за престол.

Итак, кабардинка Джанет прибыла вместе с супругом в калмыцкие степи, где приняла буддизм (официальную религию калмыков) и стала именоваться Джан. Она не была первой супругой Дондук-Омбо: он уже был женат на своей мачехе Солом (по другим сведениям — Божака) — одной из жен его отца Гунжепа (ум. 1702), на которой женился по закону левирата. У него уже был от нее сын Галдан-Норбо. Однако сам Дондук-Омбо, конечно же, отдал предпочтение молодой жене, несмотря на то что и с ней вступил в брак не по любви, а первую супругу бросил. Интересно, что вскоре этот тайша едва не вступил еще в один брак, который выглядел совершенно противоестественным.

В 1724 г. умер калмыцкий хан Аюка, стоявший у власти с 1670 г., т. е. более пятидесяти лет, и между его многочисленными потомками разгорелась борьба за власть. Дондук-Омбо, еще при жизни деда успевший зарекомендовать себя как опытный военачальник и эффективный правитель, имел немало шансов занять трон, однако далеко не все его родственники готовы были уступить ему в борьбе за власть. Вскоре к Дондук-Омбо обратилась ханша Дармабала, вдова Аюки, имевшая немалое влияние в последние годы жизни и правления мужа: не желая упускать из рук власть, она предложила внуку своего покойного супруга пожениться, на что он и сам был вполне согласен — т. е. формально готовилось бракосочетание бабки с внуком!⁹⁷⁸ Однако тут вмешались другие члены семейства Аюки и не позволили заключить этот брак, поскольку опасались, что Дондук-Омбо

и Дармабала слишком уж усилятся, объединив свои владения и своих воинов.⁹⁷⁹

По распоряжению русских властей в сентябре 1724 г. новым правителем Калмыцкого ханства (правда, всего лишь с титулом наместника, а не хана) стал один из сыновей Аюки от Дармабалы — Церен-Дондук. Однако он был весьма слабым правителем, и его единственным достоинством в глазах имперских властей была лояльность России, поэтому некоторое время наместник держался у власти лишь благодаря поддержке астраханского губернатора. Как только в России возникли собственные проблемы в связи с пресечением династии Петра I в 1730 г. (смерть его бездетного внука Петра II и воцарение племянницы Анны Иоанновны), власть наместника фактически пала. В 1731 г. Дондук-Омбо отказался подчиняться Церен-Дондуку, легко разбил направленный против него отряд наместника, а затем сам перешел в наступление и разгромил его, а потом начал враждебные действия и против русских властей, поддерживавших наместника, ссылаясь с крымскими татарами.⁹⁸⁰ Имперские власти попытались укрепить положение Церен-Дондука повышением его статуса: в мае 1735 г. он был возведен в ханы, а в сентябре получил подтверждение в ханском достоинстве и от Далай-ламы — духовного главы всех буддистов.⁹⁸¹ Однако правителя, не пользовавшегося ни любовью, ни уважением родственников и подданных, уже ничто не могло спасти, даже ханский титул не повысил его авторитета. Чтобы сохранить лицо, имперские власти уже в октябре того же 1735 г. лишили Церен-Дондука ханского достоинства по обвинению в неэффективном правлении и постоянном пьянстве и велели доставить его в Царицын, а оттуда — в Петербург, где он и умер в 1738 г.⁹⁸²

Российская администрация, уже однажды попавшая впросак, сделав ставку на преданного России, но слабого правителя, не желала повторять ошибку: новым наместником в ноябре 1735 г. стал самый влиятельный тайша — Дондук-Омбо. Вскоре императрица Анна Иоанновна и ее сановники получили возможность убедиться, что выбор был правильным: тайша принял активное участие в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., в 1736 г. перевел в российское подданство многочисленных кубанских ногайцев, ранее подчинявшихся крымскому хану. Дондук-Омбо покровительствовал развитию образования и культуры и даже градостроению в степи: в 1736–1739 гг. близ Самары был возведен Ставрополь-Волжский (совр. Тольятти). В знак признания его заслуг 3 марта

1737 г. Анна Иоанновна пожаловала ему ханский титул, а также соответствующие регалии — знамя, саблю, шубу и шапку.⁹⁸³

Так Джан стала ханшей. А поскольку в браке с Дондук-Омбо у нее родилось шестеро детей (четыре сына и две дочери), она начала борьбу за то, чтобы закрепить власть за своим потомством. Ханша желала, чтобы Дондук-Омбо завещал власть ее старшему сыну Рандулу, однако на пути стоял Галдан-Норбо — сын хана от его первой жены, уже успевший зарекомендовать себя как способный военачальник и союзник России (именно он вместе с отцом в 1736 г. окружил ногайцев за Кубанью, заставив перейти в русское подданство).⁹⁸⁴

Джан день за днем внушала мужу, что трон следует завещать именно Рандулу, и, по-видимому, Дондук-Омбо стал склоняться в пользу старшего сына от второго брака. Узнав об этом, Галдан-Норбо поднял восстание против отца, но вмешательство императрицы Анны Иоанновны не позволило ему разгореться: выступление царевича было подавлено, а самого его выслали из Калмыцкой степи и отправили на поселение в Казань, где он и умер. Таким образом, Джан сыграла не последнюю роль в трагической судьбе своего пасынка, тем самым освободив трон для собственного сына.⁹⁸⁵

В изменившихся условиях Дондук-Омбо больше не видел препятствий к тому, чтобы сделать наследником одного из сыновей Джан. В начале 1741 г. он направил соответствующее прошение в Санкт-Петербург, уведомив, что уже отправил послание к Далай-ламе с просьбой назвать в качестве наследника одного из ханских сыновей, а если выбор будет сложно сделать — утвердить в качестве наследника старшего, Рандула. Однако 21 марта 1741 г. хан Дондук-Омбо скончался, так и не успев решить вопрос о своем наследнике.⁹⁸⁶

II

Как и после смерти Аюки, в 1741 г. вновь разгорелось соперничество различных представителей правящего рода в борьбе за трон Калмыцкого ханства. Вновь активизировалась Дармабала — властная вдова Аюки-хана, которая попыталась возвести на престол своего сына Галдан-Данжина. Не имея возможности противостоять им законным способом, Джан не нашла ничего лучше, как организовать вместе со своими союзниками нападение на них и захватить их улус. В битве погибли тайша Галдан-Данжин и несколько влиятельных нойонов из числа его сторонников,

а Дармабале удалось бежать. Однако тут в распрю вмешался астраханский губернатор, взявший под защиту вдову Аюки, и потребовал вернуть ей захваченные владения.⁹⁸⁷ Стараясь добиться власти любой ценой, Джан вступила в переговоры даже с давними соперниками калмыков — казахами. Когда русский чиновник Ваулин в ноябре 1741 г. прибыл к ханше, он застал у нее нескольких знатных казахов, которые привезли ей 2000 коней в качестве выкупа за своих пленных родичей, а также уговаривали саму ханшу переключиться за Яик (Урал).⁹⁸⁸

Естественно, эти действия Джан отнюдь не сыскали ей расположения со стороны имперских властей. Поэтому неудивительно, что, когда она отправила в Петербург прошение о пожаловании ханского титула ее сыну Рандулу, ей было отказано — правда, на том основании, что ее сын является малолетним (ему было около десяти лет). Тогда она попыталась получить ханскую власть сама, став регентшей до совершеннолетия сына, однако и в этом потерпела неудачу: в соответствии с императорским указом в ноябре 1741 г. наместником был назначен Дондук-Даши — внук Аюки и двоюродный брат Дондук-Омбо, которого имперские власти еще при жизни мужа Джан предназначали ему в преемники.⁹⁸⁹

Что касается самой Джан, то она за свое преступление против Дармабалы и ее сына, а также и за тайнственные переговоры с казахскими послами, по мнению имперской администрации, заслуживала «жестокое гнева». В степь был направлен тайный советник Василий Татищев (известный как автор «Истории российской»), которому было приказано взять ханшу под стражу. Однако когда он прибыл в степь, то решил не накалять политическую ситуацию еще больше и оставить Джан с ее детьми в степи, позволив даже сохранить личное владение ее супруга Дондук-Омбо — Багацохуровский улус. Правда, в наказание власть ханши над улусом была сильно урезана. Во-первых, из 2420 кибиток, которыми владел покойный хан, 604 кибитки были переданы во владение сыновьям его покойного старшего сына — Галдана-Норбо; во-вторых, оставшиеся 1816 кибиток, отходившие к Джан и ее детям, фактически передавались в пожизненное управление наместнику Дондук-Даши. Самой же Джан с ее семейством выделялось ежегодно 500 руб. и 1000 четвертей ржи в год.⁹⁹⁰

Нечего и говорить, что подобное решение оскорбило ханшу: еще совсем недавно она претендовала на верховную власть во всем Калмыцком ханстве, а теперь ее лишили даже права управлять собственным улусом, заставив жить на милостыню от русских

властей! Неудивительно, что она даже не явилась на церемонию возведения Дондук-Даши в наместники в декабре 1741 г., а когда в начале следующего года новый правитель Калмыцкого ханства вместе с Василием Татищевым начали поездку по степи, бежала в Кабарду, забрав с собой, по разным сведениям, от 400 до 3000 кибиток. Ее сопровождали влиятельные приверженцы — тайша Бодонг (кстати, родной брат наместника Дондук-Даши) и зайсан Арал. Ханша нашла убежище у своего родного брата Магомета Кургокина и его многочисленных родичей Атажукиных.⁹⁹¹

Первым делом она попыталась привлечь свою родню к борьбе за трон Калмыцкого ханства, но кабардинские князья отказались, не желая обострять отношения с российскими властями. Тогда она решилась на шаг, который сегодня можно было бы квалифицировать как измену родине. Поначалу она обратилась за поддержкой к крымскому хану. А в феврале 1742 г. до русских властей дошли слухи, что ханша вступила в переписку с персидским правителем — Надир-шахом, выдающимся завоевателем Центральной Азии. Она направила в его ставку, расположенную возле Дербента, послание, в котором заявляла, что ее сын Рандул является самым законным претендентом на калмыцкий трон, и обещала в случае поддержки шахом Ирана присягнуть ему на верность. Надир-шах внимательно ознакомился с ее доводами и согласился помочь — однако, в свою очередь, заявил, что не намерен вступать в войну с Россией, поэтому не отправит к ней на помощь войска, но походатайствует за ханшу перед императрицей Елизаветой Петровной.⁹⁹²

Узнав о переговорах Джан, Василий Татищев, уже ставший к этому времени новым астраханским губернатором, потребовал от кабардинских князей выдать сестру русским властям. С этой целью он отправил в Кабарду своего сына, секунд-майора Евграфа Татищева, с отрядом драгун, который прибыл как раз в то время, когда у Джан находился посланец от Надир-шаха. Кабардинские князья были весьма смущены тем, что русский офицер стал свидетелем их неблагонадежности: они тут же отправили перса обратно, а Евграфу Татищеву заявили, что сами с самого начала были против действий Джан. Однако когда речь зашла о выдаче ханши, переговоры зашли в тупик: сама Джан, надеясь на поддержку персидского шаха, категорически отказывалась возвращаться в калмыцкие степи, а ее братья, демонстрируя крепость кровных уз, также не выдавали ее. В конце концов Евграфу Татищеву удалось убедить их выдать сестру под обещание, что ей не будет причинено никакого вреда.⁹⁹³

Весной 1742 г. Джан с сыновьями и сподвижниками вернулась в свой Багацохурский улус. Однако, увидев, что ей вовсе не собираются возвращать даже личные владения ее покойного супруга, она вновь задумалась о бегстве в Кабарду, а затем, возможно, и в Иран, но решила подождать до лета. Как оказалось, эта задержка привела к весьма неприятным последствиям.

Покидая Кабарду, ханша оставила там своего доверенного зайсана Арала, поручив ему продолжать переговоры с Надир-шахом. Однако персидский лазутчик, которому было передано послание для шаха, попал в плен к русским солдатам, и в июле 1742 г. Василию Татищеву было доставлено послание Джан, в котором она повторно просила шаха прислать ей войска для борьбы за калмыцкий трон.⁹⁹⁴

Астраханский губернатор повелел переселить ханшу и ее людей за русские укрепленные линии, чтобы она не успела сбежать, а ее сподвижника Бодонга — взять живым или мертвым. Однако тайше удалось бежать в Кабарду, причем он прихватил с собой двоих младших сыновей Джан. В октябре того же года Василий Татищев узнал, что Бодонг от имени ханши возобновил переговоры с Надир-шахом, прося его вторгнуться в русские пределы, чтобы он сам, сыновья Джан и их приверженцы получили возможность переселиться в Иран.

В конце декабря 1742 г. Татищев повелел выслать Джан с ее семейством в Россию, а в начале следующего года отправил посольство к кабардинским князьям, требуя выдать сыновей ханши. Повторилась та же история, что и примерно год назад: Магомет Кургокин и его родственники отказывались выдавать племянников, пока не получили гарантии, что им не будет причинено вреда. Что же касается Бодонга, его, как и прежде, было приказано взять живым или мертвым. Он попытался уйти в Иран, но не смог пройти через русские форпосты, поэтому вернулся в калмыцкие степи и стал нападать на собственных соотечественников. В одном из сражений погиб его соратник — зайсан Арал, а в марте 1743 г. Бодонг, будучи разгромлен своим братом, наместником Дондук-Даши, вновь ушел в Кабарду, а оттуда — на Кубань, где уже находились владения крымского хана. Беглый тайша был принят местным правителем — сераскер-султаном Селим-Гиреем, который отказался выдать его русским властям, попросив простить его.⁹⁹⁵

Сама ханша Джан со всеми своими шестью детьми была отправлена в конце 1742 г. Москву, а в 1743 г. прибыла в Санкт-Петербург. Она решила прибегнуть к последнему средству, чтобы

добиться трона, и для этого пребывание в столице Российской империи ей вполне подходило.

III

Обвинения, выдвинутые против Джан, были весьма серьезны — настолько серьезные, что в декабре 1742 г. последовал указ лишить ее всех милостей, которыми она пользовалась в память о заслугах ее покойного супруга. Поэтому, чтобы вновь снискать расположение императорского двора, ханша выразила желание перейти в православие. 16 декабря 1744 г. кабардинская княжна Джанет, она же калмыцкая ханша Джан, была крещена под именем Веры. Ее восприемницей стала сама императрица Елизавета Петровна, пожаловавшая новообращенной христианке титул княгини Дондуковой. Вместе с ханшей крестились и все ее многочисленные дети: дочери Бунигара и Делек, получившие имена, соответственно, Надежды и Любови, а также четыре сына — Рандул (Петр), Додби (Алексей), Асарай (Иона) и Джубосар (Филипп). Императрица пожаловала княгине Вере Дондуковой особняк на Фонтанке, а ее сыновья Алексей и Иона были зачислены в кадетский корпус.⁹⁹⁶

Надо сказать, что крещение Веры Дондуковой не был первым среди калмыков: еще в начале 1730-х гг. крестился внук Аюки-хана, Бакадай-Доржи, со своей женой, получившие имена Петра и Анны Тайшиных (именно для них был выстроен город Ставрополь-Волжский).⁹⁹⁷ Поэтому никакого особого ликования русские власти по поводу обращения ханши и ее потомства в православие не испытывали, не ожидая, что ее пример подвигнет на это и других калмыков. Кроме того, рухнула и надежда ханши на то, что ее прежние прегрешения будут забыты после ее обращения в христианскую веру. В самом деле, еще незадолго до ее перехода в православие существовал обычай своеобразной «амнистии» путем крещения: инородец (так в России официально называли всех лиц нерусского происхождения), совершив убийство, мог спастись от казни, приняв христианство, но в 1741 г. этот обычай отменили.⁹⁹⁸ Таким образом, несмотря на крещение и вроде бы посыпавшиеся милости со стороны императрицы, княгине Вере Дондуковой можно было рассчитывать на возвращение своих владений и тем более ханской власти не более, чем прежней ханше Джан.

В течение долгих лет семейство князей Дондуковых проживало в Санкт-Петербурге. Однако, когда на престол вступила

Екатерина II, княгиня Вера пожаловалась ей на ухудшение состояния здоровья в Северной столице и попросила разрешения вернуться в более привычные степи. Ее жалоба выглядела вполне правдоподобной: за время пребывания в Петербурге два ее сына и дочь скончались, не выдержав перемены климата.⁹⁹⁹ Поэтому в 1762 г. последовало августейшее разрешение княгине Вере и ее детям вернуться в Калмыцкое ханство. Дондуковым был возвращен удел, более того, Алексей Дондуков (прежде звавшийся Рандулом или Додби¹⁰⁰⁰) даже получил, по некоторым сведениям, ханский титул — правда, в пределах родного Багацохуровского улуса.¹⁰⁰¹

Возвращение в Калмыкию бывшей ханши и ее сына, претендента на трон, именно в это время было неслучайным. Дело в том, что 21 января 1761 г. умер калмыцкий правитель Дондук-Даши (в 1757 г. возведенный в ханское достоинство), и новым наместником был назначен его семнадцатилетний сын Убаши. Естественно, многим авторитетным потомкам Аюки-хана это назначение пришлось не по нраву, и Калмыцкое ханство вновь стало на грань междоусобицы. Одним из противников нового наместника выступил Цебек-Доржи, сын Галдан-Норбо (старшего сына Дондук-Омбо), который, несмотря на то что Джан в свое время была причастна к кончине его отца, теперь предложил ей действовать сообща против Убаши. У Джан были и свои планы: она намеревалась, воспользовавшись смутой, захватить весь Багацохуровский улус, сделав его независимым владением своих детей.¹⁰⁰²

Для русских властей намерения княгини Веры не остались тайной, и они поспешили вмешаться. Во-первых, они вновь не позволили ханше самой управлять своими владениями и взимать с них налоги: ей было велено поселиться не в самом улусе, а в крепости Енотаевская (Енотаевск), в порядке компенсации ей выплачивалось 2 000 руб. в год, а ее сыновья получили поместья и крепостных в ряде регионов Российской империи.¹⁰⁰³

Однако неугомонная ханша, по-видимому, продолжила свои интриги, чтобы расширить свои владения и добиться-таки власти для своего сына. Ее действия встретили враждебную реакцию со стороны калмыков: между ними стали распространяться слухи, что ханша Джан намерена убить наместника Убаши, сама стать верховной правительницей ханства, своего сына возвести в ханы, а фактическую власть отдать Цебек-Доржи; кроме того, стали поговаривать, что она намерена насильно крестить всех калмыков. Русские власти были вынуждены вновь вмешаться: они официально довели до населения Калмыцкого ханства, что правительство

вовсе не намерено переводить всех калмыков в христианство. А Вере Дондуковой и ее сыну Алексею были направлены гневные послания, в которых им грозили, что их могут вновь вернуть в Петербург, если они не образумятся. А для обеспечения порядка в ханстве на его территорию был введен драгунский полк под командованием бригадира Андрея Бехтеева.¹⁰⁰⁴ Угрозы возымели действие: княгиня Вера и князь Алексей Дондуковы больше не пытались бороться за власть и продолжали пребывать в Енотаевске.

В 1771 г. значительная часть калмыков под предводительством самого наместника Убаши отказались подчиняться русским властям и попытались перекочевать в свои прежние кочевья в Западной Монголии, передавшись под власть Китая, который в то время контролировал указанные территории. Однако русские войска в союзе с казахами сумели вернуть их большую часть, причем многие калмыки погибли как во время мучительно долгой перекочевки на восток, так и во время нападений казахов. В результате русское правительство в том же 1771 г. официально упразднило Калмыцкое ханство. Таким образом, исчез престол, за который так долго и упорно боролись ханша Джан и ее семейство.

Княгиня Вера Дондукова скончалась в 1777 г. Ее сын Алексей дослужился до звания полковника российской армии; впрочем, едва ли не единственным его известным деянием стало участие в подавлении восстания Емельяна Пугачева (о его роли в этих событиях упоминает А. С. Пушкин в «Истории Пугачева»¹⁰⁰⁵). Он умер в том же Енотаевске в 1781 или 1783 г., не женившись и, соответственно, не оставив потомства.¹⁰⁰⁶ Другой сын Джан, Иона Дондуков, в отличие от матери и брата, не вернулся в степи, а остался в России, получив поместье в Могилевской губернии и 3000 крепостных. Он женился на представительнице знатного рода Корсаковых, но в браке родилась только одна дочь, которая также была выдана замуж за одного из Корсаковых — их потомство носило титул князей Дондуковых-Корсаковых.¹⁰⁰⁷

Стоит отметить, что впоследствии ряд представителей калмыцкого правящего рода претендовал на княжеское достоинство в Российской империи, однако всем им было отказано: княжеский титул принадлежал только потомкам Дондук-Омбо — нескольким ветвям рода Дондуковых, начало которому положила именно ханша Джан.¹⁰⁰⁸

После упразднения Калмыцкого ханства на всем постордынском пространстве оставалось только одно джучидское государство — Казахское ханство. В 1730-е гг. оно признало зависимость от

России, а в 1822–1824 гг. в нем была упразднена ханская власть, однако еще до 1860-х гг. сохранялись отдельные чингизидские институты управления. Как раз в этот период в нем жила и действовала героиня следующего очерка Айганым — последняя казахская правительница, которую российские власти признавали в ханском достоинстве.

ОЧЕРК ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ. АЙГАНЫМ — ПОСЛЕДНЯЯ КАЗАХСКАЯ ХАНША (1783–1853, КАЗАХСТАН)

Проследив судьбы правительниц государств на постордынском пространстве, можно выявить постепенное снижение их статуса, привилегий и притязаний. Нур-Султан, ханша Казани и Крыма, на равных вела диалог с великим княжеством Московским, казанские правительницы Гаухаршад и Суюн-бике отстаивали самостоятельность своего государства от Москвы, Фатима-Султан номинально сохраняла остатки автономии Касимовского ханства от Московского царства, калмыцкая ханша Джан боролась за власть, уже пытаясь опираться на поддержку российских имперских властей.

Героиня нашего последнего очерка, казахская ханша Айганым, избрала другой путь — прямое и всеобъемлющее сотрудничество с российскими властями, реализация их политики в Казахстане и даже отчасти принятие русского образа жизни. Однако именно благодаря этим действиям она сумела сохранить для себя и своих потомков хотя бы часть той власти, какой лишились те казахские ханы и султаны, которые стали на путь открытого сопротивления российским преобразованиям в Казахстане.

I

Вали-хан, муж Айганым, был старшим сыном знаменитого казахского хана Аблая — выдающегося военачальника и государственного деятеля, едва ли не в последний раз сумевшего объединить все три жуза Казахстана под единой властью и считающегося сегодня одним из главных героев казахской истории. Сам же хан Вали, наследовавший после отца власть всего лишь в одном Среднем Жузе,¹⁰⁰⁹ был гораздо менее деятельным правителем, чем его отец. Несмотря на то что вскоре после смерти Аблая, в январе 1782 г., он был признан в ханском достоинстве императором китайской династии Цин

и затем в течение всего правления поддерживал дипломатические контакты с китайцами, русские власти всецело полагались на него. Неслучайно и Санкт-Петербург признал его ханский статус очень скоро, уже в феврале 1782 г., и в дальнейшем всячески поддерживал. Вали-хан старался упрочить свою власть над казахами, что не вызывало у них одобрения: уже в 1795 г. влиятельные казахские султаны и старшины обратились к императрице Екатерине II с просьбой отстранить Вали от правления. Но, хотя русские власти в то время нередко практиковали смещение ханов, на этот раз они сумели добиться компромисса с казахской аристократией, в результате чего Вали-хан сохранял власть до самой смерти в декабре 1821 г.¹⁰¹⁰

Айганым (имя ее, состоящее из двух элементов «ай» — «луна» и «ганым/ханым» — «ханская дочь», соответственно, переводится как «лунная царевна») родилась в 1783 г. и, вероятно, в самом конце XVIII в. стала женой уже пожилого Вали-хана (родившемуся в 1741 г. хану было около 60 лет). О ее происхождении нам практически ничего неизвестно. В русских документах она названа Айганым Валиевой, «урожденной Сагалдаковой»,¹⁰¹¹ т. е. ее отца звали Сагалдак (или Сагалдык). Однако имени такого деятеля мы не находим ни среди казахских султанов, ни среди ходжей, ни среди известных биев. Возможно, в русской документации его имя искажено (его могли звать, например, Сайдак и т. п.), но также не исключено, что он, и в самом деле, не был представителем казахской аристократии, и Вали-хан женился на его дочери из-за ее красоты.

Пожилой хан Вали мог себе позволить взять молодую жену, поскольку к этому времени уже был женат и имел пятерых сыновей. Однако он, очевидно, очень любил Айганым: в этом браке у него родилось еще девять (!) сыновей.¹⁰¹² Естественно, все четырнадцать сыновей не могли рассчитывать ни на ханский титул, ни на какие-то значительные уделы — ведь и помимо них в Казахстане были сотни потомков Чингис-хана, каждый из которых формально имел право даже на ханский трон. Однако очень скоро проблема борьбы за трон была эффективно решена русскими властями: в 1822–1824 гг. был введен в действие «Устав о сибирских киргизах»,¹⁰¹³ в соответствии с которым в Среднем и Младшем жузах Казахского ханства официально упразднилась ханская власть, а сами жузы делились на округа, во главе которых стояли старшие султаны (ага-султаны) в Среднем жузе и султаны-правители в Младшем жузе.

Далеко не все из потомков Вали-хана одобряли его подчинение русским властям. Среди недовольных самым влиятельным был его старший сын Губайдулла, который еще при жизни отца проявил

свое негативное отношение к имперской администрации. После смерти Вали-хана, в 1822 г., он демонстративно принял ханский титул, да еще и срочно отправил в Китай прошение, чтобы империя Цин признала его в ханском достоинстве. В 1824 г. цинские послы прибыли в Казахстан с намерением организовать церемонию интронизации Губайдуллы, но русские власти немедленно арестовали его и потребовали официального отречения от трона, на что ему пришлось согласиться. Тем не менее он был арестован и даже содержался в заключении у омских властей, однако уже в 1825 г. был освобожден и даже назначен ага-султаном Кокчетавского округа.¹⁰¹⁴

Однако он упрямо отказывался исполнять обязанности правителя округа, а когда к нему прибыл русский чиновник для получения объяснений, Губайдулла вышел к нему из шатра и самолично заявил, что он-де умер! Подобные поступки выглядели невинными чудачествами, однако старший сын Вали-хана проделывал и менее безобидные вещи: в частности, он весьма активно занимался барымтой — насильственным угоном чужого скота в ответ на истинные или мнимые проступки перед ним владельца скота или его сородичей. Барымта была запрещена русскими властями, и нарушение ее самим ага-султаном являлось явной демонстрацией непризнания российских властей и российских законов.

Айганым, в глазах которой ее пасынок Губайдулла являлся соперником ее сыновей на пути к власти и обладанию богатыми владениями Вали-хана, старалась постоянно информировать сибирскую администрацию (в ведении которой были казахские степи) о неблагоприятных поступках ага-султана, а заодно подчеркивать свою собственную лояльность Российской империи. Ее старания увенчались успехом: в 1826 г. Губайдулла был вторично арестован и сослан в г. Березов, возвратившись из ссылки лишь в 1840 г.¹⁰¹⁵

Сама Айганым вполне искренне считала, что сотрудничество с российской администрацией является единственно возможным путем в современном ей Казахстане, и старалась извлечь максимум пользы из этого сотрудничества. Уже вскоре после смерти Вали-хана она начинает переписку с омскими властями, всячески одобряя введение в действие «Устава о сибирских киргизах», причем подписывается ханским титулом и ставит свою собственную печать. Надо сказать, что ранее эта печать принадлежала ее супругу Вали-хану, однако после его смерти вдова не передала ее одному из его сыновей (как полагалось по закону), а продолжала пользоваться сама. Если же в губернскую канцелярию направлялись коллективные послания или петиции, то имя и печать Айганым стояли на одном из первых

мест.¹⁰¹⁶ Примечательно, что российские правящие круги, упразднив институт ханской власти в Казахстане, тем не менее даже в официальной переписке продолжали титуловать Айганым ханшей, и она, таким образом, стала фактически последней казахской правительницей, признававшейся Российской империей в ханском достоинстве.¹⁰¹⁷

II

Айганым нередко беззастенчиво злоупотребляла расположением российских властей, заваливая их многочисленными запросами бытового характера. Она получала официальное жалование от имперских властей, а если ей по какой-то надобности было необходимо съездить в Омск, чтобы пообщаться с представителями сибирской администрации лично, она старалась компенсировать свои расходы на эти поездки — требовала «прогонные деньги», обосновывая претензию тем, что поездки совершались в интересах государства.¹⁰¹⁸

Весьма любопытно, что русские власти довольно либерально относились к подобным запросам и требованиям Айганым. Надо полагать, что причиной тому стали не только ее приверженность к России и содействие реализации имперской политики в казахской степи. Думаем, дело еще и в том, что русские власти неоднократно старались подчеркнуть, что их правовые преобразования в Казахстане во многом позволили улучшить положение казахских женщин, сделать их более правоспособными и независимыми от воли мужей, братьев и пр.¹⁰¹⁹ Айганым, таким образом, являла собой пример «освобожденной» казахской женщины, которая действовала не менее активно, чем многие казахские мужчины-правители, и имела не меньше влияния на территории Центрального и Северного Казахстана.

Несмотря на дружественные отношения с омской администрацией и связи даже при императорском дворе, Айганым энергично выступала против самовольного продвижения русских в казахские степи. Так, в марте 1831 г. она направила послание в окружное управление с жалобой на казаков, которые без разрешения казахских султанов и биев рубили лес и косили траву в их владениях, притесняя местных казахов. Ее жалоба была принята к рассмотрению: казакам было запрещено впредь косить траву без разрешения местного населения и рубить лес в местах кочевков казахов. В апреле того же года Айганым прибыла в Тобольск и обратилась с аналогичной просьбой уже в Главное управление Западной Сибири: казаки не просто рубили лес и косили траву, но и самовольно построили на

земле казахов свои избы и завели заимки. Управление и в этот раз отреагировало положительно: генерал-губернатор Западной Сибири Вельяминов приказал провести расследование и, если выяснится, что казаки и в самом деле занимают казахские территории, запретить им совершать подобные действия.¹⁰²⁰

Много внимания Айганым уделяла вопросам управления в Казахстане. Она стойко защищала интересы своих сыновей, а следовательно — и всего рода казахских султанов-Джучидов, упорно борясь против прихода к власти неродовитых казахов («черной кости»), некоторые из которых к 1826 г. уже стали волостными султанами (после реформ 1820-х гг. этот титул казахской знати превращается в административную должность). Так, в мае 1828 г. ханша писала губернатору Западной Сибири, что «не желает, чтобы волости были в зависимости от киргизов, происходящих из простого племени».¹⁰²¹ Ответ на ее запрос был совершенно неутешительным: представители российской администрации признавали, что во главе многих волостей действительно стоят не султаны-Чингизиды, а неродовитые «старшины», которые «имеют в своем народе не менее значения самых достойных султанов, преданы нашему правительству и, оправдывая его, и подведомственных им людей хорошим состоянием волостей... заслуживают всегда название почетных старейшин».¹⁰²² Когда ханша поняла, что ее мнение не учитывается сибирскими властями, она потребовала, чтобы ей позволили отправиться в Петербург и попасть на прием к самому императору. Впрочем, и эта ее просьба была отклонена, и в ближайшем будущем число не Чингизидов среди султанов существенно возросло.¹⁰²³

Ханша, периодически сталкивавшаяся с тем, что ага-султаны и их помощники-заседатели, отслужившие на своих должностях положенный срок, активно вмешиваются в выборы с целью продления своих полномочий, также энергично требовала от русских властей принять меры по обеспечению честных и справедливых выборов. Власти, опираясь на «Устав о сибирских киргизах», предписали всем должностным лицам не вмешиваться в выборы, а сами пообещали вести наблюдение за их ходом.¹⁰²⁴

Но, пожалуй, самым главным политическим успехом Айганым стала реализация плана по созданию нового, Аман-Карагайского (с 1835 г. — Кушмурунского), округа в Среднем Жузе и обеспечению избрания его первым ага-султаном ее старшего сына Чингиса, которому в том году исполнилось всего 23 года.¹⁰²⁵ Несмотря на то что округ был гораздо меньше всех остальных, сын Айганым, возглавив его, в любом случае приобретал самый высокий статус, на

какой могли рассчитывать султаны-Чингизиды после реформы, отменившей ханскую власть в Казахстане, а это означало его карьерный рост и в имперской сановной иерархии. Чингис Валиханов пробыл на посту ага-султана девятнадцать лет,¹⁰²⁶ после чего стал советником пограничного управления сибирских казахов, а затем вновь был избран ага-султаном — на этот раз более обширного Кокчетавского округа, занимая эту должность три срока подряд (1857–1866). Он дослужился до звания полковника российской армии (хотя нигде, кроме Казахстана, не служил), стал кавалером орденов св. Станислава 2-й степени и св. Анны 2-й степени, был награжден золотой медалью и золотым перстнем с бриллиантами.¹⁰²⁷ А уже в год смерти Айганым, в 1853 г., и старший сын Чингиса — Мухаммад-Ханафия (более известный в истории как Чокан Валиханов) получил звание корнета. Таким образом, ханша даже представителю третьего поколения рода Вали-хана обеспечила связь с русскими властями, надеясь, что со временем и ее внук станет ага-султаном.¹⁰²⁸

III

Интересы Айганым не ограничивались исключительно политической борьбой в пользу своих сыновей и внуков: ее также привлекали и простые человеческие радости — комфортное и сытное житье, приятное времяпрепровождение, культура и искусство. В стремлении удовлетворить свои потребности она сумела весьма органично сочетать блага российской оседлой цивилизации и традиционной казахской кочевой культуры.

Как уже говорилось, взаимодействуя с имперскими властями, ханша старалась извлечь из этого сотрудничества максимум пользы. Это касалось и бытовой сферы. Так, еще в 1822 г., вскоре после смерти Вали-хана, она обратилась к сибирским властям с просьбой возвести в ее личных владениях (уручище Сырымбет) дом для постоянного жительства по европейскому образцу. Она также ходатайствовала о постройке при нем мечети, школы, бани и двора с сараем. Решение по ее просьбе принималось на самом высоком уровне; в апреле 1824 г. специальным указом Правительствующего сената (высшей судебной инстанции Российской империи) за ней были закреплены в полном владении земли уручища Сырымбет на р. Ишим и приказано возвести дом с мечетью. Постройка усадьбы была завершена в 1832 г. (хотя сама ханша с детьми поселилась в доме уже в 1825 г.) и обошлась в 5 000 руб. При этом Айганым, по своему обыкновению,

добилась, чтобы и эти деньги были выделены из российской казны.¹⁰²⁹

Не ограничившись постройкой усадьбы, Айганым решила поэкспериментировать и в сфере сельского хозяйства: она обратилась к омским властям с просьбой помочь ей в освоении хлебопашества. Российская администрация, всячески поощрявшая оседание казахов на землю,¹⁰³⁰ немедленно направила сельскохозяйственный инвентарь, зерно и казака — для того чтобы на первых порах показывать казахам Айганым, как следует обрабатывать землю. К 1832 г. была вспаханы и засеяны рожью четыре десятины земли, в Сырымбете построили также мельницу, что позволило обеспечивать семью и челядь ханши хлебом.¹⁰³¹

В благодарность за поддержку со стороны властей Айганым, в свою очередь, оказывала содействие русским исследователям в Казахстане. Она помогала ученым, инженерам, геодезистам. Возможно, с ней был знаком известный русский исследователь П. П. Семенов-Тянь-Шанский, отозвавшийся о ханше весьма положительно в своих мемуарах.¹⁰³²

Айганым прекрасно понимала необходимость образования для ее детей: только образованные люди могли сделать карьеру в новых условиях. Поэтому по ее просьбе в Сырымбет был прислан мулла, который учил ее детей и других казахских детей (общим числом 24 человека) в приусадебной школе. А в 1830 г. она направила ходатайство начальнику Омской области В. И. де Сент-Лорану о том, чтобы ее сына Чингиса приняли в Омское линейное казачье училище, где готовили будущих имперских чиновников для службы в Казахстане и других восточных регионах России. На следующий год Чингиса, которому уже исполнилось двадцать лет, приняли в Азиатскую школу при линейном училище (будучи султаном по происхождению, он имел право на поступление в само училище, но совершенно не знал русского языка) вместе с братом Торежаном. Естественно, Айганым добилась, чтобы обучение ее сыновей¹⁰³³ осуществлялось за государственный счет: на каждого султана из казны отпускали по 500 руб. в год.¹⁰³⁴

Однако Чингис доставлял матери много беспокойства: он не проявил значительных успехов в образовании,¹⁰³⁵ а также жаловался, что вдова-татарка, у которой они с Торежаном поселились, морит их голодом, кормя одним ржаным хлебом, не стирает им белье, а ее слуги еще и берут самовольно вещи братьев. Кончилось тем, что Чингис Валиханов бежал из училища, однако Айганым велела ему вернуться и продолжить учение. В 1834 г. он окончил Омское

линейное училище, став довольно прилично объясняться по-русски, познакомился с основами науки, литературы, искусства, истории, географии и статистики, что ему со временем позволило, в свою очередь, установить контакты с губернским правлением в Омске. Впоследствии, уже став ага-султаном, Чингис Валиханов открыл еще одну школу для казахов — вторую после той, которую приказала организовать Айганым при собственном поместье.¹⁰³⁶

Устроив судьбу сына, Айганым взялась и за своих внуков. Кстати говоря, сегодня она наиболее известна именно благодаря тому, что стала первой воспитательницей и наставницей старшего сына Чингиса — Мухаммада-Ханафии, который в дальнейшем звался своим домашним прозвищем Чокан. В 1847 г. двенадцатилетний Чокан Валиханов был зачислен в Омский кадетский корпус (преобразованный из того линейного училища, которое закончил его отец), причем, чтобы сделать это, Айганым пришлось долго бороться со своей невесткой Зейнеп, женой Чингиса, которая упорно не хотела отправлять своего сына к русским в учение. Как оказалось, решение Айганым было верным: Чокан Чингисович Валиханов, находясь на военной службе, выполнял серьезные поручения правительства в Казахстане и секретную миссию в Восточном Туркестане (Кашгарии), а также стал первым казахским ученым. Он прожил всего тридцать лет (1835–1865), однако оставил научное наследие, для создания которого другим понадобилось бы работать на долгие годы больше. Его труды по истории, этнографии, социальному устройству и экономике Казахстана и Кашгарии до сих пор широко привлекаются исследователями.

Стоит отметить, что хотя Айганым известна именно как воспитательница своего старшего внука Чокана, не исключено, что благодаря ей раскрылись художественные способности и нескольких других сыновей Чингиса. Так, Сахиб-Керей (Козыке) был талантливым поэтом и композитором, но, к сожалению, умер в молодости, а Макажан (Маки, ум. 1923), глухонемой от рождения, был талантливым художником и, закончив специальную школу для глухонемых в Петербурге, в течение ряда лет сотрудничал с разными научными учреждениями и библиотеками.¹⁰³⁷

В стремлении приобщиться к благам западной цивилизации и приобщить к ней своих сыновей и внуков Айганым никогда не забывала о своих корнях, родной казахской культуре. Она прекрасно знала древние легенды, предания и песни казахского народа, а также и сама была не чужда поэзии.¹⁰³⁸ В частности, ее внук Ч. Ч. Валиханов упоминает, что ее джилав (надгробная

песнь или плач), сочиненный в связи с кончиной ее старшего сына Абулмамбета (Мамеке), умершего от оспы в 1833 г., пользовался широкой известностью в Среднем Жузе.¹⁰³⁹ Именно от нее будущий ученый впервые узнал о древнем, богатом и разнообразном устном народном творчестве казахов и впоследствии, подобно своему отцу Чингису (вероятно, также унаследовавшему склонность к казахскому фольклору от матери), много лет занимался его собиранием и изучением. Неудивительно, что Ч. Ч. Валиханов на всю жизнь сохранил о бабушке самые теплые воспоминания и отзывался о ней с огромным уважением.

Надо сказать, что для своего времени и сама Айганым была весьма широко и разносторонне образованной женщиной — она знала несколько восточных языков. Вероятно, именно уровень ее образования и predetermined ее стремление сотрудничать с Россией, применять в казахской степи российский опыт хозяйствования и знакомиться с русской культурой. Но при этом она до последних дней жизни продолжала оставаться настоящей казахской ханшей, чтящей и бережно сохраняющей традиции своего народа и стремящейся воспитать в них своих потомков.

IV

Айганым скончалась 19 ноября 1853 г., дожив до семидесяти лет.¹⁰⁴⁰ Как и большинство деятелей, обладавших влиянием и находившихся у власти, она имела сторонников и противников, почитателей и ненавистников. Соответственно, отношение к ней разных лиц и разных слоев казахского общества было весьма различным.

Безусловно, столь тесные связи Айганым с российской администрацией и даже ее попытки перенять русский образ жизни вызывали осуждение и враждебность со стороны многих казахов, в том числе и султанов — близких родственников ханши. На рубеже 1830-х — 1840-х гг. в Казахстане началось мощное анти-русское движение под руководством Кенесары Касымова — внука хана Аблая и, соответственно, племянника покойного мужа Айганым, Вали-хана. В 1840-х гг., когда восстание достигло своего пика, воины Кенесары под командованием его сестры Бопай (еще одной воительницы из рода Чингизидов!) напали на владения Айганым в Сырымбете. Усадьба была разорена и частично разрушена, весь скот угнан восставшими.¹⁰⁴¹ Айганым повезло, что ее самой не было в усадьбе во время нападения (она пребывала у сына Чингиса в его резиденции Кушмурун): Кенесары обладал

свирепым нравом и ради достижения своих целей не останавливался даже перед убийством родичей.

Отношение казахов к чрезмерному сближению Айганым с русскими властями, принятию их образа жизни нашло отражение и в художественной литературе. Казахский писатель Ильяс Есенберлин в своем знаменитом романе-эпопее «Кочевники» с осуждением упоминает, как «молодые гвардейские офицеры наперебой ухаживали за прекрасной кайсацкой ханшей, неожиданно появившейся при дворе и оживившей общество. Семидесятилетний муж ее Вали-хан днями и ночами не вставал из-за зеленого стола, играя со столь же престарелыми сенаторами». ¹⁰⁴²

Однако русские современники Айганым и исследователи истории Казахстана уже отказывались от попыток составить о ней только негативное мнение. Они старались подчеркнуть ее верность России, значение ее роли в политической жизни Казахстана, умение выходить на самый высокий уровень ради достижения своих целей.

Так, П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал, что «вдова хана Валия — со своими детьми оставалась верной России, в то время когда остальные её родичи, дети хана Валия от первого брака и его братья, не хотели признавать того, что хан Валий принял русское подданство. Александр I с большим вниманием отнёсся ко вдове хана Валия и велел выстроить ей первый в киргизской степи дом». ¹⁰⁴³

Знаменитый казахский академик А. Х. Маргулан так характеризовал ханшу Айганым: «Это была умная, дальновидная и для того времени образованная женщина. Она знала несколько восточных языков, интересовалась русской культурой, переписывалась с Азиатским департаментом Министерства иностранных дел и Сибирским комитетом в Петербурге. Айганым пользовалась большим авторитетом у местного населения. Судя по архивным источникам, круг общественно-политических интересов Айганым был довольно широк. После принятия “Устава о сибирских киргизах” без её участия не проходило ни одно сколько-нибудь важное событие в Центральном и Северном Казахстане». ¹⁰⁴⁴

Однако сегодня, как уже отмечалось, Айганым вспоминается, прежде всего, как бабушка Чокана Валиханова, много сделавшая для воспитания внука и формирования его как человека и как исследователя. Конечно, яркая фигура первого казахского ученого затмевает личность его бабушки, однако, на наш взгляд, это не совсем справедливо. Несомненно, жизнь и деятельность Айганым были настолько насыщены событиями, а способности и интересы

настолько разносторонни, что ее личность явно заслуживает более подробного изучения.

Прошло не более 15 лет после смерти вдовы Вали-хана, и в 1868 г. Казахстане произошла очередная реформа: были упразднены должности ага-султанов и султанов-правителей, а также и округа, во главе которых они стояли. С этого времени Казахстан был поделен на области с русскими губернаторами во главе. Последнее джучидское государство окончательно прекратило свое существование.

Однако многие султаны-Чингизиды, утратившие к этому времени статус представителей знати, стали приобретать дворянство Российской империи, поступали на имперскую службу — преимущественно военную. Среди потомков Вали-хана также известен ряд высокопоставленных военных. Что же касается представительниц ханского рода, то среди них уже не встречаются такие, которые могли бы сравниться с ханшей Айганым по влиянию, энергии и умению устанавливать «нужные связи» в самых верхах Российской империи. Да и сами потомки ханши не обладали присущей ей энергией и умением добиваться своего. Весьма характерно, что некоторое время спустя после смерти Айганым российские власти лишили ее сына Чингиса Валиханова права на владение землями, некогда закрепленными за его матерью: с 1872 г. потомки Айганым имели право лишь на пользование этими землями. А в 1895 г. наследники Чингиса после многолетних судебных разбирательств были вынуждены совсем отказаться от прав на бывшие земельные владения своей бабки и признать их собственностью Российской империи, тогда как сами бывшие султаны должны были получать ее в пользование наравне с рядовыми казаками.¹⁰⁴⁵ Таким образом, заслуги Айганым были забыты, равно как и влияние, которое она сумела закрепить за своим семейством, уже спустя сорок лет после ее кончины.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

ЖЕНЩИНЫ У ВЛАСТИ В «МУЖСКОМ» МИРЕ

Итак, перед нами прошла жизнь двадцати пяти тюрко-монгольских правительниц, которые на протяжении XIII–XIX вв. так или иначе играли значительную роль в судьбе своих, а иногда и иностранных государств.

Мы увидели, что принадлежность к женскому полу не являлась препятствием для достижения власти — формальной или фактической. Но принадлежность к женскому полу не избавляла правительниц и от опасностей, связанных с властью: из двадцати пяти властительниц, судьбы которых описаны в книге, одиннадцать были убиты,¹⁰⁴⁶ причем некоторые даже с особой жестокостью. Вероятно, в этом проявилась месть победителей-мужчин, поскольку эти правительницы дерзнули вступить в схватку за власть в «мужском» мире Чингизидов.

Нетрудно заметить, что биографические очерки, вошедшие в книгу, очень неравномерно распределены в хронологическом отношении. Так, девять правительниц жили и действовали в XIII в., по три — в XIV и XV вв., четыре — в XVI в., по одной — в XVII и XVIII вв. и две — в XIX в. (Хутулун и Нур-Султан трудно отнести к какому-либо веку, поскольку они активно действовали, соответственно, на рубеже XIII–XIV и XV–XVI вв.). И хотя, как мы уже отмечали, в книгу вошли жизнеописания лишь самых ярких, по нашему (а следовательно — субъективному) мнению правительниц чингизидских и постчингизидских государств, даже столь немногочисленная «выборка» позволяет выявить определенную тенденцию: в XIII–XVI вв. представительницы тюрко-монгольских правящих родов имели больше правовых возможностей для прихода к власти. Возможно, постепенное урезание их права на трон и уменьшение политического влияния было связано с тем, что большинство тюрко-монгольских государств с XV–XVI вв.

переходят от «чингизидских» принципов государственности и права к мусульманским, которые давали гораздо меньше прав и возможностей для возвышения женщин, даже происходивших из правящих династий того или иного государства. Однако тот факт, что женщины все же имели возможность добиться и трона, и влияния, свидетельствует как об их собственных дарованиях, так и о том, что отдельные правовые традиции тюрко-монгольских народов продолжали действовать даже в эпоху торжества ислама.

Нельзя не признать, что образы правительниц XVI–XIX вв. гораздо менее ярки и значительны, чем образы их предшественниц, действовавших в XIII–XV вв. Несомненно, гораздо больший интерес вызывают властительницы Монгольской империи или Золотой Орды, влиявшие на судьбу не только своих обширных империй, но и многих иностранных государств. И, вероятно, совершенно незначительными представляются образы правительниц среднеазиатских ханств или постордынских государств, чье влияние распространялось на не слишком-то значительные государства или даже только их части. Сужение границ тюрко-монгольских государств, снижение их политического значения и масштабов деятельности, а также постепенное попадание под власть сильных иностранных держав обусловили и появление у их правительниц других забот. Так, если Туракина, Огул-Гаймиш или Тайдула влияли на международную политику в континентальных масштабах, имели переписку с иностранными государями и вели завоевательные войны, то такие правительницы, как Фатима-Султан, Джан, Айганым, были озабочены тем, чтобы сохранить свои владения, преумножить богатства и не вызвать гнев своих сюзеренов — московских царей, а впоследствии российских императоров.

Тем не менее вышеупомянутое сохранение чингизидских традиций, благодаря которым и ханши XVII–XIX вв. приходили к власти, позволяло им в известной степени считать себя правопреемницами прежних великих властительниц Евразии и, вероятно, ощущать себя не менее значимыми в масштабах своей деятельности. Вполне справедливо, например, наблюдение М. Г. Худякова, усмотревшего параллели между регентством Туракины или Огул-Гаймиш в Монголии XIII в. и царевны Гаухаршад в Казанском ханстве XVI в.¹⁰⁴⁷ Эти же правовые традиции позволили обладать властными полномочиями таким правительницам, как калмыцкая ханша Джан в XVIII в., и даже казахская ханша Айганым в XIX в., когда о важной роли и даже независимом существовании чингизидских государств не было и речи. Не исключено, что та же

ханша Айганым, отправляя в канцелярию сибирского губернатора письмо с просьбой возместить ей дорожные расходы, понесенные в связи с поездкой в Омск, считала себя не менее значимой правительницей, чем Огул-Гаймиш, требовавшая в своем послании дань от римского папы! Историческое самосознание и самоидентификация правительниц тюрко-монгольских государств, безусловно, являются весьма интересной темой для исследований, которая, к сожалению, в целом осталась за рамками наших очерков, поскольку при их написании мы изначально ставили перед собой несколько иные задачи. Тем не менее этот вопрос представляется весьма интересным и, вероятно, в дальнейшем будет изучен более подробно.

Итак, можно смело утверждать, что женщины приходили к власти в течение всей эпохи чингизидской государственности,¹⁰⁴⁸ нередко внося весьма существенный вклад в ее развитие, а в некоторых случаях даже и спасая то или иное государство от исчезновения. Нетрудно заметить даже по названиям очерков, что некоторые деятельницы характеризуются как первые, а гораздо большее число — как последние правительницы того или иного государства. Несомненно, и здесь можно увидеть определенную тенденцию: в условиях политического кризиса активность представительниц правящих родов нередко возрастала, тем более что в ряде случаев падение того или иного государства было связано и с династическим кризисом, пресечением мужской ветви правящей династии. В таких условиях приход к власти женщин являлся своеобразным «маркером» того, что государство доживает свои последние годы. Так, правления царевны Гаухаршад и регентши Суюн-бике ознаменовали падение Казанского ханства, правление Фатимы-Султан стало логическим завершением существования Касимовского ханства и т. д. Исключением из этой тенденции стало правление Мандухай, которая пришла к власти в Монгольском ханстве в условиях глубокого политического и династического кризиса, но смогла возродить ханство, просуществовавшее еще около полутора столетий в качестве независимого государства.

Однако трудно винить «властительниц Евразии» в падении государств, которыми им суждено было править. Большинство чингизидских и постчингизидских ханств исчезли все же в результате воздействия внешних факторов — натиска более могущественных иностранных государств. Так, Монголия оказалась поглощенной империей Цин, а большинство постордынских государств — Российской империей. В таких условиях нельзя не

отметить политическое чутье тюрко-монгольских правительниц (Фатима-Султан, Джан, Айганым), сумевших сориентироваться и пойти на союз с могущественным соседом, что позволило хотя бы частично сохранять традиционные институты государственности и права даже в тех государствах, которые уже формально вошли в состав Российской империи.

Тем не менее дальнейшее развитие российской политики подразумевало более глубокую интеграцию тюрко-монгольских государств в имперское политико-правовое пространство и, следовательно, окончательное вытеснение традиционных элементов государственности и права с заменой их общероссийскими правовыми принципами. А с исчезновением остатков древних степных правовых традиций исчезают и возможности прихода к власти женщин-правительниц.

Впрочем, нельзя не отметить, что и сегодня на постсоветском пространстве, в государствах, существующих на территории прежних тюрко-монгольских ханств, имеют место случаи появления женщин на высоких постах и даже во главе государства. Однако принципы их прихода к власти сегодня совершенно иные, и их анализ — это предмет совершенно другого исследования.

В завершение не можем еще раз не признать, что выбор героинь для биографических очерков, составивших настоящую книгу, является, конечно, субъективным: мы постарались представить жизнеописания наиболее ярких или же наиболее типичных правительниц, постаравшись при этом также охватить по возможности все страны и регионы, в которых правили потомки Чингис-хана или их преемники в тот или иной период времени. Но, безусловно, влиятельных женщин в государствах Чингизидов и их преемников было гораздо больше, и многие из них также заслуживают отдельных жизнеописаний — как в силу личных качеств, так и значения, которое они имели в политической жизни.

Интересной могла бы получиться биография, например, упомянутой в этой книге Тогашай — супруги Есу-Мунке, сына Чагатая, и фактической правительницы Чагатайского улуса в 1246–1251 гг. Не менее яркой была судьба и ханши Булуган — старшей супруги хана Тэмура (императора династии Юань, внука Хубилая), которая после смерти мужа попыталась возвести на трон своего любовника. Значительной была роль ханши Баялун — супруги золотоордынских правителей Токты и Узбека, много сделавшей для возведения на трон своего второго мужа, интересна и судьба ее тезки — еще одной Баялун, византийской царевны, также бывшей

супругой Узбека, впоследствии уехавшей от него в Константинополь к своему отцу-императору. Интересный материал для биографического очерка представляет собой жизнь золотоордынской царевны Тулунбай, бывшей в 1320-е гг. султаншей Египта. Несомненно, вызвала бы интерес и судьба дочери хана Золотой Орды Джанибека, которая, согласно преданию, бежала из отцовского дворца со своим любимым — эмиром Аматом, поскольку хан не хотел отдать дочь ему в жены. В начале XV в. правительницей Ирана была ханша Танду — дочь, жена и мать правителей из династии Джелаиридов, которые сменили ильханов-Чингизидов.

Из героинь более позднего времени, заслуживающих, по нашему мнению, жизнеописаний, можно назвать, в частности, крымскую ханшу Нурум — супругу Мухаммад-Гирея I, которая, подобно Нур-Султан, вела активную переписку с Москвой и другими соседними государствами. Также привлекает интерес монгольская ханша Юнгэн, супруга Алтан-хана (правителя области Тумэт в Южной Монголии), вместе с которым она активно способствовала распространению буддизма в Монголии в последней трети XVI в. Интересным могло бы получиться исследование жизни Нур-Джахан — супруги падишаха Джахангира из династии Великих Моголов, которая вместе с мужем около двадцати лет властвовала над Индией, — даже на монетах чеканились имена обоих супругов. Заслуживает внимания и еще одна представительница этой династии — Зебунисса, дочь падишаха Шах-Джахана, которая активно участвовала в политической жизни страны, но сегодня больше известна как поэтесса, чьи произведения относятся к классике персоязычной поэзии. Наконец, более пристального внимания заслуживает судьба и двух правительниц, упомянутых нами в книге — ханши Дармабалы, супруги и соправительницы самого известного калмыцкого хана Аюки, и прославившейся богатырскими подвигами на поле брани султанши Бопай, верной соратницы своего брата — хана Кенесары, возглавившего антироссийское выступление в 1840-е гг.

Эти, а также и другие правительницы, заслуживающие внимания исследователей и читателей, пока еще не стали героинями биографических очерков. Однако авторы не исключают возможности новых исследований правового статуса и политической роли женщин в тюрко-монгольском мире, в результате которых вполне не исключено появление продолжения настоящей книги.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

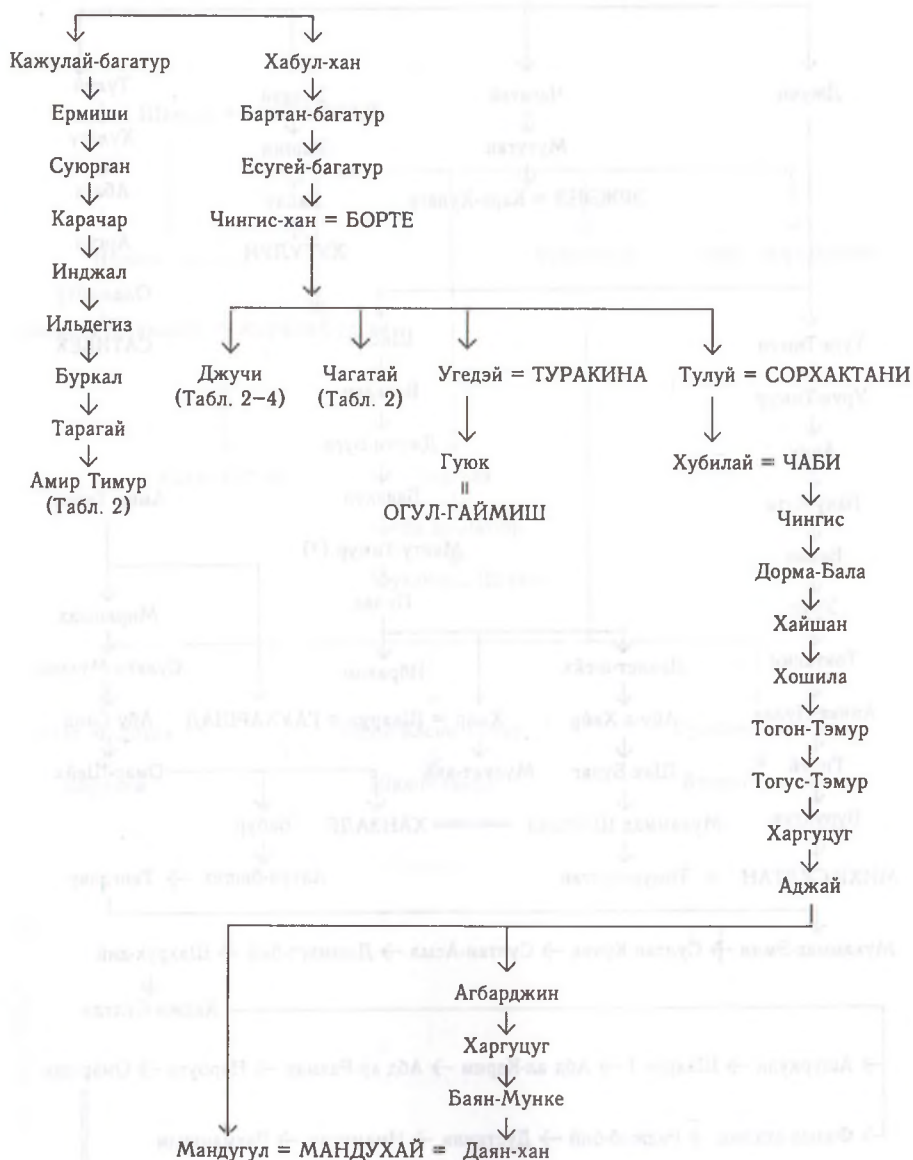

Таблица 1. Монгольская империя, династия Юань, Монгольское ханство

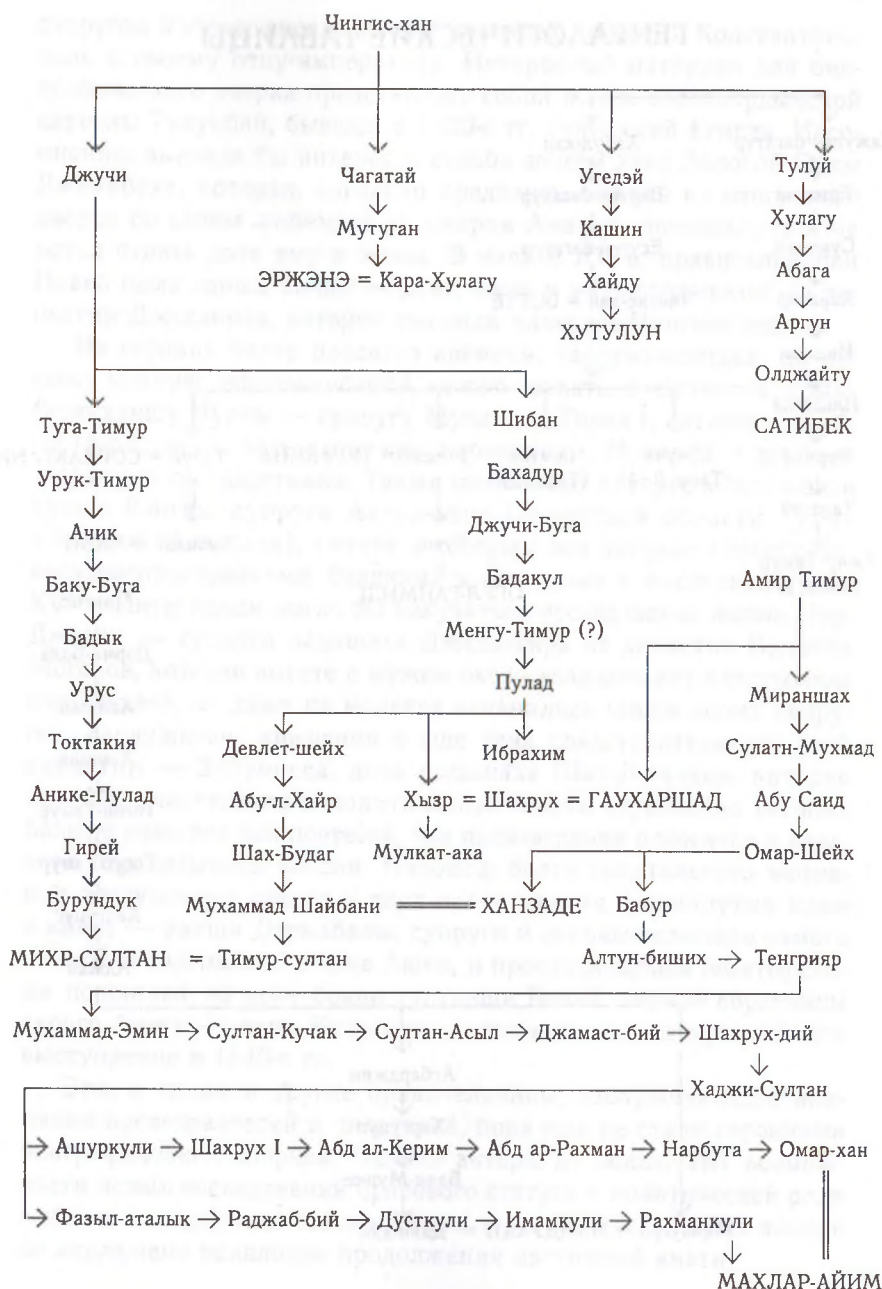

Таблица 2. Иран и Средняя Азия

Таблица 2а. Род Шахруха (указаны только представители, упомянутые в десятом очерке)

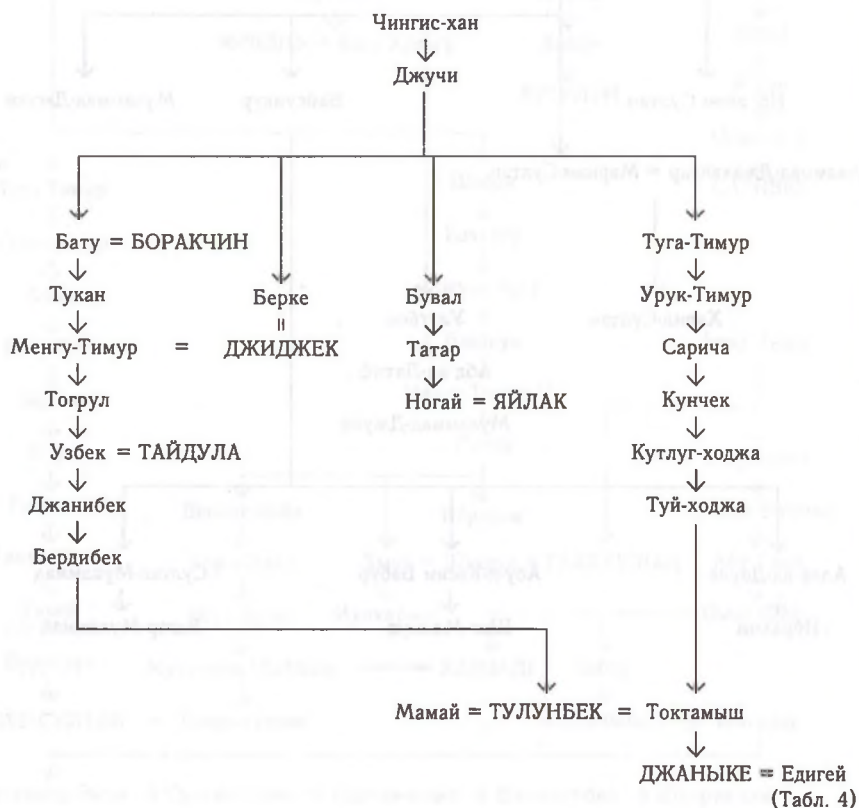

Таблица 3. Золотая Орда

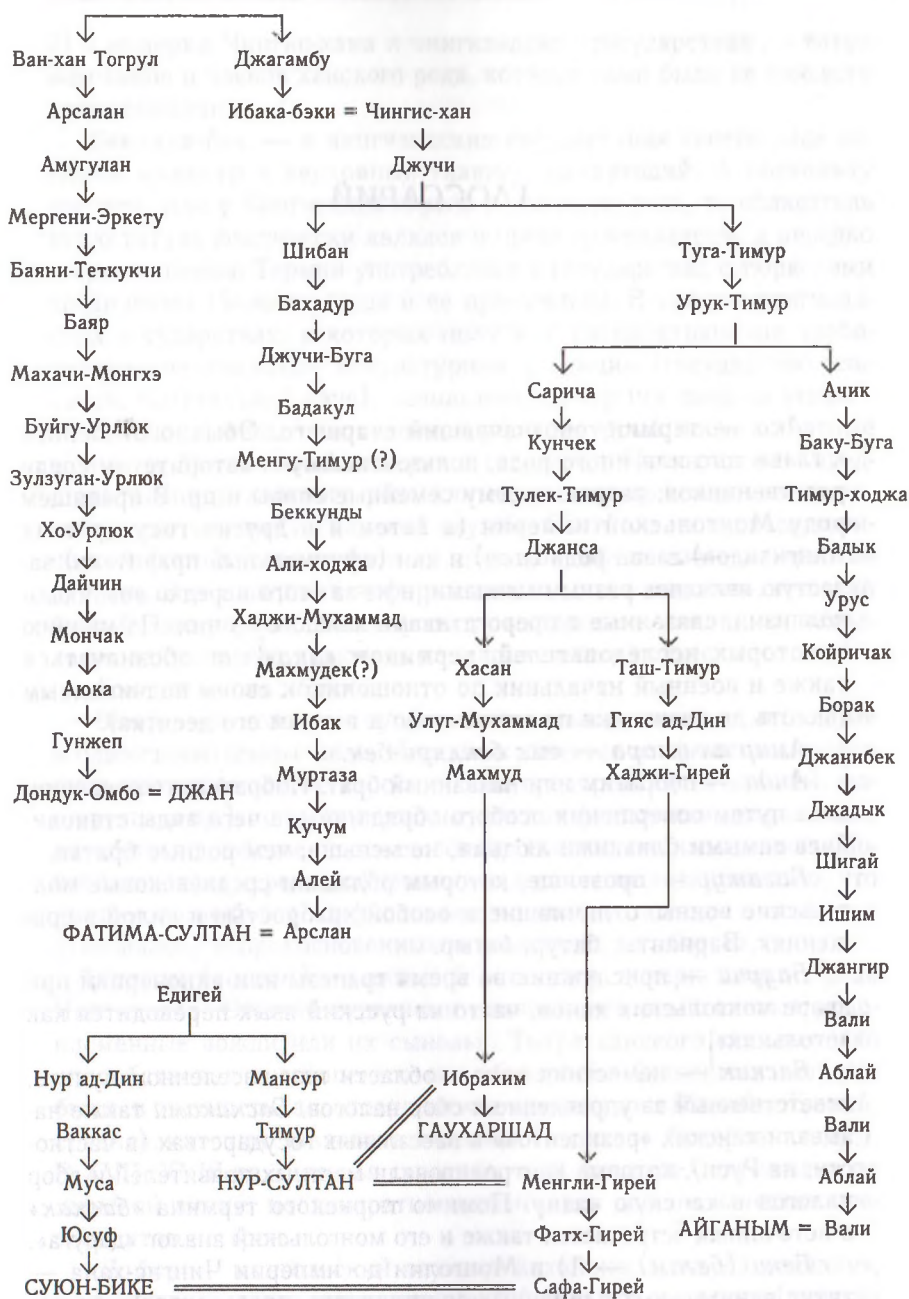

Таблица 4. Постордынские государства

ГЛОССАРИЙ

Ака — термин, обозначавший старшего. Обычно относился к главе того или иного рода, пользовавшемуся авторитетом среди родственников, разрешавшему семейные споры и пр. В правящем роду Монгольской империи (а затем и в других государствах Чингизидов) глава рода (*ака*) и хан (официальный правитель) зачастую являлись разными лицами, и из-за этого нередко возникали коллизии, связанные с прерогативами каждого из них. По мнению некоторых исследователей, термином «*ака*» мог обозначаться также и военный начальник по отношению к своим подчиненным (вплоть до десятника по отношению к воинам его десятка).

Амир ал-умара — см.: *бекляри-бек*.

Анда — побратим или названный брат. Побратимство скреплялось путем совершения особого обряда, после чего анды становились самыми близкими людьми, не меньше, чем родные братья.

Багатур — прозвище, которым обладали средневековые монгольские воины, отличившиеся особой храбростью и силой в сражениях. Варианты: *батур*, *батыр*.

Баурчи — прислужник во время трапезы или виночерпий при дворе монгольских ханов, часто на русский язык переводится как «стольник».

Баскак — наместник хана в области или населенном пункте, ответственный за управление и сбор налогов. *Баскаками* также называли ханских «резидентов» в вассальных государствах (в частности, на Руси), которые контролировали местных правителей и сбор налогов в ханскую казну. Помимо тюркского термина «*баскак*» в источниках встречается также и его монгольский аналог «даруга».

Беки (бегим) — 1) в Монголии до империи Чингис-хана — титул влиятельных племенных аристократов, предводителей родов, обладавших также законодательными и судебными функциями;

2) в империи Чингис-хана и чингизидских государствах — титул жен ханов и членов ханского рода, которые сами были не ханского происхождения.

Бекляри-бек — в чингизидских государствах своего рода военный министр и верховный главнокомандующий. А поскольку военное дело у Чингизидов играло решающую роль, то обладатель этого титула фактически являлся и премьер-министром, а нередко и временщиком. Термин употреблялся в государствах с тюркскими традициями (Золотая Орда и ее преемники). В тех же чингизидских государствах, в которых получили распространение арабо-персидские языковые и культурные традиции (государство ильханов, Чагатайский улус), использовался термин *амир ал-умара*.

Бокка (бохтаг) — головной убор, который носили знатные женщины Монгольской империи и государств Чингизидов — представительницы ханского рода или жены сановников и военачальников, состоявших на ханской службе. Состояла из каркаса конической формы (состоялся из прутьев, обтягиваемых берестой и тканью) и наверхия в форме спицы или «сапожка», нередко была богато украшена жемчугом, драгоценными камнями и металлами, также могла включать дополнительные подвески.

Бохтаг — см.: *Бокка*.

Вакф — в исламе: имущество, отписываемое на религиозные и благотворительные цели. Нередко в качестве вакфа отписывались лишь доходы с земли, строений или предприятий (мельницы, мастерские и пр.), тогда как само имущество фактически продолжала находиться в собственности ее обладателя или его наследников. Подобные вакфы нередко оформлялись в качестве гарантии того, что имущество не будет конфисковано, поскольку, попадая в вакф, оно становилось неприкосновенным и изымалось из оборота.

Гурган (гургэн) — ханский зять, муж дочери хана из рода Чингизидов. Обычно гурганами становились влиятельные родоплеменные вожди или их сыновья. Титул ханского зятя нередко способствовал возвышению его обладателя (ханскими зятьями были, в частности, золотоордынские временщики Мамай и Едигей, среднеазиатский завоеватель Амир Тимур — Тамерлан и др.). В XVII–XVIII вв. сыновья гурганов, т. е. потомки Чингис-хана по женской линии, неоднократно выдвигались даже в качестве претендентов на трон.

Дайху — монгольский вариант китайского титула «тайхоу», т. е. «вдовствующая императрица». Обычно присваивался (нередко задним числом) матерям ханов.

Даруга — см.: баскак.

Джинонг — высокий монгольский титул китайского происхождения (кит. цзинь-ван), в Монгольском ханстве XV-XVI вв. часто присваивавшийся потенциальным наследникам ханского трона (см. также: хунтайджи).

Дзаргучи — судья, ведущий судебные заседания и выносивший решения на основе Великой Ясы Чингис-хана. В противовес родоплеменным предводителям, судившим своих сородичей по обычному праву, или мусульманским судьям-кади, выносившим решения на основании религиозного права (шариата), такой судья назначался ханским предписанием-ярлыком, в котором определялась и его компетенция.

Калга — в постордынских государствах (Крым, Сибирское ханство и др.) соправитель-наследник хана.

Кешиктен — воин кешика — особой гвардии, сформированной Чингис-ханом после своей коронации, в функции которой входила охрана самого хана и членов его рода. Формировалась из сыновей и братьев монгольских родоплеменных вождей, которые, таким образом, являлись и заложниками, обеспечивавшими лояльность их родственников хану.

Курултай — съезд представителей власти в тюрко-монгольских государствах, обладавший широкими полномочиями (избрание хана, объявление войны и заключение мира, суд над государственными преступниками и пр.). В работе курултая принимали участие все члены правящего рода, в том числе и ханские жены и дочери, ханские зятья, военачальники (вплоть до тысячников), родоплеменные вожди и наместники областей.

Лама — буддийский монах в Монголии, Бурятии и Калмыкии (отсюда монгольский буддизм ранее назывался ламаизмом).

Левират — брачно-правовой обычай, распространенный в традиционных обществах. В соответствии с ним женщина, за которую выплачивался калым, считалась собственностью рода своего супруга и в случае его смерти должна была выйти замуж за его ближайшего родственника (чаще всего брата, но нередко — и сына от другой жены).

Мюрид — ученик или последователь мусульманского шейха или пира, разделяющий его воззрения и заботящийся о самом своем наставнике (мюршиде). Мюриды помогали наставнику по дому или сопровождали его в путешествиях. В позднесредневековых тюрко-монгольских государствах правители нередко объявляли себя мюридами наиболее влиятельных представителей мусульманского

духовенства, чтобы обеспечить себе поддержку с их стороны и повысить собственную легитимность в глазах своих подданных.

Нишан — личная именная печать ханов, обычно представлявшая собой оттиск перстня с именем хана. В XV–XVI вв. стала заменять тамгу.

Нойон — титул представителя монгольской аристократии. После реформ Чингис-хана термин превратился в своеобразное «офицерское звание»: были нойоны тысяч и т. п.

Огул — монгольский титул, которым обладали потомки Чингис-хана. Буквально означал «сын», т. е. принадлежность к ханскому роду по прямой мужской линии.

Отчигин — хранитель домашнего очага. Такой титул носили в знатных монгольских семействах младшие сыновья, жившие при родителях до самой смерти и наследовавшие их основные владения (старшие дети еще при жизни родителей получали самостоятельные уделы, которые им следовало увеличивать по мере своих возможностей).

Пайцза — металлическая (золотая, серебряная с позолотой или без, медная) или деревянная табличка, дающая ее обладателю право пользоваться какими-либо правами или привилегиями. Выдавалась либо как самостоятельный документ, либо как приложение к ханскому ярлыку. Пайцзы выдавались, в частности, ханским послам или гонцам, которые, по их предъявлению, имели право получать лошадей на ямских станциях, провизию и фураж, останавливаться на постой в городах и селениях, через которые проезжали и т. д.

Сейид — потомок пророка Мухаммада (по линии его дочери Фатимы и ее мужа, халифа Али, двоюродного брата пророка). В Средней Азии сейиды пользовались большим духовным авторитетом и, наряду с представителями рода Чингизидов и ходжами, принадлежали к «белой кости», т. е. высшей знати (даже родоплеменная аристократия традиционно считалась «черной костью»).

Сэчен — почетное прозвище в среде монгольской знати, означавшее «мудрый».

Тайджи — монгольский титул китайского происхождения (от кит. тайцзи), которым обладали представители ханского рода. По-видимому, под влиянием китайской традиции вытеснил монгольский аналог «огул».

Тамга — 1) большая государственная печать, которой заверялись наиболее важные документы правового характера (ханские ярлыки, послания ханов и пр.). Чаще всего была квадратной формы и красного цвета с надписью, предписывающей подчиниться воле

хана под угрозой смерти; 2) торговый налог, взимавшийся при совершении сделок; в разных государствах Чингизидов в разное время колебался от 3 до 10% от стоимости продаваемого товара.

Тахаллус — поэтический псевдоним, который принимали поэты и поэтессы на мусульманском Востоке. В ряде случаев становился более известным, чем настоящее имя его обладателя.

Тумен — в Монгольской империи и чингизидских государствах — отряд в 10 000 воинов, а также — административная единица с населением, которое может выставить такой отряд. Фактически тумены никогда не достигали своей номинальной численности: в разные времена к боевым действиям привлекалось от одной пятой до половины тумена.

Уджин (фуджин) — титул жены хана или членов ханского рода, которая сама не происходила из правящего рода (ханские дочери носили титул хатун).

Хатун — титул представительницы ханского рода. Им обладали даже те дочери ханов, которые состояли в браке с представителями менее знатных семейств. Супруги ханов из числа дочерей беков не имели право на этот титул и назывались обычно уджин (фуджин) или беки — впрочем, в летописной традиции их также могли называть хатун, несколько повышая их статус.

Ходжа — в Казахстане и Средней Азии: 1) потомки первых четырех арабских халифов (Абу Бакра, Омара, Османа и Али); 2) потомки первых арабских завоевателей, осевших в Средней Азии. Пользовались высоким авторитетом среди населения, наряду с Чингизидами и сейидами принадлежали к «белой кости», т. е. высшей знати. Часто являлись влиятельными представителями мусульманского духовенства, возглавляли ордена-тарикаты.

Хунтайджи — монгольский титул китайского происхождения (от кит. хуан-тайцзи), обладатели которого являлись, как правило, потенциальными наследниками ханского трона. В Джунгарском ханстве (Западная Монголия, 1634–1758) титул хунтайджи принадлежал его верховным правителям.

Чингизиды — потомки Чингис-хана по прямой мужской линии. Каждый Чингизид имел формальное право занять трон в любом государстве, существовавшем на территории империи Чингис-хана. Чингис-хан и его потомки правили в многих государствах Евразии с 1180-х до 1920-х гг.

Чинсан (чингсанг) — монгольский титул китайского происхождения. Присваивался высшим государственным сановникам, фактически — министрам.

Ярлык — ханский указ, обладавший высшей юридической силой на территории государства, которым правил соответствующий монарх. Ярлыки имели право выдавать только самостоятельные правители-ханы из рода Чингизидов. Представляли собой бумажный свиток, часть текста которого иногда была написана цветными (золотыми, красными, синими) чернилами. Заверялся ханской печатью — тамгой или нишаном.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Абдулла 2008a — Абдулла Г. Правительницы ханского дома Гираев // Qasevet. 2008. № 33. С. 28–31.

Абдуллаева 2011 — Абдуллаева Г. Нур-Султан — ханша Казанская и Крымская // Авдет. № 40. 10.03.2011. Электронная публикация с официального сайта издания: <http://www.avdet.org>.

Абзалов 2011 — Абзалов Л. Ф. «Ноги в капкане» — из истории медицины Золотой Орды // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань, 2011. С. 96–105.

Абуль-Гази 1996 — Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. Г. Саблукова // Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. М.; Т.; Б., 1996. С. 3–187.

Акимушкин 1994 — Акимушкин О. Ф. Байсунгур-мирза и его роль в культурной и политической жизни Хорасанского султаната Тимуридов первой трети XV века // Петербургское Востоковедение. Вып. 5. СПб., 1994. С. 143–168.

Акты 1857 — Акты, относящиеся до юридического быта древней России / Под ред. Н. Калачова. Т. I. СПб., 1857.

Алаев 2003 — Алаев Л. Б. Средневековая Индия. СПб., 2003.

Алишев 1995 — Алишев С. Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995.

Аллами 2006 — Абу-л-Фазл Аллами. Акбар-наме. Кн. 2 / Пер. с англ. А. Е. Дунаева, И. О. Клубковой. Самара, 2006.

Алмас 1993 — Алмас Т. Уйгуры / Пер. с уйгур. Х. Хамраева. Алматы, 1993.

Амирханов 2010 — Амирханов Х. Таварих-к Булгарийа (Булгарские хроники) / Пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. А. М. Ахунова. М., 2010.

Арсюхин, Андрианова 2003 — Арсюхин Е., Андрианова Н. Чуфут-Кале: «Жидовский городок» и первая столица Крымского ханства // Электронная публикация с сайта «Вспомнить все»: <http://archeologia.narod.ru/kale.htm>.

Артамонов 2001 — Артамонов В. А. Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. Вып. 10. М., 2001. С. 269–286.

Атласи 1993 — Атласи нади. Себер тарихы. Соембикэ. Казан ханлыгы / С. Алишев редакциясендэ. Казан, 1993.

Атыгаев 2007 — Атыгаев Н. А. Хронология правления казахских ханов (XV–середина XVI в.). // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 50–62.

Ахари 1984 — Абу Бакр ал-Кутби ал-Ахари. Тарих-и шейх Увейс / Пер. М. Д. Кязимова и В. З. Пириева. Баку, 1984.

Ахмедов 1965а — Ахмедов Б. А. Государство кочевых узбеков. М., 1965.

Ахмедов 1965б — Ахмедов Б. А. Из истории эпохи Улугбека. Ташкент, 1965. С. 5–66

Ахмедов 1984 — Ахмедов Б. А. «Силсилат ас-Салатин» («Генеалогия государей») // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 30–35.

Ахмедов 1985 — Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (письменные памятники). Ташкент, 1985.

Баабар 2010 — Баабар. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань, 2010.

Бабаджанов 2010 — Бабаджанов Б. М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент, 2010.

Бабур 1992 — Бабур-наме / Пер. М. А. Салье. Ташкент, 1992.

Базарова 1993 — Базарова Б. З. Юаньская эпоха в летописи «Монгол борджигид обог-ун тэукэ» // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1993. С. 24–34.

Базарова 2006 — Базарова Б. З. Монгольские летописи — памятники культуры. М., 2006.

Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995.

Балтанова 2006 — Балтанова Г. Мусульманка в поэзии // Минарет. 2006. № 1.

Бартольд 1943 — Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе, 1943.

Бартольд 1962 — Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М., 1962.

Бартольд 1964а — Бартольд В. В. Мусульманские сведения о Чингизидах-христианах // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1963. С. 263–264.

Бартольд 1964б — Бартольд В. В. Улугбек и его время // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 23–196.

Бартольд 1973 — Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. М., 1973. С. 119–210.

Бартольд 1992 — Бартольд В. В. О погребении Тимура // Тамерлан: Эпоха, личность, деяния. М., 1992. С. 490–498.

Бартольд 2002а — Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 17–192.

Бартольд 2002б — Бартольд В. В. Образование империи Чингиз-хана // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002. С. 253–265.

Бартольд 2003 — Бартольд В. В. Ильханы (Из «Энциклопедии ислама» // Бартольд В. В. Работы по исторической географии и истории Ирана. М., 2003. С. 500–501.

Барфилд 2009 — Барфилд Т. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. с англ. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова; науч. ред. и пред. Д. В. Рухлядева. СПб., 2009.

Бахлаев, Цыцыкова 2004 — Бахлаев С. А., Цыцыкова О. В. Золотое родство бурят. Улан-Удэ, 2004.

Бейсембиев 2004 — Бейсембиев Т. К. Возрождение чагатайской государственной идеи в Мавераннахре (конец XVIII — начало XIX вв.) // Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака в XIII–XVIII вв. Материалы Международного круглого стола. Алматы, 2004. С. 97–114.

Бейсембиев 2007 — Бейсембиев Т. К. Среднеазиатский (чагатайский) турки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 77–94.

Бейсембиев 2009 — Бейсембиев Т. К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы, 2009.

Белая история 2001 — *ᠪᠡᠯᠠᠭᠠᠨ ᠲᠡᠭᠡ* — «Белая история» — монгольский историко-правовой памятник XIII–XVI вв. / Пер. П. Б. Балданжапова, исслед., коммент. Ц. П. Ванчиковой. Улан-Удэ, 2001.

Беляков 2006 — Беляков А. В. Араслан Алеевич — последний царь касимовский // Рязанская старина. Вып. 2–3. 2004–2005. Рязань, 2006. С. 8–30.

Беляков 2010 — Беляков А. В. Изменение статуса г. Касимова в XV–XVII в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань, 2010. С. 236–240.

Беляков, Моисеев 2004 — Беляков А. В., Моисеев М. В. Сююн-бике: из ногайских степей в касимовские царицы // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 5. Рязань, 2004. С. 32–44.

Беляков 2011 — Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011.

Бережков 1894 — Бережков М. Н. Древнейшая книга Крымских посольских дел (1474–1505 г.) // Известия Таврической ученой архивной комиссии № 21. 1894. С. 27–55.

Бережков 1897 — Бережков М. Нур-салтан, царица Крымская // Известия Таврической ученой архивной комиссии. № 27. 1897. С. 1–17.

Березин 1849 — Березин И. Н. Шейбаниада: История монголо-тюрков на джагатайском диалекте. Казань, 1849.

Бертье-Делагард 1920 — Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде. 1. Поселения южного побережья. 2. Православные и униатские епархии, их пределы. 3. Справки о Фуллах // ИТУАК № 57. 1920. С. 1–135.

Биографические материалы 1985 — Биографические материалы семьи Ч. Ч. Валиханова // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 7–51.

Бира 1978 — Бира Ш. Монгольская историография (XIII–XVII вв.). М., 1978.

Бичурин 2005 — Бичурин Н. (о. Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2005. С. 7–234.

Бобирнома 1979 — Бобирнома расмлари. Миниатюры к Бабурнаме / Сост. и пред. Х. Сулеймана. Ташкент; Budapешт, 1979.

Булгакова 2011 — Булгакова В. И. Конфликтная зона Черное море: загадка вооруженного инцидента 1278 года из маргинальных заметок Сугдейского синаксария // Причерноморье в Средние века. Вып. 8. СПб., 2011. С. 50–63.

Бутеев 2011 — Бутеев Б. О. Исторические семантические изменения слова «qatun» // Түрк әлемі: тарих және қазіргі заман / Тюркский мир: история и современность. Халықаралық түрктану симпозиумы тезистері. Тезисы международного тюркологического симпозиума. Астана, 2011. Б. 54–55.

Бухарский вакф 1979 — Бухарский вакф XIII в. / Изд. текста, пер., введ. и коммент. А. К. Арендса, А. Б. Халидова, О. Д. Чехович. М., 1979.

Валиханов 1984a — Валиханов Ч. Ч. Извлечения из Джами ат-таварих // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 228–249.

Валиханов 1984b — Валиханов Ч. Ч. [О формах казахской народной поэзии] // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 280–286.

Вамбери 1873 — Вамбери Г. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего / Пер. А. И. Павловского. Т. 2. СПб., 1873.

Варваровский 2008 — Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань, 2008.

Вельяминов-Зернов 1863 — Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. I. СПб., 1863.

Вельяминов-Зернов 1866 — Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. III. СПб., 1866.

Вельяминов-Зернов 1887 — Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. IV. СПб., 1868.

Вернадский 2000 — Вернадский Г. В. История России: Монголы и Русь. Тверь; М., 2000.

Веселовский 1897 — Веселовский Н. И. Подробности смерти Узбекского хана Мохаммеда Шейбани // Труды VIII Съезда Московского археологического общества, в Москве, в 1890 г. Т. 3. М. 1897. С. 2–11.

Веселовский 1922 — Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. Пг., 1922.

Винничек, Лебедев 2004 — Винничек В. А., Лебедев В. П. Период экономической активности на Никольском селище по

нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.; Н. Новгород, 2004. С. 119–148.

Владимирцов 2002 — Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М., 2002. С. 295–488.

Волков 1858 — Волков М. О соперничестве Венеции с Генуей // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 4. Отд. 4–5. Одесса. 1858. С. 151–236.

Гаев 2002 — Гаев А. Г. Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Том 3. Н. Новгород, 2002. С. 9–55.

Гайворонский 2004 — Гайворонский О. Страна Крым. Крымское ханство в лицах и событиях. Кн. 1. Симферополь, 2004.

Гайворонский 2007 — Гайворонский О. Повелители двух материков. Т. 1: Крымские ханы XV–XVI столетий и борьба за наследство Великой Орды. Киев; Бахчисарай, 2007.

Гафуров 1987 — Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987.

Герцен, Могаричев 1993 — Герцен А. Г., Могаричев Ю. М. Крепость драгоценностей. Кырк-ор. Чуфут-кале. Симферополь, 1993.

Гиляшаева 2007 — Гиляшаева М. Н. Калмыцкий нойон — российский князь? // Востоковедные исследования в Калмыкии: сб. научных трудов. Вып. 2. Элиста, 2007. С. 62–68.

Голубев 1960 — Голубев Г. Улугбек. М., 1960

Гончаров 2008 — Гончаров Е. Ю. Очерк монетного дела в Улусе Джучи на рубеже 770-х — 780-х гг.х. Нумизматический комментарий к книге И. М. Миргалеева «Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана» // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков. Труды Международных нумизматических конференций. IV МНК — Болгар 2005, V МНК — Волгоград 2006. М., 2008. С. 58–62.

Горский 2000 — Горский А. А. Москва и Орда. М., 2000.

Горский 2004 — Горский А. А. Московские «примыслы» XIII–XV вв. // Средневековая Русь. Вып. 5. М., 2004. С. 114–190.

Греков, Якубовский 1998 — Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.

Григорьев 1834 — [Григорьев В.] История монголов. От древнейших времен до Тамерлана / Пер. с перс. СПб., 1834.

Григорьев 1978 — Григорьев А. П. Монгольская дипломатика XIII–XV вв.: Чингизидские жалованные грамоты. Л., 1978.

Григорьев 1983 — Григорьев А. П. Золотоордынские ханы 60–70-х годов XIV в.: Хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. VII. 1983. С. 9–54.

Григорьев 2004а — Григорьев А. П. «Му'изз ал-ансаб» о потомках Токтамыша // Востоковедение. Вып. 25. 2004. С. 100–123.

Григорьев 2004б — Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004.

Григорьев, Григорьев 2002 — Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции: Источниковедческое исследование. СПб., 2002.

Григорьев, Ярцов 1844 — Григорьев В. В., Ярцов Я. О. Ярлыки Тохтамыша и Сеадет-Гирея // Записки Одесского общества истории и древностей. № 1. 1844. С. 337–346.

Гримберг 1997 — Гримберг Ф. Рюриковичи, или Семисотлетие «вечных» вопросов. М., 1997.

Грумм-Гржимайло 1994 — Грумм-Гржимайло Г. Е. Джучиды. Золотая Орда // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Кн. I: Русский взгляд. М., 1994. С. 100–148.

Гумилев 1992а — Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. М., 1992.

Гумилев 1992б — Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.

Гумилев 1993 — Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993.

Гумилев 1994 — Гумилев Л. Н. Черная легенда (Историко-психологический этюд) // Гумилев Л. Н. Черная легенда. М., 1994. С. 42–147.

Гумилев 1995 — Гумилев Л. Н. От Руси до России. М., 1995.

Давидович 1970 — Хинц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.

Давидович 1992 — Давидович Е. А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов (XVI в.). М., 1992.

Данилова 2008 — Данилова А. Н. Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Автореф. ...канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008.

ДДГ 1949 — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнина. М.; Л., 1950.

Джамал Карши 2005 — Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат бис-сурах / Введ., пер., коммент. Ш. Х. Вохидова, Б. Б. Аминова (История Казахстана в персидских источниках. Т. I) Алматы, 2005.

Джамбадоржи 2005 — Джамбадорджи. Хрустальное зеркало / Пер. Б. И. Короля, А. Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 62–154.

Джампеисова 2006 — Джампеисова Ж. Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана, 2006.

Дильшод 1983 — Зебунисса, Дильшод, Анбар-атын. Избранное. Ташкент, 1983.

Доманин 2005 — Доманин А. А. Монгольская империя Чингизидов. Чингизхан и его преемники. М., 2005.

Дороги 2007 — Дороги к Москве // Литературная Кабардино-Балкария. 2007. № 4. С. 41–74.

Егоров 1980 — Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва: Сб. статей. М., 1980. С. 174–213.

Егоров 1985 — Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985.

Ерофеева 2001 — Ерофеева И. В. Символы казахской государственности (средневековые и новое время). Алматы, 2001.

Есенберлин 1978 — Есенберлин И. Кочевники. М., 1978.

Жуанвиль 2007 — Жуанвиль Ж. де. Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / Пер. со старофр. Г. Ф. Цыбулько, под ред. А. Ю. Карачинского, науч. ред. Ю. П. Малинин. СПб., 2007.

Зайцев 2004 — Зайцев И. В. Между Москвой и Стамбулом: Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV — первая половина XVI вв.). М., 2004.

Зайцев 2006 — Зайцев И. В. Астраханское ханство / 2-е изд., испр. М., 2006.

Закиров 1966 — Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом. М., 1966.

Зинченко-Кефели, Сигаева — Зинченко-Кефели Н. А., Сигаева Г. В. Правовое положение караев в Крымском ханстве и Российской империи // Центр информации и документации крымских татар: <http://www.cidct.org.ua/ru/publications/Karaim/17.html>

Золотое сказание 2005 — Золотое сказание / Пер. Г. С. Горюховой, А. Д. Цендиной // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 19–61.

Ибн Рузбихан 1976 — Ибн Рузбихан 1976 — Фазлаллах ибн Рузбихан Исфажани. Михман-наме-йи Бухара («Записки бухарского гостя») / Пер., пред., прим. Р. П. Джалиловой. Под ред. А. К. Арендса. М., 1976.

Иванов 1954 — [Иванов П. П.] Хозяйство джуйбарских шейхов. М.; Л., 1954.

Идегей 1990 — Идегей: Татарский народный эпос / Пер. С. Липкина. Казань, 1990.

Измайлов 2011 — Измайлов И. Л. Татары в империи Чингиз-хана и его наследников: триумф побежденных // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 29–30 марта 2011 г. / Отв. ред. и сост. И. М. Миргалеев. Казань, 2011. С. 38–55.

Илишкин 2006 — Илишкин Л. Ханша Джан // Электронная публикация с сайта ИА «Бумбин орн»: www.bumbinorn.ru.

Ипполитова — Ипполитова Н. Беспокойная ханша Джан // Электронная публикация с сайта ИА «Бумбин орн»: www.bumbinorn.ru.

Иречек 1878 — Иречек И. История болгар. Одесса, 1878.

История 1947 — История народов Узбекистана. Т. 2: От образования государства Шейбанидов до Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. С. В. Бахрушина, В. Я. Непомнина, В. А. Шишкина. Ташкент, 1947.

История 1950 — История народов Узбекистана. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI в. / Под ред. С. П. Толстова, В. Ю. Захидова, Я. Г. Гулямова и Р. Н. Набиева. Ташкент, 1950.

История 1969 — История Самарканда. Т. I. Ташкент, 1969.

История 2007 — История Казахстана в персидских источниках. Т. V: Извлечения из персидских XIII–XIX веков / Сост. М. Х. Абусейтова. Алматы, 2007.

История 2009 — История татар с древнейших времен. В 7 тт.: Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII — середина XV в. Казань, 2009.

История Татар 2002 — «История Татар» Ц. де Бридиа / Пер. С. А. Аксенова, А. Г. Юрченко // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». СПб., 2002. С. 75–126.

Исхаков, Измайлов 2005 — Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Введение в историю Казанского ханства. Очерки. Казань, 2005.

Исхаков, Измайлов 2007 — Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар (III — середина XVI в.). Казань, 2007.

Их Монгол 2006 — Их Монгол Улсын зам харилцаа, өртөө / Ред. Ч. Дашдаваа. Улаанбаатар, 2006.

Йазди 2008 — Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-наме. Книга побед Амира Темура / Пер. со староузб., пред., коммент. и указ. А. Ахмедова. Ташкент, 2008.

Кавагучи, Наганминэ 2010 — Кавагучи Т., Нагаминэ Х. Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: в системе историографии в Дешт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация: Сб. статей. Вып. 3. Казань: Фэн, 2010. С. 44–52.

Кадырова 1979 — Кадырова М. Надира (1792–1842) // Надира. Избранные произведения. Ташкент, 1979. С. 3–4.

Казактын 2005 — Казактын ата зандары. Древний мир права казахов. Т. V. Алматы, 2005.

Камалов 2007 — Камалов И. Х. Отношения Золотой Орды с Хулагуидами. Казань, 2007.

Караев 1995 — Караев О. К. Чагатайский улус. Государство Хайду. Могулистан. Образование кыргызского народа. Бишкек, 1995.

Карамзин 1819а — Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. СПб., 1819.

Карамзин 1819б — Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VII. СПб., 1819.

Карпов 2000 — Карпов С. П. Латинская Романия. СПб., 2000.

Керимов 2007 — Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности. М., 2007.

Кидырниязов 1997 — Кидырниязов Д. С. Из истории взаимоотношений ногайцев с казанскими татарами в XVI веке // Языки, духовная культура и история тюрков: Традиции и современность. Труды Международной конференции. Т. 3. М., 1997. С. 50–52.

Киракос 1976 — Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976.

Кляшторный, Султанов 1992 — Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы, 1992.

Козин 1941 — Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongolun Niuča Tobṣaаn*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Т. I. М.; Л., 1941.

Колесник 2003 — Колесник В. И. Последнее великое кочевье. М., 2003.

Концевич 2010 — Концевич Л. Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М., 2010.

Костюков 2008 — Костюков В. П. «Железные псы Батуидов» (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Уральск, 2008. С. 43–96.

Костюков 2009 — Костюков В. П. Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 2 / Под ред. И. М. Миргалеева. Казань, 2009. С. 69–90.

Крамаровский 1994 — Крамаровский М. Г. Исследование средневекового Солхата // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994. С. 163–166.

Крамаровский 2012 — Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб., 2012.

Крафт 1898 — Крафт И. Судебная часть в Туркестанском крае и степных областях. Оренбург, 1898.

Кривцов 2002 — Кривцов Д. Ю. Рассказ о поездке митрополита Алексея в Золотую Орду в литературных источниках и историографии // Электронный журнал «Мир истории». 2002. №№ 5–6: <http://www.historia.ru/2002/05/krivtsov.htm>; <http://www.historia.ru/2002/06/krivtsov2.htm>.

Кузьмин 2002 — Кузьмин А. В. Крещенные татары на службе в Москве: к истории Телебуговых и Мячковых в XIV — первой половине XV века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 5–23.

Кулаковский 1906 — Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев, 1906.

Кунцевич 1905 — Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905.

Кучкин 2002 — Кучкин В. А. Зачем митрополит Алексей в 1357 году ездил в Орду? // А се его сребро. Киев, 2002. С. 177–184.

Кычанов 1973 — Кычанов Е. И. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973.

Кычанов 1980 — Кычанов Е. И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.

Кычанов 1998 — Кычанов Е. И. Хубилай — внук Чингис-хана // Живая история Востока. М., 1998. С. 60–66.

Кычанов 2010 — Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до манчжуров) / 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010.

Лашков 1889 — Лашков Ф. Ф. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве // Труды VI Археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. IV. Одесса, 1889. С. 96–110.

Легенды 2006 — Легенды Крыма / Сост. М. С. Филатова. Симферополь, 2006.

Лиджиев 2009 — Лиджиев Б. Калмычки и их нравы // Электронная публикация с сайта ИА «Бумбин орн»: www.bumbinorn.ru.

Лонжюмо 1996 — Французский посол Андре Лонжюмо в Каракоруме, 1249–1251 // Мир Льва Гумилева. «Арабески» истории. Вып. 5–6. Каспийский транзит. Т. 1. М., 1996. С. 47–55.

Лохвицкий 1857 — Лохвицкий А. [Рец. на:] Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы археографическою комиссиею под редакциею члена комиссии Николая Калачова. Том I. СПб., 1857 // Отечественные записки. Т. CXIV. СПб., 1857. Отд. II. С. 41–55.

Лубсан Данзан 1973 — Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер., введ., коммент., прим. Н. П. Шастиной. М. 1973. С. 287–288

Лунев 2004 — Лунев Ю. Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004.

Лызлов 1990 — Лызлов А. Скифская история. М., 1990.

Маглинов 2005 — Маглинов В. Властительницы мира // Хальмг унн. 5 марта 2005. С. 6.

Маглинов 2006а — Маглинов В. Абики-беги // Электронная публикация с сайта ИА «Бумбин орн»: www.bumbinorn.ru.

Маглинов 2006б — Маглинов В. Жены великих ханов // Электронная публикация с сайта ИА «Бумбин орн»: http://www.bumbinorn.ru/2006/02/03/zheny_velikikh_khanov.html.

Маковецкий 1886 — Маковецкий П. Е. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов. Вып. I. Материальное право. Омск, 1886.

Малик Шах 2000 — Малик Шах-Хусайн Систани. Тарих-и ихйа ал-мулук («Хроника воскрешения царей») / Пер., пред., коммент. Л. П. Смирновой. М., 2000.

Маргинани 2008 — Бурхануддин Маргинани. Хидоя. Комментарии мусульманского права. В 2 ч. Ч. 1. Т. I–II / Пер. с англ. Под ред. Н. И. Гродекова; отв. ред., пред., вступ. ст. и науч. комм. А. Х. Саидова. М., 2008.

Маргулан 1984 — Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 9–77.

Марко Поло 1997 — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 190–380.

Марков 1897 — Марков А. Каталог джелаиридских монет. СПб., 1897.

Марков 2008 — Марков А. К. Монеты Джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань, 2008.

Мартин 2012 — Мартин В. Закон и обычай в степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке // Пер. с англ. Д. М. Костиной. Алматы, 2012.

Матвиевская, Соколовская 1997 — Матвиевская Г. П., Соколовская З. К. Улугбек. 1394–1449. М.: Наука, 1997.

МИКК 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1 / Отв. ред В. А. Ромодин. М., 1973.

МИКХ 1969 — Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост.: С. К. Ибрагимов, Н. Н. Мингулов, К. А. Пищулина, В. П. Юдин. Алма-Ата, 1969.

Миргалеев, 2003 — Миргалеев И. М. Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань, 2003.

Миргалеев 2010 — Миргалеев И. М. «Черный человек» Мамай // Мамай. Опыт историографической антологии. Казань, 2010. С. 183–197.

Миргалеев 2011 — Миргалеев И. М. «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2011. С. 14–20.

Мирза Хайдар 1996 — Мирза Мухаммад Хайдар. Тарих-и Рашиди / Пер. А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой. Ташкент, 1996.

Моисеева 1956 — Моисеева Г. Н. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XII. М., Л., 1956. С. 174–187.

Монгольские источники 1986 — Монгольские источники о Даян-хане. М., 1986.

Муизз 2006 — Му'изз ал-ансаб («Прославляющее генеалогии») / Пер. с перс., пред., прим. Ш. Х. Вохидова. Алматы, 2006.

Мукминова 1954 — Мукминова Р. Г. О некоторых источниках по истории Узбекистана начала XVI в. // Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР. Вып. 3. Ташкент, 1954. С. 119–137.

Мукминова 1966 — Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в. По материалам «Вакф-наме». Ташкент, 1966.

Мукминова 1985 — Мукминова Р. Г. Социальная дифференциация населения городов Узбекистана. Конец XV–XVI в. Ташкент, 1985.

Мункуев 1965 — Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цая. М., 1965.

Мункуев 1970 — Мункуев Н. Ц. Некоторые проблемы истории монголов XIII в. по новым материалам. Исследование южносунских источников. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1970.

Мыськов 2003 — Мыськов Е. П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград, 2003.

Мэн 2008 — Мэн Д. Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы / Пер. В. Федорова. М.; Владимир, 2008.

Набиев 2008 — Набиев Р. Ф. О дате и месте выдачи Токтамыш-ханом тарханного ярлыка Бек-Хаджи // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 1. Казань, 2008. С. 101–109.

Нагель 1997 — Нагель Т. Тимур-завоеватель и исламский мир позднего средневековья / Пер. с нем. Л. И. Ясинской. Ростов-на-Дону, 1997.

Надира 1979 — Надира. Избранные произведения. Ташкент, 1979.

Наливкин 1886 — Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

Насонов 2002 — Насонов А. Н. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002.

Негри 1844 — [Негри А.] Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844. С. 379–392.

Некрасов 2000 — Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 213–221.

Нестеров 2002 — Нестеров А. Г. Династия Сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума. Тобольск; Омск, 2002. С. 205–214.

Нефедьев 1834 — Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках. СПб., 1834.

Никитин 2007 — Никитин А. Н. Соркуктани-беки в письменных памятниках Монгольского государства XIII в. и его соседей // Сибирские чтения в РГГУ. Вып. 2. М., 2007. С. 165–186.

Номинчимэд 2004 — Номинчимэд Б. Чингис ханы дархан бэр, Монголын тулгар төрийн нэрт зүтгэлтэн Сорхугтани бэхи хатан // *Tsahim Ulaach Journal*, 2003. Дугаар №18. 2004 оны 3 сар.

Норик 2011 — Норик А. В. Био-библиографический словарь среднеазиатской поэзии (XVI — первая треть XVII в.). М., 2011.

Ода 2011 — Ода о драконах, летящих к небу / Пер. со среднекор., стихотв. перелож. Е. Н. Кондратьевой; вступ. ст., пер., прим. Е. Н. Кондратьевой, О. М. Мазо. М., 2011.

Описание 1939 — Описание истории калмыцкого народа // Красный архив. № 96. 1939. С. 196–220.

Д'Оссон 1937 — Д'Оссон К. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. Т. I. Чингиз-хан. Иркутск, 1937.

Очерки 2008 — Очерки истории исламской цивилизации. Т. 2 М., 2008.

Памятники 1955 — Памятники русского права. Вып. третий: Памятники права периода образования русского централизованного государства. XIV–XV вв. / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1955.

Пахимер 1862 — Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах / Пер. под ред. В. Н. Карпова. СПб., 1862.

Пашуто 1950 — Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.

Петров, Ускенбай 2010 — Петров П. Н. Ускенбай К. З. Вопросы исламизации улуса Джучидов и вероисповедание хана Токты (690/1291–712/1312–1313 гг.) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2010. № 1. С. 10–54.

Пиркулиева 2006 — Пиркулиева Г. А. Метрология монет Азербайджана на рубеже XIV — I половины XV века (на основе монетных материалов и нарративных источников) // *Baki Universitetinin Xəbərələri. Humanitar elmlər seriası*. 2006. № 4. С. 102–109.

Плано Карпини 1997 — Иоанн де Плано Карпини. История монголов / Пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 28–85.

Покотилов 1893 — Покотилов Д. З. История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634 гг. (по китайским источникам). СПб., 1893.

После Марко Поло 1968 — После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / Введение, пер., комментарии Я. М. Света. М., 1968.

Потанин 1899 — Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

Похлебкин 2000 — Похлебкин В. В. Татары и Русь: 360 лет отношений. 1238–1598. М., 2000.

Почекаев 2002 — Почекаев Р. Ю. Имиджмейкер Чингисхана // PR-диалог. 2002. № 4 (21). С. 82–83.

Почекаев 2005 — Почекаев Р. Ю. Правовое наследие Монгольской империи в государстве Тимуридов (по данным летописей, нумизматического и актового материала) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной столетию со дня рождения А. М. Беленицкого. (Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 года). СПб., 2005. С. 291–294.

Почекаев 2006 — Почекаев Р. Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.; СПб., 2006.

Почекаев 2009а — Почекаев Р. Ю. К вопросу о переходе власти в государствах Чингизидов (4). Золотая Орда в 1358–1362 гг.: династический кризис и феномен самозванства // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2009. С. 39–49.

Почекаев 2009б — Почекаев Р. Ю. Право Золотой Орды. Казань, 2009.

Почекаев 2010а — Почекаев Р. Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010.

Почекаев 2010б — Почекаев Р. Ю. Торговцы и государство в тюрко-монгольских ханствах XIII–XVII вв. // Научный Татарстан. 2009. № 2. Гуманитарные науки: Археология и история. С. 186–197.

Почекаев 2010в — Почекаев Р. Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб., 2010.

Почекаев 2011 — Почекаев Р. Ю. Китайские владения Золотой Орды: административно-правовое положение // Золотоордынское наследие. Вып. 2. Материалы II Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М. А. Усманова. Казань, 2011. С. 60–64.

Поэзия 2005 — Поэзия Золотой Орды / Пер. Р. Бухараева. М., 2005.

Приселков 1916 — Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

Приселков 2002 — Приселков М. Д. Троицкая летопись. СПб., 2002.

ПСРЛ 1843 — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1843.

ПСРЛ 1897 — Полное собрание русских летописей. Т. I. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.

ПСРЛ 1903 — Полное собрание русских летописей. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.

ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.

ПСРЛ 2000а — Полное собрание русских летописей. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ 2000б — Полное собрание русских летописей. Т. XI. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ 2000в — Полное собрание русских летописей. Т. XIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.

ПСРЛ 2001 — Полное собрание русских летописей. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.

Пугаченкова 1976 — Пугаченкова Г. А. Зодчество Центральной Азии. XV век. Ведущие тенденции и черты. Ташкент, 1976

Пугаченкова 2007 — Пугаченкова Г. Райский сад, возведенный по их повелению (женщины дома Темуридов — их роль в архитектурном наследии Самарканда) // Караван истории. № 2. 2007.

Пушкин 1984 — Пушкин А. С. История Пугачева // Пушкин А. С. Исторические заметки. Л., 1984. С. 8–85.

Рахимзянов 2009 — Рахимзянов Б. Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

Рашид ад-Дин 1946 — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса, ред. А. А. Ромаскевич, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский. М.; Л., 1946.

Рашид ад-Дин 1952а — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин 1952б — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой, ред. А. А. Семенов. М.; Л., 1952.

Рашид ад-Дин 1960 — Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л., 1960.

РИО 1841 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих князей Иоанна III

и Василия Иоанновича. Часть 1-ая (годы с 1474 по 1505) / Под ред. Г. Ф. Карпова // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41. СПб., 1884.

РИО 1895 — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, Ногаями и Турцией, часть 2-ая (годы с 1508 по 1521) / Под ред. Г. Ф. Карпова, Г. Ф. Штендмана // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895.

Рогожский летописец 2000 — Рогожский летописец // Тверская летопись. Рязань, 2000.

Россаби 2009 — Россаби М. Золотой век империи монголов / Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб., 2009.

Россия 2006 — Россия и степной мир Евразии: Очерки / Под ред. Ю. В. Кривошеева. СПб., 2006.

Рубрук 1997 — Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина, вступит. ст., коммент. М. Б. Горнунга // Путешествия в восточные страны. М., 1997. С. 86–189.

Савельев 1865 — Савельев П. Монеты Джучидов, Джагатайдов, Джалаиридов и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша // Записки Императорского археологического общества. Т. XII. Вып. I. СПб., 1865. С. 1–326.

Садеков, Минуллин, Двоеносова 1998 — Садеков М., Минуллин Р., Двоеносова Г. Плач ханши Сююмбике // Гасырлар авазы. 1998. № 1/2. С. 18–26.

Сафаргалиев 1996 — Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 277–526.

Сейфеддини 1968 — Сейфеддини М. А. Монеты ильханов XIV века. Баку, 1968.

Селезнев 2009а — Селезнёв Ю. В. Вокняжение Александра Невского в 1252 г.: политические реалии и их отражение в русской письменной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 36–41.

Селезнев 2009б — Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. Казань, 2009.

Семенов 1954 — Семенов А. А. Первые Шейбаниды и борьба за Мавераннахр // Труды академии наук Таджикской ССР. Т. XII. 1954. С. 109–150.

Семенов-Тянь-Шанский 1948 — Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах // Семенов-Тянь-Шанский П. П. Мемуары. Том второй. М., 1948.

Сидихменов 1985 — Сидихменов В. Я. Манчжурские правители Китая. М., 1985.

Сидоренко 2000 — Сидоренко В. А. Хронология правлений золотоордынских ханов 1357–1380 гг. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VII. Симферополь, 2000. С. 267–288.

Ситдикова 2004 — Ситдикова Ф. Башня Сююмбеки — кала тау-зикерату // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сборник статей. Казань, 2004. С. 118–122.

Скрынникова 2008 — Скрынникова Т. Д. Политическая организация Халхи XVI–XVII вв. // Монгольская империя и кочевой мир (Материалы международной научной конференции). Вып. 3. Улан-Удэ, 2008. С. 463–497.

СМИЗО 1884 — Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.

СМИЗО 1941 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.; Л., 1941.

СМИЗО 2005 — История Казахстана в арабских источниках. Т. I: Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских / Подгот. нов. изд., введ., доп. и коммент. Б. Е. Кумекова, А. К. Муминова. Алматы, 2005.

Смирнов 2005 — Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской империи до начала XVIII в. М., 2005.

Соловьев 1988 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Тт. 3–4. М., 1988.

Соловьев 1989 — Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Тт. 5–6. М., 1989.

Сочнев 1992 — Сочнев Ю. В. Об адресате ярлыка Тайдулы русскому иерарху Иоану // Мининские чтения. (Материалы науч. конф., посв. 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством К. Минина и Дм. Пожарского). Нижний Новгород, 1992. С. 52–55.

Стори 1972а — Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. Ч. I. Кораническая литература. Всемирная история. История пророков и ранний ислам / Пер., перераб. и доп. Ю. Э. Брегеля. М., 1972.

Стори 19726 — Стори Ч. А. Персидская литература. Библиографический обзор. Ч. II. История Ирана, Курдистана, Средней Азии, Афганистана, Турции, Кавказа, Арабских стран, Европы и Америки, Китая и Японии / Пер., перераб. и доп. Ю. Э. Брегеля. М., 1972.

Стрелкова 1983 — Стрелкова И. И. Валиханов. М., 1983.

Султанов 2001 — Султанов Т. И. Поднятые на белой кошке. Потомки Чингиз-хана. Алматы, 2001.

Султанов 2002 — Султанов Т. И. Любовь и трон (печальные повествования старинных анналов о любви двух Чингизидов и одного Тимурида) // Altaica VI. М., 2002. С. 152–159.

Султанов 2005 — Султанов Т. И. Зерцало минувших столетий. СПб., 2005.

Султанов 2006 — Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.

Тихонов 1966 — Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л., 1966.

Торопицын 2010 — Торопицын И. В. Противодействие тайного советника и губернатора В. Н. Татищева планам ханши Джан разыграть персидскую карту в русско-калмыцких отношениях в середине XVIII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. 2010. № 1. С. 52–55.

Трепавлов 1993 — Трепавлов В. В. Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. М., 1993.

Трепавлов 2001 — Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2001.

Трепавлов 2004 — Трепавлов В. Падение Казанского ханства и Ногайская Орда // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сб. статей. Казань, 2004. С. 177–199.

Трепавлов 2007 — Трепавлов В. В. Предки «Мамая-царя». Киятские беки в «Подлинном родослове Глинских князей» // Тюркологический сборник. 2006. М., 2007. С. 319–352.

Тулибаева 2011 — Тулибаева Ж.М. «Улус-и арба-йи Чингизи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2011. С. 79–100.

Увайси 1981 — Увайси. Избранное. Ташкент, 1981.

Уолдгер 2011 — Уолдгер К. Обреченные королевы / Пер. И. Шуршиной. М. 2011.

Урманче 1999 — Урманче Ф. Народный эпос «Идегей». Казань, 1999.

Ускенбай 2011 — Ускенбай К. З. Новая книга по истории Золотой Орды // Отан тарихы. 2011. № 1. С. 189–201.

Утемиш-хаджи 1992 — Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., исследование В. П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Учок 1982 — Учок Б. Женщины-правительницы в мусульманских государствах. М., 1982.

Ушницкий 2011 — Ушницкий В. В. Меркитские принцессы на троне Монгольской империи // Новые исследования Тувы. 2011. № 1. С. 239–252.

Фаверо-Думенжу 2011 — Фаверо-Думенжу М. Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263 г.) // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань, 2011. С. 101–113.

Фасих 1980 — Фасих Ахмад ибн Джалал ад-Дин Мухаммад ал-Хавафи. Фасихов свод / Пер. Д. Ю. Юсуповой. Ташкент, 1980.

Фахретдин 1996 — Фахретдин Р. Ханы Золотой Орды / Пер. с тат. С. Шамси. Казань, 1996.

Федоров-Давыдов 1963 — Федоров-Давыдов Г. А. Находки джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1963. С. 165–221.

Федоров-Давыдов 1973 — Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973.

Федоров-Давыдов 2003 — Федоров-Давыдов Г. А. Денежное дело Золотой Орды. М., 2003.

Фитрат 2004 — Фитрат. Три документа по аграрному вопросу в Средней Азии / Пер. с перс. Ф. Б. Ростопчина // Фариянг. № 3. 2004. С. 7–13.

Френ 1832 — Френ Х. М. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды. СПб., 1832.

Хара-Даван 1991 — Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV века / 2-е изд. Элиста, 1991.

Хафиз Абру 2011 — Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / Пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань, 2011.

Хафиз-и Таныш 1983 — Хафиз-и Таныш Бухари. Шараф-наме-йи шахи («Книга шахской славы»). Ч. 1 / Пер. М. А. Салахетдиновой. М., 1983.

Хейвуд 2001 — Хейвуд К. Некоторые проблемы нумизматического доказательства правлений хана Ногая и Джеки // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань, 2001. С. 129–145.

Хоанг 1997 — Хоанг М. Чингисхан. Ростов-на-Дону, 1997.

Хорошкевич 2001 — Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001.

Храпачевский 2009 — Золотая Орда в источниках. Т. III: Китайские и монгольские источники / Пер. с кит., сост., ввод ст., коммент. Р. П. Храпачевского. М., 2009.

Хронограф 2005 — Анонимный грузинский «Хронограф» XIV в. / Пер. со старогруз. Г. В. Цулая. Вып. I. Текст. М., 2005.

Худяков 1996 — Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций: Из опыта образования и распада империй X–XVI вв. М., 1996. С. 527–758.

Цендина 2007 — Цендина А. Д. Монгольские хроники XVII–XIX веков. Повествовательные традиции. М., 2007.

Чернышев 1990 — Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М., 1990.

Шапшал 1953 — Шапшал С. М. К вопросу о тарханных ярлыках // Академику В. А. Гордлевскому к его семидесятилетию. Сб. статей. М., 1953. С. 304–316.

Шара Туджи 1957 — Шара Туджи. Монгольская летопись XVII в. / Пер., вступ. ст., коммент. Н. П. Шастиной М.; Л., 1957.

Шараф-хан 1976 — Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Т. II / Пер., пред., прим. и прил. Е. И. Васильевой. М., 1976.

Шарипов 2008 — Шарипов М. М. Познавательный путеводитель по Казани. Казань, 2008.

Шастина 1985 — Шастина Н. П. Монгольская литература // История всемирной литературы. Т. 3. М., 1985. С. 682–688.

Шишкин 1891 — Шишкин Н. И. История города Касимова с древнейших времен. Рязань, 1891.

Шляхов 2011 — Шляхов А. Л. Нежная любовь главных злодеев истории. М., 2011.

Эрдэнипэл 2005 — Эрдэнипэл. Конечная причина религий в Монголии / Пер. Ринчена и Самбу // История в трудах ученых лам. М., 2005. С. 155–247.

Юдин 1992 — Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая... // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 14–56.

Юргевич 1863 — [Юргевич В.] Рассказ римско-католического миссионера доминиканца Юлиана о путешествии в страну

приволжских венгерцев, совершенном перед 1235 годом, и письма папы Венедикта XII к хану Узбеку, его жене Тайдолу и сыну Джанибеку в 1340 году // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. V. 1863. С. 998–1006.

Юрченко 2002 — Юрченко А. Г. Яса Чингис-хана: нерасшифрованные запреты // *Altaica* VI. 2002. С. 160–190.

Юрченко 2007а — Юрченко А. Г. Книга Марко Поло: записки путешественника или имперская космография. СПб., 2007.

Юрченко 2007б — Юрченко А. Г. Коронация великого хана Гуюка (штрихи к ритуалу) // История и культура Улуса Джучи. 2006. Бертольд Шпулер. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. Казань, 2007. С. 83–96.

Юрченко 2007в — Юрченко А. Г. Кумысная церемония при дворе Бату-хана // *Mongolica* VII. СПб., 2007. С. 62–70.

Юрченко 2012 — Юрченко А. Г. Хан Узбек: Между империей и исламом (структуры повседневности). Книга-конспект. СПб., 2012.

Юсупов 1867 — [Юсупов Н.] О роде князей Юсуповых. Собрание жизнеописаний их, грамот и писем к ним российских государей с XVI до половины XIX века и других семейных бумаг с присовокуплением поколенной росписи предков князей Юсуповых с XVI века. Ч. I. СПб., 1867.

Якубовский 1992 — Якубовский А. Ю. Тимур // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992. С. 5–45.

Acar 2008 — Acar S. Kasim Hanligi (1445–1681). Istanbul, 2008.

Akasaka 2005 — Akasaka Ts. Juchi-ei sho-seiken-shi no kenkyuu (Study on Jochid dynasties). Tokyo, 2005.

Allsen 1989 — Allsen T. T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 // *Asia Major* Ser. 3. Vol. 2. Pt. 2. 1989. P. 83–126.

Allsen 2007 — Allsen T. T. Ogedei and Alcohol // *Mongolian Studies*. XXIX. 2007. P. 3–12.

Atwood 2006 — Atwood Ch. P. How the Mongols Rejected the Secret History // *Mongolica*. Vol. 18 (39). 2006. P. 398–411.

Bade 2002 — Bade D. Khubilai Khan and the Beautiful Princess of Tumarel. Ulaanbaatar, 2002.

Biran 1997 — Biran M. Qaidu and the rise of the independent Mongol state in Central Asia. Richmond, 1997.

Chavannes 1908 — Chavannes E. Inscriptions et pieces de chancellery chinoises de l'epoque mongole // T'oung Pao. Ser II. Leide. Vol. 9, 1908. P. 295–428.

Cleaves 1961 — Cleaves F. W. The Sino-Mongolian Inscription of 1240 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Vol. 23. (190–1961). P. 62–75.

Cleaves 1980 — Cleaves F. W. The Biography of the Empress Cabi in the Yuan shih // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. III–IV. 1979–1980. P. I. P. 138–150.

Daulet 1984 — Daulet Sh. The Rise and Fall of the Khanate of Kazan (1438 to 1552): Internal and External Factors that led to its Conquest by Ivan the Terrible. Ph.D. Diss. University of New York, 1984.

De Weese 1994 — DeWeese D. Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tukles and conversion to islam in historical and epic tradition. Pennsylvania, 1994.

Erskine 1854 — Erskine W. A history of India under the two first sovereigns or the House of Taimur, Baber and Humayun. Vol. 1. London, 1854.

Extraits 1862 — Extraits de la Chronique persane d'Herat, traduit et annote par M. Barbier de Meynard // *Journal Asiatique*. Serie V. T. XX. Paris, 1862. P. 268–319.

Gulbadan 1902 - Gul-Badan Begam (Princess Rose-body). The History of Humayun (Humayun-nama) / Trans., intr., notes and app. by A. S. Beveridge. London, 1902.

Hambis 1956 — Hambis L. The Mongols in the Ming Era (1368–1644) // *East and West*. Vol. 7. No. 2. Jul. 1956. P. 119–127.

Hammer-Purgstall 1840 — Hammer-Purgstall J. Geschihter der Golden Horde, das ist: der Mongolen in Russland. Pescht, 1840.

History 2006 — The Cambridge History of China. Vol. VI. Alien regimes and border states, 907–1368. / Ed. by H. Franke and D. Twitchett. Cambridge, 2006.

History 2009 — The Cambridge History of Inner Asia / Ed. by N. Do Cosmo, A. J. Frank and P. B. Golden. Cambridge, 2009.

Honda 1958 — Honda M. On the genealogy of the Early Norther Yuan // *Ural-Altaische Jahrbucher*. B. XXX. H. 3–4. Wiesbaden, 1958. P. 232–248.

Horikawa 1994 — Horikawa T. The problem of the four khans in the early Sheybanid dynasty // *XI Turk tarih Kongresi'nden ayribasim*. Ankara, 1994. S. 1707–1714.

Howorth 1880 — Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th Century. P. III. London, 1880.

Jackson 1999 — Jackson G. M. Women Rulers throughout the Ages: An Illustrated Guide. Santa Barbara; Denver; Oxford, 1999.

Jouher 1832 — The Tezkereh al vakiat, or Private memoirs of Moghul emperor Humayun, written in Persian language by Jouher, a confidential domestic of His Majesty / Transl. by Ch. Stewart. London, 1832.

Juvaini 1997 — Juvaini Ata-Malik. The History of the World-Conqueror / Transl. from text of Mirza Muhammad Qazvini by J. A. Boyle, introduction and bibliography by D. O. Morgan. Manchester, 1997.

Makrizi 1837 — Histoire des Sultams Mamlouks de l'Egypte ecrite en arabe par Taki-Eddin-Ahmed-Makrizi / Trad. et notes par M. Quatremere. T. I. Paris, 1837.

Manz 2007 — Manz B. F. Power, Politics and Religion in Timurid Iran. Cambridge, 2007.

Martin 1986 — Martin J. The Tumen' Khanate's encounters with Moscovy. 1481–1505 // Passe turco-tatar, present sovietique. Etudes offertes a Alexandre Bennigsen. Paris, 1986. P. 79–87.

Mernissi 2006 — Mernissi F. The Forgotten Queens of Islam / Transl. by M. J. Lakeland. Minnesota, 2006.

Mukminova 1997 — Mukminova R. Le rôle de la femme dans la société de l'Asie centrale sous les Timourides et les Sheybanides // Cahiers d'Asie centrale. 3/4. 1997. P. 203–212.

Okada 1994 — Okada H. Dayan Khan as a Yuan Emperor: The Political Legitimacy in 15th Century Mongolia // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 81. 1994. P. 51–58.

Oliver 1888 — Oliver E. E. The Chagatai Mughals // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. New Series. Vol. 20. No. 1. Jan. 1888. P. 72–128.

D'Ohsson 1835 — d'Ohsson C. M. Histoire des Mongols, depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour-Bey ou Tamerlan . L. IV. Haye; Amsterdam, 1835.

Pelliot 1914 — Pelliot P. Chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient // T'oung Pao. Ser. II. Vol. XV. 1914. P. 623–644.

Pelliot 1932 — Pelliot P. Le vrai nom de "Serocan" // T'oung Pao Vol. XXIX. 1932. P. 43–54.

Pelliot 1949 — Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949.

Quatremere 1836 — Quatremere M. Sur la vie de sultan Schakh-rokh // Journal Asiatique, 1836. Serie III. Tome II. P. 193–233, 338–364

Quatremere 1843 — Quatremere E. Notice de l'ouvrage persan qui a pour titre: Matla-assaadein ou-madjma-albahrein, et qui contient

l'histoire des deux sultans Schah-rokh et Abou-Said // Notices ey extraits des manuscrits de la Biblioteque du roi et autres biblioteques. T. XIV. Paris, 1843.

Rachewiltz 1981 — Rachewiltz I. de. Some Remarks on Toregene's Edict of 1240 // Far Eastern History. Vol. 23. March 1981. P. 38–63.

Rachewiltz 1999 — Rachewiltz I. de. Was Toregene Qatun Ogo-dei's "Sixth Empress"? // East Asian History. Canberra. 1999. № 17/18. June/December 1999. P. 71–76.

Richards 2001 — The New Cambridge History of India. Vol. I. P. 5. Richards J. F. The Mughal Empire. Cambridge, 2001.

Ryan 1998 — Ryan J. D. Christian Wives of Mongol Khans: Tartar Queens and Missionary Expectations in Asia // Journal of the Royal Asiatic Society. Third Series. Vol. 8. No. 3. Nov. 1998. P. 411–421.

Shajrat 1838 — Shajrat ul atrak, or Genealogical tree of Turcs and Tatars / transl. and abridged by Col. Miles. London, 1838.

Subtelny 2007 — Subtelny M. E. Timurids in Transition. Turko-Persian Politics and Acculturation in Medieval Iran. Leyden; Boston, 2007.

Tumurtogoo 2006 — Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries). Introduction, Transcription and Bibliography / Ed. by D. Tumurtogoo. Taipei, 2006.

Vásáry 1990 — Vósóry I. "History and legend" in Berke Khan's conversion to Islam // Aspects of Altaic Civilization. III / Ed. by D. Sinor. Bloomington: Indiana University Press, 1990. P. 230–252.

Weatherford 2010a — Weatherford J. The Secret History of the Mongol Queens: How the Daughters of Genghis Khan Rescued His Empire. New York, 2010.

Weatherford 2010b — Weatherford J. The Wrestler Princess // Электронная публикация с сайта "Lapham's Quaterly": <http://www.laphamsquarterly.org/roundtable/roundtable/the-wrestler-princess.php>.

Zhao 2008 — Zhao G. Q. Marriage as Political Strategy and Cultural Expression: Mongol Royal Marriages from World Empire to Yuan Dynasty. New York, 2008.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работе турецкой исследовательницы Бахрие Учок содержится около 30 очерков, посвященных женщинам, занимавшим трон в качестве правительниц или регентш в государствах мусульманского Востока в XII–XVII вв. [Учок 1982].

² Ушницкий 2011.

³ Маглинов 2005; 2006б. О Сорхактани писали также Б. Номинчимэд и А. Н. Никитин [Никитин 2007; Номинчимэд 2004].

⁴ Rachewiltz 1981; 1999.

⁵ Уолдгеп 2011, с. 116–118.

⁶ Cleaves 1980.

⁷ Jackson 1999, рр. 65, 240–241, 313–314, 355, 396–397.

⁸ Weatherford 2010a.

⁹ Султанов 2002, с. 154–155; Weatherford 2010b (впоследствии очерк вошел в книгу этого автора “The Secret History of the Mongol Queens”).

¹⁰ Учок 1982, с. 94–100.

¹¹ Мукминова 1966, с. 61–76.

¹² Кадырова 1979, с. 3–4. Отметим, впрочем, что автор очерка характеризует Надиру исключительно как поэтессу, умалчивая о ее роли как правительницы Кокандского ханства.

¹³ Гайворонский 2004, с. 88–93.

¹⁴ Бережков 1897; Абдуллаева 2011.

¹⁵ Моисеева 1956; Атласи 1993; Учок 1982, с. 138–140; Беляков, Моисеев 2004.

¹⁶ Вельяминов-Зернов 1866, с. 461–502; Учок 1982, с. 110–114.

¹⁷ Торопицын 2010; Ипполитова; Илишкин 2006.

¹⁸ Ата-Малик Джувейни называет старшей женой Чингис-хана Есунджин-беки, однако Дж. Э. Бойл, переведивший его сочинение на английский язык, предположил, что историк смешал старшую жену Чингис-хана и старшую жену его внука, персидского ильхана Хулагу,

которую и в самом деле звали Есунджин [Juvaini 1997, p. 40]. В Анонимном грузинском хронографе XIV в. старшая супруга Чингис-хана именуется Севинджи [Хронограф 2005, с. 22] — вероятно, по той же причине, что и Джувейни. Татарский историк XIX в. Х. Амирханов в сочинении «Таварих-и Булгарийе» почему-то называет ее Сююкан [Амирханов 2010, с. 29].

¹⁹ Рашид ад-Дин так и именует его — Дай-нойон [Рашид ад-Дин 1952а, с. 162].

²⁰ Козин 1941, с. 86–87; см. также: Палладий 1866, с. 35.

²¹ См., напр.: Золотое сказание 2005, с. 24; Лубсан Данзан 1973, с. 68–69; см. также: Бахлаев, Цыцкова 2004, с. 13.

²² Weatherford 2010a, p. 58.

²³ Козин 1941, с. 86; ср.: Палладий 1866, с. 35.

²⁴ Козин 1941, с. 86. Ср.: Палладий 1866, с. 35.

²⁵ Zhao 2008, p. 237.

²⁶ Рашид ад-Дин 1052а, с. 162.

²⁷ Неслучайно западные современники отмечали даже, что «согласно некоторым преданиям, Чингис-кан был создателем их [религиозного права]» [История Татар 2002, с. 116].

²⁸ Востоковеды Ю. А. Зуев и Т. И. Султанов даже предлагают характеризовать кунгратов как «хатунское племя», поскольку из него большинство монгольских ханов брали своих первых и, соответственно, главных жен [см.: Султанов 2006, с. 13].

²⁹ По мнению Т. И. Султанова, Тэмуджин какое-то время все же прожил в семействе будущего тестя [Султанов 2006, с. 12].

³⁰ Д. Уэзерфорд датирует эти события 1179 г. [Weatherford 2010a, p. 34].

³¹ См., напр.: Козин 1941, с. 95; Золотое сказание 2005, с. 26; Лубсан Данзан 1973, с. 82.

³² Рашид ад-Дин 1952а, с. 162; см. также: Березин 1849, с. 40–41; ср.: Шляхов 2011, с. 72.

³³ Лубсан Данзан 1973, с. 82.

³⁴ Рашид ад-Дин 1952а, с. 162; Березин 1849, с. 40–41.

³⁵ Рашид ад-Дин 1952а, с. 162; 1952б, с. 271.

³⁶ Лубсан Данзан 1973, с. 82.

³⁷ Посол папы римского Иоанн де Плано Карпини, побывавший в Монгольской империи в 1245–1247 гг., отмечает, что «если татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство» [Плано Карпини 1997, с. 42].

³⁸ Козин 1941, с. 95–96, 99; Лубсан Данзан 1973, с. 82–83, 86–87.

³⁹ Козин 1941, с. 96–97; Лубсан Данзан 1973, с. 84–85.

⁴⁰ Гумилев 1992б, с. 286–287.

- ⁴¹ Козин 1941, с. 96; Лубсан Данзан 1973, с. 84.
- ⁴² Козин 1941, с. 103; Лубсан Данзан 1973, с. 91–92. Л. Н. Гумилев романтично назвал этот эпизод «степной вендеттой», хотя и довольно скептически отмечает, что месть запоздала на целых 20 лет [Гумилев 1992б, с. 286–287].
- ⁴³ Козин 1941, с. 98–105; Лубсан Данзан 1973, с. 86–91. Все тот же Л. Н. Гумилев эти события охарактеризовал как «троянскую войну на Селенге» [Гумилев 1992б, с. 287–288].
- ⁴⁴ Козин 1941, с. 183.
- ⁴⁵ Султанов 2001, с. 60 и след; ср.: Юдин 1992, с. 15–16.
- ⁴⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 65; ср.: Рашид ад-Дин 1952а, с. 115; 1952б, с. 68–69.
- ⁴⁷ Хафиз-и Таныш 1983, с. 73; Абуль-Гази 1996, с. 97–98; ср.: Негри 1844, с. 385.
- ⁴⁸ СМИЗО 1941, с. 203.
- ⁴⁹ См., напр.: д'Оссон 1937, с. 201; Кычанов 1973, с. 134.
- ⁵⁰ См., напр.: Хоанг 1997, с. 106; ср.: Гумилев 1992б, с. 289.
- ⁵¹ Почекаев 2006, с. 36–37.
- ⁵² Ср.: Груссе 2000, с. 63.
- ⁵³ Weatherford 2010а, 212. В монгольском историческом сочинении XVII в. «Золотое сказание» сообщается, что Хасар пытался ухаживать за Хулан — младшей по возрасту и второй по статусу супругой своего брата Чингис-хана [Золотое сказание 2005, с. 32].
- ⁵⁴ Рашид ад-Дин 1952б, с. 68.
- ⁵⁵ Эта фраза, известная в историографии как «кочевая загадка Джамухи», до сих пор вызывает любопытство исследователей, предпринимающих попытки трактовки ее. Так, например, В. В. Бартольд дает такое ее толкование: «пасущие коней — степная аристократия; пасущие овец и ягнят, думающие только о “пище до горла”, — простой народ, на сторону которого, в противоположность Темучину, становится Джамуха» [Бартольд 2002б, с. 258]. Однако Л. Н. Гумилев, сравнив версии этой фразы в разных переводах «Сокровенного сказания», предлагает вообще отказаться от ее трактовки, поскольку смысл этой фразы диктовался конкретными обстоятельствами, а записана она была как минимум около 60 лет спустя после произнесения; современные же исследователи и вовсе не имеют возможности в полной мере соотнести переведенную фразу со смыслом сказанного в конце XII в. [Гумилев 1992а, с. 117].
- ⁵⁶ Палладий 1866, с. 59; ср.: Козин 1941, с. 106; Лубсан Данзан 1973, с. 96.
- ⁵⁷ См. подробнее: Почекаев 2002.
- ⁵⁸ Кычанов 1973, с. 96–97; Груссе 2000, с. 143–144.
- ⁵⁹ Кычанов 1973, с. 98; Груссе 2000, с. 145.

⁶⁰ Палладий 1866, с. 136–137; ср.: Козин 1941, с. 177–178. О «малых и дурных» детях Борте, вероятно, упомянула для большей выразительности: ее сыновья, родившиеся приблизительно в 1180, 1183, 1186 и 1194 гг., достигли к описываемому времени уже, соответственно, 28, 25, 22 и 14 лет, причем первые трое уже имели опыт командования войсками, а старший, Джучи, даже успел стать обладателем собственного улуса (1207 г.).

Весьма примечательно, что Борте заступилась именно за Тэмугэ-отчигина, а не за Хасара, про которого, как уже отмечалось выше, поговаривали, что одно время он был ее любовником: мудрая ханша решила не искушать судьбу и стать на сторону другого родственника — иначе ее совет мог бы вызвать абсолютно противоположную реакцию со стороны супруга.

⁶¹ Согласно бухарскому историческому сочинению конца XVI в., которое И.Н. Березин, обнаруживший его, условно назвал «Шейбаниадой», у Чингис-хана было «пятьсот жен и легион наложниц» [Березин 1849, с. 43]. Другие источники называют гораздо более скромное количество супругов основателя Монгольской империи.

⁶² Козин 1941, с. 182–183.

⁶³ Рашид ад-Дин 1952б, с. 71.

⁶⁴ См., напр.: Weatherford 2010а, р. 108.

⁶⁵ См.: Хара-Даван 1991, с. 125.

⁶⁶ См.: Груссе 2000, с. 52; Шляхов 2011, с. 77; Weatherford 2010а, р. 52.

⁶⁷ Zhao 2008, р. 237.

⁶⁸ Лубсан Данзан называет ее ставку «Хуруй-орду» [Лубсан Данзан 1973, с. 244].

⁶⁹ См.: Weatherford 2010а, р. 51.

⁷⁰ Рашид ад-Дин 1952а, с. 129; 1952б, с. 267.

⁷¹ Рашид ад-Дин 1952а, с. 145, 187; 1952б, с. 266–267.

⁷² Рашид ад-Дин 1952а, с. 101, 111; 1952б, с. 267.

⁷³ Мункуев 1970, с. 804; Храпачевский 2009, с. 72, 102.

⁷⁴ См.: Weatherford 2010а, р. 74–77.

⁷⁵ Алахай оказалась весьма энергичной деятельницей и после смерти супруга приняла на себя управление его владениями [Pelliot 1914, р. 631].

⁷⁶ Сам Рашид ад-Дин особо обращает внимание, что ханский зять (гурган) имел сходное имя — Гургэн.

⁷⁷ Рашид ад-Дин 1952б, с. 68–71.

⁷⁸ О версиях смерти Джучи см. подробнее: Почекаев 2006, с. 42–43.

⁷⁹ См. подробнее: Почекаев 2006, с. 51–52.

⁸⁰ «Золотой род» («Алтан уруг») — символическое название потомства Чингис-хана, встречающееся в тюркских и монгольских исторических сочинениях.

⁸¹ Рашид ад-Дин 1952а, с. 116.

⁸² Рашид ад-Дин 1960, с. 9

⁸³ Козин 1941, с. 151. В китайской династийной истории «Синь Юань ши» («Новая история династии Юань»), составленной историком Кэ Шаомином в начале XX в., Туракина («До-лез-гэ-на») названа не дочерью, а женой Хужу («Ху-ту»), сына Тохто-беки («То-хэй-то-а») [Мункуев 1965, с. 123].

⁸⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 9. В другом томе «Сборника летописей» Рашид ад-Дин ничего не говорит о меркитском происхождении Туракины, называя ее всего лишь женой Тайр-Усуна [Рашид ад-Дин 1952а, с. 116].

⁸⁵ Муизз 2006, с. 55. Однако следует иметь в виду, что сочинение «Муизз ал-ансаб» было составлено спустя два с лишним века после создания Монгольской империи, и в нем присутствует большое количество хронологических и фактических ошибок в отношении событий этого времени. Так, например, автор сочинения утверждает, что «после [женитьбы на ней (Туракине. — Р. П., И. П.)] Укдай-хан правил еще шесть лет», т. е. получается, что он женился на ней около 1235 г., тогда как историки — современники Угедэя и Туракины сообщают о рождении их первого сына Гуюка уже под 1205 г.

⁸⁶ Гумилев 1992а, с. 149; 1994, с. 117; Ушницкий 2011, с. 240; см. также: Rachewiltz 1999, р. 74. Лучшее знание источников Т. И. Султанов излагает обе версии происхождения Туракины: по одной из них она была меркиткой, по другой — всего лишь главой племени меркит [Султанов 2006, с. 41]. В. Маглинов также весьма обтекаемо отмечает, что «Сокровенное сказание монголов» связывает ее происхождение с меркитами [Маглинов 2006б]. В сочинении знаменитого среднеазиатского ученого Улугбека (внука Тамерлана) «Улус-и арба-йи Чингизи» Туракина фигурирует под именем Нураксан-хатун [Тулибаева, 2011, с. 83].

⁸⁷ См.: Бичурин 2005, с. 196; Храпачевский 2009, с. 177; Zhao 2008, р. 238. В пользу найманского происхождения Туракины склоняется, в частности, Д. Уэзерфорд [Weatherford 2010а, р. 124]

⁸⁸ Широко известны примеры вырождения монархических Востока и Запада в результате браков близких родственников из поколения в поколение.

⁸⁹ Вполне справедливое утверждение В. В. Ушницкого о том, что «как любое экзогамное племя, монголы вступали в брачные отношения с соседними племенами» [Ушницкий 2011, с. 240], таким образом, находится в явном противоречии с его же утверждением о меркитском происхождении Туракины.

⁹⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 9. Стараясь подчеркнуть более высокий статус Туракины среди жен хана Угедэя и отстаивая ее меркитское происхождение, И. де Рахевилц объявляет сведения «Юань ши» ошибочными, мотивируя это тем, что ко времени составления этой династийной хроники многие источники по истории ранних монгольских государей уже были утрачены. Из племени найманов (как сообщается и в «Муизз ал-ансаб») происходила не Туракина, а Гаджукур-хатун, которая и была якобы шестой супругой наследника Чингис-хана [Rachewiltz 1999, p. 76]. Однако вряд ли историки императоров династии Юань сделали бы такую серьезную ошибку в биографии матери хана Гуюка — наследника Угедэя.

⁹¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 9.

⁹² Рашид ад-Дин 1960, с. 9; Муизз 2006, с. 55.

⁹³ Juvaini 1997, p. 240.

⁹⁴ Бичурин 2005, с. 196; Храпачевский 2009, с. 177; Zhao 2008, p. 238. И. де Рахевилц считает, что «шестой императрицей» была вовсе не Туракина, а Гаджукур-хатун из племени найман [Rachewiltz 1999, p. 76], однако в «Юань ши» неоднократно подчеркивается, что именно «шестая императрица» была матерью Гуюк-хана, а о том, что именно он был сыном Туракины, сообщают единодушно все источники — персидские, тюркские и китайские.

⁹⁵ Рашид ад-Дин 1960, с. 9; Муизз 2006, с. 55; ср.: Juvaini 1997, p. 240. Кэ Шаоминь, автор «Синь Юань ши», высказал предположение, что Туракина была матерью только одного Гуюка — именно это и заставило ее начать столь активную борьбу за власть, чтобы возвести его на трон [см.: Мункуев 1965, с. 124]. Т. И. Султанов, в свою очередь, высказывает сомнения в том, что Туракина была матерью Годана (принимая во внимание их разногласия) и Куджу (поскольку активно выступала против воцарения его сына Ширэмуна) [Султанов 2006, с. 43].

⁹⁶ Т. И. Султанов отмечает, что каждый монгольский хан имел одну старшую жену (хатун-и бузургтар) и несколько главных (хатун-и бузур) [Султанов 2006, с. 11]. По-видимому, одной из главных жен Угедэй-хана и стала в конце концов Туракина.

⁹⁷ Juvaini 1997, p. 240.

⁹⁸ Rachewiltz 1981, p. 42; Weatherford 2010a, p. 123.

⁹⁹ Rachewiltz 1981, p. 45–46; см. также: Weatherford 2010a, p. 124.

¹⁰⁰ См.: Cleaves 1961, p. 69; Tumurtogoo 2006, p. 10.

¹⁰¹ Cleaves 1961, p. 65.

¹⁰² Cleaves 1961, p. 65. Как мы увидим далее на примере золотоордынской ханши Тайдулы, подобная формула непременно присутствовала в нормативных актах ханш, имевших право издания собственных указов.

- ¹⁰³ См. подробнее: Почекаев 2009б, с. 39.
- ¹⁰⁴ Мункуев 1965, с. 199.
- ¹⁰⁵ См.: Рашид ад-Дин 1960, с. 42; Allsen 2007, р. 5–6.
- ¹⁰⁶ Juvaini 1997, р. 240.
- ¹⁰⁷ Подобная ситуация была не столь редка на Востоке, где в условиях многоженства старшая жена нередко не имела потомства и была вынуждена делить влияние на супруга, а после его смерти — и его наследство с менее знатной женой, но родившей супругу детей. Совместное регентство Мука-хатун и Туракины (как и его последствия) поразительно схоже с ситуацией, сложившейся в Китае на последнем этапе истории династии Цин: в 1861 г., после смерти императора Сяньфэна, при его малолетнем наследнике Тунчжи стали регентшами старшая супруга покойного монарха Цыань и его наложница Цыси, мать нового императора. Со временем Цыси избавилась от соправительницы и самовластно управляла Китаем до самой смерти [см.: Сидихменов 1985, с. 96, 138–139].
- ¹⁰⁸ Juvaini 1997, р. 240.
- ¹⁰⁹ См., напр.: Мункуев 1965, с. 200; Цендина 2007, с. 193.
- ¹¹⁰ Juvaini 1997, р. 240; Рашид ад-Дин 1960, с. 114–115.
- ¹¹¹ Тут стоит оговорить, что четкого права наследования трона в Монгольской империи и последующих государствах Чингизидов не было, поэтому назначить наследника ни один хан формально не мог: все равно его преемник (хотя бы формально) должен был пройти процедуру избрания на курултае. При этом завещание хана-предшественника в пользу того или иного Чингизида могло стать существенным фактором в пользу его избрания, но отнюдь не решающим [см. подробнее: Султанов 2006, с. 90–94].
- ¹¹² См. подробнее: Гумилев 1992а, с. 147–149.
- ¹¹³ Рашид ад-Дин 1960, с. 17.
- ¹¹⁴ Палладий 1866, с. 145; Козин 1941, с. 186.
- ¹¹⁵ Juvaini 1997, р. 244; см. также: Рашид ад-Дин 1960, с. 116–117.
- ¹¹⁶ См.: Juvaini 1997, р. 241.
- ¹¹⁷ Рашид ад-Дин 1960, с. 115.
- ¹¹⁸ Чинкай бежал, не дожидаясь приезда эмиссаров Туракины, Ялавач же замешкался. Поэтому, когда ее стражники прибыли, чтобы арестовать его, он оказал им гостеприимство, а сам подготовился к бегству и скрылся, не вызвав их подозрений [см.: Juvaini 1997, р. 241].
- ¹¹⁹ См.: Бартольд 1962, с. 553, прим. 4. Любопытную версию взаимоотношений Туракины и Годана предлагает монгольский историк XVIII в. Дхарма-гуши, составивший около 1739 г. сочинение под названием «Золотой диск с тысячей спиц»: по его мнению, раз Годан фигурирует в тибетских источниках как хан, возможно, он фактически

управлял Монгольской империей вместе с матерью [см.: Цендина 2007, с. 108]. Такая версия противоречит более ранним персидским источникам, которым, безусловно, следует отдать предпочтение, учитывая, что Годан, представленный в тибетской и монгольской буддийской историографии как один из первых покровителей буддизма, получил от благодарных лам-историков титул царя или хана (или даже хагана), который при жизни никогда не носил.

¹²⁰ Цит. по: Бартольд 1962, с. 553. В. В. Бартольд обнаружил, что та же поговорка встречается в «Сокровенном сказании»: ее приводят двое сыновей Сорган-Шира, когда к ним бежал в поисках убежища от своих врагов-тайчиутов юный Тэмуджин — будущий Чингис-хан [см.: Козин 1941, с. 93].

¹²¹ Juvaini 1997, p. 491–493; Рашид ад-Дин 1960, с. 34–35, 46.

¹²² Обладая высшей властью, Туракина имела право выдавать ярлыки, которые, как мы помним, могли издаваться только верховными монархами — ханами.

¹²³ Juvaini 1997, p. 243, 504–505; Рашид ад-Дин 1960, с. 48, 116. Обратим внимание, что в одном разделе «Сборника летописей» сообщается, что Коркуз был казнен по указу каана (с. 48) — а под таким именем в этом сочинении фигурирует Угедэй, — а в другом, что его казнь имела место уже в период междоусобицы (с. 116). Безусловно, следует отдать предпочтение второму сообщению, поскольку Чагатай умер позже Угедэя, и тот, таким образом, не мог наказать эмира за оскорбительное высказывание о своем покойном брате. Подобные разночтения объясняются тем, что фактическими авторами разных разделов «Сборника летописей» были разные лица, а Рашид ад-Дин, обычно указываемый в качестве автора, — всего лишь редактор, который из-за огромного объема сочинения, конечно, не всегда мог устранить подобные ошибки и разночтения.

¹²⁴ Мункуев 1965, с. 86, 200–201; см. также: Гумилев 1992а, с. 149–150.

¹²⁵ Гумилев 1992а, с. 150.

¹²⁶ Juvaini 1997, p. 244–245. Д. Мэн называет ее управительницей местных проституток, т. е. едва ли не хозяйкой публичного дома [Мэн 2008, с. 40]. А монгольский публицист Баабар — и просто проституткой [Баабар 2010, с. 44].

¹²⁷ См.: Juvaini 1997, p. 245; Рашид ад-Дин 1960, с. 115.

¹²⁸ Турецкая исследовательница Б. Учок в своем стремлении подчеркнуть роль женщин во власти на Востоке утверждает, что Туракина назначила Фатиму «своим главным везиром» (причем со ссылкой на Джувейни, у которого таких сведений, естественно, нет!) [Учок 1982, с. 11].

¹²⁹ Juvaini 1997, p. 245; Рашид ад-Дин 1960, с. 115.

- ¹³⁰ См. подробнее: Юрченко 2002, с. 168–170.
- ¹³¹ См.: Гумилев 1992а, с. 149–150.
- ¹³² Мункуев 1965, с. 86, 200.
- ¹³³ См.: Базарова 1993, с. 27.
- ¹³⁴ См. подробнее: Почекаев 2006, с. 66–67.
- ¹³⁵ См.: Weatherford 2010а, р. 127.
- ¹³⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 80; см. также: Бартольд 1962, с. 559; Weatherford 2010а, р. 127.
- ¹³⁷ Juvaini 1997, р. 48; Рашид ад-Дин 1952а, с. 149; см. также: Алмас 1993, 322. Несомненно, это распоряжение также было сделано в интересах семейства Угедэя, поскольку государство уйгуров, вассальное монгольским императорам с 1210 г. (когда идикут Баурчук добровольно присягнул на верность Чингис-хану), постепенно переходило под власть правителей Чагатайского улуса [см.: Тихонов 1966, с. 57–59], и необходимо было на формальном уровне закрепить его подведомственность именно центральной власти в Каракоруме.
- ¹³⁸ Плано Карпини 1997, с. 79; ср.: Султанов 2006, с. 41–42; Weatherford 2010а, р. 129.
- ¹³⁹ Бичурин 2005, с. 191–192; Храпачевский 2009, с. 177.
- ¹⁴⁰ Он был сыном Куджу (Кучу) — третьего сына Угедэя и Туракины, которого сам отец видел своим наследником, но он умер раньше отца, в 1236 г.
- ¹⁴¹ Именно поэтому буквально первым же делом, совершенным от имени нового хана Гуюка после избрания, стал суд над Тэмугэ за его попытку узурпации власти: члены дома Чингис-хана приговорили его к смерти на основании Ясы Чингис-хана [Juvaini 1997, р. 255; Рашид ад-Дин 1960, с. 119].
- ¹⁴² См. подробнее: Почекаев 2006, с. 221 и след.
- ¹⁴³ См.: Juvaini 1997, р. 251 и след.; Рашид ад-Дин 1960, с. 119; Плано Карпини 1997, с. 76–77.
- ¹⁴⁴ Juvaini 1997, р. 244; см. также: Базарова 1993, с. 27.
- ¹⁴⁵ Рашид ад-Дин 1960, с. 119. Посол французского короля Вильгельм де Рубрук, побывавший в Монгольской империи в начале 1250-х гг. сообщает, что монголы «умерщвляют колдуний..., так как считают подобных женщин за отравительниц» [Рубрук 1997, с. 101].
- ¹⁴⁶ В «Юань ши» ее смерть датирована 1265 г. [Zhao 2008, р. 238], но это явная хронологическая ошибка, каковых предостаточно в этой династийной истории.
- ¹⁴⁷ Д. Уэзерфорд со ссылкой на «мусульманского историка Абу-Умара-и-Усмана» сообщает, что Гуюк устранил мать, «отправил присоединиться к Угедэю» [Weatherford 2010а, р. 130].
- ¹⁴⁸ Juvaini 1997, р. 245–246; Рашид ад-Дин 1960, с. 117, 119; см. также: Weatherford 2010а, р. 130. Кстати, Годан, сообщение о смерти

которого послужило основанием для суда над Фатимой и ее казни, вскоре чудесным образом «воскрес»: он фигурирует в источниках как минимум до 1251 г.

¹⁴⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 120.

¹⁵⁰ См. подробнее: Мункуев 1965, с. 122, прим. 199.

¹⁵¹ Интересно отметить, впрочем, что акты, изданные в период правления Туракины и заверенные красной ханской тамгой (многие из них, несомненно, представляли собой результат злоупотребления своими полномочиями со стороны Абд ар-Рахмана и других приближенных Туракины), в дальнейшем так и не были отменены ее сыном Гуюком [см.: Базарова 2006, с. 212].

¹⁵² Zhao 2008, p. 238; см. также: Цендина 2007, с. 193; Концевич 2010, с. 542.

¹⁵³ Рашид ад-Дин 1960, с. 9.

¹⁵⁴ Цит. по: Цендина 2007, с. 193–194.

¹⁵⁵ Кстати, точно такую же позицию историографы занимают и в отношении ее невестки Огул-Гаймиш — жены Гуюка, также ставшей регентшей после смерти мужа [см.: Бира 1978, с. 129–130].

¹⁵⁶ См., напр.: Бартольд 1962, с. 553–554; Мункуев 1965, с. 22; Гумилев 1992а, с. 150; Султанов 2006, с. 41; Мэн 2008, с. 36–37.

¹⁵⁷ См.: Маглинов 2006б; Ушницкий 2011, с. 241–248.

¹⁵⁸ Правнучке Туракины, Хутулун посвящен восьмой очерк настоящей книги, в котором также будут рассмотрены деяния ее отца Хайду — претендента на ханский трон Монгольской империи.

¹⁵⁹ См.: Juvaini 1997, p. 262. Д. Уэзерфорд высказывает предположение, что она могла быть дочерью Чичиган, дочери Чингис-хана и Борте, а по отцу — из племени ойрат, и, таким образом, приходится внучкой Чингис-хану и, соответственно, двоюродной сестрой своему мужу Гуюку [Weatherford 2010a, p. 132]. Однако, по-видимому, историк смешал двух Огул-Гаймиш — нашу героиню и ее тезку, которая действительно происходила из рода ойрат, но была не дочерью Чичиган, а ее золовкой — сестрой ее мужа Торэлчи. Эта Огул-Гаймиш (по другим сведениям, ее звали Огул-Кутмиш или Огул-Тутмиш) стала старшей женой хана Мунке и не имела никакого отношения к Гуюку [см.: Рашид ад-Дин 1952а, с. 119]. Л. Н. Гумилев называет Огул-Гаймиш найманкой [Гумилев 1995, с. 140], однако, по-видимому, он смешивает ее с Туракиной, которая, как уже отмечалось, названа найманкой в «Юань ши».

¹⁶⁰ Возможно также, что Огул-Гаймиш попала в плен к войнам Чингис-хана после окончательного разгрома им меркитов около 1216 г. и, происходя из знатного меркитского рода, была отдана в жены Гуюку — одному из его старших внуков.

¹⁶¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 114. В некоторых источниках сыном Гуюка и Огул-Гаймиш назван также и Ширэмун [см.: Плано Карпини

1997, с. 386, прим. 69; Zhao 2008, p. 238], однако сведения Джувеини и Рашид ад-Дина о его происхождении от Куджу, младшего брата Гуюка, представляются более предпочтительными.

¹⁶² См. подробнее: Юрченко 20076, с. 85.

¹⁶³ См.: Рашид ад-Дин 1960, с. 111–112.

¹⁶⁴ См.: Weatherford 2010a, p. 132.

¹⁶⁵ Козин 1941, с. 195; ср.: Палладий 1866, с. 157. В гневе Угедэй, возможно, преуменьшил способности и заслуги своего первенца: согласно Рашид ад-Дину и «Юань ши», Гуюк неплохо проявил себя на завершающем этапе войны против северокитайской империи Цзинь, когда совместно с Эльджигитай-нойоном захватил одну из областей, пленил чжурчженского князя из императорской семьи и т. д. [Рашид ад-Дин 1960, с. 20; Бичурин 2005, с. 196; Храпачевский 2009, с. 177–178].

¹⁶⁶ См. подробнее: Бартольд 1962, с. 554. Любопытное сообщение о времени правления Гуюка приводится в монгольской исторической хронике XVIII в. «Монгол борджигид обог-ун тэукэ» («История рода борджигин»), написанной князем Ломи: «Когда [Гуюк-]хан сел на престол, и прошло немного времени, случилась сильная засуха, и вода в реках высохла, а трава в степи сама выгорела. Из лошадей и коров из десяти погибло восемь-девять, и невозможно стало продолжение рода человеческого». Надо сказать, что в китайской историографической традиции (которая существенно повлияла на монгольскую позднесредневековую историографию) стихийные бедствия посылаются Небом как наказание за дурное правление — как знак того, что монарх не оправдал доверия богов, и «небесный мандат» должен перейти к другому, более достойному претенденту [см.: Базарова 1993, с. 25–26].

¹⁶⁷ Иоанн де Плано Карпини говорит о «партии Гуюка и Бату», об уважении, которое правитель Золотой Орды оказывал воле монгольского хана и т. д. [см.: Плано Карпини 1997, с. 83].

¹⁶⁸ Рубрук 1997, с. 132.

¹⁶⁹ Juvaini 1997, p. 262–263.

¹⁷⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 122; см. также: Juvaini 1997, p. 263.

¹⁷¹ Американская публицистка К. Уолдгер, которая, как уже отмечалось, посвятила Огул-Гаймиш один из очерков своей книги о правительницах в мировой истории, остроумно (как она, видимо, полагает) сравнивает провозглашение Огул-Гаймиш регентшей с тем, «как если бы Мелинда Гейтс стала председательницей “Майкрософт” без предварительного подписания необходимых документов с акционерами» [Уолдгер 2011, с. 116]. Однако К. Уолдгер совершенно не принимает во внимание ни особенности правового статуса женщин (особенно главных жен ханов) в правящем семействе Чингизидов, ни вышеупомянутого прецедента в виде регентства Туракины, ни, наконец, и того, что именно Огул-Гаймиш после смерти мужа стала

фактически распоряжаться его семейным уделом и войсками — а такие ресурсы, если бы она сумела ими правильно воспользоваться, позволили бы ей и в самом деле стать второй Туракиной.

¹⁷² Гумилев 1992а, с. 151.

¹⁷³ Доманин 2005, с. 371.

¹⁷⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 122; Juvaini 1997, р. 265.

¹⁷⁵ См.: Weatherford 2010а, р. 135.

¹⁷⁶ Гримберг 1997, с. 254–255. Кстати, именно этими близкими отношениями Ф. Гримберг объясняет и то, что Андрею, младшему из сыновей Ярослава, досталось великое владимирское княжение, тогда как старший брат Александр Невский был вынужден довольствоваться титулом великого князя киевского, который в это время уже не представлял никакой ценности на Руси.

¹⁷⁷ См.: Почекаев 2006, с. 226. Версии о том, что Александр Невский и Андрей Ярославичи получили инвестиру от Огул-Гаймиш, придерживаются, в частности, Л. Н. Гумилев и Ю. В. Селезнев [Гумилев 1995, с. 140; Селезнев 2009а, с. 38].

¹⁷⁸ См: После Марко Поло 1968, с. 21; Жуанвиль 2007, с. 116–117; Лонжюмо 1996, с. 53.

¹⁷⁹ Juvaini 1997, р. 263.

¹⁸⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 129; см. также: Почекаев 2006, с. 233–234.

¹⁸¹ Juvaini 1997, р. 265; Рашид ад-Дин 1960, с. 122.

¹⁸² Чагатай и Угедэй сблизились еще в 1210-е гг., и их потомки в течение длительного времени совместно противостояли в борьбе за власть семействам Джучи и Тулуя.

¹⁸³ Juvaini 1997, р. 265, 566; Рашид ад-Дин 1960, с. 131–132. См. также: Почекаев 2006, с. 239–240.

¹⁸⁴ Juvaini 1997, р. 573–575; Рашид ад-Дин 1960, с. 133–135; см. также: Рубрук 1997, с. 132.

¹⁸⁵ Juvaini 1997, р. 580–583; Рашид ад-Дин 1960, с. 135–137.

¹⁸⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 137; см. также: Почекаев 2006, с. 242–245.

¹⁸⁷ Juvaini 1997, р. 583–584; Рашид ад-Дин 1960, с. 137.

¹⁸⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 138. Рашид ад-Дин сообщает, что Огул-Гаймиш было приказано «привезти, зашив обе руки в сыромятную кожу». Нам не совсем понятно, что это означает — по-видимому, речь идет о некоей разновидности связывания или заковывания для особо опасных преступников.

¹⁸⁹ Обратим внимание на то, что судил Огул-Гаймиш не хан, который лично вершил суд над царевичами из рода Чингизидов, а всего лишь его главный судья, в компетенции которого был суд над нойонами [см. Бартольд 1962, с. 559].

¹⁹⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 138.

¹⁹¹ Juvaini 1997, p. 588. Вильгельм де Рубрук пишет, что их «бичевали раскаленными головнями, чтобы они сознались» [Рубрук 1997, с. 132]. Впрочем, Рашид ад-Дин пишет, что Огул-Гаймиш казнили, просто «спросив о вине» [Рашид ад-Дин 1960, с. 138], т. е. не уточняя, действительно ли она призналась в своей вине.

¹⁹² Неизвестно, на основании каких источников К. Уолдгер утверждает, что Огул-Гаймиш было позволено совершить самоубийство [Уолдгер 2011, с. 118]. Это полностью противоречит сообщениям средневековых авторов (включая и Ата-Малика Джувейни, современника Огул-Гаймиш), согласно которым она была подвергнута мучительной и к тому же символической казни.

¹⁹³ Рашид ад-Дин 1952а, с. 163

¹⁹⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 138; Weatherford 2010а, p. 136.

¹⁹⁵ См.: Бичурин 2005, с. 207, 209; Храпачевский 2009, с. 188.

¹⁹⁶ Рубрук 1997, с. 176; ср.: Weatherford 2010а, p. 133.

¹⁹⁷ Согласно «Юань ши», Ширэмун был сослан в местность под названием Модочи (Модочи), которую современные исследователи не могут идентифицировать с каким-либо географическим объектом [Бичурин 2005, с. 207–208, 209; Храпачевский 2009, с. 188].

¹⁹⁸ Juvaini 1997, p. 591–592; Рашид ад-Дин 1960, с. 139. Согласно Джувейни, когда к Огул-Гаймиш и Ходже прибыл посланец от хана Мунке с требованием явиться к ханскому двору, она сгоряча намеревалась казнить гонца, но именно супруга Ходжи заступилась за него [Juvaini 1997, p. 586]. По-видимому, именно это расположило к ней хана и заставило его удовлетворить ее ходатайство за мужа.

¹⁹⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 12; см. также: Муизз 2006, с. 58. Вильгельм де Рубрук сообщает, впрочем, что и Ширэмун («Сиремон»), и «старший сын Кен-хана» (Гуюка, т. е. Ходжа-огул) были схвачены сразу после раскрытия заговора и казнены, а единственным наследником их владений остался «малютка, сын Кена, который не только не мог быть способен на заговор, но даже и знать о нем» [Рубрук 1997, с. 132]. Надо иметь в виду, впрочем, что источники францисканца не всегда были так же компетентны, как источники Джувейни и Рашид ад-Дина, так что у него встречаются многочисленные ошибки (в частности, он называет Ширэмуна братом Гуюка).

²⁰⁰ В некоторых работах указывается, что одних только Чингизидов было казнено около 70.

²⁰¹ В частности, вскоре после судилища над членами рода Угедэя, в ноябре 1252 г., был также казнен уйгурский идикут Салынды, который, как мы помним, был утвержден на троне еще Туракиной.

Согласно Рашид ад-Дину, он был казнен за то, что якобы, будучи «идолопоклонником» (буддистом?), намеревался истребить всех мусульман в своей столице Бишбалык [Рашид ад-Дин 1960, с. 138–139]. Однако не приходится сомневаться, что на самом деле хан Мунке решил избавиться от ставленника Угедэидов. На трон был возведен брат казненного — Окенджэ [Тихонов 1966, с. 59]. С отстранением от власти Угедэидов также связывается свержение великого князя владимирского Андрея Ярославича и замена его братом — Александром Невским [см.: Почekaев 2006, с. 245–249; Селезнев 2009a].

²⁰² Рубрук 1997, с. 175.

²⁰³ Zhao 2008, p. 238; Концевич 2010, с. 542.

²⁰⁴ Мы остановились на таком варианте написания имени нашей героини, однако в различных источниках оно пишется совершенно по-разному, подробный разбор форм ее имени см.: Pelliot 1932. В некоторых монгольских сочинениях она фигурирует под именем Чохурбеки [см., напр.: Лубсан Данзан 1973, с. 224].

²⁰⁵ Рашид ад-Дин 1952a, с. 131; 1952b, с. 109. По-видимому, такая замена имени титулом не была очень уж редкой: сам Тогрул получил от чжурчженской династии Цзинь титул вана, т. е. князя, и впоследствии он фигурировал в исторических сочинениях как Ван-хан.

²⁰⁶ Тем не менее однажды, в середине 1190-х гг., он все же принял участие в заговоре против брата, а когда заговор был раскрыт, бежал от него к найманам — врагам кераитов, и Чингис-хан даже помогал Ван-хану воевать с ним [Рашид ад-Дин 1952b, с. 118, 249].

²⁰⁷ Рашид ад-Дин 1952b, с. 132–134.

²⁰⁸ Рашид ад-Дин 1952b, с. 109, 128. Впрочем, Чингис-хану пришлось в свое время воевать и с Джагамбу — в интересах все того же Ван-хана [см.: Рашид ад-Дин 1952b, с. 249].

²⁰⁹ Козин 1941, с. 141. Ср.: Никитин 2007, С. 167.

²¹⁰ Д. Уэзерфорд пишет, что Чингис-хан породнился с Джагамбу несколько раньше — когда Джагамбу намеревался низложить брата при помощи монгольского хана [Weatherford 2010a, p. 42].

²¹¹ Рашид ад-Дин 1952a, с. 131.

²¹² У младшего сына хана Тогрула, Уйку, была дочь Докуз-хатун, которая сначала также стала женой Тулуя, а затем, после его смерти, перешла к Хулагу — его младшему сыну от Сорхактани. Аналогичным образом Урук-хатун, дочь Сариджи (брата Докуз-хатун), стала женой Аргуна, внука Хулагу [Рашид ад-Дин 1952a, с. 131–132]. Как видим, и потомки Чингис-хана также старались всячески укрепить свое право на владение керайтским наследством.

²¹³ Рашид ад-Дин 1952a, с. 186. Д. Уэзерфорд не принимает такую версию развода Чингис-хана с Абикэ-беки и считает, что причины

развода носили исключительно политический характер: якобы вскоре после свадьбы Джагамбу выступил против Чингис-хана, и, таким образом, брак с его дочерью перестал быть актуальным для монгольского властителя [Weatherford 2010a, p. 50].

²¹⁴ Обратим внимание, что Орду и Бату были старшими именно по статусу: есть основания считать, что по возрасту старшими были Бувал и Туга-Тимур, но они родились от наложниц и поэтому были ниже в семейной иерархии, чем вышеназванные сыновья от законных жен [см. подробнее: Почекаев 2006, с. 50].

²¹⁵ См.: Мункуев 1965, с. 103; Гумилев 19926, с. 301. Д. Уэзерфорд полагает, что Сорхактани была несколькими годами старше своего мужа [Weatherford 2010a, p. 42].

²¹⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 104.

²¹⁷ Рашид ад-Дин 1960, с. 103; Лубсан Данзан 1973, с. 244.

²¹⁸ В источниках имеются сведения о том, что Тулуй сам намеревался стать ханом и именно поэтому затягивал созыв курултая, на котором, в соответствии с завещанием Чингис-хана, должны были избрать его брата [Мункуев 1965, с. 188; см. также: Почекаев 2006, с. 62–63; Цендина 2007, с. 169]. Не исключено, что его амбиции могла подогревать и Сорхактани-беки.

²¹⁹ Мункуев 1965, с. 102–103; см. также: Бира 1978, с. 106.

²²⁰ Козин 1941, с. 192–193; ср.: Палладий 1866, с. 153–154; Рашид ад-Дин 1960, с. 110; см. также: Никитин 2007, с. 167–168.

²²¹ Лубсан Данзан 1973, с. 224.

²²² Juvaini 1997, p. 549; см. также: Россابي 2009, с. 36. Такая откровенность Джувейни тем более заслуживает доверия, если учесть, что он писал свою «Историю завоевателя мира» по поручению хана Мунке — старшего сына Тулуя, который и сам имел пристрастие к вину!

²²³ См. подробнее: Allsen 2007.

²²⁴ Weatherford 2010a, p. 124–125; ср.: Трепавлов 1993, с. 97.

²²⁵ СМИЗО 1941, с. 81–82.

²²⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 36; Их Монгол 2006, т. 13.

²²⁷ Рашид ад-Дин 1960, с. 112. Отметим, что Сорхактани ссылалась на малолетство своих детей, старшему из которых, Мунке, ко времени смерти отца было уже не менее 25 лет, а младшему, Арик-Буге, — 15–16! Тем не менее, по мнению Д. Уэзерфорда, Сорхактани не слишком лукавила, объясняя нежелание повторно выходить замуж заботой о детях: исследователь отмечает, что она и в самом деле много сделала для их воспитания и образования, благодаря ей они разбирались во многих сферах, говорили на нескольких языках и т. д. [Weatherford 2010a, p. 134; см. также: Никитин 2007, с. 170]. М. Россابي, напротив, считает, что образование, данное Сорхактани

сыновьям, не выходило за рамки обычных знаний знатных кочевников того времени: они учились ездить верхом, сражаться и стрелять из лука, умели читать и писать по-монгольски, но не знали других языков [Россаби 2009, с. 37].

²²⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 112; см. также: Weatherford 2010a, p. 122.

²²⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 112.

²³⁰ Рубрук 1997, с. 154–155, 162. См.: Мэн 2008, с. 33; Россаби 2009, с. 37–38; Никитин 2007, с. 173.

²³¹ Allsen 1989, p. 116. Надо сказать, что подобным приемом — включением торговцев в состав дипломатических миссий — впоследствии активно пользовались и другие Чингизиды [см. подробнее: Почекаев 2010б, с. 189].

²³² См.: Мэн 2008, с. 37.

²³³ Россаби 2009, с. 44.

²³⁴ Плано Карпини 1997, с. 49.

²³⁵ Цит. по: Цендина 2007, с. 216.

²³⁶ Juvaini 1997, p. 255; Рашид ад-Дин 1960, с. 120.

²³⁷ Juvaini 1997, p. 255. Не пытался ли Гуюк таким образом вновь намекнуть Сорхактани на желательность вступления в брак с ним?

²³⁸ На это указывает сообщение Иоанна де Плано Карпини: «Была схвачена тетка нынешнего императора, убившая ядом его отца, в то время когда их войско было в Венгрии... Над ней и очень многими другими был произведен суд, и они были убиты» [Плано Карпини 1997, с. 79; ср.: Маглинов 2006а]. Строго говоря, под «теткой» нынешнего императора» вполне могла подразумеваться Алталун — младшая дочь Чингис-хана и Борте, сестра хана Угедэя, отца Гуюка, которая также была казнена Угедэидами. Однако в отравлении Угедэя обвинялась, согласно Рашид ад-Дину, именно Абики. Поскольку она некоторое время была одной из младших жен Чингис-хана (деда Гуюка), вполне возможно, что францисканец именно ее назвал «теткой» Гуюка. Когда именно погибла Абики-беки, неизвестно — вполне возможно, что она была казнена уже после избрания ханом Гуюка.

²³⁹ Рашид ад-Дин 1952а, с. 186.

²⁴⁰ См.: Храпачевский 2009, с. 172.

²⁴¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 121.

²⁴² См. также: Мэн 2008, с. 41.

²⁴³ Рашид ад-Дин 1960, с. 129; см. также: Номинчимэд 2004.

²⁴⁴ Juvaini 1997, p. 563.

²⁴⁵ О суде Сорхактани над представительницами семейств Чагатай и Угедэя сообщают персидские источники. В «Юань ши» же сообщается, что Сорхактани умерла в феврале-марте 1252 г., а процесс над Огул-Гаймиш и ее сторонниками состоялся летом того же года,

т. е. уже после смерти Сорхактани [Бичурин 2005, с. 207; Храпачевский 2009, с. 187].

²⁴⁶ Juvaini 1997, p. 588; Рашид ад-Дин 1960, с. 138; Weatherford 2010a, p. 136.

²⁴⁷ Эргэнэ посвящен седьмой очерк настоящей книги.

²⁴⁸ Juvaini 1997, p. 588–589; Рашид ад-Дин 1960, с. 137; Джамал Карши 2005, с. 122.

²⁴⁹ Weatherford 2010a, p. 140.

²⁵⁰ По утверждению Д. Мэна, ко времени смерти Сорхактани «перевалило за семьдесят» [Мэн 2008, с. 49], хотя, если судить по косвенным сведениям источников, на самом деле ей было немногим больше шестидесяти.

²⁵¹ Россابي 2009, с. 46.

²⁵² В первой половине XV в. за ханский трон в Монголии с потомками Хубилая боролись отдельные потомки Угедэя, а также ойратские правители (они приходились родственниками Чингизидам по женской линии), позднее, с XVII в., в некоторых хошунах (административные единицы, на которые разделялись аймаки) к власти пришли также потомки братьев Чингис-хана.

²⁵³ Рашид ад-Дин 1960, с. 112; см. также: Баабар 2010, с. 48. М. Россابي проводит довольно неожиданную, но вместе с тем и вполне логичную параллель между Сорхактани и ее старшей современницей Элеонорой Аквитанской, супругой английского короля Генриха II, которая также родила мужу четверых сыновей и всю жизнь боролась за то, чтобы они достигли власти [см.: History 2006, p. 414].

²⁵⁴ См.: Zhao 2008, p. 257. Д. Мэн упоминает ее посмертное храмовое имя Вэ-цзы [Мэн 2008, с. 50]

²⁵⁵ См., напр.: Белая история 2001, с. 125; Лубсан Данзан 1973, с. 223, 366; Шара Туджи 1957, с. 147.

²⁵⁶ Мэн 2008, с. 50; Atwood 2006, p. 403.

²⁵⁷ Россابي 2009, с. 36–37; Weatherford 2010a, p. 134; Маглинов 2005. Тем не менее Л. Н. Гумилев считает, что не без ее влияния монголы в период правления Мунке основные боевые действия вели против мусульман: именно в этот период в результате монгольских завоеваний пало государство исмаилитов-ассасинов (1256 г.) и Багдадский халифат Аббасидов (1258 г.) [Гумилев 1994, с. 115].

²⁵⁸ См.: Мэн 2008, с. 49–50.

²⁵⁹ Россابي 2009, с. 46; ср.: Баабар 2010, с. 49.

²⁶⁰ В «Юань ши» имя отца Чаби-хатун указано как «князь Анчен из рода Онграт» [Zhao 2008, p. 239].

²⁶¹ Рашид ад-Дин 1952a, с. 163; 1960, с. 153.

²⁶² См.: Россابي 2009, с. 41.

²⁶³ Согласно «Юань ши», первую жену Хубилая звали Тэгулун (Те-гу-лунь); вероятно, она умерла еще до 1260 г. [см.: Россابي 2009, с. 41, 347].

²⁶⁴ Муизз 2006, с. 68.

²⁶⁵ В позднесредневековой монгольской историографической традиции получило распространение сообщение о том, что Чингис-хан перед смертью якобы сказал: «Слова мальчика Хубилая мудры, поступайте в соответствии с ними» [см., напр.: Лубсан Ланзан 1973, с. 240]. Однако следует принять во внимание, что эти произведения создавались при дворе именно потомков Хубилая. Рашид ад-Дин, напротив, приводит следующее высказывание Чингис-хана относительно Хубилая: «Все наши дети рыжие, а этот мальчик черномазый, очевидно, он похож на [своих] дядей...» [Рашид ад-Дин 1960, с. 153]. Е. И. Кычанов истолковал это высказывание, как подозрение Чингис-хана, «не нагуляла ли невестка внука» [Кычанов 1998, с. 60].

²⁶⁶ См.: History 2006, p. 414.

²⁶⁷ Рашид ад-Дин 1960, с. 147; Ода 2011, с. 111. См также.: Россابي 2009, с. 71.

²⁶⁸ См.: Рашид ад-Дин 1960, с. 147–148.

²⁶⁹ См. подробнее: Юрченко 2007а, с. 368–369.

²⁷⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 147–148.

²⁷¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 148.

²⁷² Рашид ад-Дин 1960, с. 148; Мэн 2008, с. 119; Россابي 2009, с. 92, 115–116.

²⁷³ Рашид ад-Дин 1960, с. 159–160.

²⁷⁴ Впоследствии ряд потомков Арик-Буги предъявляли претензии на трон в государстве ильханов в Иране (середина XIV в.) и в Монголии (на рубеже XIV–XV вв.).

²⁷⁵ Cleaves 1980, p. 142; Базарова 2006, с. 226.

²⁷⁶ Zhao 2008, p. 239.

²⁷⁷ См.: History 2006, p. 416, 426–427.

²⁷⁸ Cleaves 1980, p. 142–143; Zhao 2008, p. 239–240; Россابي 2009, с. 116–118.

²⁷⁹ Мэн 2008, с. 305.

²⁸⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 187; см. также: Марко Поло 1997, с. 252–253.

²⁸¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 187–190; Марко Поло 1997, с. 253–255. По результатам расследования (которое, кстати, было поручено Марко Поло) было установлено, что Ахмад злоупотреблял своими полномочиями, брал крупные взятки и т. д. Все его имущество после смерти было конфисковано, а сам он признан виновным в посягательстве на ханское имущество и едва ли не в государственной измене. В результате Хубилай признал Ахмада изменником, его тело было вытаскано из

могилы и проташено по улицам до базарной площади, его жена и двое старших сыновей были казнены (с них живьем содрали кожу).

²⁸² См.: Россابي 2009, с. 118–119. О Ли Шимине см. подробнее, напр.: Гумилев 1993, с. 223–235; Барфилд 2009, с. 212, 227–228; Кычанов 2010, с. 142–143.

²⁸³ History 2006, p. 470; Россابي 2009, с. 268–269.

²⁸⁴ Cleaves 1980, p. 143–144; Zhao 2008, p. 240.

²⁸⁵ Cleaves 1980, p. 144–145; Zhao 2008, p. 240; Россابي 2009, с. 151–152.

²⁸⁶ Cleaves 1980, p. 143–144; Zhao 2008, p. 240; Россابي 2009, с. 118.

²⁸⁷ Zhao 2008, p. 240; Россابي 2009, с. 118.

²⁸⁸ Джамбадоржи 2005, с. 90–92; см. также: Лубсан Данзан 1973, с. 248. Окончательно эта традиция сложилась на рубеже XVI–XVII вв., когда монголы официально приняли буддизм в качестве государственной религии. Однако ее формирование традиционно принято связывать с эпохой Хубилая и Пагба-ламы [см.: Белая история 2001, с. 125].

²⁸⁹ Эрдэнипэл 2005, с. 190.

²⁹⁰ History 2006, p. 415–416.

²⁹¹ Россابي 2009, с. 221–222.

²⁹² Марко Поло 1997, с. 413; см. также: Юрченко 2007а, с. 410–411.

²⁹³ См.: Zhao 2008, p. 239. Под именем Гуаньинь в китайской буддийской традиции фигурирует один из наиболее почитаемых в буддизме Бодхисаттв — Авалокитешвара, по какой-то причине получивший в Китае и Японии воплощение в женском образе.

²⁹⁴ См.: Далай 1983, с. 48–49. Относительно дальнейшей судьбы Нумугана сведения в разных источниках существенно различаются. Согласно Рашид ад-Дину, вскоре после смерти золотоордынского хана Менгу-Тимура (1280 г.) его преемник Туда-Менгу освободил царевича и отправил к отцу в знак своих союзнических намерений. Однако Хубилай сурово отчитал сына, и тот, не выдержав нового потрясения после прежних испытаний, скончался через год [Рашид ад-Дин 1960, с. 171]. По другой версии, он вернулся к отцу только в 1284 г. и за свои заслуги получил от отца титул князя Бэйяня [Россابي 2009, с. 180, 347].

²⁹⁵ См.: Zhao 2008, p. 241.

²⁹⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 156; Zhao 2008, p. 241; Россابي 2009, с. 346–347. Согласно «Юань ши», Намби была дочерью Сяньтуна, внука Начина, т. е. правнучатой племянницей Чаби [Zhao 2008, p. 241]. Намби через год после смерти Чаби была официально коронована как императрица и последние годы правления Хубилая, подобно своей предшественнице, активно участвовала в государственных

делах. Пользуясь практически недееспособным состоянием Хубилая после смерти Чаби, а также и последовавшей в 1285 г. смерти своего сына-наследника Чжэнь-цзиня, она фактически сосредоточила в своих руках все бразды правления: почти не допуская сановников к хану, она от его имени издавала указы и распоряжения

²⁹⁷ History 2006, p. 488; Мэн 2008, с. 305; Россаби 2009, с. 346; см. также: Кычанов 1998, с. 65.

²⁹⁸ См.: Bade 2002, p. 112–113.

²⁹⁹ Cleaves 1980, p. 146.

³⁰⁰ Cleaves 1980, p. 146–149; Zhao 2008, p. 241.

³⁰¹ Обратим внимание, что Хубилай и Чаби называли старшего сына тибетским буддийским именем, в то время еще не распространенным среди монголов [см.: History 2006, p. 416].

³⁰² Рашид ад-Дин 1960, с. 153–155.

³⁰³ Россаби 2009, с. 349. Известны только китайские варианты написания имен этих царевен.

³⁰⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 153.

³⁰⁵ См.: Zhao 2008, p. 239, 242, 244–250, 252–253.

³⁰⁶ См. подробнее: Honda 1958; Okada 1994.

³⁰⁷ В некоторых сочинениях Харгуцуг-хунтайджи (Харгуцаг-Дэгүрэн-Тэмүр-хунтайджи) назван сыном хана Элбэга [см., напр.: Золотое сказание 2005, с. 41].

³⁰⁸ По другим сведениям, этого ойратского вождя звали Махаму, т. е. Махмуд [см.: Чернышев 1990, с. 18]. Интересно, что в «Шара туджи» именем Бахаму (Махаму?) назван Тогон-тайши — сын Батулы («Тогон» было его прозвищем, поскольку его родственники-Чингизиды презрительно говорили о нем, что он «сидел под опрокинутым котлом») [Шара туджи 1957, с. 144].

³⁰⁹ Лубсан Данзан 1973, с. 257–258; Шара туджи 1957, с. 143.

³¹⁰ Шара Туджи 1957, с. 144; Лубсан Данзан 1973, с. 269; Монгольские источники 1986, с. 55; см. также: Владимирцов 2002, с. 440–441, 475; Кычанов 1980, с. 14.

³¹¹ Золотое сказание 2005, с. 48–49; Лубсан Данзан 1973, с. 261–261;270; Монгольские источники 1986, с. 61–62. См. также: Кычанов 1980, с. 14.

³¹² Weatherford 2010a, p. 188. Из-за того что в монгольских летописях принят «звериный» календарный цикл, иногда очень трудно установить реальную дату того или иного события или хронологию правления отдельных ханов: погрешность составляет 12 лет. Так, например, в некоторых сочинениях правление Мандугула датировано 1475–1479 гг. и т. д. [см., напр.: Золотое сказание 2005, с. 51; Покотилов 1893, с. 113]. По другим сведениям, он правил с 1460 по 1463 гг. [Монгольские источники 1986, с. 64, 66; см. также: Цендина 2007, с. 176].

³¹³ В китайских источниках он фигурирует как Цзяцзясылань [см.: Покотилов 1893, с. 105, 109; Чернышев 1990, с. 28]. Лубсан Данзан считает его уйгуром [Лубсан Данзан 1973, с. 273].

³¹⁴ См., напр.: Золотое сказание 2005, с. 50; Лубсан Данзан 1973, с. 273. Д. Уэзерфорд, не указывая источников, называет старшую жену Мандугула Еке Хабарту [Weatherford 2010a, p. 212].

³¹⁵ По-видимому, следует согласиться с Д. Уэзерфордом, что Мандухай была второй супругой хана Мандугула [Weatherford 2010a, p. 212]. Во-первых, отец Джунхэн (а не Мандухай) помог хану занять трон, во-вторых, впоследствии соправитель Мандугула, Болхунджинг, обвинялся в том, что намеревался похитить именно Джунхэн, чтобы закрепить свои права на трон.

³¹⁶ Лубсан Данзан 1973, с. 273.

³¹⁷ Лубсан Данзан 1973, с. 273.

³¹⁸ См.: Шара туджи 1957, с. 147, прим. 79.

³¹⁹ См.: Монгольские источники 1986, с. 66–67; Weatherford 2010a, p. 191, 211.

³²⁰ См., напр.: Лубсан Данзан 1973, с. 275–276.

³²¹ Золотое сказание 2005, с. 52–53; Лубсан Данзан 1973, с. 276.

³²² См.: Weatherford 2010a, p. 223.

³²³ Тут следует отметить, что, в соответствии с тюрко-монгольскими правовыми традициями, на трон не мог вступить человек с физическими или психическими недостатками — даже если он был прямым потомком ханского рода. Поэтому маленького царевича сначала вылечили от болезни, а уже затем привезли к ханше.

³²⁴ Монгольские источники 1986, с. 73.

³²⁵ Золотое сказание 2005, с. 53; Лубсан Данзан 1973, с. 277; Weatherford 2010a, p. 258–259.

³²⁶ Шара туджи 1957, с. 148; Монгольские источники 1986, с. 72.

³²⁷ В «Золотом сказании» он назван Нойонболодом [Золотое сказание 2005, с. 53].

³²⁸ См.: Золотое сказание 2005, с. 254, прим. 89; ср.: Weatherford 2010a, p. 199.

³²⁹ Золотое сказание 2005, с. 53–54; Лубсан Данзан 1973, с. 277–278.

³³⁰ См.: Золотое сказание 2005, с. 54; Лубсан Данзан 1973, с. 278–280; Шара туджи 1957, с. 147–148. Жалоба и молитва Мандухай-хатун, несомненно, являются частью монгольского народного «Сказания о Мандухай-Цэцэн-хатун». Они пользовались большой популярностью и вошли практически во все позднесредневековые монгольские исторические сочинения [Цендина 2007, с. 86].

³³¹ См.: Weatherford 2010a, p. 249–250.

³³² Монгольские источники 1986, с. 73; Цендина 2007, с. 230.

³³³ См. подробнее: Базарова 2006, с. 229–236. Как и в отношении других событий XV в., в источниках нет единой даты воцарения Даян-хана: называются и 1461, и 1467, и 1470, и более поздние годы [см., напр.: Монгольские источники 1986, с. 73].

³³⁴ См.: Шара туджи 1957, с. 148; Лубсан Данзан 1973, с. 280; Монгольские источники 1986, с. 73–74. Д. Уэзерфорд полагает, что на самом деле Мандухай в это время было не более 23 лет, а 33 исполнилось, когда они с Даян-ханом реально стали мужем и женой, т. е. через 10 лет, когда самому хану исполнилось 17 [Weatherford 2010a, p. 221]. Д. З. Покотиллов также критически относится к сведениям монгольских летописей о раннем браке Даян-хана [Покотиллов 1893, с. 113].

³³⁵ Монгольские источники 1986, с. 38, 73.

³³⁶ См.: Weatherford 2010a, p. 265, 280.

³³⁷ Weatherford 2010a, p. 279.

³³⁸ Монгольские источники 1986, с. 39–40, 77.

³³⁹ Лубсан Данзан 1973, с. 281–282; Монгольские источники 1986, с. 74–75. Д. Уэзерфорд датирует поход против Исмала-тайши 1484 г. [Weatherford 2010a, p. 286–287].

³⁴⁰ Лубсан Данзан 1973, с. 282; Монгольские источники 1986, с. 75.

³⁴¹ Лубсан Данзан 1973, с. 282; см. также: Weatherford 2010a, p. 292.

³⁴² Монгольские источники 1986, с. 75–76. Д. Уэзерфорд считает, что поход на Бэгэрсэна (он пишет его имя «Бек-Арслан») состоялся в 1479 г. и был первым походом, в котором Даян-хан реально предводительствовал войсками [Weatherford 2010a, p. 282].

³⁴³ Hambis 1956, p. 123.

³⁴⁴ См.: Weatherford 2010a, p. 285, 292.

³⁴⁵ См.: Скрынникова 2008, с. 463; Okada 1994, p. 51–52.

³⁴⁶ Золотое сказание 2005, с. 54–55; Лубсан Данзан 1973, с. 280; см. также: Монгольские источники 1986, с. 38. Д. Уэзерфорд датирует это событие 1488 г. [Weatherford 2010a, p. 294].

³⁴⁷ См.: Weatherford 2010a, p. 295.

³⁴⁸ Д. Уэзерфорд в своей книге о монгольских правительствах утверждает, что Мандухай до конца жизни оставалась во главе государства и до самой смерти участвовала во всех военных и государственных делах своего супруга Даян-хана. Однако его мнение не подтверждается источниками, согласно которым после 1490 г. о деятельности Мандухай уже неизвестно.

³⁴⁹ Weatherford 2010a, p. 307–308.

³⁵⁰ См.: Золотое сказание 2005, с. 59; Лубсан Данзан 1973, с. 287; Монгольские источники 1986, с. 34–35, 111.

- ³⁵¹ Монгольские источники 1986, с. 39.
- ³⁵² Weatherford 2010a, p. 317.
- ³⁵³ См.: Шастина 1985, с. 687.
- ³⁵⁴ Баабар 2010, с. 70.
- ³⁵⁵ Разные средневековые и современные авторы пишут это имя по-разному: Оркына, Ургана, Аргана и т. д. Мы следуем варианту, предложенному В. В. Бартольдом.
- ³⁵⁶ Рашид ад-Дин 1952a, с. 119; см. также: Weatherford 2010a, p. 146. Большинство средневековых источников сообщает только о браке Эргэнэ с Кара-Хулагу, а затем — с Алгуем. Только Муин ад-Дин Натанзи упоминает, что она сначала стала супругой Мутугана [МИКК 1973, с. 113–114; История 2007, с. 49–50].
- ³⁵⁷ Цит. по: Oliver 1888, p. 92.
- ³⁵⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 93. Согласно «Муизз ал-ансаб», у Кара-Хулагу было еще двое сыновей — Бахрам и Туклук-шах [Муизз 2006, с. 52]. Однако не уточняется, были ли они рождены Эргэнжэ или родились от других жен Кара-Хулагу. Никаких сведений об их деятельности нет, вполне возможно, что они умерли в детстве.
- ³⁵⁹ Рашид ад-Дин 1952a, с. 119; 1960, с. 159.
- ³⁶⁰ Венгерская исследовательница М. Бيران почему-то датирует вступление Кара-Хулагу на трон 1244 г. [Biran 1997, p. 16].
- ³⁶¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 96–97, 119; Бартольд 1962, с. 555.
- ³⁶² См.: Бартольд 1962, с. 555.
- ³⁶³ Джамал Карши 2005, с. 122. По сведениям Рашид ад-Дина, Тогаши была супругой не Есу-Мунке, а Есун-Тувы, внука Чагатая (брата самого Кара-Хулагу), который также был казнен [Рашид ад-Дин 1960, с. 137]. Однако это противоречит сведениям Джувеини, согласно которому Есун-Тува не был казнен во время суда над заговорщиками, а всего лишь выслан в отдаленную область как представитель рода Чагатая [Juvaini 1997, p. 592; см. также: Biran 1997, p. 24].
- ³⁶⁴ Juvaini 1997, p. 588–589; Рашид ад-Дин 1960, с. 137. В. В. Бартольд писал, что Тогаши была затоптана лошадьми [Бартольд 1962, с. 560].
- ³⁶⁵ Juvaini 1997, p. 274; Рашид ад-Дин 1960, с. 97; см. также: Biran 1997, p. 16.
- ³⁶⁶ Впрочем, вполне возможно, что Бату, устанавливая контроль над частью Чагатайского улуса, считал, что лишь восстанавливает историческую справедливость. Дело в том, что в период правления Джучи ряд среднеазиатских территорий принадлежал ему и лишь после смерти Джучи и Чингис-хана был отторгнут у его молодых наследников Бату и Орду их дядьями — Чагатаем и Угедзем (которые, правда, компенсировали эти потери за счет присоединения к владениям Бату обширных территорий в Восточной Европе по итогам

Западного похода 1235–1242 гг.) [см. подробнее: Почекаев 2006, с. 66–67].

³⁶⁷ Джамал Карши 2005, с. 125; Рашид ад-Дин 1960, с. 97; Oliver 1888, р. 92; Бартольд 1943, с. 49; ср.: Бартольд 1962, с. 560.

³⁶⁸ См.: Бартольд 1962, с. 560–561; Караев 1995, с. 19. Любопытно, что для умерщвления Баха ад-Дина был выбран весьма типичный монгольский способ убийства «без пролития крови». Возможно, выбрав его, Хабаш-Амид все же продемонстрировал своему бывшему сподвижнику признательность за спасение своей жизни?

³⁶⁹ Согласно Муин ад-Дину Натанзи, Масуд-бек стал везиром еще в правление Кара-Хулагу [МИКК 1973, с. 114; История 2007, с. 50].

³⁷⁰ Бартольд 1962, с. 565–566; Biran 1997, р. 93. Джамал Карши характеризует Мубарак-шаха как «превосходного мусульманина» [Джамал Карши 2005, с. 125].

³⁷¹ Джамал Карши 2005, с. 125; см. также: Бартольд 2002а, с. 157; Biran 1997, р. 93, 95.

³⁷² Финансовая деятельность мусульманского правительства при Эргэнэ и последующая денежная реформа Масуд-бека в начале 1270-х гг. подробно рассмотрены в специальном исследовании Е. А. Давидович [Давидович 1972, с. 137–150].

³⁷³ Juvaini 1997, р. 612; Рашид ад-Дин 1946, с. 25; см. также: Бартольд 2002а, с. 148. Стоит отметить, что не только гостеприимство Эргэнэ стало причиной столь долгого пребывания Хулагу в ее владениях. Дело в том, что его поход на Иран (с последующим закреплением его на захваченных территориях) вызвал обеспокоенность Бату — правителя Золотой Орды, имевшего значительный интерес в ряде иранских областей. А поскольку Бату был фактическим соправителем Мунке, то хан и его брат решили, что не стоит вызывать раздражение золотоордынского правителя и двинуться на Багдадский халифат как можно медленнее. В результате Хулагу вступил в иранские земли только после смерти Бату (конец 1255 — начало 1256 гг.) [см. подробнее: Почекаев 2006, с. 261–262; см. также: Костюков 2009, с. 71–85].

³⁷⁴ Рубрук 1997, с. 124, 397–398, прим. 111. Рубрук высказывает любопытное предположение, что с названием этой «земли» может быть связано название инструмента органа, «так как там были... наилучшие гитаристы или органисты».

³⁷⁵ Рашид ад-Дин 1960, с. 159–160.

³⁷⁶ См., напр.: Нагель 1997, с. 59.

³⁷⁷ Рашид ад-Дин 1960, с. 97; см. также: Бартольд 1943, с. 51–52; 1962а, с. 573. Сведения относительно судьбы Абишки в источниках довольно противоречивы. Так, в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина

несколько раз упоминается о том, что этот царевич был схвачен и заточен, а затем казнен [Рашид ад-Дин 1960, с. 90, 97, 160–161], причем даже сообщается, что его убил Асутай, сын хана Мунке [Рашид ад-Дин 1960, с. 166]. Однако в другом месте того же сочинения сообщается, что Абишка находился при дворе великого хана Тэмур — преемника Хубилая (прав. 1295–1307), был уже очень стар и очень уважаем [Рашид ад-Дин 1960, с. 90].

³⁷⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 97; Бартольд 1962, с. 574; Караев 1995, с. 19. Совершенно безосновательным и противоречащим источникам является утверждение венгерской исследовательницы М. Биран о том, что Алгуй в своих действиях обрел поддержку Масуд-бека и Эргэнэ [Birán 1997, р. 22]. По сообщению Джамала Карши, Эргэнэ была отправлена ко двору Арик-Буги самим Алгуем [Джамал Карши 2005, с. 25].

³⁷⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 97, 163–164; Бартольд 1962, с. 574; Караев 1995, с. 19. Таким образом, утверждение А. К. Арендса, А. Б. Халидова и О. Д. Чехович о том, что в 1263 г. именно «Арганахатун» (т. е. Эргэнэ), «желая отнять Самарканд и Бухару у Джучидов», отправила в тот регион Алгуя, Негбая (еще одного Чагатаида) и ряд нойонов и сановников с приказом истребить войска золотоордынского правителя, размещавшиеся в этих городах [Бухарский вакф 1979, с. 15], является некорректным. Во-первых, сама Эргэнэ в это время находилась при дворе Арик-Буги, а Чагатайский улус был под властью Алгуя. Во-вторых, приказ об уничтожении войск Джучидов в Самарканде и Бухаре был отдан Алгую Хубилаем — в качестве карательной меры за то, что золотоордынский владетель Берке развязал войну с Хулагу, братом Хубилая, за Азербайджан [см. подробнее: СМИЗО 1941, с. 81; Почекаев 2011, с. 61].

³⁸⁰ Бартольд 1962, с. 575; Гумилев 1992а, с. 167.

³⁸¹ См.: Бартольд 1943, с. 52.

³⁸² См.: Oliver 1888, р. 93.

³⁸³ Рашид ад-Дин 1960, с. 165; История 2007, с. 50–51; Бартольд 1943, с. 52; Караев 1995, с. 20.

³⁸⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 97; МИКК 1973, с. 114.

³⁸⁵ См.: Бартольд 1962, с. 576; см. также: Якубовский 1992, с. 14.

³⁸⁶ МИКК 1973, с. 114; см. также: История 2007, с. 50.

³⁸⁷ См.: Бартольд 1962, с. 579. Хондемир, среднеазиатский историк начала XVI в., утверждает, что Мубарак-шах, сын Эргэнэ, взшел на престол благодаря поддержке Иджил-нойона б. Карачар-нойона [Григорьев 1834, с. 112]. Однако, учитывая, что Хондемир был придворным историком потомков Амира Тимура, следует осторожно относиться к этому сообщению о значении Карачара (прямого предка Тимура) и его потомков.

³⁸⁸ См.: Стори 19726, с. 769.

³⁸⁹ Рашид ад-Дин 1960, с. 98, 165

³⁹⁰ См.: Якубовский 1992, с. 14; Нагель 1997, с. 61.

³⁹¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 98.

³⁹² Рашид ад-Дин 1960, с. 98; Бартольд 1962, с. 580.

³⁹³ Джамал Карши 2005, с. 125; Рашид ад-Дин 1960, с. 98; Бартольд 1962, с. 580.

³⁹⁴ Муин ад Дин Натанзи, придворный историк Тимуридов первой четверти XV в., сообщает интересные подробности о причинах непопулярности Мубарак-шаха и победы над ним Борака. Оказывается, Мубарак-шах поначалу был весьма достойным правителем, но вскоре стал слишком много внимания уделять женщинам, забыв о законной жене. Чтобы вернуть привязанность мужа, она поднесла ему «шарбат-и маруф» — своего рода привораживающее зелье, выпив которое, он совсем потерял рассудок и все время проводил исключительно в постели жены. В результате государственные дела были им заброшены, что восстановило против него чагатайскую знать, которая и перешла на сторону Борака [МИКК 1973, с. 114–115; История 2007, с. 51]. Однако следует иметь в виду, что Натанзи в своем сочинении «Мунтахаб ат-таварих» (до установления авторства Натанзи это сочинение именовалось «Аноним Искандера», поскольку было посвящено Искандеру, внуку Амира Тимура, правителю Фарса и Исфахана) весьма вольно дополнял исторические факты фольклорными сюжетами и собственными размышлениями, поэтому ряд исследователей весьма критически оценивает степень достоверности этого источника.

³⁹⁵ См., напр.: Абуль-Гази 1996, с. 87.

³⁹⁶ МИКК 1973, с. 114; История 2007, с. 50–51.

³⁹⁷ Деятельность Хайду, отца Хутулун, обычно связывается с историей Монголии, поскольку он боролся за трон монгольского великого хана. Соответственно, очерк об этой царевне можно было бы поместить в «монгольский раздел» нашей книги (собственно, Д. Уэзерфорд включил ее в свою книгу, посвященную женщинам именно монгольской ветви Чингизидов). Однако мы считаем целесообразным включить этот очерк именно в «среднеазиатский раздел» по двум причинам. Во-первых, государство Хайду располагалось преимущественно на территории современной Киргизии. Во-вторых, Хайду был сюзереном Чагатайского улуса — среднеазиатских владений Чингизидов, и после его смерти именно они поглотили его улус.

³⁹⁸ См.: Султанов 2002, с. 154.

³⁹⁹ Chavannes 1908, p. 369–371; Григорьев 1978, с. 24–25. Вызывает интерес титул, который Хайду носил ко времени издания грамоты,

текст которой высечен на стеле: он назван высоким титулом тай-цзы, который исследователи переводят как «наследный принц» [Chavannes 1908, p. 369; Григорьев 1978, с. 24]. С одной стороны, титул тай-цзы (монг. тайджи) и в более поздние времена нередко жаловался потенциальным наследникам трона; с другой — в эпоху хана Мунке еще не практиковалось назначение наследника при жизни хана, да и сомнительно, что Мунке, сын Тулуя, видел своим наследником представителя рода Угедэидов, с которыми он только что расправился. Поэтому представляется, что статус Хайду и титул, который он носил приблизительно до 1257 г., нуждаются в дальнейшем изучении.

⁴⁰⁰ Караев 1995, с. 20.

⁴⁰¹ См. подробнее: Гумилев 1992а, с. 168–172; Караев 1995, с. 25 и след.

⁴⁰² Султанов 2002, с. 154; Weatherford 2010а, p. 148.

⁴⁰³ Рашид ад-Дин 1960, с. 14; см. также: Султанов 2002, с. 154.

⁴⁰⁴ Марко Поло сам дает перевод имени дочери Хайду — «светлая луна» [Марко Поло 1997, с. 356], что вполне соответствует значению имени Ай-Ярук.

⁴⁰⁵ Марко Поло 1997, с. 356–357.

⁴⁰⁶ См., напр.: Потанин 1899, с. 826–841; Данилова 2008.

⁴⁰⁷ Марко Поло 1997, с. 357.

⁴⁰⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 15–16.

⁴⁰⁹ См.: Россabi 2009, с. 171–172.

⁴¹⁰ См.: Weatherford 2010b.

⁴¹¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 15.

⁴¹² См.: Biran 1997, p. 61; Weatherford 2010а, p. 154.

⁴¹³ Рашид ад-Дин 1960, с. 15; Султанов 2002, с. 154; Weatherford 2010а, p. 154. Хайду и в самом деле весьма ревниво относился к своим дочерям и внимательно следил за их судьбой. Так, например, он выдал свою другую дочь Хорточин за некоего Тобшина из племени олхонут. После свадьбы он установил за зятем настоящую слежку и, узнав, что тот, влюбившись в одну невольницу, собрался сбежать с ней от законной жены, приказал казнить его [Рашид ад-Дин 1960, с. 16; Муизз 2006, с. 60].

⁴¹⁴ Рашид ад-Дин 1960, с. 15. Д. Уэзерфорд считает Абтакула представителем рода чорос [Weatherford 2010а, p. 154], однако этот род, по всей видимости, сложился несколько позднее, когда ойратское племя стало могущественным и разделилось на ряд многочисленных кланов, одним из которых и были чоросы (см. подробнее наш очерк о Мандухай). В. В. Бартольд вообще пишет, что муж Хутулун по происхождению был китайцем (sic!), однако сам же делает оговорку, что в используемом им источнике он характеризуется как «человек из Северного Китая» [Бартольд 1943, с. 56].

- ⁴¹⁵ См.: Караев 1995, с. 34.
- ⁴¹⁶ См.: Weatherford 2010a, p. 154–155.
- ⁴¹⁷ Рашид ад-Дин 1960, с. 15–16.
- ⁴¹⁸ Бартольд 1943, с. 57; Weatherford 2010a, p. 155–156. Дува (прав. 1282–1307) был сыном Борака, который упоминался в предыдущем очерке: он сверг своего двоюродного брата Мубарак-шаха, сына Эргэнэ, и стал фактическим родоначальником правящей династии Чагатайского улуса. Он вступил на трон при поддержке Хайду.
- ⁴¹⁹ Караев 1995, с. 34; Weatherford 2010a, p. 156.
- ⁴²⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 16; см. также: Бартольд 1943, с. 57.
- ⁴²¹ Т. И. Султанов, используя классификацию типов любви, предложенную Платоном, полагает, что отношение Хутулун к своему отцу можно определить как агапэ — альтруистическое духовное чувство, представлявшее жертвование собой ради любимого человека и его интересов [Султанов 2002, с. 155].
- ⁴²² Рашид ад-Дин 1960, с. 15–16; Weatherford 2010a, p. 155–156.
- ⁴²³ См.: Бартольд 1943, с. 58–59; Караев 1995, с. 35–36; Biran 1997, p. 75–77.
- ⁴²⁴ См.: Biran 1997, p. 76; Weatherford 2010a, p. 156.
- ⁴²⁵ Weatherford 2010a, p. 153–156; Weatherford 2010b.
- ⁴²⁶ Как известно, Д. Пуччини не успел завершить эту оперу, и ее заключительное действие было дописано уже после его смерти Ф. Альфано, другом композитора.
- ⁴²⁷ Муизз 2006, с. 99.
- ⁴²⁸ Фасих 1980, с. 40.
- ⁴²⁹ Фасих 1980, с. 40; Шараф-хан 1976, с. 59.
- ⁴³⁰ См. подробнее: Почекаев 2010в, с. 63.
- ⁴³¹ См.: Фасих 1980, с. 41; Шараф-хан 1976, с. 62.
- ⁴³² В некоторых источниках сыном Сатибек называют также еще одного сына Чопана — Джилав-хана [см., напр.: Фасих 1980, с. 53], однако исследователями на основании других источников установлено, что его матерью была Дуланди [см. подробнее: Howorth 1880, p. 610–611]. Вероятно, средневековых авторов сбивало с толку, что обе жены Чопана были дочерьми илхана Олджайту.
- ⁴³³ Именно при Абу Саиде был казнен Рашид ад-Дин — выдающийся государственный деятель и знаменитый историк, автор «Сборника летописей», неоднократно использовавшегося нами в качестве источника. Он был обвинен в том, что, когда лечил Олджайту-хана (поскольку этот многогранный деятель был еще и врачом), не сумел спасти его от смерти, и был подвергнут мучительной казни — разрублен пополам. Однако нет сомнения, что Абу Саид всего лишь постарался избавиться от чрезмерно влиятельного сановника, который вряд ли позволил бы ему самовластно

управлять государством, жертвуя государственными интересами ради собственных желаний.

⁴³⁴ Ахари 1984, с. 105.

⁴³⁵ Ахари 1984, с. 106–107; Хафиз Абру 2011, с. 115–137; Шараф-хан 1976, с. 62–63.

⁴³⁶ Хафиз Абру 2011, с. 140–141; см. также: Марков 1897, с. 4.

⁴³⁷ См.: Шараф-хан 1976, с. 66–67.

⁴³⁸ Главой этих сановников был Гияс ад-Дин, последний везир Абу Саида, сын казненного им же Рашид ад-Дина.

⁴³⁹ Хафиз Абру 2011, с. 144.

⁴⁴⁰ Фасих 1980, с. 59; см. также: Howorth 1880, р. 635; Учок 1982, с. 79. По мнению иранской исследовательницы Ф. Мернисси, инициативу в заключении этого брака проявила сама Сатибек [Mernissi 2006, р. 105]. Однако, учитывая ее дальнейшие действия, трудно согласиться с тем, что она повела себя столь активно. Скорее всего, ее согласия при заключении брака никто и не спрашивал.

⁴⁴¹ Хафиз Абру 2011, с. 146.

⁴⁴² Он приходился внуком ильхану Байду — внуку Хулагу, некогда правившему в 1295 г.

⁴⁴³ Хафиз Абру 2011, с. 151–152; Шараф-хан 1976, с. 67.

⁴⁴⁴ Ахари 1984, с. 115–116; Хафиз Абру 2011, с. 148–157; Шараф-хан 1976, с. 67–68; см. также: Howorth 1880, р. 638.

⁴⁴⁵ Хафиз Абру, с. 156.

⁴⁴⁶ Хафиз Абру 2011, с. 158–159; см. также: Марков 1897, с. 6–7.

⁴⁴⁷ Учок 1982, с. 100; Howorth 1880, р. 642–643; Mernissi 2006, р. 105.

⁴⁴⁸ Shajrat 1838, р. 319–320; Howorth 1880, р. 643; см. также: Григорьев, Григорьев 2002, с. 38.

⁴⁴⁹ Shajrat 1838, р. 320–322; Howorth 1880, р. 645.

⁴⁵⁰ Фасих 1980, с. 64; Учок 1982, с. 98–99.

⁴⁵¹ Григорьев 1834, с. 95–97; Хафиз Абру 2011, с. 163–164; Shajrat 1838, р. 327; d'Ohsson 1835, р. 732–733; Howorth 1880, р. 645.

⁴⁵² Поскольку наместника, назначенного Сатибек, звали так же, как ее сына от эмира Чопана, Б. Учок предположила, что Шайх Хасан Кучак казнил именно ее сына [Учок 1982, с. 99]. Однако известно, что Суюрган б. Чопан еще в 1340-е гг. управлял Ираком, причем с согласия самого Шайх Хасана Кучака [см.: Сефеддини 1968, с. 168–169].

⁴⁵³ В источниках Сулейман представлен как потомок Йушмута, одного из младших сыновей Хулагу.

⁴⁵⁴ Фасих 1980, с. 65; Хафиз Абру 2011, с. 164–165; Shajrat 1838, р. 329; Учок 1982, с. 99.

⁴⁵⁵ См.: Mernissi 2006, p. 105. В. В. Бартольд и М. А. Сейфеддини датируют правление Сатибек 1338–1340 гг. [см.: Бартольд 2003, с. 500; Сейфеддини 1968, с. 167].

⁴⁵⁶ Фасих 1980, с. 70–72; Шараф-хан 1976, с. 72.

⁴⁵⁷ Поскольку один из предков Джалаириков носил имя Ильхан, то династия в ряде источников называется Ильханидами, поэтому ряд исследователей полагает, что Джалаирики также носили титул ильханов. Однако это ошибочное мнение. По некоторым сведениям, официальным титулом Джалаириков был «бахадур-хан».

⁴⁵⁸ См.: Пиркулиева 2006, с. 104.

⁴⁵⁹ Гафуров 1987, с. 139.

⁴⁶⁰ См.: Голубев 1960, с. 66.

⁴⁶¹ См.: Козин 1941, с. 129–130, 141.

⁴⁶² См. подробнее: Шапшал 1953.

⁴⁶³ Йазди 2008, с. 151.

⁴⁶⁴ Йазди 2008, с. 165. Впрочем, согласно другим источникам, сам Шахрух упорно опровергал этот рассказ [см.: Бартольд 1964, с. 52].

⁴⁶⁵ Йазди 2008, с. 164–165, 211–212; см. также: Manz 2007, p. 38–39, 43; History 2009, p. 190–191.

⁴⁶⁶ Муизз 2006, с. 152; Manz 2007, p. 29.

⁴⁶⁷ В частности, известно, что Гаухаршад вместе со своими придворными дамами в 1411 г. организовала торжественный прием при встрече Туман-ага, вдовы Амира Тимура, приехавшей в Герат. А в 1419 г. именно она устроила торжество по случаю женитьбы ее сына Мухаммада-Джуки на дочери хана Хызр-ходжи, правителя Моголистана — восточной части Чагатайского улуса [Фасих 1980, с. 161–162; 182–183].

⁴⁶⁸ См.: Голубев 1960, с. 25.

⁴⁶⁹ Следует иметь в виду, что Шахрух являлся старшим в семейной иерархии, как сын Тимура, но не по возрасту: несколько внуков Тамерлана от его старших сыновей родились раньше, чем Шахрух.

⁴⁷⁰ См., напр.: Бартольд 1964, с. 97, 146.

⁴⁷¹ См.: Ахмедов 1965б, с. 44. Возможно, именно с подачи Гаухаршад Шахрух принял титул хакана (верховного правителя в тюрко-монгольских государствах), на который имели право только Чингизиды, а также и титул халифа — верховного главы всех мусульман. Весьма любопытно, что Улугбек, не ладивший с матерью, у себя в Самарканде, следуя политике своего деда Амира Тимура, возводил подставных ханов из рода Чингизидов [см. подробнее: Почекаев 2005, с. 291–292].

⁴⁷² См.: Manz 2007, p. 44.

⁴⁷³ См.: Акимов 1994, с. 148–149.

⁴⁷⁴ См.: Manz 2007, p. 87.

⁴⁷⁵ Весьма показательно, какими эпитетами Фасих наделяет ал-Хавафи Гаухаршад: он называет ее «Билкис времени», «Кайдафа эпохи» (Билкис — арабский вариант имени знаменитой царицы Савской, а Кайдафа — тюркский), «царевна чистоты, времени и религии» [Фасих 1980, с. 161–162, 167, 188]. Вполне возможно, что, столь пышно титулуя ее, он пытался убедить ее сменить гнев на милость.

⁴⁷⁶ См.: Фасих 1980, с. 7, 218; Стори 1972а, с. 356.

⁴⁷⁷ Голубев 1960, с. 25, 66; Акимушкин 1994, с. 150.

⁴⁷⁸ См.: Subtelny 2007, p. 165.

⁴⁷⁹ См.: Бартольд 1964, с. 177; Голубев 1960, с. 157–159; Матвиевская, Соколовская 1997, с. 85. В этой поездке Гаухаршад сопровождал гератский сановник Абд ар-Раззак Самарканди, в историческом сочинении которого «Матла ас-садайн ва маджма ал-бахрайн» («Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей», 1467 — ок. 1476) сохранилось единственное описание современником обсерватории Улугбека [см.: Голубев 1960, с. 158].

⁴⁸⁰ Фасих 1980, с. 181; Пугаченкова 1976, с. 53; Subtelny 2007, p. 189, 237; Manz 2007, p. 220.

⁴⁸¹ Пугаченкова 1976, с. 65; Subtelny 2007, p. 157; History 2009, p. 196. Известно имя архитектора, строившего для Гаухаршад здания в Герате — им был Кавам ад-Дин Ширази [см.: Фасих 1980, с. 216, прим. 139].

⁴⁸² Фасих 1980, с. 195, 218; Шараф-хан 1976, с. 112, 123; Бартольд 1992, с. 497; Subtelny 2007, p. 56.

⁴⁸³ Пугаченкова 1976, с. 41, 83; 2007

⁴⁸⁴ См.: Subtelny 2007, p. 173.

⁴⁸⁵ Муизз 2006, с. 160–161.

⁴⁸⁶ В 1420 г. Гаухаршад приезжала в Самарканд, по некоторым сведениям, чтобы согласовать с Улугбеком его поход на Мавераннахр, последовавший в следующем году. Она уехала в мае 1421 г., получив от сына столько даров, что их везли несколько караванов верблюдов [Ахмедов 1965б, с. 44].

⁴⁸⁷ Фасих 1980, с. 188; Бартольд 1964, с. 177; Голубев 1960, с. 157–159; Матвиевская, Соколовская 1997, с. 85.

⁴⁸⁸ См.: Голубев 1960, с. 129.

⁴⁸⁹ См.: Акимушкин 1994, с. 150.

⁴⁹⁰ См.: Бартольд 1964, с. 147; Manz 2007, p. 48; History 2009, p. 192.

⁴⁹¹ См.: Бартольд 1964, с. 145–146; Manz 2007, p. 246.

⁴⁹² См.: Бартольд 1964, с. 143–146. Б. А. Ахмедов пишет, что Абд ал-Латиф был возвращен в Герат по требованию Шахруха, который «одил», увидев внука [Ахмедов 1965б, с. 59].

⁴⁹³ См. Бартольд 1964, с. 145; Manz 2007, р. 247. Б. А. Ахмедов отмечает, что Абд ал-Латиф пользовался особой привязанностью само-го Шахруха, что, вероятно, и побудило его открыто выступить против властной бабки [Ахмедов 19656, с. 58].

⁴⁹⁴ См., напр.: Manz 2007, р. 247.

⁴⁹⁵ Не следует путать его с другим Бабуrom — правителем Ферганы, впоследствии основавшим империю Великих Моголов в Индии: он происходил из другой ветви Тимуридов и к тому же родился только в 1483 г.

⁴⁹⁶ Ахмедов 19656, с. 59–60.

⁴⁹⁷ Для того чтобы возвести сына на трон Балха, Улугбек последовательно расправился с двумя своими племянниками — сыновьями Мухаммада-Джуки, которые управляли этой областью после смерти отца, причем одного из них приказал удавить в собственном лагере, после того как сам же обещал ему защиту [см.: Бартольд 1964, с. 148–149]. Это является интересным штрихом к портрету Улугбека, которого принято представлять безобидным ученым и вообще весьма гуманным человеком.

⁴⁹⁸ См.: Бартольд 1964, с. 148–152.

⁴⁹⁹ См.: Manz 2007, с. 261–262.

⁵⁰⁰ Extraits 1862, р. 294–297; см. также: Manz 2007, с. 261–262.

В такой последовательности события излагают авторы второй половины XV в. Абд ар-Раззак Самарканди и Муин ад-Дин Исфизари. Шараф-хан Бидлиси, иранский хронист конца XVI в., сообщает, что Абу-л-Касим Бабур уже в 1449 г., после ухода Абд ал-Латифа, захватил Герат, а Алла ад-Доула был у него в заточении со времени бегства к нему в 1448 г. [Шараф-хан 1976, с. 118].

⁵⁰¹ Шараф-хан 1976, с. 123.

⁵⁰² Шараф-хан 1976, с. 124.

⁵⁰³ Extraits 1862, р. 304–206; Subtelny 2007, р. 49–50.

⁵⁰⁴ Extraits 1862, р. 308; Шараф-хан 1976, с. 126–127; Бартольд 1964, с. 171; Subtelny 2007, р. 50.

⁵⁰⁵ См.: Бартольд 1964, с. 148.

⁵⁰⁶ См.: Subtelny 2007, р. 51, 56.

⁵⁰⁷ Несмотря на то что сам Шах-Джахан не принадлежал к Тимуридам, при нем находился Ядгар-Мухаммад, сын Султан-Мухаммада б. Байсункура [Шараф-хан 1976, с. 128], так что его правление в какой-то степени было легитимно.

⁵⁰⁸ Шараф-хан 1976, с. 127–128; Subtelny 2007, р. 56.

⁵⁰⁹ См.: Extraits 1862, р. 315–316; Ахмедов 1965а, с. 137–141.

⁵¹⁰ Шараф-хан 1976, с. 133; Subtelny 2007, р. 63.

⁵¹¹ Ее брат Бабур, родившийся в 1483 г., сообщает, что она родилась на пять лет раньше его и была старшей из дочерей Омар-Шейха

[Бабур 1992, с. 33–36]. Поскольку старшим из сыновей был сам Бабур, Ханзаде, таким образом, являлась старшей из всех детей своего отца.

⁵¹² Мирза Хайдар 1996, с. 505.

⁵¹³ См.: Бабур 1992, с. 34; История 1950, с. 390.

⁵¹⁴ См.: Gulbadan 1902, p. 250.

⁵¹⁵ Обратим внимание, что «узбеки» в данном случае не этническое, а скорее политическое название: так в XV–XVI вв. в Средней Азии именовали выходцев из Дешт-и Кипчака, т. е. Золотой Орды.

⁵¹⁶ Бабур 1992, с. 105.

⁵¹⁷ См., напр.: Березин 1849, с. 74; Бабур 1992, с. 105–106.

⁵¹⁸ Бабур 1992, с. 109–110.

⁵¹⁹ Бабур 1992, с. 35; см. также: Мукминова 1966, с. 15–16.

⁵²⁰ Мирза Хайдар 1996, с. 214, 316.

⁵²¹ Gulbadan 1902, p. 85.

⁵²² Ее следующий по старшинству брат, Султан-Мамхуд-хан, родился в 1464 г., следовательно, ей ко времени свадьбы с Шайбани-ханом было уже около 40 лет.

⁵²³ Мирза Хайдар 1996, с. 267.

⁵²⁴ Исследователи указывают в качестве года его рождения 1501, однако, по-видимому, просто соотносят его с годом женитьбы Шайбани-хана и Ханзаде. Как упоминалось выше, битва Бабура с Шайбани-ханом за Самарканд состоялась в апреле 1501 г. (эту дату называет сам Бабур), а затем последовала пятимесячная осада Самарканда ханскими войсками, лишь после которой Ханзаде была отдана ему Бабуром. Таким образом, свадьба Шайбани-хана и Ханзаде-бегим могла состояться не ранее сентября 1501 г., а сын — родиться, соответственно, не ранее июня 1502 г.

⁵²⁵ Ибн Рузбихан 1976, с. 57.

⁵²⁶ См.: Ибн Рузбихан 1976, с. 71. Словом кукельташ (официально означавшем что-то вроде молочного брата) в тюрко-монгольских ханствах обозначались наиболее доверенные лица ханов [см.: МИКХ 1969, с. 495, прим. 29].

⁵²⁷ Хафиз-и Таныш 1983, с. 88.

⁵²⁸ Мирза Хайдар 1996, с. 316–317; Erskine 1854, p. 308.

⁵²⁹ Расчет шаха оказался верным. Согласно Мухаммад Хайдару Дуглату, «когда прибыла Ханзада бегим, то к шаху Исма'илу в Хорасан отправили Мирза хана с дарами, с изъявлением покорности и с просьбой оказать помощь. Шах Исма'ил хорошо принял Мирза хана, внял его просьбам и быстро разрешил ему возвращаться» [Мирза Хайдар 1996, с. 317].

⁵³⁰ См.: Бобирнома 1979, илл. 7.

- ⁵³¹ Бабур 1992, с. 35.
- ⁵³² Бабур 1992, с. 35. Смерть Хуррам-шаха принято датировать 1511 г. [Ибн Рузбихан, с. 173, прим. 15].
- ⁵³³ См.: Gulbadan 1902, p. 251.
- ⁵³⁴ Мирза Хайдар 1996, с. 192.
- ⁵³⁵ См.: Стори 19726, с. 1202–1203,
- ⁵³⁶ См.: Gulbadan 1902, p. 125–128.
- ⁵³⁷ Gulbadan 1902, p. 103.
- ⁵³⁸ Gulbadan 1902, p. 22, 106, 117–118. Впоследствии Акбар стал, пожалуй, величайшим из Великих Моголов (прав. 1556–1605), был крупным реформатором, мыслителем и ученым. Ему приписывают попытку создания некоей синтетической религии, которая, по его мнению, должна была сплотить всех его подданных — мусульман, индусов и пр.
- ⁵³⁹ Алаев 2003, с. 161.
- ⁵⁴⁰ Gulbadan 1902, p. 161. В дальнейшем Хиндал и сам отказался признавать власть старшего брата, приказав читать в своих владениях хутбу с собственным именем [Норик 2011, с. 798].
- ⁵⁴¹ Аллами 2006, с. 77, 81; Gulbadan 1902, p. 174–175; см. также: Jouher 1832, p. 81. Камран-мирза все же сумел спастись и вскоре сам оказался на службе у шаха Тахмаспа, уже так и не вернувшись в Индию [см.: Малик-шах 2000, с. 431, прим. 155]. По некоторым сведениям, персидский правитель, в подчинении которого находился Камран, по просьбе Хумаюна приказал его ослепить [Норик 2011, с. 717; ср.: Richards 2001, p. 11].
- ⁵⁴² Аллами 2006, с. 89; Gulbadan 1902, p. 26, 175.
- ⁵⁴³ Начиная с Б. А. Ахмедова, государство предков Шайбани-хана получило в историографии название «Государство кочевых узбеков» [Ахмедов 1965а]. Однако это название — историографическая фикция. Предки Шайбани-хана правили в восточном крыле Золотой Орды, традиционно именовавшемся Синей Ордой, и, на наш взгляд, нет оснований видеть в государстве, находившемся под властью Шибанидов, некое новое образование.
- ⁵⁴⁴ См., напр.: Кляшторный, Султанов 1992, с. 255; Трепавлов 2001, с. 104.
- ⁵⁴⁵ Моголистанский Султан-Махмуд-хан был родным дядей Бабура и Ханзаде, он упоминается в предыдущем очерке.
- ⁵⁴⁶ Мухаммад-мазид-тархан был потомком одного из братьев хорасанской правительницы Гаухаршад — героини десятого очерка.
- ⁵⁴⁷ МИКХ 1969, с. 31–32, 119.
- ⁵⁴⁸ МИКХ 1969, с. 18–19, 121; История 1947, с. 30. В некоторых источниках она фигурирует также как Михрбан-ханум или Михри-ханум.

⁵⁴⁹ См.: МИКХ 1969, с. 121–122; Бабур 1992, с. 35. Даулат-Султан-ханум была еще одной теткой Бабура и Ханзаде: на другой, как мы помним, был женат Шайбани-хан, но развелся с ней, чтобы жениться на ее родной племяннице.

⁵⁵⁰ Это сочинение, название которого переводится как «Избранные истории Книги побед», было написано в начале XVI в., причем исследователи вполне обоснованно полагают, что его автором мог быть сам Шайбани-хан [см., напр.: Мукминова 1954, с. 126; Султанов 2005, с. 26, 41].

⁵⁵¹ МИКХ 1969, с. 19; см. также: Mukminova 1997, p. 205.

⁵⁵² См.: История 1947, с. 30–38. Название «Бухарское ханство» по сути является историографическим термином. Столицей самого Шайбани-хана были сначала Самарканд, а затем — Герат. Его преемники неоднократно переносили ставку то в Самарканд, то в Бухару, то в Ташкент. Поэтому более корректным представляется название «Государство Шайбанидов» (1500–1601) [см.: История 1947, с. 42 и след.]. Тем не менее мы не отказываемся и от названия «Бухарское ханство» как наиболее употребительного в историографии.

⁵⁵³ См.: Хафиз-и Таныш 1983, с. 82. Согласно Ю. Ф. Луневу, ряд областей остался под управлением представителей тимуридской знати, которые не оказали сопротивления узбекам и сразу же признали власть Шайбани-хана [Лунев 2004, с. 46, 52–53].

⁵⁵⁴ См. подробнее: Вакф-наме 1966, с. 26–34.

⁵⁵⁵ См. подробнее: Фитрат 2004, с. 8; История 1969, с. 205, 269.

⁵⁵⁶ См.: Мукминова 1966, с. 41, 43–44. Подобные примеры свидетельствуют о том, что даже завоеватели-Шайбаниды не стояли над законом, а были вынуждены уважать нормативные предписания и признавать решения судов.

⁵⁵⁷ Ибн Рузбихан 1976, с. 156. Отметим, впрочем, что подобный подход не являлся изобретением Шайбани-хана, а успешно применялся еще в эпоху первых мусульманских правителей. Уже в VIII в. в шариате использовалось понятие «мертвых земель», т. е. никому не принадлежащих, никем не орошаемых и не застраиваемых. Согласно мусульманскому законодательству, правитель устанавливал контроль над такими землями, чтобы избежать ссор и кровопролитий между мусульманами, — ибо каждый мог захотеть первым завладеть такими землями! — и отдавал их в пользование тем лицам, кто был наиболее близок и послушен властителю [см.: Керимов 2007, с. 229–232].

⁵⁵⁸ Мукминова 1966, с. 10, 22–23; см. также: Ахмедов 1985, с. 99–100; Фитрат 2004, с. 7; Subtelny 2007, p. 252–253.

⁵⁵⁹ Мукминова 1966, с. 21–23.

⁵⁶⁰ По приказу шаха Исмаила из черепа Шайбани-хана сделали чашу, из которой шах пил на пирах, кожу с головы набили соломой

и отправили союзнику хана — турецкому султану Байазиду II, правую руку также отрубили и отправили в Мазандеран, к местному правителю Ага-Рустаму, также являвшемуся союзником и вассалом Шайбани-хана [Веселовский 1897, с. 7]. Тело покойного хана вскоре удалось отбить войскам его сына, после чего оно было перевезено в Самарканд и похоронено в медресе, которое начал строить он сам, а завершила Михр-Султан-ханум.

⁵⁶¹ См.: Семенов 1954, с. 115.

⁵⁶² См.: Атыгаев 2007, с. 53. Любопытно, что в вакфе Михр-Султан-ханум ее отец фигурирует как «царь Востока и Китая» [см.: Мукминова 1966, с. 228].

⁵⁶³ Семенов 1954, с. 114–115.

⁵⁶⁴ См. подробнее: Султанов 2006, с. 302,

⁵⁶⁵ Семенов 1954, с. 142; Бартольд 1973, с. 142. См. также: Давидович 1992, с. 102; Horikawa 1994, p. 1710.

⁵⁶⁶ Вакф-наме 1966, с. 16; Фитрат 2004, с. 7. В сочинении «Сил-силат ас-салатин» («Генеалогия государей»), принадлежащем перу аштарханидского царевича Мир-Мухаммад-Салима и написанном ок. 1730–1731 гг., смерть Мухаммад-Тимура датируется 1521 г. [Ахмедов 1985, с. 108; см. также: Ахмедов 1984]. Однако эта дата другими источниками не подтверждается и, по-видимому, является ошибкой или опиской автора сочинения.

⁵⁶⁷ Надо сказать, что хотя женщины не так уж часто становились мутавали, распорядительницами вакуфного имущества, но вместе с тем случай Михр-Султан не был уникальным: в частности, известно несколько таких женщин-мутавали из рода Тимуридов [см.: Мукминова 1985, с. 99–100; Mukminova 1997, p. 205].

⁵⁶⁸ Мукминова 1966, с. 58, 69–70, 98. Ман — мера веса, в разное время и в разных странах имевшая разное значение. В описываемый период в Самарканде ман был равен приблизительно 20 кг [Давидович 1970, с. 90].

⁵⁶⁹ Мукминова 1966, с. 58, 77; см. также: История 1969, с. 271–272.

⁵⁷⁰ См.: Султанов 2006, с. 304. В некоторых генеалогиях Мухаммад-Амин назван сыном Мухаммад-Тимура и, соответственно, братом Абд ад-Шаха [Akasaka 2005, p. 26].

⁵⁷¹ Бабур 1992, с. 240; см. также: Мукминова 1966, с. 63–64. Примечательно, что Бабур сообщает об отправлении дивана стихов Пулад-султану в Самарканд: надо полагать, что, хотя семейство Мухаммад-Тимур-султана и лишилось владения этим городом, Михр-Султан со своим семейством могла продолжать там проживать в своих владениях, которые были защищены вакуфной грамотой.

- ⁵⁷² В среднеазиатских сочинениях о поэтах XVI — начала XVII вв. Пулад-султан б. Мухаммад-Тимур-хан фигурирует как покровитель искусства и автор ряда стихотворений [Норик 2011, с. 539].
- ⁵⁷³ Бабур 1992, с. 343–344, 347–348; Мукминова 1966, с. 63–64.
- ⁵⁷⁴ Бабур 1992, с. 340.
- ⁵⁷⁵ Норик 2011, с. 539. Ссылаясь на сочинение начала XVII в. «Мусаххир ал-билад» бухарского придворного историка Мухаммад-Йара б. Араба Катагана, Б. В. Норик датирует смерть Пулад-султана 935 г. х. (1528/1529 г.), т. е. она состоялась вскоре после отправки им посольства к Бабуру.
- ⁵⁷⁶ Иванов 1954, с. 324; см. также: Мукминова 1966, с. 8.
- ⁵⁷⁷ См.: Ахмедов 1985, с. 47; Хафиз-и Таныш 1983, с. 156.
- ⁵⁷⁸ См.: Султанов 2006, с. 304.
- ⁵⁷⁹ Кадырова 1979.
- ⁵⁸⁰ Балтанова 2006.
- ⁵⁸¹ См.: Бейсембиев 2004, с. 101–102.
- ⁵⁸² Бейсембиев 2009, с. 228.
- ⁵⁸³ Рахманкули-бий принял деятельное участие в заговоре против Алим-хана [Наливкин 1886, с. 96].
- ⁵⁸⁴ Поскольку Мадали, старший сын Омар-хана и Махлар-айим, родился в 1805 или 1807 г. [Бейсембиев 2009, с. 832].
- ⁵⁸⁵ Бейсембиев 2009, с. 827, 830–832, 850.
- ⁵⁸⁶ Кадырова 1979, с. 4; см. также: Бабаджанов 2010, с. 581.
- ⁵⁸⁷ См., напр.: Дильшод 1983, с. 32.
- ⁵⁸⁸ См., напр.: Бейсембиев 2007, с. 84.
- ⁵⁸⁹ Наливкин 1886, с. 122. Кокандские историки подробно описывают, до какого состояния Омар-хан упился даже на собственной свадьбе с Махлар-айим [см. подробнее: Бабаджанов 2010, с. 596].
- ⁵⁹⁰ Согласно В. П. Наливину, Мадали в год вступления на трон было всего 12 лет [Наливкин 1886, с. 122].
- ⁵⁹¹ См.: Наливкин 1886, с. 131; Бабаджанов 2010, с. 163.
- ⁵⁹² См.: Бейсембиев 2009, с. 105.
- ⁵⁹³ См.: Бейсембиев 2009, с. 995–999.
- ⁵⁹⁴ Бабаджанов 2010, с. 181.
- ⁵⁹⁵ См., напр.: Маргинани 2008, с. 116.
- ⁵⁹⁶ Наливкин 1886, с. 140.
- ⁵⁹⁷ См.: Вамбери 1873, с. 147; Наливкин 1886, с. 140–141; Бейсембиев 2009, с. 462, 487.
- ⁵⁹⁸ Наливкин 1886, с. 141–142; Бабаджанов 2010, с. 178–179.
- ⁵⁹⁹ Наливкин 1886, с. 143.
- ⁶⁰⁰ Бейсембиев 2009, с. 259; Бабаджанов 2010, с. 180–181, 462, 581. Венгерский востоковед XIX в. А. Вамбери пишет, что Мадали-хан обвинялся в неоправданной связи со своей матерью [Вамбери

1873, с. 147]. Однако, по-видимому, востоковед не совсем верно понял сообщения среднеазиатских историков: по всей видимости, речь идет о его противозаконном браке с Хан-Падша-айим, которая была женой его отца, но не являлась матерью самого Мадали.

⁶⁰¹ Бабаджанов 2010, с. 181.

⁶⁰² Не следует путать эту Боракчин с ее тезкой — старшей супругой монгольского хана Угедэя, дяди Бату [см.: Рашид ад-Дин 1960, с. 8–9; Муизз 2006, с. 55].

⁶⁰³ Рашид ад-Дин 1952а, с. 111. Племя татар было весьма многочисленным и делилось на несколько родов: согласно «Сокровенному сказанию», это были чаган-татары, алчи-татары, дутаут-татары, алу-хай-татары [Козин 1941, с. 123], а по Рашид ад-Дину — чаган-татары, хойин-татары, нераит-татары и алчи-татары [Рашид ад-Дин 1952а, с. 111].

⁶⁰⁴ Козин 1941, с. 123–124.

⁶⁰⁵ Рашид ад-Дин 1952а, с. 110.

⁶⁰⁶ Например, у Орду-Ичена, старшего брата Бату и его соправителя (он возглавлял восточное крыло Улуса Джучи — Синюю Орду) три главные жены были из племени кунграт, что, как мы помним, в полной мере соответствовало брачно-правовым традициям рода Чингизидов [Рашид ад-Дин 1960, с. 66].

⁶⁰⁷ Рашид ад-Дин 1952а, с. 111.

⁶⁰⁸ См., напр.: Измайлов 2011, с. 39.

⁶⁰⁹ Согласно Вильгельму де Рубруку, у Бату было двадцать шесть жен [Рубрук 1997, с. 92].

⁶¹⁰ Плано Карпини 1997, с. 73; Рубрук 1997, с. 117.

⁶¹¹ В Ипатьевской летописи это событие датировано 1250 г., однако исследователи справедливо полагают такую датировку ошибочной.

⁶¹² См.: Пашуто 1950, с. 236; Юрченко 2007в, с. 63–64. По сведениям китайского посла Сюй Тина, посетившего монголов в 1236 г., «черный кумыс» выдерживался в течение более длительного времени, отличался более чистым белым цветом, приятным запахом и вкусом [см.: Мункуев 1970, с. 791; Юрченко 2007в, с. 65].

⁶¹³ ПСРЛ 1843, с. 185.

⁶¹⁴ См. подробнее: Пашуто 1950, с. 237–238; Почекаев 2006, с. 201–203.

⁶¹⁵ СМИЗО 1941, с. 19; см. также: Бартольд 1964а, с. 264.

⁶¹⁶ См., напр.: Юрченко 2012, с. 28–29.

⁶¹⁷ Киракос 1976, с. 226.

⁶¹⁸ Juvaini 1997, p. 268. Согласно Рашид ад-Дину, Улагчи был четвертым сыном Бату [Рашид ад-Дин 1960, с. 72]. Однако мы полагаем, что следует доверять Джувейни, который называет Улагчи сыном Сартака и внуком Бату: этот историк, в отличие от Рашид ад-Дина,

был современником Бату, Сартака и Улагчи и, скорее всего, лучше ориентировался в генеалогии первых Джучидов.

⁶¹⁹ Мыськов 2003, с. 72.

⁶²⁰ ПСРЛ 1897, с. 451.

⁶²¹ Juvaini 1997, p. 268.

⁶²² Арабский автор XIV в. ан-Нувайри сообщает, что Боракина была женой Тогана и после смерти Сартака (не Улагчи!) попыталась возвести на трон своего сына от него — Туда-Менгу [СМИЗО 1884, с. 150]. Е. П. Мыськов на основе этого сообщения делает вывод, что Боракин после смерти своего супруга Бату вышла замуж за его второго сына Тукана, родила ему сына Туда-Менгу, которого и попыталась сделать правителем [Мыськов 2003, с. 63; см. также: Сафаргалиев 1996, с. 317]. Ранее мы придерживались версии Е. П. Мыськова [см.: Почекаев 2006, с. 310–311], однако впоследствии пришли к выводу, что она ошибочна. Во-первых, Туда-Менгу был не самым старшим сыном Тукана — у него было двое старших братьев, каждый из которых имел больше прав на трон Золотой Орды. Во-вторых, согласно Рашид ад-Дину, матерью Туда-Менгу (как и его старшего брата Менгу-Тимура) была не Боракин, а Кучу-хатун из племени ойрат [Рашид ад-Дин 1960, с. 73; см. также: Pelliot 1949, p. 40]. Поэтому представляется, что следует с большим доверием отнестись к сообщению Ибн Халдуна, который, говоря об этих событиях, указывает в качестве ставленника Боракин не Туда-Менгу, а Тудана (варианты имени: Тукан, Тудакан) — сына Бату и Боракин, являвшегося, в свою очередь, отцом Туда-Менгу [СМИЗО 1884, с. 378].

⁶²³ Е. П. Мыськов, высказывая справедливое мнение о том, что Берке пришел к власти, не согласовав свои действия с монгольским ханом, тем не менее полагает, что он стал правителем лишь в 1259 г., после смерти Мунке [Мыськов 2003, с. 76–77]. Однако следует иметь в виду, что после 1257 г. Улагчи в источниках не упоминается, и, следовательно, вступление Берке на золотоордынский трон относится либо к 1257, либо, в крайнем случае, к 1258 г.

⁶²⁴ СМИЗО 1884, с. 150; см. также: Утемиш-хаджи 1992, с. 97.

⁶²⁵ СМИЗО 1884, с. 150–151. Согласно египетским авторам конца XIII — первой половины XIV в. Руки ад-Дину Бейбарсу и ан-Нувайри, Хулагу уже в 653 г. х. (1255/1256 г.) получил от Боракин ее послание и двинулся со своими войсками на Золотую Орду, однако ко времени его похода ханша уже была умерщвлена, и дальнейшие враждебные действия монгольского Ирана против Улуса Джучи трактуются этими авторами уже как месть за ее казнь [СМИЗО 1884, с. 151; см. также: СМИЗО 2005, с. 114]. На самом деле боевые действия Золотой Орды против Ирана начались не ранее 1261–1262 гг.

и были связаны отнюдь не с мезью за убийство вдовы Бату [см. подробнее, напр.: Костюков 2009].

⁶²⁶ См.: Закиров 1966, с. 11–12.

⁶²⁷ Ряд исследователей весьма скептически относится к информации средневековых арабских, персидских и тюркских историков о том, что Берке вообще принял ислам [см., напр.: DeWeese, 1994, р. 85, 150; V6sbgy 1990], несмотря на то что о его приверженности к этой религии писали не только восточные авторы-мусульмане, но также армянские и европейские современники. В частности, Вильгельм де Рубрук, посланец французского короля, посетивший Золотую Орду в 1253 г., отмечал, что «Берка выдает себя за сарацина и не позволяет есть при своем дворе свиное мясо» [Рубрук 1997, с. 115; см. также: Pelliot 1949, р. 50–51]. Вместе с тем, нельзя не отметить, что Берке весьма органично опирался на правовые ценности как Монгольской империи, так и мусульманского мира. Например, в переписке с мусульманским правителем Египта, султаном Бейбарсом, он писал, что воюет с Хулагу во имя торжества ислама, тогда как в кругу собственных нойонов обвинял ильхана в том, что тот нарушил ясу Чингис-хана [см.: Закиров 1966, с. 15–16; Почекаев 2010в, с. 29–30; Фаверо-Думенжу 2011, с. 108].

⁶²⁸ СМИЗО 1884, с. 104, 155; см. также: Ускенбай 2011, с. 191, 199. Кан (каан) — один из вариантов титула хаган, которым традиционно именовали великих ханов Монгольской империи. Однако нет никаких подтверждений тому, что Джиджек и в самом деле происходила из рода монгольских Чингизидов. Титул «хатун», с которым она упоминается, в то время, по-видимому, еще не обязательно принадлежал только чингизидским царевнам по происхождению: с ним фигурировали и Борте, и Туракина, и Сорхактани, и Боракчин, которые к потомству Чингис-хана не принадлежали [см.: Бутеев 2011].

⁶²⁹ СМИЗО 1884, с. 193.

⁶³⁰ СМИЗО 2005, с. 114.

⁶³¹ СМИЗО 1884, с. 428; см. также: Makrizi 1837, р. 57. Арабский автор XIV в. ал-Омари, впрочем, утверждает, что Наджм ад-Дин Кубра был наставником Шамс ад-Дина ал-Бахарзи, от которого принял ислам сам Берке (по некоторым сведениям — еще в 1240-е гг.) [СМИЗО 1884, с. 245]. Так что есть основания усомниться в том, что наставник наставника Берке был привлечен к такому не слишком-то значительному делу, как устройство палаточной мечети для жены золотоордынского правителя, да еще и в 1260-е гг.

⁶³² СМИЗО 1884, с. 193, 357.

⁶³³ См. подробнее: Почекаев 2010в, с. 33.

⁶³⁴ СМИЗО 1884, с. 193.

⁶³⁵ Рашид ад-Дин 1960, с. 72.

- ⁶³⁶ СМИЗО 1884, с. 67; см. также: Ускенбай 2011, с. 199.
- ⁶³⁷ См.: Мыськов 2003, с. 112; Pelliot 1949, p. 62.
- ⁶³⁸ СМИЗО 1884, с. 155. Рашид ад-Дин утверждает, что матерью Алгуя была Олджай-хатун, сыном которой был и золотоордынский хан Токта [Рашид ад-Дин 1960, с. 72–73]
- ⁶³⁹ См.: СМИЗО 1884, с. 67, 155.
- ⁶⁴⁰ Первый хан Золотой Орды скончался приблизительно вそろкалетнем возрасте в результате неудачной хирургической операции: ему неумело вскрыли нарыв на шее.
- ⁶⁴¹ Петров, Ускенбай 2010, с. 15.
- ⁶⁴² СМИЗО 1884, с. 109, 155. А. В. Кузьмин, отмечая значение Джиджек-хатун, даже включает ее в число золотоордынских регентш [Кузьмин 2002, с. 13], однако источниками такой ее статус (по крайней мере, официальный) не подтверждается.
- ⁶⁴³ СМИЗО 1884, с. 109; см. также: Мыськов 2003, с. 112.
- ⁶⁴⁴ См.: СМИЗО 1884, с. 360, 434; см. также: Закиров 1966, с. 63–64.
- ⁶⁴⁵ См.: Вернадский 2000, с. 181 и след.; Мыськов 2003, с. 115–121; Biran 1997, p. 64; ср.: Трепавлов 1993, с. 88–89.
- ⁶⁴⁶ СМИЗО 1884, с. 156; Рашид ад-Дин 1960, с. 83.
- ⁶⁴⁷ СМИЗО 1884, с. 106; Рашид ад-Дин 1946, с. 118; см. также: Камалов 2007, с. 64–65.
- ⁶⁴⁸ СМИЗО 1884, с. 107, 156; Рашид ад-Дин 1960, с. 83–84; см. также: Веселовский 1922, с. 37. Следует отметить, что в сочинениях Рукн ад-Дина Бейбарса и ан-Нувайри, а также и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина в качестве адресата послания Ногая фигурирует не Джиджек-хатун, а неназванная по имени мать Тула-Буги. Однако средневековые авторы ничего не говорят о статусе и влиянии этой женщины. Поэтому мы, вслед за Н. И. Веселовским, полагаем, что Ногай обратился именно к Джиджек-хатун (хотя и не разделяем предположения, что она, будучи матерью Алгуя, могла являться также и матерью Тула-Буги) [Веселовский 1922, с. 39]. Скорее, в силу своего статуса она воспринималась всеми правителями как «мать», т. е. матриарх золотоордынского правящего рода.
- ⁶⁴⁹ СМИЗО 1884, с. 108; Рашид ад-Дин 1960, с. 84.
- ⁶⁵⁰ СМИЗО 1884, с. 109; см. также: Смирнов 2005, с. 110. См. также: Фахретдин 1996, с. 89; Веселовский 1922, с. 44. Н. И. Веселовский обратил внимание на сообщение Никоновской летописи под 1294 г. о том, что «царь Такта сяде на царство в Орде» [ПСРЛ 2000а, с. 169]. Исследователь считает эту датировку ошибочной [Веселовский 1922, с. 43], однако не связана ли она с окончательным уходом влиятельной Джиджек-хатун с политической сцены и началом единоподержавного правления хана Токты? Впрочем, это только

предположение, а поскольку далее летописец под тем же годом сообщает о победе Токты над Ногаем, хронологическая ошибка представляется вполне возможной.

⁶⁵¹ См., напр.: Фахретдин 1996, с. 89.

⁶⁵² Р. Фахретдин, впрочем, пишет, что Токта не одобрил казни Джиджек, а когда непосредственные исполнители бежали под защиту Ногая, потребовал от него вернуть их, чтобы наказать. А когда Ногай не согласился, Токта начал с ним войну [Фахретдин 1996, с. 89–90]. Однако такая версия не подтверждается источниками. Скорее всего, властная и влиятельная Джиджек-хатун и для самого Токты была досадной помехой на пути к власти, поэтому он с готовностью мог сам исполнить волю Ногая.

⁶⁵³ Другими являлись не менее знаменитые временщики Мамай, действовавший в 1360-е — 1370-е гг., и мангытский эмир Илгуй (Едигей), чья деятельность пришлась на 1390-е — 1410-е гг. [см.: Ускенбай 2011, с. 199, прим. 14].

⁶⁵⁴ См.: Juvaini 1997, р. 266–267; Почекаев 2010, с. 48.

⁶⁵⁵ См.: Pelliot 1949, р. 79.

⁶⁵⁶ Рашид ад-Дин 1960, с. 84; Пахимер 1862, с. 164; см. также: Веселовский 1922, с. 29.

⁶⁵⁷ В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина содержится противоречивая информация о женах Ногая. Так, в одном месте персидский историк пишет, что все три сына Ногая — Джуки, Еке и Тури — родились от Чапай [Рашид ад-Дин 1960, с. 84–85], в другом — что матерью Тури являлась Яйлак [Рашид ад-Дин 1960, с. 86]. На основе сопоставления сведений персидского автора с арабскими источниками можно утверждать, что последнее его сообщение является правильным [см. также: Веселовский 1922, с. 43].

⁶⁵⁸ Рашид ад-Дин 1960, с. 86; ср.: Костюков 2008, с. 83–84.

⁶⁵⁹ См.: Булгакова 2011, с. 62.

⁶⁶⁰ Так официально именовались владения Генуи в Причерноморье в XIII–XV вв.

⁶⁶¹ Kerqueti отождествляется исследователями с Керчью.

⁶⁶² Имя этого правителя по другим источникам неизвестно (возможно, оно сильно искажено в послании францисканца), а его отец Молдай — возможно, Могултай, один из военачальников Ногая [см.: СМИЗО 1884, с. 111; Селезнев 2009б, с. 132].

⁶⁶³ Цит. по: Pelliot 1949, р. 77–79; перевод наш — Р. П., И. П. В круглых скобках приведены примечания самого П. Пелльо.

⁶⁶⁴ Согласно арабским источникам, Токта вступил на трон в семнадцатилетнем (а по некоторым сообщениям — даже в семилетнем) возрасте [см. подробнее: Почекаев 2010в, с. 74, с. 282–283, прим. 141].

⁶⁶⁵ Рашид ад-Дин сообщает, что к Токте с поручениями от Ногай приезжала его жена Чапай [Рашид ад-Дин 1960, с. 84–85], но его сведения противоречат сообщениям арабских авторов.

⁶⁶⁶ СМИЗО 1884, с. 108, 158; см. также: Веселовский 1922, с. 43; Мыськов 2003, с. 131–132; Смирнов 2005, с. 113.

⁶⁶⁷ См. подробнее: Хейвуд 2001.

⁶⁶⁸ СМИЗО 1884, с. 109, 158.

⁶⁶⁹ СМИЗО 1884, с. 111, 159. См. также: Хейвуд 2001.

⁶⁷⁰ Рашид ад-Дин 1960, с. 86–87.

⁶⁷¹ Рашид ад-Дин 1960, с. 86; СМИЗО 1884, с. 113–114, 159–160; см. также: Веселовский 1922, с. 48–49.

⁶⁷² А. В. Кузьмин полагает, что Яйлак (как и Джиджек) имела регентские полномочия [Кузьмин 2002, с. 13].

⁶⁷³ Рашид ад-Дин 1960, с. 86; СМИЗО 1884, с. 115–116; см. также: Веселовский 1922, с. 55. Рукн ад-Дин Бейбарс, описывая конфликт между Джуки и Теке, ничего не сообщает о роли Яйлак, сведения о ней и ее участии присутствуют в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина.

⁶⁷⁴ СМИЗО 1884, с. 117; см. также: Иречек 1878, с. 375; Веселовский 1922, с. 57; Хара-Даван 1991, с. 179.

⁶⁷⁵ СМИЗО 1884, с. 118–119, 384.

⁶⁷⁶ В восточных источниках имя ханши упоминается в вариантах Тай-Тоглу-бегим, Тайтуглы, Тогай-Тоглу и т. д., однако мы будем использовать наиболее распространенный в историографии вариант ее имени.

⁶⁷⁷ Григорьев 2004б, с. 123–126, 150 (о Бельджамене см.: Егоров 1985, с. 109–110). В своих построениях А. П. Григорьев пошел несколько дальше, предположив, что знаменитый временщик, бекляри-бек Мамай, приходился сыном Кутлуг-Буге и что весь род, соответственно, принадлежал к племени кият, а не кунграт [Григорьев, Григорьев 2002, с. 210; Григорьев 2004б, с. 145, 153]. Однако более подробное ознакомление с источниками не дает оснований считать, что Мамай был родственником Кутлуг-Буги [см. подробнее: Почекаев 2010а, с. 28–29]. Стоит отметить, что другие исследователи по-разному оценивают версию А. П. Григорьева — одни считают ее вполне допустимой [см., напр.: История 2009, с. 443], другие же относятся скептически [см., напр.: Трепавлов 2007, с. 344–345].

⁶⁷⁸ В 731 г. х. (1330/1331 г.) ее старший сын Тинибек женился на племяннице персидского сановника Хасана Бузурга Джалаири (мы писали о нем в девятом очерке, посвященном Сатибек), следовательно, он родился не позднее 1314–1315 гг. [Ахари 1984, с. 108; см. также: Григорьев 2004б, с. 45].

⁶⁷⁹ СМИЗО 1884, с. 263–264, 293, 311. Известны имена четырех дочерей Узбека, но кто из них родился от Тайдулы, сведений нет [см.: Муизз 2006, с. 42]. Что касается сыновей, то Ибн Баттута упоминает, что сыновьями Тайдулы были только Тинибек и Джанибек [СМИЗО 1884, с. 293], а неизвестный по имени автор «Биографии султана ал-Малик ан-Насира» сообщает, что все трое сыновей Узбека были единокровными братьями [СМИЗО 1884, с. 264].

⁶⁸⁰ Согласно Утемишу-хаджи, «Келин-Байалин» (т. е. Баялун) была матерью Узбека, позднее вышедшей замуж за Токту [Утемиш-хаджи 1992, с. 102; см. также: Pelliot 1949, р. 84–85]. Однако это противоречит сведениям арабских источников о женитьбе на ней самого хана Узбека.

⁶⁸¹ СМИЗО 1884, с. 385, 516. Правоведы, идя навстречу пожеланиям хана, несколько расширительно истолковали норму мусульманского права, согласно которой сын не имеет права жениться на вдове своего отца: они объявили, что Узбек может жениться на своей мачехе, поскольку Тогрул, в отличие от сына, не был мусульманином, и его брак с Баялун, таким образом, не является законным по канонам шариата.

⁶⁸² См.: ПСРЛ 2007, с. 89; Григорьев 1992, с. 8. Ибн Баттута, побывавший в Золотой Орде в 1333–1334 гг., упоминает, что у Узбека в это время была жена Баялун, которую путешественник называет «третьей хатун» [СМИЗО 1884, с. 294]. Ранее мы придерживались мнения, что речь идет о той же ханше, которая была прежде супругой Тогрула и Токты [см.: Почекаев 2010в, с. 102–103]. Однако теперь полагаем, что речь идет о разных женщинах, разделяя мнение П. Пелльо, что «баялун», скорее всего, было не именем собственным, а титулом [Pelliot 1949, р. 83–85].

⁶⁸³ Мы называем Тайдулу ханшей, поскольку она являлась женой хана (так ее называет и Ибн Баттута), однако считаем нужным обратить внимание, что в источниках она фигурирует и с титулом «бегим», т. е. дочь бека, а не представительница ханского рода по рождению. Этот ее статус отразился и в изданных ей документах — жалованных грамотах: в них среди адресатов отсутствуют огланы — члены рода Чингизидов, поскольку, не будучи ханского рода, она не имела права им приказывать [см.: Григорьев 2004б, с. 58, 68].

⁶⁸⁴ СМИЗО 1884, с. 290–291, 299.

⁶⁸⁵ См. подробнее: Почекаев 2010в, с. 102–106.

⁶⁸⁶ Имеется в виду библейский царь Соломон.

⁶⁸⁷ СМИЗО 1884, с. 293.

⁶⁸⁸ СМИЗО 1884, с. 294.

⁶⁸⁹ Абзалов 2011, с. 102.

⁶⁹⁰ СМИЗО 1884, с. 294.

⁶⁹¹ Григорьев 2004б, с. 45–46. См. также: Рун 1998, р. 420.

- ⁶⁹² СМИЗО 1884, с. 295.
- ⁶⁹³ См.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 198.
- ⁶⁹⁴ См., напр.: Федоров-Давыдов 1963, с. 186; Винничек, Лебедев 2004, с. 123; Григорьев, Григорьев 2002, с. 42.
- ⁶⁹⁵ Юргевич 1863, с. 1004–1005.
- ⁶⁹⁶ Самый старший сын Узбека, Тимур, умер при жизни отца, в 1330 г.
- ⁶⁹⁷ СМИЗО 1884, с. 296.
- ⁶⁹⁸ См.: Поззия 2005, с. 48–49.
- ⁶⁹⁹ СМИЗО 1884, с. 264
- ⁷⁰⁰ Ахари 1984, с. 127
- ⁷⁰¹ СМИЗО 1884, с. 264.
- ⁷⁰² СМИЗО 1884, с. 296. А. П. Григорьев полагает, что под «постыдными делами», за которые был умерщвлен Тинибек, могло подразумеваться его предполагаемое участие в заговоре против отца в 1339 г., о котором упоминает в своем письме к Узбеку римский папа Бенедикт XII [Григорьев, Григорьев 2002, с. 41–42].
- ⁷⁰³ Ахари 1984, с. 127; СМИЗО 1884, с. 264. Однако русские летописцы сообщают, что «Чанибек... уби брата своего меньшаго Хидырбека», что и послужило причиной вражды Джанибека с Тинибекон [см., напр.: ПСРЛ 2000а, с. 212; Татищев 2005, с. 96].
- ⁷⁰⁴ См. подробнее: Приселков 1916, с. 72–78.
- ⁷⁰⁵ См., напр.: Хорошкевич 2001, с. 292.
- ⁷⁰⁶ Памятники 1955, с. 466–467; Григорьев 2004б, с. 52–53. В самом этом документе, вошедшем в «Сборник ярлыков русским митрополитам», Иоанн назван митрополитом, однако в середине XIV в. во главе русской православной церкви не было иерарха с таким именем. Ю. В. Сочнев полагает, что речь идет о суздальско-нижегородском епископе Иване, который не получил признания со стороны князей и митрополита и обратился за поддержкой к хану и ханше [Сочнев 1992, с. 54]. А. П. Григорьев считает, что обладателем ярлыка являлся сарайский епископ Иоанн [Григорьев 2004б, с. 49].
- ⁷⁰⁷ Памятники 1955, с. 468–469; Григорьев 2004б, с. 65–66.
- ⁷⁰⁸ По мнению А. П. Григорьева, причиной выдачи Тайдулой грамоты Феогносту послужило исключительно желание ханши получить с главы русской церкви деньги и подарки, которые обычно передавались при оформлении ярлыков и других ордынских официальных актов, а не желание действительно изменить положение церкви [Григорьев 2004б, с. 57]. Мы не вполне согласны с такой версией, поскольку грамота Тайдулы не просто повторяла положения ярлыка Джанибека 1343 г. (как полагал исследователь), а существенно изменяла их в лучшую сторону — хотя, конечно, было бы наивным

полагать, что ханша отказалась получить причитавшееся ей за выдачу грамоты вознаграждение!

⁷⁰⁹ Татищев 2005, с. 106. Любопытно отметить, что В. В. Татищев, описывая этот эпизод, называет мать Джанибека Шеритамгу. Это сообщение позволило некоторым исследователями (в частности, Й. Хаммер-Пургсталлю и В. Г. Тизенгаузену) считать, что женой Узбека и матерью Джанибека была ханша с таким именем [см.: Hammer-Purgstall 1840, s. 309; СМИЗО 1941, с. 51, прим. 9]. Однако это противоречит сообщениям арабских авторов, в том числе и Ибн Баттуты, который лично встречался с Узбеком, Тайдулой и ее сыном Джанибеком. По-видимому, «Шеритамгу» могло быть либо каким-то сильно искаженным вариантом имени Тайдулы (в источнике, который со времен Татищева не сохранился), либо, что более вероятно, одним из ее титулов.

⁷¹⁰ Цит. по: Соловьев 1988, с. 462; см. также: ДДГ 1949, с. 29; см. также: Насонов 2002, с. 276, 314–315; Горский 2004, с. 164–165.

⁷¹¹ См.: Кучкин 2002, с. 183.

⁷¹² См., напр.: Соловьев 1988, с. 554; Грумм-Гржимайло 1994, с. 115–116; Гумилев 1995, с. 167. В качестве примера некритического отношения к разночтениям в источниках относительно Тайдулы можно назвать биографический словарь Ю. В. Селезнева «Элита Золотой Орды», в котором в качестве разных персоналий присутствуют Тайдула, супруга Узбека и Тогай-Тоглу — якобы жена Джанибека и мать Бердибека [Селезнев 2009б, с. 167, 177].

⁷¹³ Памятники 1955, с. 470; Григорьев 2004б, с. 70–71.

⁷¹⁴ Согласно другой версии жития, митрополита пригласил сам хан Джанибек для излечения Тайдулы.

⁷¹⁵ См.: ПСРЛ 1949, с. 180; ПСРЛ 2000а, с. 229; 2000б, с. 32–33. Любопытно, что в Троицкой летописи под 1357 г. сообщается и о вызове митрополита Алексия в Орду и о том, что во время его проезда через Владимир у гроба св. митрополита Петра сама собой загорелась свеча (как в житии), однако нет ни слова об исцелении Алексием тайдулы: целью его поездки было «посетить ея на здравие», т. е., вероятно, всего лишь помолиться за здоровье ханши, после чего он «вборзе же из Орды отпущен бысть» [Приселков 2002, с. 375–376].

⁷¹⁶ Мы упоминали о нем в очерке о Сатибек.

⁷¹⁷ Ахари 1984, с. 129; СМИЗО 1941, с. 96.

⁷¹⁸ Григорьев 2004б, с. 87, 129.

⁷¹⁹ Кривцов 2002; см. также: Кучкин 2002, с. 184. Д. Ю. Кривцов также обратил внимание на то, что в одной из версий жития Алексий исцелил не знаменитую Тайдулу, а неизвестную по имени жену хана Мюрида — одного из ханов эпохи «Великой замятни», правившего в 1361–1364 гг.; лишь впоследствии, в ходе развития легенды

о митрополите, эта «безымянная» ханша превратилась в супругу Узбека.

⁷²⁰ СМИЗО 1941, с. 214.

⁷²¹ СМИЗО 1941, с. 128–129, 214; ПСРЛ 2000а, с. 229; При-селков 2002, с. 376; см. также: Григорьев, Григорьев 2002, с. 127. Одним из источников сведения об убийстве Джанибека Тоглубаем с согласия Бердибека является «Мунтахаб ат-таварих-и Му’ини», написанное Муин ад-Дином Натанзи (ранее это сочинение было известно как «Аноним Искандера») [СМИЗО 1941, с. 128–129]. Следует отметить, что хотя это сочинение привлекается многими исследователями истории Золотой Орды (включая нас), поскольку содержит многие уникальные сведения, относиться с полным доверием к нему не следует: есть серьезные основания считать его своего рода «историческим романом», а не летописным сочинением. Кроме того, с неправильной трактовкой одного из пассажей этого сочинения связана ошибка в биографии Тайдулы. Натанзи пишет: «Один из доверенных людей, который узнал о прибытии Бердибека, доложил Джанибеку обстоятельства этого. Джанибек забеспокоился и посоветовался об этом с Тогай-Тоглу-хатун. Хатун из-за любви к сыну постаралась представить эти слова ложными» [СМИЗО 1941, с. 128]. Вполне очевидно, что речь идет о Тайдуле и ее любви к сыну — Джанибеку, однако некоторые авторы посчитали, что речь идет о супруге Джанибека и ее любви к сыну Бердибеку, в результате чего возник новый исторический персонаж, на самом деле не существовавший [см.: Федоров-Давыдов 1973, с. 106; Селезнев 2009б, с. 177].

⁷²² СМИЗО 1941, с. 96, 98; Абуль-Гази 1996, с. 101.

⁷²³ Памятники 1955, с. 469–470; Григорьев 2004б, с. 114–115.

⁷²⁴ См.: Григорьев 2004б, с. 88.

⁷²⁵ Юргевич 1863, с. 1005–1006; см. также: Руап 1998, р. 420.

⁷²⁶ После Марко Поло 1968, с. 119; Pelliot 1949, р. 58.

⁷²⁷ См.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 5–33.

⁷²⁸ См. подробнее: Григорьев, Григорьев 2002, с. 79–80; Почекаев 2010в, с. 114–115.

⁷²⁹ См.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 80–81.

⁷³⁰ См.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 78–121.

⁷³¹ Волков 1858, с. 216; см. также: Григорьев 1992, с. 8.

⁷³² По мнению А. П. Григорьева, это право появилось у нее еще до выдачи Узбеком ярлыка венецианцам, т. е. до 1332 г. [Григорьев, Григорьев 2002, с. 153], однако в источниках нет сведений, которые подтвердили бы это предположение.

⁷³³ Григорьев, Григорьев 2002, с. 165.

⁷³⁴ В своем послании венецианскому дожу Тайдула говорит о «нашем друге» Джануке [Григорьев, Григорьев 2002, с. 206]. Это дает

основания полагать, что Азак вообще весь мог быть выделен ей во владение с правом назначения собственных наместников.

⁷³⁵ См.: Приселков 2002, с. 376; СМИЗО 1941, с. 129; Утемиш-хаджи 1992, с. 108; Абуль-Гази 1996, с. 101.

⁷³⁶ Отметим, что как раз в правление Бердибека Могул-Буга, один из предполагаемых братьев Тайдулы, возвращает себе пост бекляри-бека (он уже был им при Джанибеке), а другой, Кутлуг-Буга (также занимавший пост бекляри-бека при Джанибеке), становится правителем Крымского тюмена [см.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 210]. Вполне вероятно, что сохранением своего влияния в Золотой Орде Тайдула была обязана и родственникам, занимавшим столь важные посты в государстве.

⁷³⁷ Григорьев, Григорьев 2002, с. 201–202; Карпов 2000, с. 178. Примерно в то же время имел место еще один подобный конфликт, только пострадавших ордынских купцов было несколько, и они сумели сами дойти до хана и добиться решения своего дела [Григорьев, Григорьев 2002, с. 185–186; Карпов 2000, с. 77–178]

⁷³⁸ Григорьев, Григорьев 2002, с. 197–198. Сом (соммо) представлял собой единицу измерения, составлявшую 20 безантов или динаров и, соответственно, 120 дирхемов. Вес одного сома составлял более 200 г серебра [Григорьев, Григорьев 2002, с. 207; Карпов 2000, с. 178; Крамаровский 2012, с. 338–339].

⁷³⁹ Григорьев, Григорьев 2002, с. 206

⁷⁴⁰ См.: Карпов 2000, с. 178–179.

⁷⁴¹ По одним сведениям он умер своей смертью [СМИЗО 1941, с. 129, 211, 215; Утемиш-хаджи 1992, с. 108; Shajrat 1838, p. 234; ПСРЛ 1949, с. 180; ПСРЛ 2001, с. 10; Приселков 2002, с. 376; ПСРЛ 2007, с. 100], по другим — был убит с рядом своих сподвижников [см., напр.: ПСРЛ 2000а, с. 230–231].

⁷⁴² Анализ версий происхождения Кульны см.: Почекаев 2009а, с. 41.

⁷⁴³ Приселков 2002, с. 376.

⁷⁴⁴ А. П. Григорьев полагает, что в течение правления Кульны Тайдула находилась при нем [Григорьев 1992, с. 8–9], однако анализ последующих событий опровергает это предположение.

⁷⁴⁵ См.: Григорьев 2004б, с. 126. А. П. Григорьев соотносит Гулистан, резиденцию Тайдулы, в которой также нередко пребывал и хан Джанибек, с известным по источникам золотоордынским городом Укеком.

⁷⁴⁶ Утемиш-хаджи 1992, с. 112.

⁷⁴⁷ См.: Гаев 2002, с. 18–19.

⁷⁴⁸ Ряд исследователей склоняется к мысли, что в междоусобице участвовали также и потомки Орду-Ичена, старшего сына Джучи,

однако мы разделяем мнение других специалистов, которые считают, что эта ветвь Джучидов пресеклась еще в 1320-е гг. [см. подробнее: Почекаев 2010в, с. 323–324, прим. 434].

⁷⁴⁹ См.: Утемиш-хаджи 1992, с. 113.

⁷⁵⁰ ПСРЛ 1949, с. 181; ПСРЛ 2000а, с. 232; ПСРЛ 2007, с. 100; Приселков 2002, с. 377; см. также: Греков, Якубовский 1998, с. 207.

⁷⁵¹ Согласно Муин ад-Дину Натанзи, сам Могул-Буга сумел спастись и погиб несколько позднее, в 1361 или 1362 г. во время правления узурпатора лже-Кильдибека, устроившего репрессии против старой ордынской аристократии [СМИЗО 1941, с. 129].

⁷⁵² Утемиш-хаджи 1992, с. 113.

⁷⁵³ См.: Кавагучи, Нагаминэ 2010, с. 48–49; Миргалеев 2011, с. 15.

⁷⁵⁴ Ахмедов 1965а, с. 34. Каких-либо оснований в пользу своей версии исследователь не приводит.

⁷⁵⁵ Григорьев 1983, с. 43–44, 2004а, с. 109, 116. Указание на ее монетах в качестве даты правления 1371–1372 гг. исследователь считает ошибкой резчика монеты, что вызвало критику нумизматов [см., напр.: Сидоренко 2000, с. 286].

⁷⁵⁶ См., напр.: Френ 1832, с. 22; Егоров 1980, с. 201, 208; Похлебкин 2000, с. 23; ср.: Миргалеев 2003, с. 36–37; Почекаев 2010а, с. 156.

⁷⁵⁷ См.: Грумм-Гржимайло 1994, с. 120; Греков, Якубовский 1998, с. 215; История 2009, с. 703.

⁷⁵⁸ Варваровский 2008, с. 89; Миргалеев 2003, с. 37.

⁷⁵⁹ СМИЗО 1884, с. 389.

⁷⁶⁰ См.: Миргалеев 2010, с. 191.

⁷⁶¹ См.: Григорьев, Григорьев 2002, с. 212; Исхаков, Измаилов 2007, с. 154–155.

⁷⁶² См.: Утемиш-хаджи 1992, с. 108.

⁷⁶³ См. подробнее: Почекаев 2010а, с. 34–36.

⁷⁶⁴ См.: Григорьев 2004б, с. 145.

⁷⁶⁵ Почекаев 2010а.

⁷⁶⁶ Русские летописцы сообщают, что около 1379 г. Мухаммаду было 18 лет [Татищев 2005, с. 159]. Следовательно, он родился около 1361 г. Эти данные опровергают мнение М. Г. Сафаргалиева о том, что Мухаммад-хан был сыном Тинибека, старшего брата Джанибека [Сафаргалиев 1996, с. 520], — ведь Тинибек был убит в 1342 г.

⁷⁶⁷ Марков 2008, с. 49; Варваровский 2008, с. 89; Федоров-Давыдов 2003, с. 191.

⁷⁶⁸ Григорьев 1983, с. 43; Сидоренко 2000, с. 286.

⁷⁶⁹ Представляется интересной версия И. М. Миргалеева, согласно которой Мухаммад-Булак около 1376 г. вступил в конфронтацию со

своим покровителем Мамаем и бежал от него, после чего Мамаю пришлось возвести на трон свою супругу, которая и фигурирует под именем хана Туляка [Миргалеев 2003, с. 36–37]. Однако основу этой концепции составляет утверждение о том, что после 777 г. х. (1375/1376 г.) монеты с именем Мухаммада-Булака не чеканились, а оно признается современными нумизматами не вполне корректным [см.: Гончаров 2008, с. 59].

⁷⁷⁰ См., напр.; Насонов 2002, с. 319–320

⁷⁷¹ Разбор версий убийства Мамаю см.: Почекаев 2010а, с. 94–96.

⁷⁷² Памятники 1998, с. 11.

⁷⁷³ См.: Миргалеев 2010, с. 191–192; см. также: Исаков, Измайлов 2007, с. 154–155.

⁷⁷⁴ См.: Сидоренко 2000, с. 287.

⁷⁷⁵ Григорьев 1983, с. 43–44, 2004а, с. 109, 116.

⁷⁷⁶ Рогожский летописец 2000, с. 124.

⁷⁷⁷ См. подробнее: Почекаев 2010в, с. 165, 180.

⁷⁷⁸ См., напр.: Савельев 1865, с. 129–132, 246–248.

⁷⁷⁹ Именно так в свое время хан Тюляк в своем ярлыке митрополиту Михаилу ссылался на волю Бердибека, хотя между ним и последним сменилось немало ханов: однако, с точки зрения потомка Бату, последним законным ханом в Сарае был именно Бердибек [см.: Григорьев 2004б, с. 186].

⁷⁸⁰ В частности, в 1382 г. Токтамыш сумел захватить и сжечь Москву и заставить великого князя Дмитрия Донского, победившего Мамаю в Куликовской битве, вновь признать зависимость от хана Золотой Орды и платить ему дань.

⁷⁸¹ Муизз 2006, с. 45.

⁷⁸² Этот ярлык сохранился до нашего времени, являясь одним из очень немногих золотоордынских документов, дошедших до нас в оригинале. См.: Григорьев, Ярцов 1844, с. 338–340; ср.: Набиев 2008.

⁷⁸³ Григорьев 2004а, с. 116–117. Обратим внимание, что исследователь отождествляет Тогайбек с Тулунбек — героиней нашего предыдущего очерка. Он полагает, что в 1381–1382 гг. она была соправительницей своего супруга и занималась вопросами управления, пока сам хан укреплял контроль над Золотой Ордой и приводил в подчинение последних из эмиров, прежде вышедших из-под власти ордынских ханов [Григорьев 1983, с. 43–44; 2004а, с. 108–109].

Согласно «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, Джалал ад-Дину, старшему сыну Токтамыша и Тогайбек, в год смерти синеордынского Урус-хана, противника Токтамыша, т. е. в 1377 или 1378 г., было двенадцать лет [Утемиш-хаджи 1992, с. 116], следовательно, он родился в 1365 или 1366 г. Однако Утемиш-хаджи во многом опирался на степные предания, поэтому не все его сведения можно принимать

в качестве достоверных. По мнению К. З. Ускенбая, сам Токтамыш родился между 1360 и 1365 гг. [Ускенбай 2011, с. 196].

⁷⁸⁴ Журналист Е. Арсюхин обратил внимание, что на стене мавзолея Джаныке-ханым в Чуфут-кале проставлена дата — 778 г. х. (1376/1377 г.), и предположил, что это может быть дата рождения царевны [см.: Арсюхин, Андрианова 2003].

⁷⁸⁵ Григорьев 2004а, с. 117.

⁷⁸⁶ Герцен, Могаричев 1993, с. 61.

⁷⁸⁷ См. подробнее: Трепавлов 2001, с. 76; ср.: Почекаев 2010в, с. 183.

⁷⁸⁸ См.: Валиханов 1984, с. 233; Сафаргалиев 1996, с. 446; см. также: Герцен, Могаричев 1993, с. 59. Как мы помним, практически при аналогичных обстоятельствах Бердибек выдал свою дочь Тулунбек-ханум замуж за эмира Мамаю, ставшего его бекляри-беком.

⁷⁸⁹ См.: СМИЗО 1941, с. 194; Трепавлов 2001, с. 90. В. В. Трепавлов высказывает предположение, что Нур ад-Дин, старший сын Идигу, родился в браке с Джаныке (которую считает либо дочерью, либо сестрой Токтамыша) [Трепавлов 2001, с. 78]. Однако такая версия не подтверждается источниками. Даже в эпосе «Идегей», на который неоднократно ссылается исследователь, матерью Нур ад-Дина названа Айтулы, дочь некоего Ай-Гумера из Булгара [Идегей 1990, ч. 28, 77, 121]. По некоторым сведениям, сестра Токтамыша по имени Джаныке стала женой Урук-Тимура (Руктимера) из рода ширин и матерью Текне Ширина — известного золотоордынского сановника первой трети XV в. [Лашков 1889, с. 99].

О. Гайворонский датирует брак Идигу и Джаныке 1370–1380-ми гг., полагая, что после бегства Идигу к Тимуру его супруга осталась в ставке отца и лишь после захвата столицы Идигу в 1390-е гг. воссоединилась с ним [Гайворонский 2004, с. 89–90].

⁷⁹⁰ Валиханов 1984, с. 233–234; Сафаргалиев 1996, с. 446.

⁷⁹¹ СМИЗО 1941, с. 193–194; см. также: Трепавлов 2001, с. 90.

⁷⁹² См. подробнее: Сафаргалиев 1996, с. 442–445.

⁷⁹³ СМИЗО 1884, с. 442, 454; см. также: Герцен, Могаричев 1993, с. 59, 62; Гайворонский 2004, с. 92.

⁷⁹⁴ Разбор версий о гибели Идигу и Кадыр-Берди см. подробнее: Почекаев 2010в, с. 195, 338 прим. 581.

⁷⁹⁵ См.: Зинченко-Кефели, Сигаева.

⁷⁹⁶ См.: Герцен, Могаричев 1993, с. 63.

⁷⁹⁷ См.: Гайворонский 2007, с. 17–18.

⁷⁹⁸ Личная консультация И. В. Зайцева.

⁷⁹⁹ Кулаковский 1906, с. 112; Бертье-Делагард 1920, с. 112; Гайворонский 2004, с. 92.

⁸⁰⁰ См.: Герцен, Могаричев 1993, с. 64.

- ⁸⁰¹ Крамаровский 1994, с. 165.
- ⁸⁰² Бертъе-Делагард 1920, с. 112.
- ⁸⁰³ См.: Урманче 1999, с. 42.
- ⁸⁰⁴ Идегей 1990, с. 31–33, 35–38; Урманче 1999, с. 44–47.
- ⁸⁰⁵ Идегей 1990, с. 112–113; Урманче 1999, с. 91.
- ⁸⁰⁶ Идегей 1990, с. 29. Ф. Урманче отмечает, что имя Ханеке (Каныкей) весьма распространено в тюркских эпосах, однако обычно под ним выступают девы-богатырки, тогда как героиня «Идегея» выступает в совершенно иной роли [Урманче 1999, с. 124–126]
- ⁸⁰⁷ Идегей 1990, с. 70, 74; Урманче 1999, с. 71.
- ⁸⁰⁸ Идегей 1990, с. 186–188, 193; Урманче 1999, с. 118–121.
- ⁸⁰⁹ Легенды 2006, с. 87–90.
- ⁸¹⁰ В русских источниках Тимур фигурирует как сын «Тенсувата», т. е. Дин-Суфи б. Мансура б. Идигу, однако В. В. Трепавлов на основе сохранившихся генеалогий ногайских князей уточняет, что на самом деле Тимур был сыном самого Мансура и, соответственно, братом Дин-Суфи [Трепавлов 2001, с. 120–121].
- ⁸¹¹ См.: Алишев 1995, с. 38.
- ⁸¹² См.: Алишев 1995, с. 38. Московский историк конца XVII в. Андрей Лызлов в своей «Скифской истории» утверждает, что Ибрахим был всего лишь «татарин знаменитый» и стал ханом именно благодаря браку с Нур-Султан — вдовой предыдущего хана — причем с согласия московского государя Ивана III [Лызлов 1990, с. 52–53]. М. Н. Бережков полагает, что это сообщение отражает факт активного вмешательства Москвы в казанские дела уже в середине XV в. [Бережков 1897, с. 4].
- ⁸¹³ См.: Гайворонский 2004, с. 22.
- ⁸¹⁴ См.: Горский 2000, с. 157; Трепавлов 2001, с. 121.
- ⁸¹⁵ В разных источниках и исследовательских работах он также именуется Ильханом или Ильгамом. Русские летописцы называют его «Алегам», что исследователи понимают как «Али-хан».
- ⁸¹⁶ См.: Трепавлов 2001, с. 136; Martin 1986, р. 84. По некоторым сведениям, мать Али, Фатима, также была ногайского происхождения [см.: Алишев 1995, с. 38], однако о ее генеалогии точной информации нет.
- ⁸¹⁷ См.: Алишев 1995, с. 38; Худяков 1996, с. 563.
- ⁸¹⁸ Любопытно отметить, что уже в XVI в. ногайские князья утверждали, что именно Тимур, а не Муса и Ямгурчи, убил Ахмата [см.: Зайцев 2006, с. 44].
- ⁸¹⁹ Худяков 1996, с. 572.
- ⁸²⁰ Зайцев 2004, с. 122; Беляков 2011, с. 56.
- ⁸²¹ Карамзин 1819а, с. 184, 2–68, прим. 297; Сыроечковский 1940, с. 32.

- ⁸²² Бережков 1897, с. 2; Трепавлов 2001, с. 130.
- ⁸²³ РИО 1841, с. 117; Бережков 1897, с. 3; Хорошкевич 2001, с. 247.
- ⁸²⁴ Трепавлов 2001, с. 123, 130.
- ⁸²⁵ См.: Бережков 1897, с. 4.
- ⁸²⁶ РИО 1841, с. 74; см. также: Сыроечковский 1940, с. 32.
- ⁸²⁷ Некрасов 2000, с. 214.
- ⁸²⁸ См.: Бережков 1897, с. 9.
- ⁸²⁹ См., напр.: РИО 1841, с. 61, 103–104, 142, 486, 495; РИО 1895, с. 134, 217.
- ⁸³⁰ См.: Хорошкевич 2001, с. 265.
- ⁸³¹ См.: Бережков 1897, с. 11; Некрасов 2000, с. 215; Хорошкевич 2001, с. 245.
- ⁸³² См.: РИО 1895, с. 161; Бережков 1897, с. 15–16; Худяков 1996, с. 668.
- ⁸³³ См.: Худяков 1996, с. 668; Некрасов 2000, с. 215.
- ⁸³⁴ РИО 1841, с. 59; см. также: Алишев 1995, с. 41.
- ⁸³⁵ См.: Алишев 1995, с. 43. Али, его мать Фатима и супруга Каракуш были высланы в Вологду, Малик-Тагир, его сыновья и последний брат, Худайкул, были крещены в православную веру, что уже не позволяло им претендовать на трон мусульманского Казанского ханства. Впрочем, Худайкул («царевич Петр Ибрагимович») в течение 1505–1526 гг. играл весьма значительную роль при московском дворе: он был женат на дочери Ивана III и являлся московским воеводой. По некоторым сведениям, до самой смерти он даже считался наследником московского трона при бездетном Василии III (правда, умер раньше своего наследодателя, у которого, как известно, в 1530 г. родился сын Иван — будущий первый московский царь).
- ⁸³⁶ См.: Зайцев 2004, с. 19.
- ⁸³⁷ РИО 1841, с. 109; Бережков 1894, с. 47; 1897, с. 6–7.
- ⁸³⁸ РИО 1841, с. 176–177; Бережков 1897, с. 9.
- ⁸³⁹ См.: Трепавлов 2001, с. 136–137.
- ⁸⁴⁰ См.: Бережков 1897, с. 7–8.
- ⁸⁴¹ Примечательно, что Нур-Султан потребовала от своего московского союзника, чтобы он возместил расходы на отправку к нему царевича [РИО 1841, с. 177; см. также: Худяков 1996, с. 668; Хорошкевич 2001, с. 266!]
- ⁸⁴² Худяков 1996, с. 572.
- ⁸⁴³ См.: Бережков 1897, с. 10.
- ⁸⁴⁴ См.: Худяков 1996, с. 571.
- ⁸⁴⁵ См.: Худяков 1996, с. 572, 584; Горский 2000, с. 181.
- ⁸⁴⁶ Худяков 1996, с. 572; см. также: см.: Гайворонский 2007, с. 100.

⁸⁴⁷ РИО 1841, с. 474–477; Бережков 1897, с. 12–13.

⁸⁴⁸ ПСРЛ 2000в, с. 11; см. также: Бережков 1897, с. 13–14.

⁸⁴⁹ Бережков 1897, с. 12.

⁸⁵⁰ ПСРЛ 2000в, с. 13–14; см. также: Некрасов 2000, с. 215.

Вскоре после возвращения Нур-Султан в Крым, в 1512 г., войска Мухаммад-Гирея, старшего сына Менгли-Гирея, совершили набег на русские окраины, и московские власти тут же взяли под арест Абд ал-Латифа [Бережков 1897, с. 15].

⁸⁵¹ См.: Худяков 1996, с. 586.

⁸⁵² См.: Некрасов 2000, с. 215; Хорошкевич 2001, с. 240; ср.: Абдулла 2008, с. 29.

⁸⁵³ РИО 1895, с. 164, 488.

⁸⁵⁴ РИО 1895, с. 286.

⁸⁵⁵ См.: Зайцев 2006, с. 80; Очерки 2008, с. 125.

⁸⁵⁶ См.: РИО 1895, с. 208; Некрасов 2000, с. 216.

⁸⁵⁷ РИО 1895, с. 161, 167; Бережков 1897, с. 15–16.

⁸⁵⁸ См.: Худяков 1996, с. 583; Гайворонский 2004, с. 25.

⁸⁵⁹ Бережков 1897, с. 16–17.

⁸⁶⁰ См.: Бережков 1897, с. 17; Худяков 1996, с. 668.

⁸⁶¹ См.: Некрасов 2000, с. 215.

⁸⁶² Мы не случайно указываем на то, что Улуг-Мухаммад лишь считается основателем Казанского ханства. Сам Улуг-Мухаммад до конца жизни боролся за золотоордынский трон и, по-видимому, даже не владел Казанью, которая была захвачена лишь его сыном Махмудом («Мамутеком» русских летописей), основавшим здесь самостоятельное ханство.

⁸⁶³ См.: Вельяминов-Зернов 1863, с. 251.

⁸⁶⁴ См.: Рахимзянов 2009, с. 141.

⁸⁶⁵ В историографии его принято относить к астраханской ветви рода Туга-Тимуридов [см.: Вельяминов-Зернов 1863, с. 249; ср.: Рахимзянов 2009, с. 139–140].

⁸⁶⁶ Цит. по: Худяков 1996, с. 588..

⁸⁶⁷ См.: Daulet 1984, p. 217.

⁸⁶⁸ См.: Зайцев 2004, с. 125–126; Гайворонский 2007, с. 166–167.

⁸⁶⁹ См., напр.: Лызлов 1990, с. 60–61; Вельяминов-Зернов 1863, с. 270.

⁸⁷⁰ Рахимзянов 2009, с. 148; ср.: Исхаков, Измаилов 2005, с. 90.

⁸⁷¹ См.: ПСРЛ 2000в, с. 56.

⁸⁷² См.: Худяков 1996, с. 601; Исхаков 1997, с. 36.

⁸⁷³ ПСРЛ 2001, с. 277; Карамзин 1819б, с. 156; см. также: Кунцевич 1905, с. 527. Это обстоятельство свидетельствует о том, что Гаухаршад и ее сподвижники и в самом деле (как полагал А. Н. Курат) могли участвовать в свержении Шах-Али-хана в 1521 г.

- ⁸⁷⁴ См.: Вельяминов-Зернов 1863, с. 269; Худяков 1996, с. 601.
- ⁸⁷⁵ См.: Алишев 1995, с. 69.
- ⁸⁷⁶ Карамзин 18196, с. 156; см. также: ПСРЛ 2001, с. 277; Daulet 1984, р. 218.
- ⁸⁷⁷ См.: Вельяминов-Зернов 1863, с. 274.
- ⁸⁷⁸ Цит. по: Алишев 1995, с. 73. «В головах» в соответствии с протоколом того времени означало «во главе», т. е. князь Булат Ширин являлся улуг-беком (бекляри-беком) Казанского ханства [Исхаков, Измайлов 2005, с. 90]. Исследователи считают его «главой правительства» в период регентства Гаухаршад.
- ⁸⁷⁹ Худяков 1996, с. 602; Рахимзянов 2009, с. 150.
- ⁸⁸⁰ Вельяминов-Зернов 1863, с. 279–281; Алишев 1995, с. 70.
- ⁸⁸¹ См.: Беляков 2011, с. 92.
- ⁸⁸² Худяков 1996, с. 602; Рахимзянов 2009, с. 151.
- ⁸⁸³ См.: Рахимзянов 2009, с. 152.
- ⁸⁸⁴ См.: Худяков 1996, с. 603, 606. См. также: Daulet 1984, р. 220.
- ⁸⁸⁵ ПСРЛ 2000в, с. 100; см. также: Алишев 1995, с. 73.
- ⁸⁸⁶ См.: Кунцевич 1905, с. 298. Согласно «Казанской истории» — публицистическому произведению, появившемуся в 1560-е гг., Джан-Али был убит казанцами в собственной спальне [см.: Моисеева 1956, с. 175].
- ⁸⁸⁷ ПСРЛ 2000в, с. 425; Худяков 1996, с. 606; Рахимзянов 2009, с. 155.
- ⁸⁸⁸ См. подробнее: Гайворонский 2007, с. 202–205.
- ⁸⁸⁹ ПСРЛ 2000в, с. 99, 142, 440; Соловьев 1989, с. 434.
- ⁸⁹⁰ ПСРЛ 2000в, с. 446; см. также: Худяков 1996, с. 606.
- ⁸⁹¹ Алишев 1995, с. 80; Худяков 1996, с. 606.
- ⁸⁹² Исхаков, Измайлов 2005, с. 94.
- ⁸⁹³ ПСРЛ 1903, стб. 326–327.
- ⁸⁹⁴ См.: Исхаков, Измайлов 2005, с. 95, прим. 1.
- ⁸⁹⁵ См.: Моисеева 1956, с. 177, прим. 4; Юсупов 1867, с. 40.
- ⁸⁹⁶ Трепавлов 2001, с. 217.
- ⁸⁹⁷ См.: Моисеева 1956, с. 174–175.
- ⁸⁹⁸ См.: Моисеева 1956, с. 174; Учок 1982, с. 138.
- ⁸⁹⁹ См.: Худяков 1996, с. 602; Трепавлов 2001, с. 218. См. также: Беляков 2011, с. 93.
- ⁹⁰⁰ См.: Моисеева 1956, с. 175.
- ⁹⁰¹ Юсупов 1867, с. 31–32. Турецкая исследовательница Б. Учок излагает полуфантастическую версию этих событий: якобы в 1533 г. хан Джан-Али выехал и отправился в Москву, а Суюн-бике, будучи противницей подчинения русским, немедленно пригласила в Казань Сафа-Гирея и вышла за него замуж [Учок 1982,

с. 138–139]. Г. Н. Моисеева полагает, что брак между Сафа-Гиреем и Суюн-бике был заключен только в 1546 г., когда в обмен на помощь ногайского князя Юсуфа казанский хан обязался сделать его дочь своей старшей женой [Моисеева 1956, с. 176; см. также: Беляков 2011, с. 93].

⁹⁰² См.: Кунцевич 1905, с. 331–332; Очерки 2008, с. 121–122.

⁹⁰³ Трепавлов 2001, с. 182; ср.: Моисеева 1956, с. 175–176; Кыдырниязов 1997, с. 51.

⁹⁰⁴ См.: Моисеева 1956, с. 175; Худяков 1996, с. 607.

⁹⁰⁵ См.: Моисеева 1956, с. 176–177.

⁹⁰⁶ Юсупов 1867, с. 34; Трепавлов 2004, с. 183.

⁹⁰⁷ Юсупов 1867, с. 34; Моисеева 1956, с. 177; Худяков 1996, с. 613–614.

⁹⁰⁸ См.: Моисеева 1956, с. 177; Трепавлов 2001, с. 250. Одна из жен, русская пленница, умерла в Ногайской Орде, когда Сафа-Гирей отправился отвоевывать Казань в 1546 г. [Моисеева 1956, с. 177].

⁹⁰⁹ Гайворонский 2007, с. 214–216. Два года спустя, во время государственного переворота в Крымском ханстве, 15-летний Булюк-Гирей в отместку за заточение лично зарубил свергнутого и пытавшегося бежать Сахиб-Гирея, нанеся ему шестнадцать ударов саблей [Гайворонский 2007, с. 222].

⁹¹⁰ В русских исторических сочинениях также фигурирует как «Мошкирей» [Кунцевич 1905, с. 75].

⁹¹¹ Моисеева 1965, с. 177–178; Худяков 1996, с. 616.

⁹¹² См.: Моисеева 1956, с. 179; Учок 1982, с. 139.

⁹¹³ См.: Кунцевич 1905, с. 365–366; Моисеева 1956, с. 179, 185.

⁹¹⁴ См.: Daulet 1984, p. 238.

⁹¹⁵ См.: Худяков 1996, с. 616–617; Беляков, Моисеев 2004; Исхаков, Измайлов 2005, с. 94–95; Беляков 2011, с. 94.

⁹¹⁶ Daulet 1984, p. 238.

⁹¹⁷ Трепавлов 2001, с. 236; 2004, с. 183–184; Daulet 1984, p. 241.

⁹¹⁸ По некоторым сведениям, именно во время этого обстрела погиб сын Сафа-Гирея от русской пленницы [Моисеева 1956, с. 178; Худяков 1996, с. 618].

⁹¹⁹ Худяков 1996, с. 618.

⁹²⁰ См.: Худяков 1996, с. 659, 661.

⁹²¹ См.: Исхаков, Измайлов 2005, с. 95.

⁹²² См.: Моисеева 1956, с. 180; Садеков, Минуллин, Двоеносова 1998, с. 20.

⁹²³ Daulet 1984, p. 248.

⁹²⁴ См.: Кунцевич 1905, с. 364.

⁹²⁵ См.: Моисеева 1956, с. 180. А. В. Беляков проводит интересную параллель между историей о попытке Суюн-бике отравить

своего жениха Шах-Али-хана и древнерусским преданием о попытке полоцкой княжны Рогнеды зарезать своего мужа Владимира Красно Солнышко (Владимир Святой, киевский князь 980 — 1015) на брачном ложе [Беляков 2011, с. 94–95].

⁹²⁶ См.: Daulet 1984, p. 249.

⁹²⁷ Юсупов 1867, с. 35; Моисеева 1956, с. 181; Худяков 1996, с. 631; Daulet 1984, p. 251–256. В преданиях и московских художественно-публицистических сочинениях о Казанском ханстве сохранился так называемый «плач» Суюн-бике: она трогательно прощалась со своим покойным супругом у его гробницы, оплакивала свою участь, враждебно отзывалась о «московских супостатах». По мнению исследователей, этот «плач» является типичным жанром для русской средневековой словесности, в частности, в нем обнаруживается немало сходств с плачем Евдокии — супруги Дмитрия Донского в «Слове о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского» [см., напр.: Кунцевич 1905, с. 379–381]. Однако вполне вероятно, что этот «плач» не является исключительно вымыслом русских книжников: такой жанр был характерен и для тюрко-монгольских сочинений — в частности, известны плач Тогон-Тэмюра (последнего императора монгольской династии Юань, изгнанного из Китая в 1368 г.) и уже упоминавшаяся нами молитва Мандухай-хатун.

⁹²⁸ Юсупов 1867, с. 37; Садеков, Минуллин, Двоеносова 1998, с. 25–26; Трепавлов 2001, с. 250.

⁹²⁹ Юсупов 1867, с. 37–38; Кунцевич 1905, с. 70; Трепавлов 2001, с. 250.

⁹³⁰ См.: Моисеева 1956, с. 183.

⁹³¹ См.: Беляков 2011, с. 97.

⁹³² См.: Юсупов 1867, с. 41–42; Моисеева 1956, с. 184. А. В. Беляков высказывает предположение, что, если бы не ранняя смерть, Александр Сафагиреевич мог бы занять весьма высокое место в московской придворной иерархии [Беляков 2011, с. 59].

⁹³³ См.: Кунцевич 1905, с. 499–500. А. В. Беляков критически оценивает достоверность этих сообщений, полагая, что «царица должна была быть окружена почетом и достойным материальным содержанием» [Беляков 2011, с. 97].

⁹³⁴ См.: Юсупов 1867, с. 39, 42; Моисеева 1956, с. 184–185; Трепавлов 2001, с. 260.

⁹³⁵ Юсупов 1867, с. 36–37; Трепавлов 2001, с. 611.

⁹³⁶ См.: Очерки 2008, с. 130.

⁹³⁷ См.: Юсупов 1867, с. 41; Шарипов 2008, с. 31–32. Ф. Ситдикова, ссылаясь на вновь обнаруженные документы, утверждает, что башня Суюн-бике была возведена еще в 1500 г. [Ситдикова 2004, с. 118].

⁹³⁸ Юсупов 1867, с. 39–40; ср.: Беляков, Моисеев 2004.

⁹³⁹ Беляков 2011, с. 155.

⁹⁴⁰ В. В. Трепавлов не без оснований полагает, что ханом был провозглашен царевич-Чингизид, именуемый русскими авторами «Ах-полбей» (его происхождение не выяснено), а Али-Акрам стал при нем улуг-беком (бекляри-беком) [Трепавлов 2001, с. 258–259; 2004, с. 191].

⁹⁴¹ См.: Беляков 2010, с. 238.

⁹⁴² Нестеров 2002, с. 211.

⁹⁴³ См.: Беляков 2006, с. 10; Нестеров 2002, с. 211.

⁹⁴⁴ Касимовские ханы в русских документах XV–XVII вв. именуются «царями» и «царевичами». По наблюдениям исследователей, «царями» назывались те, кто уже занимал где-то ханский трон помимо Касимова, те же, кто управлял исключительно Мещерским юртом, носили титул «царевичей».

⁹⁴⁵ Династический кризис в Касимовском ханстве на рубеже XVI–XVII вв. привел к тому, что на его трон в 1600 г. был возведен вообще «случайный» Чингизид — казахский царевич Ураз-Мухаммад, который, хотя и относился к роду Туга-Тимуридов, но имел весьма отдаленное родство с прежними касимовскими династиями. Во время Смуты он стал на сторону Лжедмитрия II, который все же не доверял ему и приказал в 1610 г. убить [см. подробнее: Султанов 2006, с. 326–332].

⁹⁴⁶ Беляков 2006, с. 12, 21.

⁹⁴⁷ См.: Исхаков 1997, с. 21; Рахимзянов 2009, с. 71.

⁹⁴⁸ См., напр.: Исхаков 1997, с. 19.

⁹⁴⁹ Беляков 2006, с. 9, 21; 2011, с. 299.

⁹⁵⁰ См.: Вельяминов-Зернов 1866, с. 461; Исхаков 1997, с. 15–16; Учок 1982, с. 113–114.

⁹⁵¹ Исхаков 1997, с. 15–16. А. В. Беляков исключает и Сейид-Бурхана, и Фатиму-Султан из числа реальных правителей Касимовского ханства «по формальным признакам», поскольку «доходы с города передавать им не планировалось» [Беляков 2011, с. 274, ср.: с. 398].

⁹⁵² Олеарий 2003, с. 304; см. также: Вельяминов-Зернов 1866, с. 184–200. Немецкий дипломат называет малолетнего касимовского правителя «Рес-Кичи».

⁹⁵³ См.: Беляков 2006, с. 21; 2011, с. 101.

⁹⁵⁴ См. Беляков 2011, с. 102.

⁹⁵⁵ См.: Вельяминов-Зернов 1866, с. 157.

⁹⁵⁶ Вельяминов-Зернов 1866, с. 206–207; Нестеров 2002, с. 212. А. В. Беляков считает, что крещение Сейид-Бурхана «однозначно следует принять насильственным» [Беляков 2011, с. 87].

⁹⁵⁷ В историографии высказывались предположения, что Сейид-Бурхан — Василий в 1679 г. не умер, а отрекся от трона и ушел в монастырь под именем инока Василия. Однако А. В. Беляков вполне

резонно полагает, что авторы подобных «сенсаций» путают хана и одного из его сыновей [Беляков 2011, с. 163].

⁹⁵⁸ Вельяминов-Зернов 1866, с. 462; Шишкин 1891, с. 118–119.

⁹⁵⁹ Учок 1982, с. 114.

⁹⁶⁰ См.: Вельяминов-Зернов 1866, с. 271–274; Асаг 2008, р. 180.

⁹⁶¹ После смерти Фатимы-Султан Касимов был передан из приказа Казанского дворца уже в приказ Большого дворца, ведавшего царской казной, т. е. отошел в собственность непосредственного семейства московских царей [Беляков 2011, с. 398].

⁹⁶² Вельяминов-Зернов 1866, с. 461; 1887, с. 177; см. также: Беляков 2006, с. 13.

⁹⁶³ См.: Беляков 2006, с. 16; 2011, с. 278, 301.

⁹⁶⁴ Вельяминов-Зернов 1887, с. 1–2. Годом позже, в 1689 г., цари приняли решение вновь выделять средства на монастырь, как это было при прежних касимовских ханах.

⁹⁶⁵ См.: Вельяминов-Зернов 1866, с. 489–491; Шишкин 1891, с. 122–124.

⁹⁶⁶ Лохвицкий 1857, с. 53; Вельяминов-Зернов 1866, с. 484–485.

⁹⁶⁷ См.: Акты 1857, стб. 319–331; Лохвицкий 1857, с. 49–55; Вельяминов-Зернов 1866, с. 462–485; Шишкин 1891, с. 119–122. Этот затянувшийся спор дошел до царского суда и был разрешен только в 1695 г., когда цари Петр и Иван Алексеевичи повелели числить родственников А. Никитина (умершего в том же 1681 г.) все же по-дьячими, а не посадскими.

⁹⁶⁸ Вельяминов-Зернов 1866, с. 491–492; Учок 1982, с. 114.

⁹⁶⁹ См. Беляков 2011, с. 88.

⁹⁷⁰ Вельяминов-Зернов 1866, с. 497; Исаков 1997, с. 21.

⁹⁷¹ Вельяминов-Зернов 1866, с. 493.

⁹⁷² Цит. по: Вельяминов-Зернов 1887, с. 3–4; см. также: Исаков 1997, с. 19.

⁹⁷³ См.: Шишкин 1891, с. 118.

⁹⁷⁴ См.: Вельяминов-Зернов 1887, с. 177; ср.: Нестеров 2002, с. 213.

⁹⁷⁵ Бакунин 1995, с. 33; Нефедьев 1834, с. 41–42; Дороги 2007, с. 69.

⁹⁷⁶ См.: Лиджиев 2009.

⁹⁷⁷ См.: Илишкин 2006.

⁹⁷⁸ Бакунин 1995, с. 41. Впрочем, в биологическом смысле ничего особенно противоестественного в таком браке не было: во-первых, Дармабала была ойраткой и не являлась кровной родственницей (биологической бабкой) Дондук-Омбо; во-вторых, она вышла замуж за Аюку, когда ему было уже 55 лет и, по-видимому, была всего лишь на десяток лет постарше его внука.

⁹⁷⁹ Нефедьев 1834, с. 45, 48; Колесник 2003, с. 122; Лиджиев 2009. Любопытно, что, потерпев неудачу в проекте брака с Дармабалай, Дондук-Омбо попытался улучшить свое материальное положение с помощью еще одного брака: он стал претендовать на руку царевны Даши-Бирунь, которая, побывав замужем за тремя сыновьями Аюки, стала обладательницей немалых богатств. Неудивительно, что на руку «богатой невесты» претендовали, помимо Дондук-Омбо, многие члены рода Аюки — еще один его сын, а также трое сыновей Чакдоржава, старшего сына Аюки-хана. Однако царевна отказалась от всех предложений: в разговоре с астраханским губернатором А. Волинским она сказала, что ее три брака были несчастливы, и она не собирается повторять ошибку в четвертый раз [Лиджиев 2009].

⁹⁸⁰ См.: Бакунин 1995, с. 94–95; Описание 1939; Россия 2006, с. 340.

⁹⁸¹ Колесник 2003, с. 125–126.

⁹⁸² Колесник 2003, с. 127–128; Россия 2006, с. 340–341.

⁹⁸³ Бакунин 1995, с. 151; Колесник 2003, с. 128; Россия 2006, 340–341.

⁹⁸⁴ Россия 2006, с. 341.

⁹⁸⁵ Нефедьев 1834, с. 61; Колесник 2003, с. 181.

⁹⁸⁶ Нефедьев 1834, с. 62; Колесник 2003, с. 192.

⁹⁸⁷ Нефедьев 1834, с. 62.

⁹⁸⁸ Колесник 2003, с. 141.

⁹⁸⁹ Россия 2006, с. 341; Дороги 2007, с. 69.

⁹⁹⁰ Нефедьев 1834, с. 63; Колесник 2003, с. 182; Дороги 2007,

с. 70.

⁹⁹¹ Дороги 2007, с. 70; Торопицын 2010, с. 53.

⁹⁹² Нефедьев 1834, с. 63–64; Торопицын 2010, с. 54.

⁹⁹³ Торопицын 2010, с. 54.

⁹⁹⁴ Дороги 2007, с. 71; Торопицын 2010, с. 54–55.

⁹⁹⁵ Торопицын 2010, с. 55–56.

⁹⁹⁶ Нефедьев 1834, с. 56, 64; Дороги 2007, с. 72; Ипполитова.

⁹⁹⁷ См.: Россия 2006, с. 339–340.

⁹⁹⁸ Колесник 2003, с. 158. Несколько позже в России даже ввели запрет на крещение инородцев, которые не расплатились по долгам со своими кредиторами.

⁹⁹⁹ См.: Илишкин 2006.

¹⁰⁰⁰ В литературе присутствует разнобой относительно имен, полученных сыновьями Джан при крещении: по мнению одних, Алексей Дондуков — это Рандул, старший сын ханши, претендент на трон Калмыцкого ханства [Дороги 2007, с. 73; Ипполитова], другие считают, что он был крещен под именем Петра, а Алексеем был назван его брат Додби [Нефедьев 1834, с. 56; Колесник 2003, с. 252].

- ¹⁰⁰¹ Колесник 2003, с. 183; Дороги 2007, с. 72; Ипполитова.
- ¹⁰⁰² Колесник 2003, с. 183.
- ¹⁰⁰³ Колесник 2003, с. 183; Россия 2006, с. 341; Ипполитова.
- ¹⁰⁰⁴ Колесник 2003, с. 183; Ипполитова.
- ¹⁰⁰⁵ Пушкин 1984, с. 80.
- ¹⁰⁰⁶ Алексей Дондуков подавал на имя Екатерины II прошение о браке с представительницей правящего рода калмыков-дербетов, но ему было отказано [Гиляшаева 2007, с. 66]
- ¹⁰⁰⁷ Дороги 2007, с. 72; Ипполитова.
- ¹⁰⁰⁸ Гиляшаева 2007, с. 66.
- ¹⁰⁰⁹ Российское правительство и самого Аблая признавало ханом только Среднего Жуза.
- ¹⁰¹⁰ См.: Ерофеева 2003, с. 129.
- ¹⁰¹¹ Биографические материалы 1985, с. 25.
- ¹⁰¹² Ерофеева 2001, с. 129.
- ¹⁰¹³ Киргизами в дореволюционной России называли казахов.
- ¹⁰¹⁴ Ерофеева 2001, с. 137.
- ¹⁰¹⁵ Стрелкова 1983, с. 14–15; Ерофеева 2001, с. 137. Город Березов известен тем, что там содержался и умер знаменитый российский временщик А. Д. Меншиков, после того как был отстранен от власти императором Петром II.
- ¹⁰¹⁶ См.: Зиманов, Атишев 1965, с. 59.
- ¹⁰¹⁷ См.: Стрелкова 1983, с. 15]. В 1830-е — 1860-е гг. в Казахстане предпринимались периодические попытки провозгласить ханом того или иного Чингизида (а во время восстания 1868–1869 гг. ханами провозглашались даже и не потомки Чингис-хана), однако российские власти не признавали их, воспринимая как узурпаторов и мятежников.
- ¹⁰¹⁸ Стрелкова 1983, с. 16.
- ¹⁰¹⁹ См.: Маковецкий 1886, с. 1; Крафт 1898, с. 70. Интересно отметить, что в самой России в рассматриваемый период женщины совершенно не пользовались политическими правами, а в экономических правах были сильно ограничены по сравнению с мужчинами.
- ¹⁰²⁰ Биографические материалы 1985, с. 22–24.
- ¹⁰²¹ Цит. по: Зиманов, Атишев 1965, с. 59.
- ¹⁰²² Цит. по: Джампеисова 2006, с. 131.
- ¹⁰²³ В 1836 г. представитель «черной кости» был избран даже ага-султаном Баян-аульского округа, а к 1860 г. (т. е. уже после смерти Айганым) среди волостных правителей было всего 11 султанов-Чингизидов и целых 62 султана нечингизидского происхождения [Казактын 2005, с. 433].
- ¹⁰²⁴ Биографические материалы 1985, с. 23–24.
- ¹⁰²⁵ См.: Биографические материалы 1985, с. 28; Зиманов, Атишев 1965, с. 57; Стрелкова 1983, с. 18–19.

¹⁰²⁶ Стоит отметить, что Чингис Валиханов не проявил себя как эффективный правитель: в его правление в Аман-Карагайском округе неоднократно происходили волнения, за что ему следовали выговоры из управления Западной Сибирью [см.: Биографические материалы 1985, с. 28–29].

¹⁰²⁷ Биографические материалы 1985, с. 41–43; Зиманов, Атишев 1965, с. 57.

¹⁰²⁸ В 1862 г. Ч. Валиханов и в самом деле был избран большинством голосов на должность ага-султана Атбасарского округа, однако генерал-губернатор не утвердил его в должности, которая была передана его сопернику (кстати, из «черной кости»), хотя тот и набрал всего 14 голосов против 25, отданных за внука Айганым.

¹⁰²⁹ Биографические материалы 1985, с. 13–16; Зиманов, Атишев 1965, с. 58–59; Стрелкова 1983, с. 15–16; см. также: Мартин 2012, с. 159.

¹⁰³⁰ В соответствии с «Уставом о сибирских киргизах» выплачивалась даже особая награда казахам, занимающимся земледелием [Казактын 2005, с. 376].

¹⁰³¹ Биографические материалы 1985, с. 26–27; Стрелкова 1983, с. 16.

¹⁰³² См.: Маргулан 1984, с. 11.

¹⁰³³ В документах омской губернской канцелярии Торежан фигурирует как пасынок Айганым [Биографические материалы 1985, с. 22, 26]. Однако И. В. Ерофеева включает его в число ее родных сыновей [Ерофеева 2001, с. 129], да и сама ханша в официальной переписке называла его своим сыном [Биографические материалы 1985, с. 20].

¹⁰³⁴ Биографические материалы 1985, с. 16–20, 26.

¹⁰³⁵ Это было довольно странно, учитывая, что в дальнейшем султан Чингис Валиханов проявлял большой интерес к собиранию казахского народного творчества. В 1840 г. ему даже поступила просьба от пограничного начальника полковника Ладыженского оказать содействие в подготовке собрания «песен, сказок, преданий и пословиц киргизского народа, столь богатого этими произведениями» [Биографические материалы 1985, с. 30; Стрелкова 1983, с. 29]. Нет сомнения, что интерес к казахскому фольклору ему привила мать, а он сам, в свою очередь, приохотил к этому занятию и своего сына Чокана.

¹⁰³⁶ Биографические материалы 1985, с. 24–25; Маргулан 1984, с. 11; Стрелкова 1983, с. 16–17, 21.

¹⁰³⁷ Маргулан 1984, с. 16–17. Всего у Чингиса Валиханова в браке с Зейнеп Чормановой было семь сыновей и пять дочерей [Биографические материалы 1985, с. 43; Маргулан 1984, с. 13].

¹⁰³⁸ См.: Маргулан 1984, с. 19.

- 1039 Валиханов 1984б, с. 283.
1040 Биографические материалы 1985, с. 25.
1041 Стрелкова 1983, с. 25–26.
1042 Есенберлин 1978, с. 649.
1043 Семенов-Тянь-Шанский 1948, с. 54.
1044 Маргулан 1984, с. 11.
1045 Мартин 2012, с. 159–161.
1046 Если принять версии об отравлении Туракины по приказу ее сына Гуюка и о том, что казанская царевна Гаухаршад была устранена ханом Сафа-Гиреем.
1047 Худяков 1996, с. 669.
1048 Считаю нужным отметить, что к «чингизидской» государственности мы относим также и политический строй тех государств, в которых даже не правили прямые представители рода Чингис-хана — например, государство Тимуридов, Калмыцкое и Кокандское ханства, поскольку они переняли большинство государственных и правовых институтов от Монгольской империи и постимперских государств.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Женский лик власти 7

Часть первая

Монгольская империя, династия Юань в Китае,
монгольское ханство (конец XII — начало XVI вв.) 13

Очерк первый

Борте — родоначальница Чингизидов
(1154/1161 — после 1235, Монгольская империя) 14

Очерк второй

Туракина — невестка Чингис-хана
(ум. 1246, регентша Монгольской империи 1241–1246) 31

Очерк третий

Огул-Гаймиш — правительница против своей воли
(ум. 1252, регентша Монгольской империи 1248–1251) 47

Очерк четвертый

Сорхактани — мать четырех ханов
(ок. 1190–1252, Монгольская империя) 58

Очерк пятый

Чаби — первая императрица династии Юань
(ум. 1281, Империя Юань) 69

Очерк шестой

Мандухай — восстановительница Монгольского ханства
(1448–1509, регентша Монгольского ханства 1470–1479) 81

Часть вторая

Иран и Средняя Азия (XIII–XVI вв.) 93

Очерк седьмой

Эргэнэ — правительница, сохранившая Чагатайский улус
(ум. ок. 1266, регентша Чагатайского Улуса 1251–1260) 94

Очерк восьмой

Хутулун — царевна-воительница
(ок. 1260–1306, Государство Хайду) 104

Очерк девятый

Сатибек — женщина на троне ильханов
(1307 — после 1344, ильхан Ирана 1338–1339) 112

Очерк десятый

Гаухаршад — невестка Тамерлана
(1379–1457, государство Тимуридов) 122

Очерк одиннадцатый

Ханзаде — сестра Бабура и супруга его злейшего врага
(1478–1545, Бухарское ханство) 136

Очерк двенадцатый

Михр-Султан — казахская царица,
ставшая узбекской ханшей
(ум. между 1529 и 1553, Бухарское ханство) 148

Очерк тринадцатый

Махлайр-айим — поэтесса на ханском троне
(1792–1842, Кокандское ханство) 159

Часть третья

Золотая Орда (XIII–XV вв.) 167

Очерк четырнадцатый

Боракчин — супруга Батые
(ум. ок. 1258, регентша Золотой Орды 1256–1257) 168

Очерк пятнадцатый

Джиджек — первая ханша Золотой Орды
(ум. 1294, Золотая Орда) 173

Очерк шестнадцатый

Яйлак — супруга Ногай (ум. 1300, Золотая Орда) 180

Очерк семнадцатый

Тайдула — жена, мать и бабка ханов
(ум. 1360, Золотая Орда) 186

Очерк восемнадцатый

Тулунбек — женщина-хан на троне Золотой Орды
(ум. 1386, ханша Золотой Орды ок. 1371–1372) 203

Очерк девятнадцатый

Джаныке — ханская дочь, ставшая легендой
(ум. 1437, Золотая Орда) 210

Часть четвертая

Постордынские государства (XV–XVII вв.) 217

Очерк двадцатый

Нур-Султан — ханша Казани и Крыма
(ум. ок. 1523, Казанское и Крымское ханства) 218

Очерк двадцать первый

Гаухаршад — последняя из рода Улуг-Мухаммада
(ум. ок. 1545, регентша Казанского ханства 1531–1533).... 230

Очерк двадцать второй

Суюн-бике — супруга трех казанских ханов
(ум. ок. 1557, регентша Казанского ханства 1549–1551).... 238

Очерк двадцать третий

Фатима-Султан — последняя ханша Касимова
(ум. 1681, регентша Касимовского
ханства 1627 — ок. 1640, ханша Касимовского
ханства 1679–1681) 247

Очерк двадцать четвертый

Джан — калмыцкая ханша, ставшая российской
княгиней (ум. 1777, Калмыцкое ханство)..... 254

Очерк двадцать пятый

Айганым — последняя казахская ханша
(1783–1853, Казахстан) 265

Послесловие

Женщины у власти в «мужском» мире..... 276

Генеалогические таблицы 281

Глоссарий 286

Источники и литература..... 292

Примечания 318

Содержание..... 381

1017.00
982 582
Р. В. Гусев, И. И. Дроздов, И. И. Дроздов, И. И. Дроздов
Почекаев Роман Юлианович
Почекаева Ирина Николаевна

**ВЛАСТИТЕЛЬНИЦЫ ЕВРАЗИИ
ИСТОРИЯ И МИФЫ О ПРАВИТЕЛЬНИЦАХ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ГОСУДАРСТВ XIII–XIX вв.**

Научное издание

Директор издательства: Чубарь В. В.

Главный редактор: Трофимов В. Ю.

Верстка: Калядин А. Е.

Корректурa: Галаганова Л. А.

Подписано в печать 01.10.2012. Формат 60 × 90 1/16.

Усл. печ. л. 23. Гарнитура «Antiqua». Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 161.

ООО «Издательство «ЕВРАЗИЯ»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр-кт, д. 86, пом. 106,
тел. (812) 320-57-74, <http://www.eurasiabooks.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов

в типографии ООО «ИПК „Бионт“»

199026, Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., д. 86
тел. (812) 322-68-43

Эпоха Чингизидов в истории Евразии (XIII–XIX вв.) была временем сильных мужчин – властных правителей, опытных полководцев и жестких политиков. Однако не так уж редко на первые роли в чингизидских (и постчингизидских) государствах выходили женщины – ханские жены и дочери, нередко не только не уступавшие мужчинам по дарованиям и даже жестокости, но и превосходившие их. Авторы книги стараются найти ответы на вопросы, почему был возможен приход женщин к власти в том или ином чингизидском государстве, как они правили, каковы были последствия их пребывания на троне и пр.

Почему неспособная к управлению Туракина в течение пяти лет умудрялась удерживать в своих руках контроль над всей Монгольской империей? Как темнику Мамаю удалось посадить свою жену на трон Золотой Орды? Помогло ли ханше Джан крещение сохранить власть в Калмыцком ханстве? Как узбекская поэтесса Надира совмещала свое творчество с управлением Кокандским ханством? Ответы на эти и многие другие вопросы содержатся в книге.

О многих властительницах Евразии сохранились не только исторические факты, но и многочисленные мифы. Авторы на основе анализа многочисленных источников и исследовательских работ пытаются отделить правду от вымысла и воссоздать политические биографии двадцати пяти наиболее значительных правительниц тюрко-монгольских государств.